

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ФІЛАЛОГІЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOLOGY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка»)

Выходит три раза в год

1

2017

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **ЗАПРУДСКИЙ С. Н.** – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры истории белорусского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com

**Заместители
главного редактора** **ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ С. Я.** – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
АРСЕНТЬЕВА М. Ф. – кандидат педагогических наук, доцент; заведующий кафедрой германских языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: arsentsyeva@mail.ru
ПРИГОДИЧ Н. Г. – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой истории белорусского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by

**Ответственный
секретарь** **ЛЕНКЕВИЧ Е. В.** – кандидат филологических наук; старший преподаватель кафедры истории белорусского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: alena.liankevich@gmail.com

- Аллинёль К.* Гренобльский университет 3 им. Стендаля, Гренобль, Франция.
Воевода Е. В. Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия.
Володина Т. В. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Волочко А. М. Национальный институт образования, Минск, Беларусь.
Волюнец Т. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Гладкова Г. Карлов университет, Прага, Чехия.
Даниленко А. Университет Пейс, Нью-Йорк, США.
Дубинко С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Золтан А. Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия.
Ивашкевич И. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Карпилович Т. П. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Коваль В. И. Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Колер Г.-Б. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Кречмер А. Венский университет, Вена, Австрия.
Лукашанец А. А. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Мечковская Н. Б. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Поплавская Т. В. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Ровдо И. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Саевич М. Государственный университет им. Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша.
Стариченок В. Д. Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Беларусь.
Тараненко А. А. Институт языковедения им. А. А. Потебни Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Халипов В. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Хаустович Н. В. Варшавский университет, Варшава, Польша.
Хентшель Г. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Цзян Цюнь Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.
Шамякина Т. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар ЗАПРУДСКІ С. М. – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі беларускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com

Намеснікі галоўнага рэдактара ГАНЧАРОВА-ГРАБОЎСКАЯ С. Я. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры рускай літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
АРСЕНЦЬЕВА М. Ф. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт; загадчык кафедры германскіх моў факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: arsentsyeva@mail.ru
ПРЫГОДЗІЧ М. Р. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры гісторыі беларускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by

Адказны сакратар ЛЯНКЕВІЧ А. У. – кандыдат філалагічных навук; старшы выкладчык кафедры гісторыі беларускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: alena.liankevich@gmail.com

- Алінэль К.* Грэнобльскі ўніверсітэт 3 імя Стэндаля, Грэнобль, Францыя.
Ваявода А. У. Маскоўскі дзяржаўны інстытут міжнародных адносін, Масква, Расія.
Валодзіна Т. В. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Валочка Г. М. Нацыянальны інстытут адукацыі, Мінск, Беларусь.
Валынец Т. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Гладкава Г. Карлаў універсітэт, Прага, Чэхія.
Даніленка А. Універсітэт Пэйс, Нью-Ёрк, ЗША.
Дубінка С. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Золтан А. Будапешцкі ўніверсітэт імя Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрыя.
Івашкевіч І. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Карпіловіч Т. П. Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Коваль У. І. Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Колер Г.-Б. Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Крэчмер А. Венскі ўніверсітэт, Вена, Аўстрыя.
Лукашанец А. А. Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Мячкоўская Н. Б. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Паплаўская Т. В. Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Роўда І. С. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Саевіч М. Дзяржаўны ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай, Люблін, Польшча.
Старычонак В. Д. Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск, Беларусь.
Тараненка А. А. Інстытут мовазнаўства імя А. А. Патабні Нацыянальнай акадэміі навук Украіны, Кіеў, Украіна.
Халінаў В. В. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Хаўстовіч М. В. Варшаўскі ўніверсітэт, Варшава, Польшча.
Генцэль Г. Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Цзян Цюнь Далянскі політэхнічны ўніверсітэт, Далян, Кітай.
Шамякіна Т. І. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

ZAPRUDSKI S. M., PhD (philology), docent; associate professor at the department of history of the Belarusian language of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: zaprudski@gmail.com

Deputy editor-in-chief

GONCHAROVA-GRABOVSKAYA S. Y., doctor of science (philology), full professor; head of the department of Russian literature of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: goncharova_s@tut.by

ARSENTIEVA M. F., PhD (pedagogics), docent; head of the department of German languages of the faculty of international relations of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: arsentsyeva@mail.ru

PRYHODZICH M. R., doctor of science (philology), full professor; head of the department of history of the Belarusian language of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: mik197@tut.by

Executive secretary

LIANKIEVICH A. U., PhD (philology); senior lecturer at the department of history of the Belarusian language of the faculty of philology of the Belarusian State University (Minsk, Belarus).

E-mail: alena.liankevich@gmail.com

<i>Allignol C.</i>	Stendhal University, Grenoble 3, Grenoble, France.
<i>Voevoda E. V.</i>	Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.
<i>Valodzina T. V.</i>	Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Valochka H. M.</i>	National Institute of Education, Minsk, Belarus.
<i>Volynets T. M.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Gladkova H.</i>	Charles University, Prague, Czech.
<i>Danylenko A.</i>	Pace University, New York, USA.
<i>Dubinko S. A.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Zoltan A.</i>	Eötvös Loránd University of Budapest, Budapest, Hungary.
<i>Ivashkevich I. N.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Karpilovich T. P.</i>	Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
<i>Koval V. I.</i>	Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
<i>Kohler G.-B.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Kretschmer A.</i>	University of Vienna, Vienna, Austria.
<i>Lukashanets A. A.</i>	Center for Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Mechkovskaya N. B.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Poplavskaya T. V.</i>	Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
<i>Rovdo I. S.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Sajewicz M.</i>	Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland.
<i>Starichenok V. D.</i>	Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus.
<i>Taranenko A. A.</i>	A. A. Potebnya Institute of Linguistics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
<i>Khalipov V. V.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Khaustovich M. V.</i>	University of Warsaw, Warsaw, Poland.
<i>Hentschel G.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Jiang Qun</i>	Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
<i>Shamyakina T. I.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИТАРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY RESEARCH

УДК 821.161.3.09(092)

АДЛЮСТРАВАННЕ ЭТНІЧНЫХ СТЭРЭАТЫПАЎ У ТВОРЧАСЦІ ФРАНЦІШКА БАГУШЭВІЧА І ПЕРЫПЕТЫ РЭЦЭПЦЫІ ЯГО СПАДЧЫНЫ

І. М. ЗАПРУДСКІ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

Характарызуюцца асаблівасці гісторыка-культурнай сітуацыі ў Беларусі ў другой палове XIX ст., якія абумовілі этнасацыяльныя супярэчнасці, міжэтнічную палярызацию і нацыянальную кансалідацыю беларусаў, што знайшло мастацкае ўвасабленне ў сацыяльнай і нацыянальнай праблематыцы творчасці Ф. Багушэвіча. Аналізуюцца творы пісьменніка, у якіх закранаюцца праблемы сацыяльных пераўтварэнняў у іх суаднесенасці з сістэмай этнічных стэрэатыпаў, звязаных з негатыўным стаўленнем сялянства да прадстаўнікоў іншых нацыянальнасцей. Сцвярджаецца, што менавіта адлюстраванне этнічных гетэрастэрэатыпаў істотна паўплывала на працэс рэцэпцыі спадчыны Ф. Багушэвіча ў XX ст., асэнсаванне якой зазнала некалькі этапаў. Разглядаецца ідэалагічная практыка выдання твораў пісьменніка ў 1940–80-я гг., раскрываецца сутнасць канфлікту 1948 г. у літаратуразнаўчым асяроддзі, вынікі якога вызначылі вектар далейшага развіцця савецкага багушэвічнаўства, закранаюцца некаторыя аспекты ўспрымання творчасці Ф. Багушэвіча ў XXI ст.

Ключавыя словы: этнічныя гетэрастэрэатыпы; этнасацыяльныя супярэчнасці; патрыятычная праблематыка; кантэкстуальныя сінонімы; мастацкае ўвасабленне; сюжэтная калізія; сатырычная скіраванасць; рэцэпцыя творчай спадчыны; сацыяльныя матывы; народніцкая ідэалогія; вульгарызатарская крытыка; крытычны рэалізм; паэтычны міф.

Образец цитирования:

Запрудскі І. М. Адлюстраванне этнічных стэрэатыпаў у творчасці Францішка Багушэвіча і перыпетыі рэцэпцыі яго спадчыны // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 1. С. 5–16.

For citation:

Zaprudski I. M. Reflection of ethnic stereotypes in Frantisek Bahushevich's works and peripeteias of reception of his heritage. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 1. P. 5–16 (in Belarus.).

Автор:

Игорь Николаевич Запрудский – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры истории белорусской литературы филологического факультета.

Author:

Ihar Zaprudski, PhD (philology), docent; associate professor at the department of history of the Belarusian literature, faculty of philology.
zaprudski@gmail.com

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В ТВОРЧЕСТВЕ ФРАНТИШКА БОГУШЕВИЧА И ПЕРИПЕТИИ РЕЦЕПЦИИ ЕГО НАСЛЕДИЯ

И. Н. ЗАПРУДСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Характеризуются особенности историко-культурной ситуации в Беларуси во второй половине XIX в., которые обусловили этносоциальные противоречия, межэтническую поляризацию и национальную консолидацию белорусов, что нашло художественное воплощение в социальной и национальной проблематике творчества Ф. Богушевича. Анализируются те произведения писателя, в которых затрагиваются проблемы социальных преобразований в их взаимосвязи с системой этнических стереотипов, сопряженных с негативным отношением крестьянства к представителям других национальностей. Утверждается, что именно отражение этнических гетеростереотипов существенно повлияло на процесс рецепции наследия Ф. Богушевича в XX в., осмысление которого претерпело несколько этапов. Рассматривается идеологическая практика издания произведений писателя в 1940–80-х гг., раскрывается суть конфликта 1948 г. в литературоведческой среде, результаты которого определили вектор дальнейшего развития советского богушевичеведения, затрагиваются некоторые аспекты восприятия творчества Ф. Богушевича в XXI в.

Ключевые слова: этнические гетеростереотипы; этносоциальные противоречия; патриотическая проблематика; контекстуальные синонимы; художественное воплощение; сюжетная коллизия; сатирическая направленность; рецепция творческого наследия; социальные мотивы; народническая идеология; вульгаризаторская критика; критический реализм; поэтический миф.

REFLECTION OF ETHNIC STEREOTYPES IN FRANTISEK BAHUSHEVICH'S WORKS AND PERIPETEIAS OF RECEPTION OF HIS HERITAGE

I. M. ZAPRUDSKI^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article characterises the features of historical and cultural situation in Belarus in the second half of XIX century, led to ethno-social conflicts, ethnic polarization and national unity of Belarusians to have been expressed by social and national problems in the works of F. Bahushevich. It analyses the writer's works where the issues of social change in their interrelation with the system of ethnic stereotypes, associated with a negative attitude of the peasantry to other nationalities, are touched upon. It is stated that it is a reflection of the ethnic heterostereotypes that had a significant impact on the process of reception of F. Bahushevich's heritage in the XX century, understanding of which has undergone several stages. It concerns with the practice of ideological editions of the writer in 1940–80s, reveals the essence of the conflict of 1948 in the literary sphere, the results of which determined the vector of further development of the study of Bahushevich's works in the Soviet period, describes some aspects of the perception of F. Bahushevich's works in the XXI century.

Key words: ethnic heterostereotypes; ethno-social conflicts; patriotic issues; contextual synonyms; artistic presentation; narrative collision; satirical orientation; reception heritage of works; social motives; populist ideology; vulgarizing criticism; critical realism; poetic myth.

Калі разумець пад этнасам усвядомленую культурна-моўную супольнасць, то Францішак Багушэвіч (1840–1900) зрабіў, бадай, найбольш для нацыянальнага самаўсведамлення беларусаў.

У артыкуле «Ведаць тое, аб чым пішаш» В. Быкаў разважаў: «Існуе парадаксальная на першы погляд думка, быццам для таго, каб перадаць дух часу, трэба адысці ад гэтага часу на адлегласць, бо з адлегласці ўсё відаць болей выразна. І сапраўды, сучаснасць цяжка ўлавіць для тыпізацыі» [1, с. 142]. У дачыненні да творчай спадчыны Ф. Багушэвіча трэба адзначыць, што пісьменнік, па-першае, за рэдкім выключэннем амаль не імкнуўся асэнсоўваць рэчаіснасць з адлегласці, бо пісаў пра сучаснасць, і, па-другое, як ніхто іншы з беларускіх літаратараў канца XIX ст., ведаў жыццёвыя ўмовы і адчуваў

свой час, адлюстраванню спецыфікі якога і служыла яго пяро. Ён быў практыкуючым адвакатам, які ў лісце да сябра пісаў, што мае «за кліентаў палову Вільні і ваколіцаў»¹ [2, с. 203], а таксама шматгадовым карэспандэнтам пецярбургскага часопіса «Краі», на старонках якога аператыўна адгукаўся на разнастайныя факты бягучага жыцця названай тэрыторыі. Письменник знаходзіўся ў гушчы падзей, якія назіраў у сталіцы краю, ведаў характэрныя праявы этнасацыяльнага быцця народа, якія каардынавалі паводзіны і дзейнасць прадстаўнікоў розных пластоў тагачаснага грамадства Беларусі.

Аднак трэба ўяўляць адметнасць сітуацыі на Беларусі ў апошнія дзесяцігоддзі XIX ст. Яна вызначалася тым, што большасць насельніцтва, якое складалася з сялянства, увогуле не валодала выразнай нацыянальнай самасвядомасцю, бо наша тэрыторыя нават адукаванымі жыхарамі найперш успрымалася ў залежнасці ад іх палітычных сімпатый як дэпрэсіўная гісторыка-культурная правінцыя Расійскай імперыі або Польшчы ці колішняй Рэчы Паспалітай. У час паўстання 1863–1864 гг. і пасля яго паразы ў Беларусі нарасталая нацыянальная напружанасць і склаліся сацыяльна-палітычныя, эканамічныя і культурна-гістарычныя ўмовы, якія штурхалі прадстаўнікоў як прарасійскай, так і прапольскай арыентацыі да псіхалагічнага яднання і ў выніку – да этнічнай кансалідацыі. Гэта пацвярджаецца, напрыклад, тым, з якой радасцю Е. Раманаў успрыняў з’яўленне першага зборніка Ф. Багушэвіча «Дудка беларуская» (1891). У 1894 г. у рэцэнзіі, змешчанай у газеце «Гродненские губернские ведомости», ён з задавальненнем адзначаў: «Появление этого сборничка, нам кажется, свидетельствует о том, что пробудилось-таки, наконец, русское (відавочна, лагічнай было б ужыць азначэнне “белорусское”. – І. З.) самосознание у наших ополчившихся белорусов» [3, с. 91].

Не выглядае выпадковасцю і той факт, што выданне зборніка «Дудка беларуская» супадае па часе з фармулёўкай канцэптуальных вывадаў у сферы беларусазнаўства. Так, у 4-м томе выдання «Гісторыя рускай этнаграфіі» (1892), прысвечаным Беларусі і Сібіры, А. Пыпін, нягледзячы на жорсткасць цэнзуры, канстатаваў: «Освобождение крестьян в первый раз открыло для русского общества в полной мере вопрос о *белорусском народе*, с которым, однако, еще предстояло познакомиться, потому что о нем не доставало иногда даже элементарных сведений. <...> Существование местных особенностей страны и народа не подлежит сомнению...» [4, с. 250–251]. Варта пагадзіцца з наступным вывадам А. Аксёнавай: «При всей сложности обсуждения в печати положения национальных меньшинств Российской империи Пыпин поддерживал национально-культурные стремления белорусского и украинского народов и отрицательно относился к обрусительным мерам правительства» [5, с. 490]. Але тое, што засведчыў расійскі вучоны і што было зразумелым для Ф. Багушэвіча, успрымалася іх сучаснікамі як нешта маргінальнае і звязанае з адхіленнем ад агульнапрызнаных норм, характэрных для побытавай свядомасці.

Францішак Багушэвіч уяўляў няпростасць сваёй мэты, для дасягнення якой неабходна было вырашыць дзве складаныя задачы: выпрацаваць і пашырыць агульную літаратурную мову і такім чынам паўплываць на фарміраванне нацыянальнай самасвядомасці. У прадмове да зборніка «Дудка беларуская» ў форме даверлівай гутаркі ўвага звернута пераважна на тры ключавыя прыкметы, якія характарызавалі беларусаў як самастойную этнічную супольнасць, – мову, гісторыю і тэрыторыю. Пры гэтым другі і трэці кампаненты шчыльна звязаны з першым – моўным. Аўтар свядома пакінуў у прадмове па-за ўвагай іншыя важныя прыкметы, напрыклад праблему этноніма ці саманазвы, рэлігію, нарэшце, стаўленне беларусаў да прадстаўнікоў іншых народаў.

Этнонім «беларус» так і не быў выкарыстаны ў тэкстах зборнікаў Ф. Багушэвіча. Але прычына гэтага не ў нясмеласці аўтара, а ў асцярожнасці прадстаўнікоў, паводле выразу філосафа У. Красюка, «мясцовай прыпалячанай шляхты» [6, с. 184], з асяроддзя якой і паходзіў Ф. Багушэвіч. Ён ужо лічыў дарэчным называнне свайго галоўнага героя мужыком, але меркаваў, што яшчэ заўчасна адкрыта пазіцыянаваць яго ў якасці беларуса, бо гэта не было б праўдай і супярэчыла б згаданым В. Быкавым патрабаванням тыпізацыі. Спатрэбіцца час на тое, каб Янка Купала напісаў верш-дэкларацыю «Я мужык-беларус...» (1905–1907).

Затое этнаканфесійныя пытанні закраліся ў вершах Ф. Багушэвіча «Хрэсьбіны Мацюка» і «Свая зямля», а праблема этнічнай дыферэнцыяцыі на ўзроўні супрацьпастаўлення «свой – чужы» выяўлена ў творах «Немец», «Падарожныя жыды», «Жыдок», «Адказ Юрцы на “Панскае ігрышча”» і інш. У гэтых вершах адлюстраваны міжнацыянальныя ўзаемаадносіны. Нацыянальная ж кансалідацыя не можа адбывацца без працэсу этнічнай дыферэнцыяцыі. Але ў творчасці Ф. Багушэвіча, насычанай кантэкстуальнымі антонімамі «мужык – пан», «мужык – урадовец», мы не сустракаемся з проціпастаўленнем «тутэйшы – паляк» і нават, досыць рэдка, з антытэзай «тутэйшы – рускі». У вершы «Хрэсьбіны Мацюка» галоўны герой у выніку фізічнай расправы над ім, учыненай рускімі вайскоўцамі, адзіным магчымым выйсцем з сітуацыі лічыць пераход-хрышчэнне *3 тутэйшага ды*

¹Тут і далей цытаты прыводзяцца з захаваннем лексічных, арфаграфічных і граматычных асаблівасцей арыгінала. – І. З.

у палякі (вылучана намі. – І. 3.) [2, с. 56]. Пры гэтым у творчасці былога паўстанца Ф. Багушэвіча прадужылася да рускіх сустракаецца досыць рэдка, што, трэба думаць, было звязана са славянафільскімі сімпатыямі аўтара, які ў прадмове да кнігі «Дудка беларуская» называў славянскія народы «пабра-тымцы нашыя» [2, с. 33], а ў адным з лістоў прызнаваўся, што любіць чэхаў [2, с. 206]. Да катэгорыі «ружны чужы зброд» [2, с. 56] у прадмове былі аднесены яўрэі, да якіх у вершах далучаліся немцы і рускія.

Сярод этнічных стэрэатыпаў, ці ўстойлівых, эмацыянальна насычаных, абагульненых вобразаў тыповых прадстаўнікоў пэўных этнічных супольнасцей, вылучаюць аўтастэрэатыпы, якія адлюстроўваюць ключавыя рысы ўласнай этнічнай групы, і гетэрастэрэатыпы, звязаныя з асаблівасцямі знешнасці, рысамі характару, паводзінамі і іншымі прыкметамі чужынцаў. З пункту гледжання гетэрастэрэатыпаў асабліва паказальны ў плане адлюстравання міжэтнічнай адчужанасці і «антыпрышлецага» пафасу верш «Немец» з першага зборніка Ф. Багушэвіча: *Дык надта ж і стыдна, каб не памыліца: / Пакланіцца немцу ці якому жыду! / Няхай яго сточа – набярэшся стыду; / Няхай лепей з дому я той дзень не выйду. / А пазнаць жа трудна як жыда, як немца, / Як пана якога ці там чужаземца. / А што жыд да немца – дзеці адной маткі: / І мова падобна, і адны ухваткі. / І абодва ласы на чужую працу, / І, мусіць, абодва ядуць з кроўю маю! / Абодва абдураць, абдзяруць як лінку, / Абдзяруць і сошку за бітую скрыпку* [2, с. 50]. Відавочна, што ў вершы этнонімы «немец» і «жыд» выступаюць як кантэкстуальныя сінонімы, якія абазначаюць людзей, у аднолькавай ступені схільных да круцельства, падману і існавання за кошт чужой працы. Разам з тым для героя Ф. Багушэвіча найбольшым клопатам з'яўляецца не столькі маральная ацэнка дзейнасці гэтых чужаземцаў, колькі патэнцыяльная магчымасць іх неўсвядомленага ўшанавання, якое можа выліцца ў прыніжэнне ўласнага гонару.

У насычаным статыстычнымі звесткамі артыкуле З. Шыбека «Буржуазія», змешчаным у «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі», аўтар, канстатаваўшы, што «ліхварства было манапалізавана яўрэйскай буржуазіяй», а звязаныя з землеўладдальствам беларусы «былі перакананы, што гандляваць могуць толькі яўрэі, што гандаль – справа нікчэмная», а 25,6 % немцаў на нашай тэрыторыі належалі да буржуазіі, прыйшоў да наступнай высновы: «Такія паказчыкі сведчаць пра эканамічнае нераўнапраўе беларускай нацыі, яе малую канкурэнтаздольнасць не толькі ў эканамічным, але і ў культурным жыцці. <...> Уключэнне іншанацыянальных элементаў у буржуазную структуру грамадства на землях пражывання карэннай нацыі – беларусаў – шкодзіла іх сацыяльнаму развіццю, ускладняла шлях да нацыянальнага самавызначэння і незалежнасці» [7, с. 137].

Такім чынам, у вершы Ф. Багушэвіча «Немец» закранаюцца рэальныя праблемы сацыяльных пераўтварэнняў у Беларусі ў другой палове XIX ст. у іх суаднесенасці з сістэмай этнічных стэрэатыпаў, звязаных з негатыўным стаўленнем тутэйшых сялян не столькі да мясцовых паноў, колькі да прадстаўнікоў іншых нацыянальнасцей – яўрэяў, немцаў і, у меншай ступені, рускіх. Вось як гэта пытанне вырашаецца ў заключнай частцы твора: *Здаецца б, нічога? Калі хто не ведае, / Але пачакаўшы, дык выйшла камедыя. / Жыд купіў у месце сабе камяніцу, / Глядзім – і наш рускі кінуўся за граніцу: / Пакінуў і жонку, адрокся і дзеці; / З'явіўся пан новы (гэта ўжо трэці) ... / А які б то пан той?.. Ну, ці хто павера?.. / Гэты ж самы немец! каб яго халера! / От цяпер згадай ты – хто кім калі стане? / Аб пану ні весці, ні слыху, нізвання, / Жыд панам зрабіўся, немец яшчэ большы, / А мужык быў голы, цяпер яшчэ гольшы! / Так і на гародзе: лебяды, крапіва, – / Толькі вырві рэпу, – дык зарастуць жыва, / Так як чорт насее! От ж так і людзе: / Тутэйшы загіне, дык вораг прыбудзе!* (вылучана намі. – І. 3.) [2, с. 51]. Сацыяльныя пературбацыі і негатыўныя эмацыянальна-ацэначныя адносіны лірычнага героя верша да жыда і немца таксама сведчаць пра наяўнасць у тагачаснай Беларусі нацыянальнай напружанасці, ступень якой у акумуляцыі прадужытых уяўленняў была блізкай да крытычнай. Перад чытачамі адлюстраваны антаганізм «мы – яны». «Яны» – гэта не столькі прадстаўнікі іншых этнасаў ці проста прыблуднікі, з якімі міжволі трэба жыць побач і ўзаемадзейнічаць, колькі галоўныя ворагі. Гістарычны вопыт міжэтнічных кантактаў, набыты за папярэднія перыяды, ужо не адпавядаў умовам камунікацыі 1870–80-х гг., што інтэнсіфікавала развіццё працэсаў унутрыэтнічнай беларускай адасобленасці і такой вострай міжэтнічнай палярызацыі, якой ніколі не было раней. Зусім не ідэалізуючы мясцовае сялянства, пра што сведчаць адлюстраваныя пісьменнікам аўтастэрэатыпы, ён крытычна глядзеў на сацыяльнае дамінаванне ў тагачаснай Беларусі прадстаўнікоў некарэнных нацыянальнасцей, не закрываў вочы на іншыя этнічна-сацыяльныя супярэчнасці, напрыклад антысеміцкія норавы і звычаі.

У раздзеле «Художественная литература на народном языке» 3-га тома працы Я. Карскага «Беларусы» (Петраград, 1922) творчасць Ф. Багушэвіча разглядаецца ў главе «Новейшая белорусская литература», у якой пасля аналізу верша «Немец» ідзе гаворка пра верш «Жыдок». Акадэмік падкрэсліваў: «Впрочем, к еврею белорус относится без предрассудков: он мирится с ним и даже питает к еврею некоторое расположение. В стихотворении “Жыдок” рассказывается, как поселившийся в деревне еврей постепенно разбогател и стал пользоваться даже уважением: *Пярвей жыда звалі Бэрай, / І паршыўцам,*

і халерай; / Потым звалі ягамосьцям, / Жыд стаў першым ў хаце госьцям. / Пярвей ён даваў паклоны, / Потым кланяўся хрышчоны. / А цяпер, ідучы міма, / Ўсякі шапку яму здыме / І цалуе аж у рукі. Еврей любіў грошы, але пагубіць чалавека з-за іх не мог. *Каб такі нам пан сыскаўся, / То б сьвятым ён называўся* – так заканчвае сваё стихотворенне наш аўтар. Можна, аднак, указваць стихотворення, дзе явна просвечвае юдафобства Богушевіча» [8, с. 417].

У заключнай заўвазе Я. Карскі не меў рацыі. Францішак Багушэвіч лічыў станаўчымі рысамі яўрэяў схільнасць да кампрамісаў, умненне дамаўляцца і адкрыта раіць пераняць іх абагульненым «нам», а гэта значыць беларускім сялянам, ад імя якіх ён выступаў і якім адрасаваў свае творы. Такая прынцыпова-вая пазіцыя знаходзіць мастацкае ўвасабленне ў пазбаўленым алегорыі, але баечным па форме павучальна-гумарыстычным вершы «Падарожныя жыды». З жанрам байкі гэты твор лучыць кампазіцыйны падзел на афарыстычную і апісальную (з каларытным дыялогам) часткі. Пачынаецца верш з прыказка: *Што крук круку не выдзюбае вока, / То ведама даўно і ведама далёка; / І гдзе крапчэйшыя дзяруцца, / Дык слабшыя няхай жа не суюцца* [2, с. 53]. У невялікай апісальнай частцы вядзецца апавяд пра здарэнне ў дарозе з наступнай завязкай: *З двух мястэчкаў два падвозцы / Двух жыдоў вязлі напроці. / Спаткаліся ж на вузенькай дарожцы / І ні адзін не уступае на ахвоце* [2, с. 53]. Пачалася сварка, і кожны з мужыкоў-вазніц пачаў няшчадна лупцаваць яўрэя-пасажыра – свайго антаганіста: *Так б'юць, аж кроў цячэ жыдам! / «Ты б'еш майго, а я твайму аддам!»* [2, с. 54]. Дзякуючы дыялогу надаецца дынамізм дзеянню, акрэсліваецца драматызм сітуацыі, у якую не па сваёй віне, а па волі заўзятых агрэсіўных фурманаў трапілі падарожныя яўрэі, якія, аднак, знайшлі саламонава рашэнне, памяняўшыся вазніцамі. Завяршаецца верш мараллю: *А што, каб так і мы зрабілі, / А можа бы, і нас не білі?* [2, с. 54]. У вершы яўрэі паўстаюць як бязвінныя ахвяры самадурства нанятых імі фурманаў, якія толькі вонкава ўлічваюць інтарэсы сваіх працадаўцаў, а насамрэч дзейнічаюць толькі па сваім капрыззе, пакладаючыся на даўнюю практыку поўнай бяспраўнасці яўрэяў і іх заніжанага статусу ў грамадстве незалежна ад матэрыяльнага становішча. Варта адзначыць, што сюжэтная калізія верша не столькі жыццёвая, колькі «баечная», літаратурная.

У XX ст. менавіта адлюстраванне этнічных гетэрастэрэатыпаў істотна паўплывала на працэс рэцэпцыі багушэвічаўскай творчасці, які не пазбег сумных перыпетый.

Асэнсаванне значнасці асобы і творчай спадчыны Ф. Багушэвіча зазнала некалькі этапаў. Пры жыцці пісьменніка ў пачатку 1890-х гг. у ім бачылі і аўтара, які «імкнецца абгрунтаваць права на развіццё роднай мовы» [3, с. 88–89], і аднаго з «аполячывіхся беларусов», у якога «пробудилось-таки, наконец, русское самосознание» [3, с. 91], і нават пісьменніка, які незразумела для каго і для чаго выдае свае творы [3, с. 91]. У 1899 г. віленская цэнзура знайшла ў рукапісе Ф. Багушэвіча «Беларускія расказы Бурачка» тэндэнцыю да таго, каб, «кромѣ “малорусской”, создать еще “белорусскую” литературу и таким образом разбить и ослабить литературное и национальное единство, а вследствие этого и политическое могущество русского народа» [3, с. 105]. Незадоўга перад смерцю пісьменніка яго творы кваліфікаваліся як наўпроставая пагроза палітычнай магутнасці Расіі. У некрологах Ф. Багушэвіч паўстае ўжо ў іншых іпастасях: «...беларускі народны пісьменнік, аўтар многіх каштоўных твораў, напісаных на аснове мясцовага сялянскага жыцця» [3, с. 95], народалюбца, які «шчасце сваё бачыў у любові да народа» [3, с. 96], «паэт па складу свайго характару і душы», які «становіцца <...> беларускім паэтам, паэтам адзіным тагога роду» [3, с. 98], «паэт Белай Русі» [3, с. 100].

У 1903 г. у Варшаве пабачыў свет першы том працы Я. Карскага «Беларусы», які называўся «Введение в изучение языка и народной словесности». У ім у раздзеле з паказальным загалоўкам «Ненародные произведения на современном белорусском наречии» будучы акадэмік (з 1916 г.) адносна першага зборніка паэта паведамляў: «В 1891 г. вышла на белорусском наречии очень тенденциозная книжка *Мацяя Бурачка: Dudka bieloruskaja. Krakow*. Это сборник белорусских искусственных стихотворений, интересных для знакомства с народным языком. Как можно видеть, между прочим, из разбора этой книжки, помещенного в “Галичанине” за 1892 г. <...> а также из предисловия к самой “Дудке”, Бурачок, напоминая белорусам об их общей жизни с Литвой в прежние времена и о древности их языка, а также бывшей литературной его обработке, старается возбудить сепаратистические стремления национальные и литературные: отстранить белорусов от великорусов и побудить их к выработке самостоятельной литературы. “Pradmowa” написана довольно ловко, в духе раньше рассмотренных прокламаций (маюцца на ўвазе “Мужыцкая праўда”, “Гутарка старога дзеда” і інш. – І. З.), несомненно, с целью вызвать смуту в русском семействе. Она может даже произвести некоторое впечатление на людей, мало знакомых с историей белорусской территории и с особенностями славянских языков, которые здесь упоминаются, а также с отношениями русских наречий» [9, с. 357]. Можна пераканацца ў тым, што Я. Карскі абвінавачваў пісьменніка ў зламснавай тэндэнцыі, узбуджэнні сепаратызму, імкненні аслабіць рускі свет і магчымым негатыўным уплыве публіцыстычнай прадмовы на недасведчаных чытачоў. (Зрэшты, у 3-м томе 2-й кнігі манаграфіі «Беларусы» (1922) аўтар хоць і паўтарае некаторыя ранейшыя закіды,

але ўжо называе Ф. Багушэвіча разам з Янкам Лучынам (І. Неслухоўскім) «главарыямі» беларускага адраджэнскага руху, сцвярджае, што яны «очень талантливые и убежденные писатели» [8, с. 403], якім акадэмік проціпастаўляў правадыроў «дальнейшего белорусского движения» [8, с. 403].)

Дарэчы, як відаць з апублікаваных у 2016 г. матэрыялаў В. Кругловай, Янка Лучына таксама негатыўна ставіўся да яўрэяў, асуджаючы іх палітычны канфармзм і эканамічнае дамінаванне ў Беларусі пасля паўстання 1863–1864 гг. У абразку «З кривавых дзён» (1889) пісьменнік засведчыў: «Пасля ж паўстання <...> жыды <...> змянілі кірунак грамадскага жыцця. Забралі ў свае рукі ўвесь гандаль краіны, асабліва лясамі, і знішчаюць іх дашчэнту, пабраталіся з расіянамі, моладзь і дзеці пачалі вывучаць рускую мову, польскую ж мову перасталі разумець. Так паступаючы, дайшлі да багаццяў, усе капіталы сканцэнтравалі ў сваіх руках, а апрача гэтага пачалі дабівацца грамадзянскіх правоў» [10, с. 142–143].

У 1908 г. Камітэт па справах друку ў сувязі з перавыданнем зборніка «Дудка беларуская» суполкай «Загляне сонца і ў наша аконца» прапанаваў пракурору Пецярбургскай судовай палаты «возбудить судебное преследование против автора инкриминируемых стихотворений Матея Бурачка (Франца Богушевича), местопребывание которого Комитету неизвестно» [3, с. 111] за імкненне «изобразить белоруса страдающим от произвола властей и угнетения панов» [3, с. 107]. Праваахоўнікі не ведалі, што злачынцы ўжо больш як восем гадоў не было ў жывых. У нашаніўскі перыяд у беларускім друку дамінавалі станоўчыя ацэнкі творчасці пісьменніка. Часавая адлегласць, пра якую разважаў В. Быкаў, паўплывала на асэнсаванне твораў Ф. Багушэвіча. Але пасля грамадскіх катаклізмаў 1917 г. адносіны да антысемітызму, які быў пашыранай і звычайнай з’явай у 1870–90-я гг., істотна змяніліся.

У 1920-я гг. выйшла некалькі выданняў працы М. Гарэцкага «Гісторыя беларускае літаратуры» (1920, 1921, два перавыданні – 1924 г.), разлічанай на шырокую аўдыторыю. Жаданне адмежавацца ад антысемітызму прымусіла аўтара апраўдваць Ф. Багушэвіча: «Нацыянальны элемент у Багушэвіча ніколі не пераходзіў у нацыяналістычную аднабокасць некаторых нацыянальных і маланацыянальных нашаніўцаў» [11, с. 243]. Непасрэдна перад гэтым дэкларавалася: «Па духу, па спосабе думання, па ідэалогіі ўся наагул паэзія Багушэвіча вельмі нацыянальна, так што ён – наш першы нацыянальны паэт у поўным значэнні гэтага слова» [11, с. 243]. Аналізуючы творы, «у якіх нацыянальны элемент узят за самы прадмет творчасці» [11, с. 247], аўтар спыняецца на вершах «Мая хата», «Хмаркі», «Калыханка», «Ахвяра», «Хрэсьбіны Мацюка». Вершы «Немец» і «Падарожныя жыды», у якіх знайшлі адлюстраванне этнічныя гетэрастэрэатыпы і азначаны нацыянальны элемент, відаць, свядома не аналізуюцца даследчыкам, які заўважае: «Яго [Ф. Багушэвіча] сацыяльны падыход спараджаў сатыру ў адносінах да паноў, жыдоў-гандляроў, немцаў-авантурнікаў, мужыкоў-нядбаліц і г. д.» [11, с. 257]. Такім пералікам аднародных членаў М. Гарэцкі наўмысна сцвярджаў інтэрнацыянальны характар суб’ектаў выкрыцця. Выключэнне складае верш «Жыдок», які таксама разглядаецца як узор сатырычнага твора пра «эксплуататараў-гандляроў, якімі з розных гістарычных і іншых прычын сталіся на Беларусі найболей людзі жыдоўскай нацыі, як эксплуататарамі-панамі сталіся людзі польскай і пазней маскоўскай нацыі» [11, с. 257]. Аўтар падкрэслівае, што «нічога благага проціў усяе жыдоўскае нацыі ў гэтай сатыры Багушэвіча няма» [11, с. 257] і «тут пясняр апісаў такога “жыдка” (не зневажаючы гэтым яго нацыю)» [11, с. 258]. Не ўвайшлі названыя вершы і ў выдадзеную М. Гарэцкім «Хрэстаматыю беларускае літаратуры. XI век – 1905 год» (Вільня, 1922), у прадмове да якой складальнік адзначыў, што «кніга больш-менш дапасована да маёй “Гісторыі беларускае літаратуры”» [12, с. 3].

У БССР важкім крокам у справе папулярызацыі творчасці Ф. Багушэвіча стала выданне першай часткі працы М. Піятуховіча «Нарысы гісторыі беларускае літаратуры» (1928). У прысвечаным пісьменніку раздзеле аўтар, спаслаўшыся на даследаванні М. Гарэцкага і Я. Карскага і адзначыўшы беднасць біяграфічных матэрыялаў, прыйшоў да слушнай высновы: «Далёка ад прынцыпу “мастацтва для мастацтва” Багушэвіч вынес свой падарунак музы на шырокую гістарычную арэну барацьбы. Але стыхія барацьбы не нашкодзіла эстэтызму: творчасць беларускага поэты <...> неўмірушчы помнік здоровага сынтэзу грамадзкасці і мастацкасці» [13, с. 108].

Але асабліва важнае значэнне, на нашу думку, мае прысвечаны Ф. Багушэвічу артыкул М. Піятуховіча, змешчаны ў першым томе выдання «Літературная энциклопедия» (1930). У ім акцэнтуюцца ўвага на сувязі светапогляду пісьменніка і эстэтыкі яго творчасці з народніцтвам: «Идеология белорусского поэта – народническая. Она возникла на почве разложения крепостного хозяйства, возможно под влиянием украинского и русского народничества. <...> С народниками Б[огушевича] роднит также психология кающегося дворянина и своего рода антиэстетизм. Формально-художественные приемы Б[огушевича] тесно связаны с его народнической тематикой. Поэт весьма часто стремится взглянуть на жизнь глазами простого человека – крестьянина; этим и объясняются в поэзии Б[огушевича] приемы сказа и остранения. <...> Даже привлекая общечеловеческие сюжеты, Б[огушевич] подчиняет их народнической тематике. Так, напр[имер], в разработку фаустовской легенды и легендарно-религиозных представлений о загробном мире поэт вносит народнические мотивы» [14]. Аднак гэтыя

каштоўныя вывады, як і заўвага пра тое, што пісьменнік «к политическим вопросам <...> относится с значительным индифферентизмом» [14], не знайшлі свайго развіцця ў багушэвічнаўстве савецкага перыяду: у 1937 г. М. Пятуховіч быў расстраляны, а ў хуткім часе трапіла пад забарону і сама «Літературная энциклопедия».

Даследчык гістарыяграфіі рэвалюцыйнага народніцкага руху М. Цюкачоў у доктарскай дысэртацыі прыйшоў да наступнай высновы: «Период с середины 1930-х до середины 1950-х гг. – это <...> период доминирования сталинской концепции народничества. В развернутом виде эта концепция была сформулирована в “Кратком курсе истории ВКП(б)” в 1938 г. <...> Народничество было объявлено “злейшим врагом марксизма”, поэтому его научное изучение полностью прекратилось. Очень большое внимание уделялось освещению деятельности “революционных демократов” 1860-х гг., которые якобы и были прямыми предшественниками социал-демократии марксистского толка» [15]. Такім чынам, прычына хавалася ў прынцыповай змене ідэалагічнага курсу бальшавіцкай партыі, што ў далейшым прымушала даследчыкаў адмяжоўваць Ф. Багушэвіча ад народніцкай ідэалогіі, часам ужываючы для абазначэння яе перыфразу «стары, сялянскі сацыялізм» ці наогул адмаўляючы ўплыў народніцтва на творчасць пісьменніка.

У Заходняй Беларусі даследаваннем жыцця і творчасці Ф. Багушэвіча плённа займаліся А. Станкевіч і А. Луцкевіч, які ў багатым на новыя матэрыялы артыкуле «Жыццё і творчасць Фр. Багушэвіча ў успамінах ягоных сучаснікаў» (1938) сцвярджаў: «На маё пытаньне, ці не было ў Багушэвіча нейкае лучнасьці з народавольцамі, Нагродзкі адказаў нэгатыўна. Дый здаецца, што пацвярджэньне гэтага дае заўсёдная варожасьць Багушэвіча да ўсяго расейскага, якую Нагродзкі асабліва падчырквае» [16, с. 326]. Значна раней, напрыклад у артыкуле «Жыдоўскае пытаньне ў нашым пісьменстве» (1921), выдадзеным нават асобнай брашурай, А. Луцкевіч быў салідарны з М. Гарэцкім, адзначаючы: «Калі беларускі народ і мае благое пачуцьцё да жыдоў, дык адносіць яго пераважна да адзінак, да запраўдных эксплёататараў вёскі. Гэтае пачуцьцё асабліва ярка выяўляе <...> В. Дунін-Марцінкевіч, рысуючы ў сваёй опэры “Сялянка” тып шынкара-круцяля. <...> Таксама, як Марцінкевіч, да жыдоўскага пытаньня падыходзілі і такія прадстаўнікі беларускіх народнікаў, як Мацей Бурачок і Янка Лучына. Справу гэту Бурачок закрануў ужо ў сваім адказе Юрцы (Гурыновічу) на яго верш “Панскае ігрышча”, але больш поўна асьвятляе яе ў сатырычным вершу “Жыдок”» [16, с. 105]. Далей прыводзілася цытата са спасылкай на працу М. Гарэцкага «Гісторыя беларускае літаратуры». Звернем увагу на тое, што ў пачатку 1920-х гг. А. Луцкевіч лічыў Ф. Багушэвіча беларускім народнікам. Ва ўсякім разе, пісьменнік быў салідарны з многімі ідэалагічнымі ўстановамі народнікаў. Нездарма М. Гарэцкі ў сваёй працы перыяд «ад Багушэвіча да 1905 г.» называў народніцкім.

У першай трэці XX ст. кнігі «Дудка беларуская» і «Смык беларускі» актыўна і неаднойчы перадаваліся ў розных гарадах, аднак, паводле загада № 33 Галоўліта БССР ад 3 чэрвеня 1937 г., віленскія, мінскія і ковенскія выданні зборнікаў разам з сотнямі іншых «шкодных» кніг і брашур было загадана канфіскаваць і знішчыць шляхам пропуску праз рэзальныя машыны або спалення [17, с. 154–155, 163]. Таксама на знішчэнне былі асуджаны ўсе кнігі М. Гарэцкага, А. Луцкевіча, «Нарысы гісторыі беларускае літаратуры» М. Пятуховіча, «Нарысы па гісторыі беларускай літаратуры» (1922) М. Янчука [17, с. 155–167]. У графу «Дадаткова канфіскауюцца» патрапілі чытанкі для трэціх і чацвёртых класаў 1933–1936 гг. і, па сутнасці, усе школьныя хрэстаматыі па беларускай літаратуры для пятах – сёмых, дзявятых і дзясятых класаў [17, с. 167], у тым ліку тыя, складальнікам якіх быў Л. Бэндэ. Маштабнасьць тагачаснай татальнай ідэалагічнай чысткі пацвярджаецца і тым, што ў спісе «варожых» кніг, акрамя дзясяткаў навуковых і мастацкіх выданняў, у тым ліку паэмы «Тарас на Парнасе», фігуруюць нават «Пытанні ленынізму» (1931) Сталіна ў перакладзе на беларускую мову.

Пачынаючы з 1940 г. на працягу паўстагоддзя ў БССР чытачы маглі знаёміцца толькі з часткай творчай спадчыны Ф. Багушэвіча, якая была адобрана цэнзурай і выдавалася ў выглядзе выбраных твораў у 1940, 1946, 1952 і 1967 гг. Пры гэтым літаратуразнаўцамі не толькі сцвярджалася пра сакрамэнтальнае «ўсё лепшае», але і згадвалася пра так званыя памылкі. Так, у прадмове Я. Шарахоўскага да выдання 1952 г. канстатавалася: «Вобраз пісьменніка, які паўстае з яго творчасці, – гэта вобраз сялянскага дэмакрата, змагара за долю народную, у светапоглядзе якога часам спалучаліся рысы перадавой ідэалогіі з рысамі адсталымі і рэакцыйнымі, але творчасць якога, узятая ў цэлым, адыграла значную ролю ў справе абуджэння народнага самаўсведамлення» [18, с. 22]. У катэгорыю «не лепшага» ў выданні 1952 г. трапілі па чатыры вершы са зборнікаў паэта «Дудка беларуская» («Здарэнне», «Немец», «Падарожныя жыды», «Хрэсьбіны Мацюка») і «Смык беларускі» («Жыдок», «Панскае ігрышча (Юркі)», «Адказ Юрцы на “Панскае ігрышча”» і «Свая зямля»). У большасці гэтых твораў спецыфічным чынам адлюстраваны этнічныя стэрэатыпы і міжнацыянальныя ўзаемаадносіны. Непрадстаўленасць тэкстаў прыводзіла да казусаў. Так, Я. Шарахоўскі сцвярджаў: «Праўда, выражаючы сялянска-дэмакратычную ідэалогію, творчасць Багушэвіча не пазбаўлена і адсталых, а часам і рэакцыйных

рыс (нацыяналістычныя настроі ў вершах “Немач”, “Хрэсьбіны Мацюка”, “Здарэнне” і інш.)» [18, с. 22]. Як бачым, верш «Немец» названы як «Немач», а залічэнне верша «Здарэнне» да нацыяналістычных – элементарны ляпус.

Вымушаны ідэалагічна эдыцыйны прынцып практыкаваўся пры выданні зборнікаў тэкстаў «Беларуская літаратура XIX стагоддзя» (1940, 1950), «Беларускія пісьменнікі другой паловы XIX стагоддзя» (1956), хрэстаматый для студэнтаў устаноў вышэйшай адукацыі «Беларуская літаратура XIX стагоддзя» (1971, 1988). Зразумела, што кожнае наступнае выданне дапрацоўвалася і дапаўнялася новымі матэрыяламі, але вершы «Немец», «Падарожныя жыды», «Жыдок», «Панскае ігрышча (Юркі)», «Адказ Юрцы на “Панскае ігрышча”» не былі надрукаваны нават на старонках апошняга са згаданых выданняў.

У савецкі перыяд якраз нацыянальны аспект (і справа тут не толькі ў антысемітызме) у творчай спадчыне пісьменніка падлягаў ідэалагічнай карэкціроўцы. Тады быў запатрабаваны народны трыбун, мужыцкі адвакат, выкрывальнік сацыяльнай несправядлівасці, а не нацыянальны паэт. У адным з лістоў да Я. Карловіча, крытыкуючы дзейнасць банкаў, Ф. Багушэвіч пісаў: «Гэта звычайная праява камунізму, а можа, нават усяго сацыялізму, гэтае свайго роду “самоуправство”!» [2, с. 250]. Заўважым, сацыялізм, па меркаванні Ф. Багушэвіча, быў генетычна звязаны з «самоуправством». Як прадбачанне ўспрымаецца такая ацэнка ў супастаўленні з практыкай выдання творчай спадчыны пісьменніка пасля 1937 г.

Важным у пасляваенным багушэвічнаўстве стаў 1948 г. На старонках газеты «Літаратура і мастацтва» 17 студзеня выйшла публікацыя дырэктара Інстытута літаратуры і мовы Акадэміі навук БССР В. Барысенкі «Ідэйныя скажэнні ў асобных артыкулах крытыкаў і літаратуразнаўцаў». Матэрыял быў падрыхтаваны нібыта ў сувязі з абмеркаваннем вучэбных праграм і хрэстаматый па беларускай літаратуры для школ. Прасякнуты «ідэямі сталінскай дружбы народаў», аўтар выказваў упэўненасць у тым, што яны «маюць грубыя палітычныя памылкі і скажэнні нацыяналістычнага характару» [19]. З клопатам пра ідэалагічную бальшавіцкую выверанасць і навуковасць ён крытыкаваў публікацыі М. Ларчанкі, Ю. Пшыркова, У. Агіевіча, Л. Фіглоўскай і беларускіх буржуазных нацыяналістаў наогул. Настойваючы на класавай дыферэнцыяцыі пісьменнікаў мінулага і выступаючы супраць прыхарошвання іх творчых абліччаў, а таксама супраць так званай адзінай плыні, В. Барысенка рэзка размяжоўваў В. Дуніна-Марцінкевіча і Ф. Багушэвіча, А. Ельскага і К. Каліноўскага, Янку Купалу і Алеся Гаруна, крытыкаваў М. Ларчанку за агульнае падвядзенне іх пад катэгорыю «выдатных асветнікаў». А самая высокая ацэнка «выдатны», на думку аўтара, асабліва датычыцца асобы Ф. Багушэвіча, які не толькі з’яўляўся «прадстаўніком рэалістычна-дэмакратычнай літаратуры», але і «рашуча выступаў», і «правільна вызначыў», і разам з іншымі прагрэсіўнымі творцамі меў слушныя «погляды на гістарычнае прызначэнне народа», разумеў народнасць літаратуры [19]. Сам тэкст артыкула, насычаны сацыялагічнымі клішэ і палітызаванымі штампамі, пакідае ўражанне, нібыта В. Барысенка абараняе пісьменніка ад нейкага неназванага апанента. Аўтар добра памятаў страты беларускай літаратуры і літаратуразнаўства 1930-х гг. і меў прыхаваны намер, бо прапанаваў своеасаблівы, згодны з духам часу варыянт «лагоднай» крытыкі.

Публікацыя В. Барысенкі «Ідэйныя скажэнні ў асобных артыкулах крытыкаў і літаратуразнаўцаў» яўна кантраставала з назвай артыкула «Невуцтва і абарона нацыяналізму», апублікаванага 31 студзеня, гэта значыць праз два тыдні, у той жа газеце «Літаратура і мастацтва». Аўтарам быў Л. Апанасовіч (Лукаш Бэндэ), які з цалкам выкрывальным пафасам сярэдзіны 1930-х гг. пісаў: «Багушэвічу, як сялянскаму дэмакрату, уласцівы не толькі моцныя, але і слабыя бакі, не толькі прагрэсіўныя элементы, але і асобныя рэакцыйныя тэндэнцыі. <...> Паэту і яго творчасці ўласцівы і ноты пропаведзі нацыянальнай замкнёнасці, ізаляванасці, а разам з тым і ваяўнічы шавінізм у адносінах да яўрэяў, ідэалізацыя і ўсхваленне каталіцызму. Гэтыя тэндэнцыі яўна супярэчаць здароваму і цвярозаму дэмакратычнаму рэалізму паэзіі Багушэвіча. <...> Але факт застаецца фактам, і аб ім трэба ведаць нашаму чытачу. А між тым некаторыя літаратуразнаўцы не любяць і не хочуць гаварыць аб кансерватыўных элементах і рэакцыйных тэндэнцыях у творчасці Багушэвіча. <...> Некаторыя крытыкі лічаць, што чым больш напішаш аб пісьменніку пахвальнага, хоць і не праўдзівага, тым большую карысць прынесеш справе папулярызацыі літаратуры. На гэты шлях стаў М. Ларчанка <...> у сваім артыкуле “Першы вялікі нацыянальны паэт”, надрукаваным у часопісу “Беларусь” (1945 г., № 1), [ён] замоўчвае кансерватыўныя і рэакцыйныя тэндэнцыі ў творчасці Багушэвіча і характарызуе яе як суцэльна прагрэсіўную, рэвалюцыйную» [20]. Паказальна, што аналагічныя факты ў метадалагічных падыходах выклікаюць заклапочанасць і В. Барысенкі: «У асобных літаратуразнаўцаў выявіўся аднабокi падыход да ацэнкі пісьменнікаў. Гэта відаць з таго, што падкрэсліваюцца толькі станоўчыя бакі і замоўчваюцца іх слабыя бакі, памылкі і недахопы. Нашы літаратуразнаўцы і крытыкі любяць “папраўляць гісторыю”. Памылкі і недахопы творчасці выдатных пісьменнікаў мінулага ператвараюцца пад іх пяром у станоўчыя бакі. Гаварыць аб недахопах класікаў літаратуры яны лічаць вялікім грахам» [19].

У абодвух крытыкаў назіраецца не проста пэўная, а амаль поўная сугучнасць ідэй, і толькі форма іх выкладання адрозніваецца. Гаворка ідзе пра адно і тое ж, толькі рознымі словамі, нават і ключавая

лексема супадае – «замоўчвае», «замоўчваюцца». Перакананы, што ў дадзеным выпадку адзін з тэкстаў з’яўляецца «донарскім», а другі – другасным, прычым, нягледзячы на паслядоўнасць апублікавання, тэкстам-крыніцай стаў артыкул Л. Бэндэ, інвектыўны па сваёй сутнасці ў адносінах да багушэвічаўскай творчасці, а артыкул В. Барысенкі з апалагетыкай пісьменніка напісаны пазней.

У артыкуле Л. Бэндэ заўважана ідэйная сугучнасць артыкула М. Ларчанкі з вывадамі і трактоўкамі творчай спадчыны паэта, прапанаванымі М. Гарэцкім, якога крытык называе «ярым нацыяналістам». З абурэннем аўтар падсумоўвае: «З пункту гледжання Гарэцкага, нават антысемітызм не з’яўляецца нацыяналізмам, нацыяналістычнай аднабокасцю. Так сцвярджаў Гарэцкі. Але на што спатрэбілася савецкаму крытыку паўтараць нацдэмаўскія зады? <...> Аб гэтых памылках Ларчанкі, можа, і не варта было б пісаць, калі б яны былі вынікам толькі палітычнай непісьменнасці іх аўтара і не мелі пашырэння сярод іншых літаратараў. Але Ларчанка не адзін» [20]. Вось па гэтай прычыне нібыта і падае свой разгневаны голас Л. Апанасовіч, які далей пераходзіць да разнаснай крытыкі Ю. Пшыркова за яго ацэнку газеты «Наша ніва».

У той час крытык-вульгарызатар жыве ў Ленінградзе і не мог непасрэдна і, галоўнае, аператыўна ўплываць на падзеі ў Мінску, дзе ўсур’ёз занепакоіліся многія, бо ярлык невука і абаронцы нацыяналізму ў будучым маглі атрымаць не толькі М. Ларчанка і Ю. Пшыркоў. Гэта відаць з таго, што побач з артыкулам В. Барысенкі быў надрукаваны адмысловы верш А. Зарыцкага «Некалькі слоў пра гісторыю нашай літаратуры», у якім праводзілася думка пра тое, што ў наш час выцягваць нешта з пыльных архіваў непрадуктыўна. У гэтым бачыцца адкрыты намёк на дзейнасць Л. Бэндэ, які ў майскім нумары часопіса «Полымя» за 1947 г. змясціў вялікі артыкул «Новае аб Ф. Багушэвічу», дзе апублікаваў архіўныя дакументы пра непрацяплы пеярбургскі перыяд жыцця студэнта з Беларусі і распачатыя судовыя справы супраць аўтара зборнікаў «Дудка беларуская» і «Смык беларускі», пра што гаварылася вышэй.

Гісторык беларускай крытыкі і літаратуразнаўства М. Мушынскі адзначае: «Змест артыкула Бэндэ сведчыць аб тым, што яго аўтар безнадзейна адстаў ад часу, застаўся на пазіцыях вульгарна-дагматычнай крытыкі. Логіка і тон разважанняў крытыка ствараюць ілюзію таго, што мы нібыта чуюм яго голас 30-х гадоў. Бэндэ не разумее, што так пісаць у 40-я гады пра Багушэвіча ўжо нельга...» [21, с. 66]. Аднак Л. Бэндэ не задавальняла толькі ціхая архіўная праца, як і ў 1930-я гг., ён зноў прагнуў кіраваць літаратурным працэсам у Беларусі, навязваць свае вульгарна-сацыялагічныя ўяўленні, дыктаваць, павучаць, выкрываць невуцтва і выяўляць апалагетаў нацыяналізму. Але ён ніяк не чакаў, што яго пасквілю будзе дадзена адпаведная і вельмі аператыўная ацэнка. Ужо 14 лютага 1948 г. адбылося сумеснае пасяджэнне сакратарыята Саюза пісьменнікаў БССР і вучонага савета Інстытута літаратуры і мовы Акадэміі навук БССР, на якім абмяркоўваўся артыкул Л. Бэндэ. З дакладам выступіў В. Барысенка, а ў дэбатах узялі ўдзел М. Лынькоў, М. Клімковіч, Н. Перкін, І. Лушчыцкі, Ю. Пшыркоў, Я. Усікаў, М. Ларчанка, А. Кучар і інш. У выніку ўжо 21 лютага ў газеце «Літаратура і мастацтва» была надрукавана справаздача, а ад рэдакцыі праводзілася пастанова: «Рэдакцыя прызнае памылковым друкаванне артыкула Л. Апанасовіча» [22]. Так творчая спадчына Ф. Багушэвіча спрычынілася да заняпаду ваяўнічай дзейнасці лідара беларускай вульгарызатарскай крытыкі сярэдзіны XX ст. Можна гаварыць аб прадуманай і эфектыўнай антыбэндэўскай кампаніі, каардынаванай В. Барысенкам, усёй чыннасці якога ў айчынным літаратуразнаўстве журналіст А. Лукашук дарэмна дае негатывную ацэнку ў артыкуле «Дырэктар літаратуры» [17, с. 168–202]. Праўда, яшчэ невядома, якія былі б канчатковыя вынікі гэтай кампаніі, калі б той жа 1948 г. у СССР не стаў пікам барацьбы з касмапалітызмам, якая суправаджалася дыскрымінацыяй яўрэяў. У БССР крытыкі-касмапаліты, у іх ліку Л. Бэндэ, былі канчаткова асуджаны ўвесну 1949 г. Меў дачыненне да развянчання аўтара артыкула «Невуцтва і абарона нацыяналізму» і Ю. Пшыркоў.

У 1957 г. была выдадзена манаграфія В. Барысенкі «Францішак Багушэвіч і праблема рэалізма ў беларускай літаратуры XIX стагоддзя», у якой пісьменнік на доўгія гады быў «прызначаны» пачынальнікам крытычнага рэалізму ў нашай літаратуры. У даследаванні, згодна з бальшавіцкімі канцэпцыямі і ўстаноўкамі, абвешчана, што Ф. Багушэвіч разам з іншымі дэмакратычнымі дзеячамі выступаў супраць «ліберальных народнікаў <...> цалкам салідарызаваўся з ідэалагамі рэвалюцыйнай дэмакратыі <...> Чарнышэўскім, Някрасавым, Каліноўскім» [23, с. 189], бічаваў «нізкапаклонства і рабалецтва перад заходняй буржуазна-дваранскай культурай» [23, с. 204], асуджаў «“вялікіх паноў” за іх касмапалітызм, пагарду да айчыннай культуры, нацыянальных традыцый» [23, с. 204] і г. д. Нягледзячы на свядомае ігнараванне прынцыпаў гістарызму, што выявілася ў відавочнай мадэрнізацыі мінулага, праца В. Барысенкі стала важкім здабыткам багушэвічазнаўства, якое развівалася ў далейшым пад уплывам прапанаваных ідэалагізаваных трактовак.

У 1960-я гг. пачаў прэваліраваць крыніцазнаўчы аспект у даследаваннях, плённа працаваў на ніве багушэвічазнаўства С. Майхровіч (кніга «Жизнь и творчество Ф. Богусевича» (1961)), С. Аляксандравіч (увёў у навуковы ўжытак тэкст апавадання «Тралялёначка», публіцыстыку і многія лісты

пісьменніка), Г. Кісялёў (меў дачыненне да павышэння грамадзянскага статусу пісьменніка з сялянскага дэмакрата да дэмакрата рэвалюцыйнага) і інш. Былі свае здабыткі і ў наступныя дзесяцігоддзі: з канца 1980-х гг. творы Ф. Багушэвіча пачалі друкавацца без цензурных абмежаванняў, у 1990 г. пабачыла свет факсімільнае перавыданне зборніка «Дудка беларуская», у 1992 г. – апавядання «Тралялёначка». У 1991 г. з’явілася найбольш поўнае выданне твораў пісьменніка. Прадстаўніком краязнаўчага напрамку даследавання жыцця і творчасці Ф. Багушэвіча быў У. Содаль – аўтар кніг «Кушлянскі кут» (1990), «Сцежкамі Мацея Бурачка: пошукі, замалёўкі, нарысы» (1991), «Жупранская старана» (1992), «Свіранскія крэскі» (1995), «Блаславёныя Кушляны» (2009).

У ХХІ ст. працягваюць паўставаць свае калізіі ў далейшай рэцэпцыі творчай спадчыны Ф. Багушэвіча. У 2006 г. пабачыла свет па-свойму цікавае эсэізаваанае даследаванне В. Булгакава «Гісторыя беларускага нацыяналізму», трэці раздзел якога мае назву «Ф. Багушэвіч і міф беларускага адраджэння». Тут выразна акрэслілася імкненне да кардынальнай змены кірункаў даследавання, выпрацоўкі «новага погляду» на творчасць пісьменніка, што звязана з прынцыповай карэкціроўкай усяго комплексу эстэтычных каштоўнасцей. Аднак звернем большую ўвагу на кнігу В. Акудовіча «Код адсутнасці. Асновы беларускай ментальнасці» (2007). У ёй ёсць асобны раздзел «Францішак Багушэвіч і Адам Міцкевіч». Тут аўтар зборніка «Дудка беларуская» паўстае як адметны злосны геній беларускай нацыі, які дзякуючы сваім «прыдумкам» і «казкам» нібыта асудзіў беларускі народ і Беларусь на пажыццёвае ўспрыняцце саміх сябе і аўтапрэзентацыю ў свеце як гаротнікаў і прадстаўнікоў ніжэйшых пластоў грамадства. Аўтар сцвярджае: «На тую пару (XVIII–XIX стст. – І. З.) уся наяўная Беларусь цалкам магла быць апісанай у “нізавой” мадэлі. Гэтую сітуацыю і зафіксаваў Францішак Багушэвіч, стварыўшы сваю Беларусь паводле формы паэтычнага міфа, цалкам закааптаванага ў пад сацыяльнага быцця. А далей заўважым, што прыдуманая паэтам краіна гнілых хатак і дурных, як варона, мужыкоў займела дзіўны, фантастычны лёс. Усе наступныя генерацыі і пакаленні беларускіх паэтаў, краязнаўцаў, публіцыстаў, якія і сфармавалі ідэалагему нацыі <...> пачыналі і завершвалі афармленне свайго відзежу Беларусі ў фармаце таго паэтычнага міфа, які распаўсюдзіўся напрыканцы XIX стагоддзя адвакат з Вільні. Гэта з ягонай прыдумкі з’явіліся і знямоглыя беларусы, што нясуць на худых плячах сваю гаротную долю (Янка Купала), і “пяць лыжак заціркі” ў прыклад самай вялікай мары тутэйшага чалавека (Змітрок Бядуля), і лапаць дзеда Талаша як адзінага аўтэнтычнага зброя гераізаванага беларуса (Якуб Колас), і каўтун на галаве палешука як нацыянальная адметнасць, і гнілое балота як кангеніяльны нішчымнай долі пейзаж...» [24, с. 79–80].

Паводле В. Акудовіча, і Янка Купала, і Змітрок Бядуля, і Якуб Колас, і іншыя беларускія пісьменнікі пачатку ХХ ст. паўстаюць не як майстры слова, якія імкнуліся па-мастацку адлюстроўваць рэчаіснасць, а як нятворчыя паслядоўнікі Ф. Багушэвіча, які толькі сілаю свайго таленту стварыў такі дэфармаваны мастацкі свет нацыянальнай экзістэнцыі, са сферы якога не змаглі вымкнуць пазнейшыя літаратары. Але ж і сучаснік Ф. Багушэвіча тонкі лірык Янка Лучына ва ўнісон Мацею Бурачку сцвярджаў у вершы «Роднай старонцы»: *Усё ў табе бедна. Часта заплача / Мужык-араты дзеля зной долі, / Цяжка працуючы. Ён жа, адначка, / З табой расстацца не ждзэ ніколі. / І непрыглядную хату з пажыткамі, / І поле скупое, выган без пашы / Мы, апрагнуўшыся старымі светкамі, / Любім і цэнім – бо яны нашы* [24, с. 79–80]. Таму не існуе віны Ф. Багушэвіча ў тым, што ён нібыта фатальна «абмужычыў і звясковіў» Беларусь. Нагадаем, што вобразы гаротнай, пакрыўджанай, занябданай Беларусі і выявы нягеглых беларусаў пачалі актыўна стварацца яшчэ ў першай палове XIX ст. Такім чынам, рэвізіянісцкая пазіцыя В. Акудовіча малаабгрунтаваная, але сама наяўнасць хай сабе і эксцэнтрычнага погляду на творчасць Ф. Багушэвіча сведчыць пра адчувальную прысутнасць яе і ў сённяшняй культурнай прасторы. Гэта пацвярджае таксама і зборнік навуковых артыкулаў да 170-годдзя з дня нараджэння Ф. Багушэвіча «Асоба і творчасць пісьменніка ў прасторы і часе» (Брэст, 2010). У 2015 г. у серыі «Беларускі кнігазбор» пабачыў свет чарговы том, які змяшчае выбраныя творы Ф. Багушэвіча (уклад. Я. Янушкевіч). Вось ужо 125 гадоў творчасць пісьменніка знаходзіць сваіх чытачоў сярод суайчыннікаў.

Такім чынам, спецыфіка адлюстравання этнічных стэрэатыпаў у творчасці Ф. Багушэвіча была звязана з ростам нацыянальнай кансалідацыі беларусаў у 1870–90-я гг. і імкненнем пісьменніка да захавання самабытнай духоўнай культуры шляхам стварэння літаратуры на роднай мове. Этнічныя гетэрастэрэатыпы, як своеасаблівыя рэгулятары паводзін ва ўзаемаадносінах з прадстаўнікамі іншых этнічных груп, увасобленыя ў вершах Ф. Багушэвіча «Немец», «Падарожныя жыды», «Хрэсьбіны Мацюка», «Жыдок» і іншых творах, у першай палове ХХ ст. выклікалі неабгрунтаваныя абвінавачванні аўтара ў антысемітызме, а ў перыяд з 1940 па 1991 г. выключаліся са збораў твораў пісьменніка, а таксама хрэстаматый і зборнікаў тэкстаў.

Рэцэпцыя творчасці Ф. Багушэвіча ў літаратуразнаўстве зазнала некалькі этапаў і не пазбегла доўгіх складаных перыпетый. Так, Я. Карскі ў розных тамах фундаментальнага даследавання «Беларусы» істотна карэкціраваў свой погляд на ідэйна-мастацкія асаблівасці твораў пісьменніка, М. Гарэцкі

ў працы «Гісторыя беларускае літаратуры» імкнуўся апраўдаць адметнасць асвятлення пісьменнікам нацыянальнай праблематыкі, М. Пятуховіч падкрэсліваў лучнасць яго творчасці з народніцкай ідэалогіяй, інвектыўныя ацэнкі багушэвічаўскай спадчыны сталі адной з прычын завяршэння актыўнай крытычнай дзейнасці Л. Бэндэ, даследаванні ў галіне багушэвічазнаўства асабліва плённа развіваліся ў другой палове 1950-х – 1960-я гг. У ХХІ ст. цікавасць да творчасці пісьменніка не змяншаецца, робяцца спробы канцэптуальнага перасаснавання яго спадчыны.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Быкаў В. У. Праўдай адзінай : літаратур. крытыка, публіцыстыка, інтэрв'ю. Мінск, 1984.
2. Багушэвіч Ф. Выбраныя творы. Мінск, 2015.
3. Александровіч С. Х., Александровіч В. С. Беларуская літаратура ХІХ – пачатку ХХ ст. : хрэстаматыя крыт. матэрыялаў. Мінск, 1978.
4. Пыпин А. Н. История русской этнографии. Минск, 2005. Т. 4 : Белоруссия и Сибирь.
5. Аксёнова Е. П. А. Н. Пыпин о славянстве. М., 2005.
6. Красюк У. Ф. Напрадвесні нацыянальнага адраджэння // Этнокультурное развитие Беларуси в ХІХ – начале ХХІ в. : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 19–20 мая 2010 г.) / редкол.: Т. А. Новогородский (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2011. С. 182–187.
7. Шыбека З. В. Буржуазія // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. Мінск, 1993–2003. Т. 2 : Беліцк – Гімн. 1994. С. 135–138.
8. Карский Е. Ф. Белорусы : в 3 т. Минск, 2006–2007. Т. 3, кн. 2 : Очерки словесности белорусского племени. 2007.
9. Карский Е. Ф. Белорусы : в 3 т. Минск, 2006–2007. Т. 1 : Введение в изучение языка и народной словесности. 2006.
10. Круглова В. Невядомы Янка Лучына // Полымя. 1916. № 7. С. 134–144.
11. Гарэцкі М. Гісторыя беларускае літаратуры / уклад. і падрыхт. тэксту Т. С. Голуб. Мінск, 1992.
12. Хрэстаматыя беларускае літаратуры. ХІ век – 1905 год / склад. М. Гарэцкі. Вільня, 1922.
13. Пятуховіч М. М. Нарысы гісторыі беларускай літаратуры. Мінск, 1928. Ч. 1 : Агляд літаратурна-ідэалёгічных плыняў ХІХ і пачатку ХХ в.
14. Пятуховіч М. Богушевич Франциск // Литературная энциклопедия : в 11 т. Т. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le1/le1-5461.htm?cmd=2&istext=1> (дата обращения: 22.10.2015).
15. Токачев Н. А. Отечественная историография революционного народнического движения 1860–1880-х годов: становление и эволюция [Электронный ресурс]. URL: <http://www.disserscat.com/content/otechestvennaya-istoriografiya-revolutsionnogo-narodnicheskogo-dvizheniya-1860-%E2%80%931880-kh-go#ixzz4VUo5bIYZ> (дата обращения: 22.12.2016).
16. Луцкевіч А. Выбраныя творы: праблемы культуры, літаратуры і мастацтва / уклад., прадм., камент. А. Сідарэвіча. Мінск, 2006.
17. Лукашук А. М. Вяртанне нацыяналіста : дакумент. творы. Мінск, 2014.
18. Шапахуўскі Я. Ф. К. Багушэвіч // Багушэвіч Ф. Выбраныя творы. Мінск, 1952. С. 3–22.
19. Барысенка В. Ідэйныя скажэнні ў асобных артыкулах крытыкаў і літаратуразнаўцаў // Літ. і мастацтва. 1948. 17 студз. С. 3.
20. Апанасовіч Л. [Бэндэ Л.] Невуцтва і абарона нацыяналізма // Літ. і мастацтва. 1948. 31 студз. С. 3.
21. Мушыньскі М. Беларуская крытыка і літаратуразнаўства. 40-я – першая палавіна 60-х гадоў. Мінск, 1985.
22. Андрэў В. Абмеркаванне артыкула Л. Апанасовіча «Невуцтва і абарона нацыяналізма» // Літ. і мастацтва. 1948. 21 лют. С. 4.
23. Барысенка В. В. Францішак Багушэвіч і праблема рэалізму ў беларускай літаратуры ХІХ стагоддзя. Мінск, 1957.
24. Акудовіч В. Код прысутнасці. Асновы беларускай ментальнасці. Мінск, 2007.
25. Лучына Я. Творы : вершы, нарысы, пераклады, лісты. Мінск, 2001.

References

1. Bykaw V. U. Prawdaj adzinaj [Only by truth] : lit. crit., journal., interview. Minsk, 1984 (in Belarus.).
2. Bagushjevich F. Vybranyja tvory [Selected works]. Minsk, 2015 (in Belarus.).
3. Aleksandrovich S. H., Aleksandrovich V. S. Belaruskaja litaratura XIX – pachatku XX st. [Belarusian Literature of the XIX – early XX century] : read. of crit. articles. Minsk, 1978 (in Belarus.).
4. Pypin A. N. Istoriya russkoi etnografii [History of Russian Ethnography]. Minsk, 2005. Vol. 4 : Belorussiya i Sibir' [Belorussia and Siberia] (in Russ.).
5. Aksenova E. P. [A. N. Pypin about Slavdom]. Moscow, 2005 (in Russ.).
6. Krasjuk U. F. Napradvesni natsyyanal'naga adradzhennya [At the beginning of National Revival]. *Etnokul'turnoe razvitie Belarusi v XIX – nachale XXI v. : materialy Mezhdunar. nauchn.-prakt. konf.* (Minsk, 19–20 May, 2010). Minsk, 2011. P. 182–187 (in Belarus.).
7. Shybeka Z. V. Burzhuziia [The bourgeoisie]. In: *Jencyklapedyja gistoryi Belarusi* : in 6 vol. Minsk, 1993–2003. Vol. 2 : Belick – Gimn. 1994. P. 135–138 (in Belarus.).
8. Karskii E. F. Belorusy [Belarusians] : in 3 vol. Minsk, 2006–2007. Vol. 3, book 2 : Ocherki slovesnosti belorusskogo plemeni [Essays on philology of Belarusian tribe]. 2007 (in Russ.).
9. Karskii E. F. Belorusy [Belarusians] : in 3 vol. Minsk, 2006–2007. Vol. 1 : Vvedenie v izuchenie yazyka i narodnoi slovesnosti [Introduction to the study of language and folk philology]. 2006 (in Russ.).
10. Kruglova V. Nevjadomy Janka Luchyna [The unknown Janka Luchyna]. *Polymja*. 1916. No. 7. P. 134–144 (in Belarus.).
11. Garjecki M. Gistoryja belaruskae litaratury [History of Belarusian Literature]. Minsk, 1992 (in Belarus.).
12. Hrstamatyja belaruskae litaratury. XI vek – 1905 god [Reader of Belarusian Literature. XI century – 1905]. Vil'nja, 1922 (in Belarus.).

13. Piotuhovich M. M. Narysy gistoryi belaruskaj litaratury [Essays on History of Belarusian Literature]. Minsk, 1928. Part 1: Agljad litaraturna-ideoljogichnyh plynjaw XIX i pachatku XX v. [Overview of literary and ideologic movements of XIX and beginning of the XX century] (in Belarus.).
14. Piotukhovich M. [Bogushevich Frantsisk]. In: *Literaturnaya entsiklopediya* : in 11 vol. Vol. 1 [Electronic resource]. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le1/le1-5461.htm?cmd=2&istext=1> (date of access: 22.10.2015) (in Russ.).
15. Tyukachev N. A. Otechestvennaya istoriografiya revolyutsionnogo narodnicheskogo dvizheniya 1860–1880-kh godov: stanovlenie i evolyutsiya [National Historiography of Revolutionary Narodnik Movement of 1860–1880s: Establishment and Development] [Electronic resource]. URL: <http://www.dissercat.com/content/otechestvennaya-istoriografiya-revoljutsionnogo-narodnicheskogo-dvizheniya-1860-%E2%80%93-1880-kh-go#ixzz4VUo5b1YZ> (date of access: 22.12.2016) (in Russ.).
16. Luckevich A. Vybranyja tvory: problemy kul'tury, litaratury i mastactva [Selected works: problems of culture, literature and art]. Minsk, 2006 (in Belarus.).
17. Lukashuk A. M. Vjartanne nacyjanalista [Return of the nationalist] : documents. Minsk, 2014 (in Belarus.).
18. Sharahowski J. [F. K. Bahushevich]. In: Bagushjevich F. *Vybranyja tvory*. Minsk, 1952. P. 3–22 (in Belarus.).
19. Barysenka V. Idzejnyja skazhjenni w asobnyh artykulach krytykaw i litaraturaznawcaw [Idea Distortions in Select Articles of Literary Critics and Literary Scholars]. *Litaratura i mastactva*. 1948. 17 Jan. P. 3 (in Belarus.).
20. Apanasovich L. [Bjendje L.]. Nevuctva i abarona nacyjanalizma [Ignorance and defence of nationalism]. *Litaratura i mastactva*. 1948. 31 Jan. P. 3 (in Belarus.).
21. Mushynski M. Belaruskaja krytyka i litaraturaznawstva. 40-ja – pershaja palavina 60-h gadov [Belarusian Criticism and Literary Studies. 40s – early 60s]. Minsk, 1985 (in Belarus.).
22. Andrjeew V. Abmerkavanne artykula L. Apanasovicha «Nevuctva i abarona nacyjanalizma» [Discussion of L. Apanasovich' article «Ignorance and Defence of Nationalism»]. *Litaratura i mastactva*. 1948. 21 Feb. P. 4 (in Belarus.).
23. Barysenka V. V. Francishak Bagushjevich i problema rjealizma w belaruskaj litaratury XIX stagoddzja [Francishak Bagushjevich and Problem of Realism in Belarusian Literature of XIX century]. Minsk, 1957 (in Belarus.).
24. Akudovich V. Kod prysutnasci. Asnovy belaruskaj mental'nasci [Presence Code. Fundamentals of Belarusian Paradigm]. Minsk, 2007 (in Belarus.).
25. Luchyna J. Tvory [Works] : poems, essays, translations, letters. Minsk, 2001 (in Belarus.).

Артыкул паступіў у рэдкалегію 13.01.2017.
Received by editorial board 13.01.2017.

УДК 821.161.3'06-31-9«20»

ДАКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА (НОН-ФИКШН) НА МЯЖЫ ХХ–ХХІ стст.: ТЭАРЭТЫЧНЫ АСПЕКТ

Г. Ю. НОВИК^{1*}

^{1*}Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі,
вул. Сурганава, 1, корп. 2, 220072, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

Даследуецца тэарэтычнае асэнсаванне феномена дакументальнай літаратуры (нон-фікшн) і яго ролі ў сучасным літаратурным працэсе Беларусі. Разглядаецца сінанімічны шэраг тэрмінаў, якія выкарыстоўваюцца для абазначэння дакументалістыкі: «эгадакумент», «літаратура факта», «непрыдуманая літаратура», «літаратура з дамінантным дакументальным пачаткам»; адзначаюцца аўтарскія найменні: «самажыццёапісанне», «летапіс жыцця і творчасці», «літаратура існавання» і інш. Паказаны генезіс нон-фікшн, які ўзыходзіць да росквіту літаратурных салонаў пачатку ХІХ ст., дзейнасці рускага літаратурнага аб'яднання «ЛЕФ» 1922–1928 гг., амерыканскага журналізму 1960-х гг. На падставе звароту да твораў беларускіх прозаікаў мяжы ХХ–ХХІ стст. раскрываюцца асноўныя прыкметы літаратуры нон-фікшн. Зроблена выснова пра тое, што нон-фікшн можна разглядаць і як літаратурны метада, і як корпус дапаможных тэкстаў, у якіх няма аўтарскага вымыслу, і як сукупнасць мастацкіх твораў, напісаных з дапамогай адпаведнага метада. Канкрэтызавана паняцце «нон-фікшн», якое ў працах многіх літаратуразнаўцаў трактуецца абстрактна.

Ключавыя словы: дакументальная літаратура; нон-фікшн; аўтабіяграфістыка; мастацкая літаратура; факт; дакумент.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА (НОН-ФИКШН) НА РУБЕЖЕ ХХ–ХХІ вв.: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. Ю. НОВИК¹⁾

¹⁾Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Республика Беларусь

Исследуется теоретическое осмысление феномена документальной литературы (нон-фикшн) и его роли в современном литературном процессе Беларуси. Рассматривается синонимический ряд терминов, которые используются для номинации документалистики: «эгодокумент», «литература факта», «непридуманная литература», «литература с доминантным документальным началом»; отмечены авторские наименования: «саможизнеописание», «летопись жизни и творчества», «литература существования» и др. Показан генезис нон-фикшн, который восходит к расцвету литературных салонов начала ХІХ в., деятельности русского литературного объединения «ЛЕФ» 1922–1928 гг., американскому новому журнализму 1960-х гг. На основе обращения к произведениям белорусских прозаиков рубежа ХХ–ХХІ вв. раскрываются важнейшие жанровые признаки литературы нон-фикшн.

Образец цитирования:

Новик Г. Ю. Документальная проза (нон-фикшн) на мяжы ХХ–ХХІ стст.: тэарэтычны аспект // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 1. С. 17–23.

For citation:

Novik H. Y. Non-fiction on the boundary of XX–XXI centuries: theoretical aspect. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 1. P. 17–23 (in Belarus.).

Автор:

Анна Юрьевна Новик – аспирантка отдела истории белорусской литературы ХХ–ХХІ вв. Института языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы. Научный руководитель – доктор филологических наук А. Н. Кислицына.

Author:

Hanna Novik, postgraduate student at the department of history of Belarusian literature of XX and XXI centuries, the Yakub Kolas and Yanka Kupala Institute of Language and Literature. thenameofpear@gmail.com

Сделан вывод о том, что нон-фикшн можно рассматривать и как литературный метод, и как корпус вспомогательных текстов, созданных без участия вымысла, и как совокупность художественных произведений, написанных с помощью соответствующего метода. Осуществлена конкретизация понятия «нон-фикшн», которое в работах многих литературоведов трактуется абстрактно.

Ключевые слова: документальная литература; нон-фикшн; автобиографистика; художественная литература; факт; документ.

NON-FICTION ON THE BOUNDARY OF XX–XXI CENTURIES: THEORETICAL ASPECT

H. Y. NOVIK^a

^a*The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Surganova street, 1, building 2, 220072, Minsk, Republic of Belarus*

The article is devoted to theoretical understanding of the phenomenon of non-fiction and its role in the contemporary literary process in Belarus. We consider synonymous terms, which are used for the category of documentary – «ego-document», «literature of fact», «uninvented literature», «literature with dominant documentary beginning», and others, including exclusive «self-life-description», «chronicle of the life and work», «literature of existence», etc. It showed the genesis of non-fiction, which dates back to the literary salons of XIX century, Russian literary association «LEF» 1922–1928 years and the American «new journalism» of 1960s. Based on the reference to the works of Belarusian writers of the turn of XX–XXI centuries we reveal the most important genre features of non-fiction literature. Summed findings allow us to consider non-fiction at the same time as the writing method; as a subsidiary body of texts created without the participation of fiction; as a collection of literary works written by said method. Also carried concretization of the concept of non-fiction, which interpreted abstractly by many literary critics.

Key words: documental literature; non-fiction; autobiographical prose; fiction; fact; the document.

Гісторыя развіцця дакументальных уплываў у мастацкай літаратуры сведчыць пра тое, што на мяжы XX–XXI стст. дакументалістыка атрымала не меншае распаўсюджанне, чым літаратура вымыслу. Гэта было дэтэрмінавана перадусім узмацненнем у мастацтве дакументальнага пачатку, якое назіралася пасля трагічных падзей у сусветнай гісторыі, а таксама ў перыяды змены эпох, калі грамадская думка і літаратура звярталіся да новых парадыгм і паўставала неабходнасць экзістэнцыяльнай рэфлексіі.

У выніку ўзнік новы тып літаратуры, якому ўласціва гарманічнае суіснаванне дакументальнага і мастацкага пачаткаў. Сучаснае літаратуразнаўства не выпрацавала адзінага падыходу да тэарэтычнага асэнсавання гэтай з’явы, пра што сведчыць вялікая колькасць тэрміналагічных варыяцый для абазначэння адпаведнага паняцця. Так, у франкамоўных даследаваннях для намінацыі літаратуры такога тыпу выкарыстоўваюцца тэрміны «апавядальная журналістыка» (*journalisme harratif*) і «вялікі рэпартаж» (*grand rapport*), у Нідэрландах распаўсюджана найменне «эгадакумент» (*egodocument*), у краінах СНД часта ўжываецца азначэнне «дакументальная літаратура». Літаратуразнаўца Г. Кісліцына адзначала наступныя тэрміны: «...беларускі варыянт “непрыдуманая літаратура”, рускі – “дакументальная літаратура”, заходнеславянскі – “літаратура факта”, а таксама іншыя – “дакументалістыка”, “нефікцыйная літаратура”» [1, с. 304]. У англамоўных краінах (ЗША, Канада, Вялікабрытанія, Аўстралія) і ў Італіі найбольшай папулярнасцю карыстаецца тэрмін *non-fiction* (англ. *non* ‘не’, *fiction* ‘вымысел; мастацкая літаратура’). У апошнія гады ён стаў актыўна выкарыстоўвацца ў айчынным літаратуразнаўстве як у арыгінальнай, так і ў транслітараванай форме – нон-фікшн.

Найбольш рэлевантнымі для намінацыі новай з’явы, на наш погляд, з’яўляюцца тэрміны, якія выяўляюць шчыльную сувязь мастацкага тэксту з дакументам як матэрыяльным носьбітам зафіксаванай на ім інфармацыі, – «дакументальная літаратура» і «літаратура з дамінантным дакументальным пачаткам». Найменне «нон-фікшн» выступае ў якасці іх сіноніма і падкрэслівае праўдзівую прыроду адпаведнага літаратурнага тэксту. Праз пэўную ступень метафарычнасці мэтазгодна выключыць з сінанімічнага шэрагу аўтарскія дэфініцыі «самажыццяпіс» (А. Цяпа), «летапіс жыцця і творчасці пісьменніка» (М. Мушынскі), «літаратура існавання» (А. Гальдштэйн). Непрыдатнай у якасці тэрміна ўяўляецца і назва «непрыдуманая літаратура», паколькі такая характарыстыка выклікае пытанні наконт эс-тэтычнасці адпаведных твораў і патрабуе ўдакладнення ступені аўтарскага вымыслу ў іх арганізацыі.

Варта адзначыць, што ўзнікненню феномена нон-фікшн папярэднічала рэалізацыя шэрагу мастацка-культурных з’яў: росквіт літаратурных салонаў і гурткоў першай паловы XIX ст., развіццё рэалізму, французскага натуралізму, дзейнасць рускага літаратурнага аб’яднання «ЛЕФ» у 1922–1928 гг., з’яўленне амерыканскага новага журналізму ў 1960-я гг. і г. д. Калі ў краінах Захаду літаратура нон-фікшн развілася ў значнай ступені пад уплывам новага журналізму, то ў Беларусі яе ўзнікненне абумоўлена зніжэннем цэнзурнага прэса ў 1980–90-я гг. Паступовае знішчэнне калектывісцкіх стэрэатыпаў і ўмацаванне ў мастацтве слова прынцыпаў шчырасці, спавядальнасці, адкрытасці прадвызначылі рост колькасці дакументальных твораў, перадусім аўтабіяграфічнай тэматыкі. Аднак вызначэнне даследчыкамі іх жанравай прыналежнасці як «аўтабіяграфістыка» (А. Астаф’еў), «аўтабіяграфічны жанр» (Л. Лазарук), «аўтабіяграфічная проза» (В. Стральцова, А. Бязлепкіна, Т. Тарасова, С. Сіверска і інш.), «мемуарыстыка» (А. Сідарэвіч, Л. Юрэвіч, М. Улашчык), «мемуарны жанр» (Л. Гаранін) не адлюстроўвае ўсю разнастайнасць сучаснай дакументальнай прозы.

Перш чым даць азначэнне новаму тыпу літаратуры, звернем увагу на яго асобныя рысы, на якія звярталі ўвагу айчынныя і замежныя даследчыкі.

Паводле дэфініцыі Г.-М. Перэ, прыведзенай у энцыклапедыі *Britannica*, проза нон-фікшн – гэта «любая літаратурная праца, заснаваная галоўным чынам на факце, нават калі яна ўтрымлівае прыдуманых элементы»¹ [2]. Асноўнае прызначэнне такіх твораў – інфармаванне, тлумачэнне. Аднак, паколькі дакументальная проза павінна аказваць эстэтычнае ўздзеянне, то яна не можа атаясамлівацца з высоканавуковым і эрудзіраваным пісьмом. «Слоўнік новых слоў» В. Уласевіч і Н. Даўгулевіч акрэслівае паняцце «нон-фікшн» як «біяграфічны, публіцыстычны твор, дакументальную літаратуру» [3, с. 244].

Большасць даследчыкаў, якія разумеюць пад нон-фікшн прозу, створаную без удзелу вымыслу, пры характарыстыцы тэрміна закранаюць розныя бакі дакументальнай літаратуры. Напрыклад, С. Чупрынін прыводзіць пералік твораў, прыналежных, паводле яго меркавання, да літаратуры з дамінантным дакументальным пачаткам, дзякуючы тэматыка-стылістычнаму аналізу якіх можна скласці ўяўленне пра нон-фікшн: «...сёння гэта і заснаваная на праўдзівых сведчаннях проза Святланы Алексіевіч, і расповед Анатоля Прыстаўкіна пра людзей, прыгавораных да смяротнага пакарання, і па-філасофску выкрышталізаваны “Бясконцы тупік” Дзмітрыя Галкоўскага, і стылістычна ўпарадкаваная напаўнаважлістыка-напаўнарысістыка Уладзіміра Парудамінскага, Ігара Памяранцава, Льва Рубінштэйна, Ігара Клеха, Васілія Галаванава і многіх іншых» [4]. Літаратуразнаўца М. Варыкаша, аналізуючы адметнасці дакументальнай прозы, закранала эстэтычны бок з’явы: «Літаратура *non-fiction* – гэта не фактаграфія і не дакументалістыка, а расповед, які ўспрымаецца на веру. Наяўнасць недакладнасцей ці непраўдзівай інфармацыі ў такіх творах можна вытлумачыць іх прыналежнасцю да мастацтва, якое пакідае за аўтарам права адвольнай інтэрпрэтацыі фактычнага матэрыялу» [5, с. 32]. Даследчыца Н. Іванова падкрэслівала дуалістычную прыроду літаратуры новага тыпу, яе сцверджанне пабудавана паводле прынцыпу выключэння: «*Non-fiction* ёсць усё тое, што не *fiction*, але застаецца ў межах мастацкага пісьма (у межах інтэлектуальна-мастацкага дыскурсу). Я суадношу *non-fiction* з прыгожым пісьменствам – а не проста з кнігамі як такімі, сярод якіх могуць быць і дапаможнікі па матэматыцы, і парады ветэрынара» [6, с. 6–7]. Іншы навуковец, А. Геніс, акцэнтуючы ўвагу на палярызацыі праўды і вымыслу ў літаратуры нон-фікшн, значна пашырае яе жанравыя межы: «Сюды ўваходзяць не толькі навукова-папулярныя сачыненні, філасофскія трактаты, падарожныя нататкі, палітычныя праграмы і кулінарныя рэцэпты, але і, скажам, лірычныя вершы <...> а таксама прыгожае, але небелетрыстычнае пісьменства: эсэ, дзённікі, лісты, гуманітарная проза, уключаючы ўсемагчымыя “раманы-эсэ”, “раманы без хлусні”» [7].

Можна заўважыць, што літаратуразнаўцы пры вызначэнні паняцця «нон-фікшн» арыентуюцца на тэматычна-стылістычныя паказчыкі, агульныя для пэўнай сукупнасці твораў, іх жанравую будову, спецыфіку суадносін у такіх тэкстах эстэтычнага і дакументальнага складнікаў, а таксама на шырыню сэнсавога ахопу і генезіс з’явы. У сувязі з неадназначнасцю меркаванняў паўстае неабходнасць канкрэтызацыі паняцця, і найбольш набліжанымі да рэалій яго існавання ў славянамоўных краінах падаюцца высновы А. Местэргазі. Даследчыца вылучае тры сэнсавыя абсягі, характэрныя для нон-фікшн: інтэлектуальная літаратура (тэрмін выкарыстоўваецца пераважна для маркіроўкі небелетрыстычных твораў на кніжных кірмашах); масавая і дапаможная літаратура; літаратура, якая ўзнаўляе рэальнасць без удзелу вымыслу [8, с. 36]. На наш погляд, камерцыйны бок паняцця «нон-фікшн» у айчынных умовах пакуль не развіты, затое праблема сутыкнення інтэлектуальнага і белетрыстычнага (у значэнні так званага лёгкага чытва) у дакументальнай прозе відавочная. Дзякуючы сінтэзу дакументальных і мастацкіх уплываў у літаратуры нон-фікшн цесна спалучаны інфармацыйна-гнэсалагічная і мастацка-эстэтычная функцыі. Такія творы прызначаны перадусім для адукацыі чытача, фарміравання інфармацыйнай

¹Тут і далей пераклад наш. – Г. Н.

дасведчанасці і адначасова эстэтычнага густу. Пэўная ступень займальнасці прыўносіцца ў асобныя тэксты нон-фікшн за кошт белетрызацыі зыходнага фактычнага матэрыялу, таму тэкставы абсяг дакументальнай прозы можа папаўняцца за кошт мадыфікацыі тэкстаў, прыналежных да навуковага і інфармацыйнага дыскурсаў. Аднак адукацыйная скіраванасць дакументалістыкі адмяжоўвае яе ад масавай літаратуры. У сваю чаргу, ад літаратуры дапаможнай нон-фікшн адрозніваецца наяўнасцю элементаў мастацкай літаратуры. На аснове акрэсленых А. Местэргазі сэнсавых абсягаў і сфер прымянення нон-фікшн прапануем наступныя варыянты разумення гэтага феномена:

- метада стварэння тэкстаў на аснове мастацкага пераасэнсавання праўдзівых дакументальных сведчанняў (фактаграфічных ці аўтабіяграфічных) або мадыфікацыі навуковага (гісторыя, літаратура-знаўства) і інфармацыйнага (журналістыка) дыскурсаў пад уздзеяннем белетрызацыі;

- шырокі спектр друкаваных выданняў, створаных без удзелу вымыслу (слоўнікі, даведнікі, навуковыя публікацыі, альманахі, падручнікі, тэзаўрусы, дыяграмы, планы, праекты, фотаздымкі, статусы, аўтарскія кулінарныя кнігі, практычныя дапаможнікі, аналітычныя журналісцкія артыкулы) ці з мінімальным яго выкарыстаннем, напрыклад кнігі «Наша страва» А. Беллага, «Беларуская міфалогія» С. Санько, «Гісторыя Беларусі» М. Ермаловіча, «222 альбомы беларускага року» В. Мартыненкі, якія, з аднаго боку, адметныя наяўнасцю аўтарскага стылю, з іншага – з’яўляюцца ўзорам дапаможнай літаратуры;

- уласна літаратурныя творы, напісаныя з дапамогай акрэсленага вышэй метаду. Такія тэксты знаходзяцца на мяжы інтэлектуальнай і масавай літаратуры, напрыклад творы «Крыж на зямлі і поўня ў небе» В. Карамазава, «Жылі-былі класікі» Г. Кісялёва, «Мой радавод да пятага калена» У. Арлова, «Стомленасць Парыжам» Л. Дранько-Майсюка, «З пабачанага і перажытага» А. Барскага, «Масеева кніга» М. Сяднёва, «Займальная літаратура» А. Лойкі і інш.

Паколькі літаратура нон-фікшн аформілася як паўнавартасная эстэтычная з’ява, якая заслугоўвае грунтоўнага аналізу, то ў нашым даследаванні ўвага акцэнтуюцца на трэцім падыходзе да разумення гэтага феномена. Паспрабуем канкрэтызаваць паняцце, улічваючы меркаванні іншых даследчыкаў. Такім чынам, нон-фікшн – проза з дамінантным дакументальным пачаткам, якая належыць да інтэлектуальна-мастацкага дыскурсу, выконвае інфармацыйна-гнэсеалагічную і мастацка-эстэтычную функцыі. Факты рэчаіснасці, увасобленыя ў выглядзе як афіцыйных дакументаў, так і інтэрв’ю, лістоў, занатаваных асабістых перажыванняў, у такой літаратуры пазначаны аўтарскім суб’ектывізмам і ўводзяцца ў тэкст пры дапамозе прыёмаў прыгожага пісьменства. Нон-фікшн можна ўмоўна дыферэнцыраваць на дзве плыні – аўтабіяграфічную (дзённікі, мемуары, споведзі, лісты, аўтабіяграфіі, травелогі) і дакументальна-мастацкую (мастацкія хронікі, белетрызаваныя біяграфіі, крытыка, фрагментарная проза). Акрамя таго, да прозы з дамінантным дакументальным пачаткам адносяцца такія яе разнавіднасці, як *creative non-fiction* (літаратурна-мастацкая журналістыка) і *pseudo-non-fiction* (містыфікацыі).

На мяжы мастацкай і дакументальнай літаратуры знаходзяцца нарысы, эсэістыка, літаратура «чалавечага дакумента» (так званая вусная гісторыя), інсітнае пісьмо (у тым ліку дзённікі і мемуары, не прызначаныя для друку), а таксама *pseudo-fiction* (цалкам аўтабіяграфічныя творы, напісаныя ў жанрах мастацкай літаратуры). Да нон-фікшн традыцыйна не адносяць мастацкую прозу, паэзію, публіцыстыку, тэксты навуковага дыскурсу, гістарычную і часткова аўтабіяграфічную прозу. Гэта, аднак, не сведчыць пра немагчымасць пранікнення элементаў азначаных разнавіднасцей пісьменства ў дакументалістыку, чаму значна спрыяе рухомасць міждысцыплінарных сувязей, а таксама дынамічнасць меж эстэтычнага, што праяўлялася ў розныя гістарычныя перыяды.

Зыходзячы з сітуацыінасці выбару жанру, паводле якой тэкст можа належаць (ці не належаць) да літаратуры нон-фікшн у адпаведнасці з тэматыка-стылістычнай напоўненасцю, спосабамі ўзаемадзеяння з мэтай аўдыторыяй, Д. Марціновіч сфармуляваў шэраг умоў, пры якіх да дакументальнай прозы могуць адносіцца нехарактэрныя жанры і тыпы славеснасці: «Публіцыстыка – калі яна напісаная з апорай на дакументы. Інтэрв’ю – калі яны з’яўляюцца часткай нейкай цэласнай кнігі. <...> Літаратурназнаўства, мастацтвазнаўства, рэлігійная літаратура – калі ідзе гаворка пра біяграфію пэўнай асобы, гісторыю стварэння пэўнага твора, мастацкай суполкі і г. д.» [9, с. 290]. Улічваючы лабільнасць мяжы паміж мастацкай прозай і нон-фікшн, варта адзначыць дыферэнцыйныя рысы апошняй.

Адна з галоўных прыкмет дакументальнай літаратуры – пабудова твора на аснове праўдзівай інфармацыі, якая ўяўляе сабой зафіксаваныя факты рэчаіснасці. У якасці такіх фактаў могуць выступаць разнастайныя дакументы, лісты, фотаздымкі, справаздачы, архіўныя матэрыялы, а таксама вусныя сведчання, выслоўі, чуткі, занатаваныя пісьменнікамі. Напрыклад, падчас стварэння кнігі «След матылька. Освальд у Менску» А. Лукашук былі выкарыстаны рапарты знешняга назірання, дзённікавыя запісы і лісты галоўнага героя, успаміны відавочцаў, аўдыёзапісы, інтэрв’ю і нават кнігі папярэдніх даследчыкаў гэтай тэмы.

Прыналежнасць рэферэнтаў нон-фікшн да рэальнага свету, сама верагоднасць іх верыфікацыі абумоўліваюць парадыгматычныя адносіны паміж адпаведнымі творамі. Гістарычныя падзеі, якія трансфармуюцца ў дакументальны тэкст, паводле вызначэння Н. Мэйлера, «заўсёды маюць больш чым адну версію, і розныя меркаванні часам саборнічаюць паміж сабой, асабліва калі яны тычацца грамадскіх падзей» [10, р. 47]. Пры гэтым саборніцтва розных твораў нон-фікшн адбываецца на ўзроўні характараў, а таксама падзейнага і фактычнага зместу. Такія шляхі неўласцівыя мастацкай літаратуры, у якой звычайна ацэньваюцца адметнасці сюжэтнай арганізацыі і спецыфіка стылістычнай манеры аўтара, а не ступень суаднесенасці твора з рэальнасцю.

У адрозненне ад мастацкай літаратуры нон-фікшн прапануе чытачу не гіпатэтычную версію развіцця падзей, а пэўны погляд на рэальныя з'явы рэчаіснасці. У выпадку сутыкнення розных меркаванняў, якія ўзніклі пры пераасэнсаванні рознымі аўтарамі адной і той жа з'явы, чытач мае шырэйшыя магчымасці для ўдасканалення крытычнага мыслення. Відавочна, што інфарматыўная альтэрнатыўнасць у прозе нон-фікшн ажыццяўляецца як праз парадыгматычныя адносіны паміж творамі, так і праз рэалізацыю пісьменнікамі ацэначна-адукацыйных мэт. Так, адметнасці творчага шляху У. Караткевіча чытач можа асэнсоўваць праз прызму ўспамінаў пра класіка яго сучаснікаў, у кантэксце асабістых стасункаў творцы (кніга Д. Марціновіча «Жанчыны ў жыцці Уладзіміра Караткевіча»), а таксама пры звароце да авестыйскай астралогіі (выданне М. Кандратава «У святле астралогіі. Лёсы беларускіх літаратараў»).

Нон-фікшн дакладна вызначае каштоўнасць усіх фактаў незалежна ад іх маштабу ў гістарычным кантэксце і сэнсавага напаўнення. Галоўным чынам такая непераборлівасць выступае адмыслова прыёмам стварэння праўдападобнасці, паколькі кожны момант быцця мае свой сэнс і значнасць.

Для літаратуры з дамінантным дакументальным пачаткам нехарактэрна прэзентацыя чытачу дакумента, не арганізаванага ўнікальным аўтарскім бачаннем, таму праўдзівая інфармацыя, будучы запазычанай з пазатэкставай рэчаіснасці, існуе ў творах нон-фікшн у якасці так званых фактаў-вобразаў. Аўтар пры зборы і аналізе фактычных матэрыялаў, неабходных для аргументацыі, выкарыстоўвае запас асацыятыўных сувязей, закладзеных у яго памяці, сістэмна вывучае здабытыя факты і выбудоўвае гіпотэзы. Праява аўтарскай суб'ектыўнасці назіраецца і ў выбары аб'екта творчасці, пошуку неабходных крыніц. Асабістае меркаванне пісьменніка можа выяўляцца таксама ў падборы фактаў, якія характарызуюць пэўныя гістарычныя падзеі, жыццёвы шлях пэўнага дзеяча ці важную для народа праблему з неўласцівага ракурсу, таму суб'ектыўнасць у дакументальнай літаратуры мае інтэрпрэтацыйны характар. Пра ўвасабленне фактаў у якасці мастацкіх вобразаў пісаў яшчэ Н. Лейдэрман. Навуковец Л. Гаранін падкрэсліваў, што «найбольш тыповай формай існавання дакумента ў літаратуры, паказчыкам яго эстэтычнай самастойнасці і паўнаўартаснасці з'яўляецца дакументальны вобраз, менавіта ў ім варта бачыць сутнасць і сапраўднае прызначэнне той ці іншай жанравай структуры» [11, с. 22].

Рэцэпцыя дакументальнай прозы прадугледжвае зварот чытача да ўласных ведаў і кампетэнтнасці ў працэсе чытання, паколькі тэкстуальная інфармацыя накладаецца на ўжо сфарміраванае чытацкае меркаванне адносна той ці іншай з'явы рэчаіснасці. Прычым рэцыпіент мае магчымасць сумнявацца ў слухнасці аўтарскага меркавання. Менавіта сумнеў Э. Хейнэ абірае ў якасці асноўнага крытэрыю вылучэння дакументальнай прозы. У той час як у праўдзівасці мастацкага наратыву сумнявацца бяссэнсавы, літаратура нон-фікшн, маючы прэтэнзіі на фактычнасць, іманентна прадугледжвае сумнеў. На думку даследчыка, «калі чытач гатовы сцвярджаць альтэрнатыўны варыянт развіцця падзей, актыўна ўдзельнічаць у пэўнага роду дыялогах, то мы маем справу з нечым, што можа называцца “нон-фікшн”. Калі мы можам гаварыць пра розныя канкурэнтныя гісторыі і калі мы шчыра жадаем выбраць адну з іх, а не дазваляць ім мірна суіснаваць, то мы пакінулі сферу мастацкай літаратуры» [12, р. 330]. Менавіта такім сумневам абумоўлена, напрыклад, палемічнасць кнігі А. Бахарэвіча «Гамбургскі рахунак Бахарэвіча».

У адпаведнасці з умоўнай канцэпцыяй нон-фікшн творчая самарэалізацыя аўтара ў дакументальных тэкстах павінна абмяжоўвацца кампазіцыйным размяшчэннем фактычнага матэрыялу. Як слушна сцвярджае Л. Гінзбург, «для эстэтычнай значнасці не абавязковы вымысел і абавязковая арганізацыя – адбор і творчае спалучэнне элементаў, якія адлюстраваны і пераствораны словам» [13, с. 7]. Жыццёвы факт у прозе нон-фікшн самадастатковы ў мастацкім плане дзякуючы не столькі стылістычным упрыгожаннем, знешняй вобразнасці, колькі здатнасці пісьменніка да кампанавання дакументальнага матэрыялу, выбару аптымальнага кампазіцыйнага рашэння. Такая мастацкасць спрыяе захаванню максімальнай праўдзівасці факта. Напрыклад, раман М. Гарэцкага «Камароўская хроніка» ўяўляе сабой не традыцыйны цэласны ў мастацка-стылістычным плане тэкст, а пералічэнне фактаў, аб'яднаных паміж сабой на канцэптуальным узроўні. У якасці важнай адметнасці падобных твораў вылучаюцца мазаічнасць і фрагментарнасць іх кампазіцыйнай будовы. Характэрнай рысай у такім выпадку можа выступаць і адсутнасць сюжэта, які паспяхова замяняецца зафіксаваным рухам самога жыцця.

Некаторыя літаратуразнаўцы, наадварот, падкрэсліваюць важнасць грунтоўнага аўтарскага ўмяшальніцтва ў матэрыял, часам даведзенага да эгацэнтрызму. Балансаванне на мяжы рэальнасці і вымыслу ўласцівае перадусім аўтабіяграфічнай плыні нон-фікшн, дзе вобраз аўтара набліжаны да вобраза апавядальніка і амаль зліваецца з ім. У аўтабіяграфічнай прозе, як сцвярджае В. Стральцова, «пісьменніцае “Я” зададзена як апавядальная тэма, цэнтр кампазіцыі і сюжэтны стрыжань» [14, с. 53]. Множнасць іпастасей пісьменніка ўспрымаецца натуральна пры ўмове выяўлення ім неардынарнасці мыслення і значнасці яго асобы ў кантэксце літаратурнага працэсу. Таму ў цэнтры ўвагі пэўнага тэксту знаходзіцца не столькі твор і яго персанажы, колькі асоба аўтара. Паводле А. Геніса, аўтар «нам даражэйшы за ўсё, паколькі сёння нас больш хвалюе не ўнікальны твор, а ўнікальнасць творчай асобы, нераскладная сума супярэчнасцей, сабраная ў мастацкай свядомасці, непаўторнасць рэакцый на свет, эксцэнтрычная выключнасць духоўнага вопыту» [7].

Такім чынам, дакументальныя ўплывы ў літаратуры XX ст. выкрышталізаваліся ў самастойную з’яву, якая мае генетычнае дачыненне да метаду вуснай гісторыі і новага журналізму. Найбольш рэлевантнымі для азначэння адпаведнага паняцця выступаюць тэрміны «нон-фікшн» (*non-fiction*), «дакументальная літаратура» і «проза з дамінантным дакументальным пачаткам». Існуюць тры падыходы да разумення гэтай з’явы: нон-фікшн разглядаецца як метад стварэння тэкстаў, шырокі абсяг твораў, напісаных без удзелу вымыслу, і літаратура, створаная пры дапамозе гэтага метаду, якая знаходзіцца на мяжы масавай літаратуры і інтэлектуальнага пісьма. Мы прапануем разумець пад нон-фікшн літаратуру, якая належыць да інтэлектуальна-мастацкага дыскурсу і дзякуючы імпліцытнай ролі аўтара пры арганізацыі дакументальных сведчанняў у паўнаважны твор выконвае інфармацыйна-гнэсеалагічную і мастацка-эстэтычную функцыі. Для літаратуры з дамінантным дакументальным пачаткам у Беларусі характэрны ўмоўны падзел на дзве плыні – аўтабіяграфічную, да якой адносяцца дзённікі, мемуары, споведзі, лісты, аўтабіяграфіі, травелогі, і дакументальна-мастацкую, змест якой складаюць мастацкія хронікі, белетрызаваныя біяграфіі, крытыка, фрагментарная проза і інш. Да нон-фікшн таксама адносяцца такія разнавіднасці літаратуры, як *creative non-fiction* (літаратурна-мастацкая журналістыка) і *pseudo-non-fiction* (містыфікацыі). На мяжы нон-фікшн і мастацкай літаратуры знаходзяцца эсэ, нарысы, вусная гісторыя, інсіднае пісьмо, а таксама цалкам аўтабіяграфічныя творы, напісаныя ў жанрах мастацкай літаратуры. Вылучэнне нон-фікшн як самастойнай эстэтычнай з’явы прадугледжвае наяўнасць у ёй большасці з такіх рыс, як балансаванне на мяжы рэальнасці і мастацтва, набыццё дакументамі і фактамі якасцей мастацкіх вобразаў, прызнанне каштоўнасці ўсіх фактаў, творчая самарэалізацыя аўтара праз кампазіцыйнае рашэнне твора, наяўнасць уласных ведаў чытача пра аб’ект расповеду, замена ў асобных творах праўдзівасці праўдападобнасцю і інш.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Кісліцына Г. М. Літаратура non-fiction: праблемы атрыбucыі жанру // Вечны рух жыцця і заканамернасці творчых пошукаў літаратуры (да 90-годдзя з дня нараджэння народнага пісьменніка Беларусі акадэміка І. Я. Навуменкі) : матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф. (Мінск, 26–27 лют. 2015 г.). Мінск, 2015. С. 303–306.
2. Peyre H. Nonfictional prose [Electronic resource] // Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/non-fictional-prose> (date of access: 17.12.2015).
3. Уласевіч В. І., Даўгулевіч Н. М. Слоўнік новых слоў беларускай мовы. Мінск, 2009.
4. Чупринин С. И. Non-fiction литература // ЛитМир : [сайт]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=105181&p=87> (дата обращения: 05.10.2016).
5. Варикаша М. М. Литература non-fiction: поміж фактом і фікцією // Актуальні проблеми слов’янської філології. Сер.: Лінгвістика і літературознавство : міжвуз. зб. наук. ст. Бердянск, 2010. Вип. XXIII, ч. 3. С. 28–39.
6. Иванова Н. По ту сторону вымысла // Знамя. 2005. № 11. С. 3–8.
7. Генис А. Фотография души. В окрестностях филологического романа // Журнальный зал : [сайт]. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2000/9/genis.html> (дата обращения: 17.12.2015).
8. Местергази Е. Г. Литература нон-фикшн/non-fiction. М., 2007.
9. Непрыдуманая літаратура / літаратура нон-фікшн у Беларусі – што гэта? : [круглы стол] // Дзеяслоў. 2015. № 4. С. 278–293.
10. Lehtimäki M. The Poetics of Norman Mailer’s Nonfiction: Self-reflexivity, Literary Form, and the Rhetoric of Narrative. Tampere, 2005.
11. Гаранин Л. Я. Мемуарный жанр советской литературы : ист.-теорет. очерк. Минск, 1986.
12. Heyne E. Where Fiction Meets Nonfiction: Mapping a Rough Terrain // Narrative. 2001. Vol. 9, October (№ 3). P. 322–333.
13. Гинзбург Л. О психологической прозе. М., 1999.
14. Стральцова В. М. Шлях да сябе: сучасная аўтабіяграфічная проза як мастацкая сістэма. Мінск, 2002.

References

1. Kislitsyna G. M. Litaratura non-fiction: problemy atrybucyi zhanru [Literature non-fiction: the problem of attribution of the genre]. *Vechny ruh zhycja i zakanamernasci tvorchyh poshukaw litaratury (da 90-goddzja z dnja narodzhennja narodnaga pis'mennika Belarusi akademika I. J. Navumenki)* : matjeryjaly rjespublikanskaj navuk.-prakt. kanferjencyi (Minsk, 26–27 Febr., 2015). Minsk, 2015. P. 303–306 (in Belarus.).

2. Peyre H. Nonfictional prose [Electronic resource]. *Encyclopedia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/topic/nonfictional-prose> (date of access: 17.12.2015).
3. Ulasevich V. I., Dauhulevich N. M. Slovník nových slov belaruskaj movy [Dictionary of new words of the Belarusian language]. Minsk, 2009 (in Belarus.).
4. Chuprinin S. I. Non-fiction literatura [Non-fiction literature]. *LitMir* : [site]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=105181&p=87> (date of access: 05.10.2016) (in Russ.).
5. Varikasha M. M. Literatura non-fiction: pomizh faktom i fiktsieju [Books non-fiction: between fact and fiction]. *Aktual'ni problemy slov'jans'koi filologii. Ser.: Lingvistyka i literaturoznavstvo : mizhvuzivs'kyi zbirnyk naukovykh statei*. Berdjansk, 2010. Issue XXIII, part 3. P. 28–39 (in Ukrainian).
6. Ivanova N. Po tu storonu vymysla [On the other side of fiction]. *Znamya*. 2005. No. 11. P. 3–8 (in Russ.).
7. Genis A. Fotografiya dushi. V okrestnostyakh filologicheskogo romana [Photo of the soul. In the surroundings of the philological novel]. *Zhurnal'nyi zal* : [site]. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2000/9/genis.html> (date of access: 17.12.2015) (in Russ.).
8. Mestergazi Y. G. Literatura non-fikshn/non-fiction [Literature non-fiction]. Moscow, 2007 (in Russ.).
9. Neprydumanaja litaratura / litaratura non-fikshn u Belarusi – shto gjeta? : [krugly stol] [True fiction / non-fiction books in Belarus – what is it?]. *Dzejaslow*. 2015. No. 4. P. 278–293 (in Belarus.).
10. Lehtimäki M. The Poetics of Norman Mailer's Nonfiction: Self-reflexivity, Literary Form, and the Rhetoric of Narrative. Tampere, 2005.
11. Garanin L. Y. Memuarnyi zhanr sovetckoi literatury [Memoir genre of Soviet literature]. Minsk, 1986 (in Russ.).
12. Heyne E. Where Fiction Meets Nonfiction: Mapping a Rough Terrain. *Narrative*. 2001. Vol. 9, October (No. 3). P. 322–333.
13. Ginzburg L. O psikhologicheskoi proze [About the psychological prose]. Moscow, 1999 (in Russ.).
14. Straltsova V. M. Shljah da sjabe: suchasnaja avtabijagrafichnaja proza jak mastackaja sistjema [Way to itself: modern autobiographical prose as an art system]. Minsk, 2002 (in Belarus.).

Артыкул паступіў у рэдакцыю 16.12.2016.
Received by editorial board 16.12.2016.

НАРАЦЫЯ Ё РАННІХ АПАВЯДАННЯХ КУЗЬМЫ ЧОРНАГА

І. Ч. ЧАСНОК^{1*}

^{1*} *Інстытут журналістыкі БДУ, вул. Кальварыйская, 9, 220004, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь*

Аналізуецца наратыўная арганізацыя ранніх твораў Кузьмы Чорнага. Адзначана, што ў разгледжаных апа-
вяданнях («На граніцы», «На варце», «Маё дзела цялячае», «Будзем жыць», «Жалезны крык», «Пачуцці», «Со-
сны гавораць») яскрава праявіліся дзве асноўныя наратыўныя дамінанты прозы Кузьмы Чорнага – устаноўка
на ментальную падзейнасць і агітацыйная наратыўная стратэгія. Паказана, што ў плане апавяду ў гэтых творах
выкарыстоўваліся такія прыёмы, як публіцыстычнасць, метанаратыўнасць (імкненне персанажаў або наратара да
калектыўнай агульнасці), наяўнасць малаінфарматыўных дыялогаў, стварэнне інтрыгі праз невядомасць і адсут-
насць імёнаў герояў, наданне наратыўнага характару апісанням, устаноўка на ўнутраныя, ментальныя змяненні
ў псіхалогіі персанажаў. Зроблена выснова пра тое, што наратыўныя прыёмы і стратэгіі, выяўленыя ў ранніх апа-
вяданнях Кузьмы Чорнага, выкарыстоўваліся і ў наступных, больш позніх яго творах (раманы «Сястра», «Зямля»,
«Пошукі будучыні», «Млечны Шлях», апавесць «Люба Лук'янская» і інш.).

Ключавыя словы: беларуская проза; наратыўная стратэгія; наратыўны прыём; наратар; абстрактны аўтар;
апапавяданне; унутраная падзейнасць; агітацыйная стратэгія.

НАРАЦІЯ В РАННИХ РАССКАЗАХ КУЗЬМЫ ЧОРНОГО

И. Ч. ЧЕСНОК¹⁾

¹⁾ *Институт журналистики БГУ, ул. Кальварийская, 9, 220004, г. Минск, Республика Беларусь*

Анализируется нарративная организация ранних произведений Кузьмы Чорного. Отмечено, что в рассмо-
транных рассказах («На границе», «На страже», «Мое дело телячье», «Будем жить», «Железный крик», «Чув-
ства», «Сосны говорят») ярко проявились две основные нарративные доминанты прозы Кузьмы Чорного – уста-
новка на ментальную событийность и агитационная нарративная стратегия. Указано, что в плане повествования
в этих произведениях использовались такие приемы, как публицистичность, метанарративность как стремление
персонажей или нарратора к коллективной общности, наличие малоинформативных диалогов, создание интри-
ги через неизвестность и отсутствие имен героев, придание нарративного характера описаниям, установка на
внутренние, ментальные изменения в психологии персонажей. Сделан вывод о том, что нарративные приемы и
стратегии, обнаруженные в ранних рассказах Кузьмы Чорного, использовались и в последующих, более поздних
его произведениях (романы «Сестра», «Земля», «Поиски будущего», «Млечный Путь», повесть «Люба Лукьян-
ская» и др.).

Ключевые слова: белорусская проза; нарративная стратегия; нарративный прием; нарратор; абстрактный ав-
тор; рассказ; внутренняя событийность; агитационная стратегия.

Образец цитирования:

Часнок І. Ч. Наратцыя ў ранніх апапавяданнях Кузьмы Чор-
нага // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 1.
С. 24–29.

For citation:

Chasnok I. Ch. Narration in the early stories by Kuzma Chor-
ny. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 1. P. 24–29
(in Belarus.).

Автор:

Ірына Чеславовна Чеснок – преподаватель кафедры лите-
ратурно-художественной критики.

Author:

Iryna Chasnok, lecturer at the department of literary-art cri-
ticism.
hm90@tut.by

NARRATION IN THE EARLY STORIES BY KUZMA CHORNY

I. Ch. CHASNOK^a

^aThe Institute of Journalism of the Belarusian State University,
Kal'variiskaya street, 9, 220004, Minsk, Republic of Belarus

The article is devoted to analysis of the narrative organization of early works by Kuzma Chorny. Reviewed short stories («On the border (Pictures from the borderline life)», «On Guard», «My duty is small», «We will live», «Iron cry», «Feelings», «Pines say») have clearly two main narrative dominants in Kuzma Chorny's prose as the orientation on mental eventfulness and the agitation narrative strategy. On this view, the techniques like journalism, metanarrative (aspiration of characters or narrator to the collective community), uninformative dialogues, creating intrigue through unknown lines and unnamed characters, giving a narrative to descriptions, the orientation on the inner, mental changes in the nature of the character are in frequent use by Kuzma Chorny in these works. Kuzma Chorny included the above narrative techniques in future works (novels «The Sister», «The Earth», «Search for the Future», «The Milky Way», novella «Liuba Luk'ianskaia», etc.).

Key words: Belarusian prose; narrative strategy; narrative technique; narrator; abstract author; story; internal eventfulness; agitation strategy.

Даследчыкамі літаратурнай спадчыны Кузьмы Чорнага неаднаразова адзначалася, што ў прозе пісьменніка пэўныя прыёмы пераходзяць з твора ў твор. Як сцвярджаў А. Адамовіч, «кожны твор яго [Кузьмы Чорнага] – прыступка да наступнага. Нават больш: здаецца, што ўсё жыццё чалавек ішоў да галоўнага свайго твора і ўсё, што напісана ім, – толькі “матэрыял” да яго» [1, с. 380]. Падобнае можна сказаць і пра наратыўную арганізацыю прозы Кузьмы Чорнага: ужо ў яго ранніх апавяданнях вылучаюцца наратыўныя прыёмы і стратэгіі, якія выкарыстоўваліся пісьменнікам і ў творах больш позняга перыяду.

Пад нарацыяй маем на ўвазе працэс расповеду пра якія-небудзь падзеі. Як вядома, у мастацкім тэксце «наратыўная інтэнцыянальнасць выказвання складаецца з дзвюх падзей – рэфэрэнтнай (пра якую паведамляецца) і камунікатыўнай (само паведамленне як падзея)»¹ [2, с. 300]. Наратыўную стратэгію разглядаем як сукупнасць наратыўных працэдур, якія ажыццяўляюцца, або наратыўных сродкаў, якія выкарыстоўваюцца для дасягнення пэўнай мэты ў рэпрэзентацыі наратыву [3, с. 79].

Паняцце «аўтар» разумеем як унутрытэкставую інстанцыю, «канцэнтраванае ўвасабленне сутнасці твора, якое аб'ядноўвае ўсю сістэму маўленчых структур персанажаў у іх суадносінах з расказчыкам, апавядальнікам ці апавядальнікам і якое праз іх з'яўляецца ідэйна-стылістычным цэнтрам цэлага» [4, с. 118]. Важна размяжоўваць аўтара і пісьменніка – рэальную асобу: гэта паняцці нятоежныя. Тэрмін «наратар» ужываем для абазначэння пасрэдніка паміж аўтарам і апавядальным светам (такое тлумачэнне паняццю дае В. Шмід у сваёй працы «Нараталогія» [5, с. 11]).

З пункту гледжання тэорыі, паводле В. Шміда, абавязковай катэгорыяй для любой нарацыі з'яўляецца падзейнасць. Падзею даследчык вызначае як змену зыходнай сітуацыі: ці знешняй сітуацыі ў апавядальным свеце, ці ўнутранай сітуацыі таго ці іншага персанажа (ментальныя падзеі) [5, с. 13]. Адсюль і вынікае падзел катэгорыі на падзейнасць знешнюю і ўнутраную.

Разгледзім, якім чынам ужо ў ранні перыяд вызначыліся два асноўныя наратыўныя кірункі ў прозе Кузьмы Чорнага: дамінаванне агітацыйнай наратыўнай стратэгіі і ўстаноўкі на ўнутраную (ментальную) падзейнасць.

Апавяданне «На граніцы» мае выразную фабулу. Чырвонаармейцы сустракаюць гераіню, што ўцякла з Заходняй Беларусі. Па сутнасці, у творы прысутнічае другасны наратар – персанаж: жанчына распавядае, як уцякла з захаду, дзе яе трымаў пан; як яна расчаравалася ў панах і касцёле. Чырвонаармейцы, якія стаяць на варце на мяжы, вераць у светлую будучыню. Цікава, што яны нават не маюць імёнаў, выступаюць як адзінае калектыўнае цэлае, складзенае з падобных, аднолькавых галасоў. Менавіта ў дыялогу чырвонаармейцаў публіцыстычна агучваюцца асноўныя аўтарскія ідэі: праўда на іх баку, трэба адказна вартаваць мяжу, справядлівасці ў касцёле не знайсці, бо і ворагі-паны таксама там моляцца... Толькі ў канцы апавядання прыўзнятым тонам адзначаецца, што *на тварах людзей, якія пільнуюць сваю родную старонку, лажыцца прамень светлай радасці і свядомасці* [6, с. 33].

Наратар у гэтым апавяданні Кузьмы Чорнага не дае разгарнуцца дзеянню. Рэцыпіент не мае магчымасці стаць сведкам падзей, самастойна прасачыць за іх развіццём і ўжо суадносна з убачаным зрабіць уласныя высновы, даць свае ацэнкі. Чытач вымушаны верыць расповеду жанчыны і словам чырвонаармейцаў. Праз такую аднагалоснасць легітымизуюцца новыя каштоўнасці і праўда чырвоных.

¹Тут і далей пераклад наш. – І. Ч.

З бадзёрым настроем пачынаецца аповед у творы «На варце». Спачатку адзін з персанажаў – стары – захоплена даводзіць, што на іх зямлі (у БССР) лепш, чым на суседняй (у Заходняй Беларусі), дзе сяляне працуюць на паноў. Затым ён расказвае гісторыю смерці пана, у якога сам калісьці служыў парабкам. Далей (нібыта з новай часткі) фабульная падзея вяртаецца ў цяперашні час. З’яўляецца пэўная белетрыстычнасць: Юзкі і Сцяпан звязалі «панскага пасланца з рэвальверам». Апавяданне наскрозь прасякнута верай у чырвоных. Агітацыйная наратыўная стратэгія дамінуе і ў гэтым творы. Цікава, што ў апавяданні «На варце» імёны персанажаў напачатку адсутнічаюць, чытачу ўвогуле не паведамляецца, хто такія стары і малады і што яны робяць. Гэты прыём стварэння інтрыгі Кузьма Чорны будзе выкарыстоўваць і пазней (напрыклад, у раманах «Сястра», «Пошукі будучыні», «Млечны Шлях»).

У апавяданні «Маё дзела цялячае» выказана саркастычнае асуджэнне грамадзянскай пасіўнасці, якая найчасцей выяўляецца ў пазіцыі, якую аўтар акрэсліў наступнымі фразамі персанажаў: *Як людзі будуць ісці, то і я пайду* [6, с. 39]; *Маё дзела цялячае – пад’еў ды ў хлעў* [6, с. 41]. У дыялогах выкарыстоўваюцца прастамоўныя выразы, традыцыйныя для беларусаў праклёны (*А бадай на вас трасца; А каб ты на свеце не хадзіў* [6, с. 40]), якія ствараюць іранічны эфект. Абстрактны аўтар паўстае ў творы як вобраз, які ўзвышаецца над персанажамі, нават смяецца з іх.

Апавяданне мае наступную фабулу. Людзі не хочуць слухаць Юліка і ісці на агітацыйны сход. Герой чуе размовы кагорты мужчын: іх дыялогі спачатку незмястоўныя, але яны перадаюць тагачасную вясковую атмасферу. Мясцовыя «палітыкі» абмяркоўваюць справы сусветнага значэння. «Лішнія», малаінфарматыўныя дыялогі – характэрны прыём, які выкарыстоўваўся ў ранніх творах Кузьмы Чорнага. Пазней ён ужываўся і ў раманах «Зямля».

У другой частцы апавядання перад чытачом паўстае карціна сходу, які ўсё ж сабраўся. Вось якім чынам з глыбокім псіхалагізмам наратар раскрывае сутнасць маладога чалавека Мікалая Козіча: *На кожным кроку свайго жыцця ён стараўся як-небудзь выдзеліцца з масы другіх людзей, хоць, к вялікаму свайму гору, у глыбіні сваіх думак і не мог лічыць сябе лепшым, разумнейшым за другіх* [6, с. 47]. Менавіта жаданне быць найлепшым натхніла Козіча на тое, каб пайсці ў партыю, стаць загадчыкам валаснага аддзела асветы.

Наратар у апавяданні ўсёведны, і гэта пашырае яго магчымасці для выяўлення псіхалагізму ў творы. Вялікая ўвага надаецца дэталю: *Пад пахаю яго вечно быў партфель. Валасны аддзел асветы не мог напоўніць яго дзелавымі паперамі, і за гэтым ён клаў у яго старыя газеты, розныя непатрэбныя кнігі і інш[ае], усё дзеля таго, каб партфель быў поўны, цяжкі і тоўсты на выгляд* [6, с. 47]. Персанаж хадзіў з доўгімі валасамі, каб выглядаць больш духоўным чалавекам. Такім чынам, менавіта падача знешняга выгляду важная для раскрыцця яго псіхалогіі.

Мікалай Козіч любіў выкарыстоўваць незразумелыя словы з мэтай здавацца разумнейшым. Пасля такой наратарскай характарыстыкі прыводзіцца саркастычны дыялог, у якім сяляне пытаюць: *А пра што гэта ён гаворыць?* [6, с. 48]. Словы іншых герояў адбіраюцца наратарам для ўзмацнення эфекту апаведу.

Асобы, якіх выбралі нешматлікія ўдзельнікі сходу, як выявілася, былі несумленнымі людзьмі: яны пачалі размяркоўваць агульную ўласнасць паміж сваякамі. Тады жыхары вёскі папрасілі Юліка напісаць заяву, каб правесці перавыбары, і на іх пайшлі ўжо ўсе, *ад мала да вяліка* [6, с. 49]. Асноўная падзея ў творы – змена грамадскай абыхавасці вяскоўцаў на актыўнасць.

Апавяданне «Маё дзела цялячае» маралізатарскае. Яго можна лічыць прыкладам рэалізацыі агітацыйнай наратыўнай стратэгіі ў прозе.

У многіх ранніх творах Кузьмы Чорнага знешняя падзейнасць у тэксце спалучаецца з унутранай. Напрыклад, у цэнтры ўвагі апавядання «Будзем жыць» – смерць тэлефаніста. У першай частцы твора распавядаецца пра перастрэлку чырвоных з белапаліцамі. У другой – чытач даведваецца, што героя паранілі. У трэцяй частцы падзеі адбываюцца ўжо ў хаце на хутары, дзе прытуліла параненых гаспадыня хаты.

У чацвёртай частцы апісваецца, як паранены тэлефаніст пачуў спеў чырвонаармейцаў: *З яго затуманенай галавы раптоўна згінупі думкі аб ране і смерці. І захацелася яму ў гэты ясны і нейкі радасны ад яснасці дзень самому заспяваць і пабегчы па зямлі* [6, с. 59]. Герою, які памірае, робіцца радасна і весела. У пятай частцы паведамляецца, што стары, даведаўшыся пра смерць сына-тэлефаніста, спачатку заплакаў, а пасля пачуў словы: *Будзем жа жыць і радавацца, што і ў нашым кутку ёсць такія слаўныя людзі – і з іх мала-памалу пачало выплываць у яго шчырае, радаснае жаданне жыць...* [6, с. 61]. У творы аднолькава важнае выяўленне як ментальнага, так і метанаратыўнага складніка, таго, што фарміруе пэўны светапогляд.

Цікавае ў плане нарацыі «бурапеністае» апавяданне Кузьмы Чорнага «Жалезны крык». У першай частцы апісанне чыгункі набывае наратыўны характар, калі, паводле В. Шміда, у самім адборы ўбачанага выяўляюцца ўнутраныя змены таго, хто бачыць [5, с. 20]. Наратар апісвае цягнік, быццам

жывую істоту: *Абкуранныя грудзі дыхнулі глыбока, і жалезнае, доўгае цела рынулася з горада ў цёмнае поле. Свет вачэй разагнаў цемень ночы пры дарозе, рассунуў кусты* [6, с. 91]. Гэта істота з'яўляецца сімвалам перараджэння людзей: *І толькі ў ціхіх, сонных людзей, хто пачуў жалезны крык, закалацілася ў сэрцы нешта свежае, непадобнае да таго, што бывае пры лірніцкім, аднатонным скрыпе калёс. Гэта новае ў сэрцы людзей з'явілася на момант ад жалезнага крыку, несвядома, раптоўна і востра, як подых свежага паветра ў пограб* [6, с. 91]. Сам наратар у вялікай ступені надзелены такімі якасцямі, як уражлівасць, чуласць. Выяўленне ім суб'ектыўнага ўспрыняцця, нават экзальтацыі, спрыяе імпрэсіяністычнасці апаведу.

У другой частцы апавядання наратар паказвае персанажа-машыніста: *Уся яго буйная, акруглая фігура выяўляла сабою цвёрдую ўпэўненасць у сваёй сіле, веру ў патрэбнасць і вернасць свае справы* [6, с. 92]; *Крык паравіка жыў ва ўсёй яго істоце, громам і стукам быў повен усякі рух яго мускулаў* [6, с. 92].

У гэтай жа частцы пададзены ключавы дыялог паміж чалавекам, які шукае цішыні, і машыністам (імёны не называюцца). Гучаць розныя пункты гледжання. Чалавек кажа: *Не магу; людзі другімі робяцца. Прападае іх цішыня. Даўней людзі былі слязлівыя, мяккія, а цяпер – іншыя. Ахвацілі яны сабою ўсё, працягнулі лапу сваю на ўсю зямлю. І няма дзе супаць ад людзей* [6, с. 93].

Пазіцыя машыніста кардынальна іншая: *Людзі сталі жалезнымі душою, ды затое моцнымі ў жыцці* [6, с. 94]; *Чалавек – сам машына і знае сябе. І калі адна трубка ўсярэдзіне папсуецца – можна яе напавіць* [6, с. 94].

У трэцяй частцы твора паведамляецца, што на цягніку вязуць людзям машыны, трактары. «Ціхі чалавек» працягвае дыскусію з машыністам, а пасля сыходзіць з паравіка і кідаецца пад яго. Пры апісанні памерлага наратар акцэнтуюе ўвагу на выразе яго твару. Праз простую мову раскрываецца сутнасць канфілікту героя з навакольным светам:

На белабрысы твары яго вызначалася нешта такое, што гаварыла:

– Тое, што было, творае некім невядома калі, мінулася, – было яно прывычнае, спакойнае і роднае. Тое, што прыйшло, – чужое, незразумелае. Патрабуе яно ўласнага актыўнага ўдзелу, і яно чужое... Вакол – жах існавання... [6, с. 98].

Наратар падкрэслівае, што памерлы выклікаў уражанне, быццам ён хацеў уцячы ад усіх. Людзі таксама кінулі мёртвага чалавека: ніхто яго не шкадаваў, усе адчувалі, што ён чужы.

У чацвёртай частцы апавядаецца, што машыніст і качагар праязджаюць розныя краявіды, вёскі, дзе працуюць людзі. Тое, што яны вязуць машыны, падымае ўсім настрой. Людзі, якія працуюць з коньмі, радуецца цягніку: *Ідзе да іх нешта новае, зычнае* [6, с. 103].

Такім чынам, у апавяданні «Жалезны крык» вітаюцца новае жыццё і змены, але адначасова аўтар пакідае месца і іншаму пункту гледжання. Рэальнасць успрымаецца ў розных ракурсах. Хоць чалавек, які шукаў цішыні, вымаляваны як не вельмі сімпатычная асоба, але відавочна, што пытанне пра тое, што рабіць з людзьмі, няздольнымі наладзіцца на адну хвалю з часам, востра стаіць перад аўтарам. Падзея ў творы – знішчэнне старога жыцця новым.

Кузьму Чорнага неаднаразова параўноўвалі з Ф. Дастаеўскім. У апавяданні «Жалезны крык», як і ў творах рускага класіка, кожнаму голасу даецца слова, кожнае меркаванне выслухоўваецца і бярэцца пад увагу. Пры гэтым, згодна з высновай Д. Ліхачова, па ўсіх матэрыялах і меркаваннях Ф. Дастаеўскі выносіць свой прысуд [7, с. 67–68]. У апавяданні «Жалезны крык» таксама можна заўважыць, што, хоць абодва галасы ў творы значныя, сімпатыі наратара на баку машыніста.

У апавяданні «На беразе» выяўляюцца імпульсіўнасць і радасць, уласцівыя раннім творам Кузьмы Чорнага. Твор мае наступную фэбулу. Міхась, сын паромшчыка Амелькі, хлопец задумены, які сам не ведае, чаго хоча. Пошук, жаданне новага і невядомага яднае яго з Вацем, персанажам больш позняга твора Кузьмы Чорнага – рамана «Сястра».

Праз няўласна-простую мову выказваюцца думкі Амелькі. Асноўная ідэя апавядання закладзена ў наступную фразу: *Шукаючы і хочучы, усё знойдзеш* [6, с. 69]. Наратар сцвярджае: *Думкі ў Амелькі выплывалі адна за другою. Ён не мог улавіць ні пачаткаў, ні канцоў іх* [6, с. 70]. Герой просіць у аратая прайсці раз з плугам – зямля і праца паэтызуюцца ў творы. Паромшчык мысліць маштабна: *На ўсякім месцы на зямлі чалавек дома* [6, с. 74]. Пазней гэта ідэя адлюструецца і разбурыцца ў рамамах «Пошукі будучыні» ды «Млечны Шлях». У апавяданні з Амелькам адбываецца ўнутраная змена:

І тады, у звязку з усім перадуманым, з'явілася ў яго новая, ім самім не зразумелая думка, нават не думка, а пачуццё.

«Трэба глыбей убіраць у сябе жыццё, бо жыць слаўна...» [6, с. 74].

У творы не проста ўслаўляюцца перамены ў жыцці, тут ёсць пэўная глыбіня ў раскрыцці ўнутранага свету.

Імпрэсіяністычнае апавяданне «Пачуцці» – узорны прыклад твора, наратыўнай стратэгіяй якога з’яўляецца ўстаноўка на ментальную падзейнасць.

Твор зацягвае чытача ў вір перададзеных эмоцый. Захопленасць і натхнёнасць галоўнага героя прыгожай цыганкай паказаны ў дынаміцы. Адчуваецца лёгкасць, вонкавая прывабнасць і адсутнасць у гераіні (ды і непатрэбнасць ёй) глыбіні. Перадаецца радасць ад імгненнасці: Нонна¹ – як міраж, як чароўны матылёк, які ненадоўга з’яўляецца на гэты свет. Нездарма ў якасці гераіні выбрана цыганка. У літаратурнай традыцыі (напрыклад, у творах В. Гюго, А. Пушкіна, П. Мерымэ) менавіта вобраз цыганкі з’яўляецца ўвасабленнем свабоднай, вясёлай, жыццярадаснай натуры, якая мае ўладу над мужчынам. Нонна, на першы погляд, бесклапотная, гарэзлівая і насмешлівая па сваёй сутнасці: *Спявалі вялікія гімны размашыста-кволяя рухі яе постаці, і ад захаплення бяздумнага і плакалі, і смяліся ў чарнаце вячэрніх прастораў не бачаныя, а толькі адчуваемыя здалёк яе вочы. Відно было адчуваннем, што пад тымі цёмнымі фалдамі гойдаецца яе радаснае цела... І радасць была – што ўсё гэта ёсць, і смутак быў – што неяк далёка гэта, неяк недасяжна і нельга растаць у ім і разам з ім...* [6, с. 474].

Не будзе памылкай назваць пачуццё героя апавядання Андрэя да Нонны менавіта жаданнем:

І як бы гэта перадалося яму тое, што было ў тым танцы, згарманізаваным з самой постаццю дзяўчыны. Яна была тонкая ў лініях сваёй постаці, і разам з тым нейкая як бы лёгкая цяжкасць, заўсёды прыналежная толькі жанчыне, была ў ёй. І ад таго, што гарэлі ў яе вочы і калыхаўся стан, ад гэтага абуджваліся ўсякія пачуцці і камбінаваліся ў адно, што можна назваць адным вялікім жаданнем, з хаосам у думках. І яшчэ павялічвалі гэтыя адчуванні яе словы, якія яна неяк гаварыла часта ў такт свайго танца:

Ай-два, ай-два!.. [6, с. 474].

Пустата, нервовасць, весялосць, чаканне, смутак, злосць, стомленасць, нецярплівасць, апантанасць, слёзы (невывучальны і беспадстаўны жаль), душэўная барацьба, імкненне раззлавацца – перадаецца ўся палітра перажыванняў галоўнага героя Андрэя.

Важнае значэнне для выяўлення яго ўнутранага бунту маюць і іншыя зрокавыя вобразы: *Ён з нейкім замілаваннем разгледзеў гэтыя кветкі, адчыніў акно, каб выпусціць на двор муху, не думаючы аб ёй, пасля зноў прайшоў па хаце і заўважыў каля самых дзвярэй на лаве нявымыты гаршчок з вараным ічаўем. І гэта раптам абудзіла ў ім цэлую буру. Ён яшчэ невыразна падумаў аб усім, звязаным з гэтым, і ў нейкай нецярплівасці закурыў і, закурваючы, раптам прыпомніў* [6, с. 476]. Нават драбнютка дэталі можа стаць зачэпкай, каб абудзіць у чалавека вір пачуццяў.

Далей у апавяданні ідзе размова пра пачуцці і перажыванні Нонны. Яна звывалася да кампліментаў і старалася здавацца недаступнай. Для Нонны важным быў знешні бляск і ўвага. Яна сумавала на прыродзе, ёй хацелася знаходзіцца пад позіркамі людзей. Сцэна вабіла прыгожую цыганку.

Тое, што ў творы эмоцыі Андрэя абумоўлены жаданнем, пацвярджаецца і наступнымі словамі – роздумам Нонны: *Яна бачыла, што гэты хлапец нудзіць па нечым і ў гэтую хвіліну па ёй. І сваім пачуццём жаночым дагадвалася, што нават гэта не зусім па ёй, а наогул па жанчыне, па яе прывабнасці. Яна разумела гэты смутак мужчыны і ўжо на вопыце ўпэўнілася, што не пастаянны ён у мужчыны да аднае жанчыны і пройдзе пры цеснай блізкасці, і тады прабудзіцца нявызначаны і агульны не перад ёй, а перад паняццем «жанчына»... Яна ўспомніла былую зіму ў горадзе, і ўсё гэтае ўразуменне зняважыла яе, і яна раптам варожасць, вельмі кволую і не заўсёды прыметную, адчула да Андрэя* [6, с. 485].

Гераіня інтуітыўна адчувае жаданне, скіраванае на яе не як асобу, а як на абстрактную жанчыну, таму проста гуляе з маладым чалавекам і пацэльваецца з яго. А затым увагуе з’язджае з сумнай для яе вёскі ў горад.

Выдатна паказана ў творы душэўная барацьба героя самога з сабой: *Тады ён стараўся зняважыць яе ў думках сваіх, а яна яшчэ больш вырастала* [6, с. 489].

Андрэй бачыў Нонну ў тэатры на сцэне. І зноў ахапіў быў яго сум па ёй, але цяпер іншы, чым тады. Асноўная падзея, якая знаходзіцца ў цэнтры ўвагі ў апавяданні, – сталенне героя, яго перамога над уласным жаданнем, над сабой. Першапачатковы сум Андрэя ператварыўся ў сум моцнага, які можа ўзяць тое, па чым сумуе, ды разважанні не дазваляць гэтага [6, с. 491]. Ужо не пачуцці кіруюць героем, а ён кіруе пачуццямі.

У апавяданні выразна выяўляецца ўнутраная, ментальная падзейнасць, што звязана з аналітычным псіхалагізмам Кузьмы Чорнага. Менавіта праз ментальныя перамены ў свядомасці персанажа раскрываецца гэта катэгорыя. Усё, што адбываецца ў навакольным свеце, знешняе – чужое наратару ў апавяданні «Пачуцці». Істотным з’яўляецца толькі тое, што прыводзіць героя да маральнай эвалюцыі, «прасвятлення». У творы падзея завершаная і абгрунтаваная ў тэксце. Наратар павольна падводзіць да пераасэнсавання Андрэем сваіх пачуццяў.

¹У напісанні імені гераіні захоўваецца аўтарская арфаграфія. – І. Ч.

Ва «ўзорна лірычным і філіграным па рытміцы, па мелодыцы» [8, с. 75] апавяданні «Хвоі гавораць» мы глядзім на героя Яўхіма праз чужое ўспрыняццё маладога чалавека. Абраная факалізацыя мае асаблівае значэнне. Гэта дазваляе не адразу наўпрост, а паступова з дапамогай погляду іншага героя раскрываць балючую таямніцу, усё гора старога. Такі падыход дае чытачу магчымасць таксама адчуць сябе побач з Яўхімам і паназіраць за ім, паступова набліжаючыся да душы чалавека, глыбока зразумець і шчыра паспачуваць яму. Унутранае перажыванне гора – смерці сына – хаваецца ад чужых вачэй.

Нават у нарацыі ранніх «бурапенных» апавяданняў Кузьмы Чорнага прасочваецца аналітычны псіхалагізм, які вылучае яго творы з маладнякоўскай літаратуры і яднае іх з сусветнай класікай. Раннюю прозу беларускага пісьменніка справядліва параўноўваюць з творамі У. К. Фолкнера, Дж. Джойса (Д. Бугаёў, М. Стральцоў). Ментальная падзейнасць, выяўленая і зафіксаваная ў творах Кузьмы Чорнага, – аснова прэзічнай традыцыі плыні свядомасці ў сусветнай літаратуры, і чорнаўскі наратыў таксама пазначыў яе вытокі. У апавяданнях нашага класіка выпрацоўваюцца новыя падыходы да наратыўнай арганізацыі, не характэрныя для беларускага рэалістычнага дыскурсу 1920–30-х гг.

У прааналізаваных апавяданнях яскрава выявіліся дзве асноўныя наратыўныя дамінанты прозы Кузьмы Чорнага – устаноўка на ментальную падзейнасць і агітацыйная наратыўная стратэгія. У плане нарацыі ў гэтых апавяданнях выкарыстоўваліся прыёмы, якія можна знайсці і ў наступных творах пісьменніка: публіцыстычнасць, метанаратыўнасць як імкненне персанажаў ці наратара да калектыўнай агульнасці, наяўнасць малаінфарматыўных дыялогаў, стварэнне інтрыгі праз невядомасць і адсутнасць імёнаў герояў, наданне наратыўнага характару апісанням, устаноўка на ўнутраныя, ментальныя змены ў характарах персанажаў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Адамовіч А. Класік беларускай прозы // Кузьма Чорны. Чалавек – гэта цэлы свет : успаміны, эсэ, артыкулы, інтэрв'ю, дакументы. Мінск, 2016. С. 375–394.
2. Тюпа В. И. Нарратологический анализ // Тюпа В. И. Анализ художественного текста. 3-е изд., стер. М., 2009. С. 300–328.
3. Ткачук О. М. Наратологічний словник. Тернопіль, 2002.
4. Виноградов В. В. Проблема автора в художественной литературе // Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971. С. 105–211.
5. Шмид В. Нарратология. М., 2003.
6. Чорны К. Збор твораў : у 8 т. Мінск, 1972. Т. 1 : Апавяданні. 1923–1927 гг.
7. Лихачёв Д. Литература – реальность – литература : статьи. Л., 1984.
8. Корань Л. Кузьма Чорны // Корань Л. Цукровы пеўнік : літ.-крыт. арт. Мінск, 1996. С. 65–114.
9. Тычына М. А. Кузьма Чорны: эвалюцыя мастацкага мыслення / навук. рэд. В. У. Івашын. Мінск, 2004.

References

1. Adamovich A. Klasik belaruskaj prozy [Classic of Belarusian prose]. In: Kuz'ma Chorny. *Chalavek – gjeta cjely svet*. Minsk, 2016. P. 375–394 (in Belarus.).
2. Tiupa V. I. Narratologicheskii analiz [Narrative analyze]. In: Tiupa V. I. *Analiz khudozhestvennogo teksta*. Moscow, 2009. P. 300–328 (in Russ.).
3. Tkachuk O. M. Naratologichnyj slovnyk [Naratology vocabulary]. Ternopil, 2002 (in Ukrainian).
4. Vinogradov V. V. Problema avtora v khudozhestvennoi literature [The problem of the author in fiction]. In: Vinogradov V. V. *O teorii khudozhestvennoi rechi*. Moscow, 1971. P. 105–211 (in Russ.).
5. Schmid V. Narratologiya [Narratology]. Moscow, 2003 (in Russ.).
6. Chorny K. Zbor tvoraw [Collected Works] : in 8 vol. Minsk, 1972. Vol. 1 : Apavjadanni. 1923–1927 (in Belarus.).
7. Lihachev D. Literatura – real'nost' – literatura [Literature – reality – literature] : articles. Leningrad, 1984 (in Russ.).
8. Koran' L. Kuz'ma Chorny [Kuzma Chorny]. In: Koran' L. *Cukrovy pewnik* : litaraturna-krytychnyja artykuly. Minsk, 1996. P. 65–114 (in Belarus.).
9. Tychyna M. A. Kuz'ma Chorny: jevaljucyja mastackaga myslennja [Kuzma Chorny: evolution of artistic thinking]. Minsk, 2004 (in Belarus.).

Артыкул напісаны ў рэдкалегію 20.12.2016.
Received by editorial board 20.12.2016.

ОБРАЗ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА И П. П. НЕГОША

Л. С. ЦИМАНОВИЧ¹⁾

¹⁾Представительство ООО «Riko industrijski, gradbeni inženiring in leasing d.o.o.» (Республика Словения)
в Республике Беларусь, ул. В. Хоружей, 22, офис 1002, 220123, г. Минск, Республика Беларусь

Анализируется образ Наполеона Бонапарта в творчестве двух великих славянских поэтов – А. С. Пушкина и П. П. Негоша. Рассматривается эволюция образа Наполеона в произведениях А. С. Пушкина, начиная с лирики лицейского периода до цикла «Песни западных славян», включавшего стихотворение «Бонапарт и черногорцы», в котором затрагивалась тема русско-черногорских отношений. Приводятся факты, доказывающие константное отношение П. П. Негоша к личности Наполеона, что прослеживается в ряде произведений, в том числе в поэме «Горный венец». Особое место отводится анализу образа Наполеона в десятой песне эпической поэмы П. П. Негоша «Свободидада», которая также посвящена теме совместной борьбы русских и черногорцев против французов на Адриатике.

Ключевые слова: Петр II Петрович Негош; А. С. Пушкин; славянские литературы; Наполеон I Бонапарт; наполеоновские войны.

FIGURE OF NAPOLEON BONAPARTE IN THE LITERARY WORKS OF A. S. PUSHKIN AND P. P. NJEGOS

L. S. TSIMANOVICH^a

^aRepresentative office of «Riko industrijski, gradbeni inženiring in leasing d.o.o.» (Republic of Slovenia)
in the Republic of Belarus, V. Khoruzhei street, 22, office 1002, 220123, Minsk, Republic of Belarus

This article is dedicated to the analysis of Napoleon Bonaparte figure in the literary works of two great geniuses of the Slavs: A. S. Pushkin and P. P. Njegos. Here is described the evolution of Napoleon figure in Pushkin works, since the lyrics of Lyceum period till the «Songs of the Western Slavs» within the poem «Bonaparte and Montenegrins», which addressed the theme of Russian-Montenegrin relations. The article also provides facts proving a constant Njegos attitude to the figure of Napoleon in the history of humanity, which could be traced in a number of his works, including «The Mountain Wreath». A special place is given to the analysis of Napoleon figure in the 10th song of P. Njegos poetic cycle «Svobodijada», which is devoted to the theme of mutual struggle of Russians and Montenegrins against French at the Adriatic Sea as well as this idea is represented in Pushkin work «Bonaparte and Montenegrins».

Key words: Petar II Petrovic Njegos; A. S. Pushkin; slavic literature; Napoleon I Bonaparte; Napoleonic wars.

Наполеон Бонапарт – знаковая фигура в истории Нового времени. Пожалуй, редкий современник той эпохи относился к нему равнодушно: императором восхищались, его ненавидели, причем иногда отношение к Наполеону одних и тех же людей со временем изменялось.

Образец цитирования:

Циманович Л. С. Образ Наполеона Бонапарта в творчестве А. С. Пушкина и П. П. Негоша // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 1. С. 30–34.

For citation:

Tsimanovich L. S. Figure of Napoleon Bonaparte in the literary works of A. S. Pushkin and P. P. Njegos. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 1. P. 30–34 (in Russ.).

Автор:

Людмила Сергеевна Циманович – помощник руководителя проектов.

Author:

Liudmila Tsimanovich, project manager assistant.
liudmila-ts@tut.by

Закономерно, что образ знаменитого французского полководца присутствует в произведениях выдающихся славянских поэтов – Александра Сергеевича Пушкина и Петра II Петровича Негоша.

Эпоху наполеоновских войн А. С. Пушкин застал в детстве и юности, поэтому уже в своих первых стихотворениях поэт обращался к образу французского императора: «Воспоминания в Царском Селе» (1814), «Наполеон на Эльбе» (1815), «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году» (1815), «Принцу Оранскому» (1816), «Тень Фонвизина» (1815). Изображение французского полководца в этих произведениях соответствовало времени, поэтому «Наполеон представал в характерном для конца первого десятилетия XIX века образе тирана, бича вселенной» [1, с. 66], например: *Где ты, любимый сын и счастья и Беллоны, / Презревший правды глас, и веру, и закон, / В гордыне возмечтав мечом низвергнуть троны? / Исчез, как утром страшный сон!* [2, с. 13].

Примечательно, что А. С. Пушкин называет Наполеона «сыном Беллоны». Практически так же именует его П. П. Негош в посвящении сборника «Горный венец»: *Пусть этот гордый век встает над всеми временами, / в ушах народов будет он всегда греметь громами. / Беллона восемь близнецов взрастила в колыбели, / одновременно над землей их имена взлетели: / Наполеон, князь Веллингтон, Карл, Блюхер и Суворов, / Карагеоргий, бич бичей, Шварценберг и Кутузов* [3, с. 43]. На наш взгляд, это не простое совпадение: будучи большим поклонником творчества русского поэта, П. П. Негош просто позаимствовал у него данную метафору. В любом случае известно, что стихотворение «Воспоминания в Царском Селе» входило в девятый том (1841) первого посмертного собрания сочинений А. С. Пушкина, имевшегося в библиотеке сербского поэта.

В 1820-х гг. А. С. Пушкин несколько пересмотрел свое отношение к Наполеону, причиной чего послужили смерть императора и пребывание самого Александра Сергеевича в южной ссылке: «Обстановка, в которой поэт создает свои стихотворения, по сравнению с лицейским периодом творчества коренным образом изменилась. Находясь в ссылке, Пушкин переживает кратковременное увлечение романтизмом Байрона. Образ сосланного Наполеона наполняется теперь ассоциациями, которых не могло быть у лицеиста Пушкина. И в содержании стихотворения [“Наполеон”] отчетливо прослеживается полемика с теми официозными откликами на смерть Наполеона, которые появились в русской периодической печати» [4, с. 108]. Смерть французского императора осмысливается А. С. Пушкиным с философской точки зрения, лирический герой погружается в рефлексии о тленности бытия и стремительном ходе времени: он вспоминает блистательное возвышение Наполеона в ходе Великой французской революции, сулившей стране свободу, а также закат этой свободы по причине желания со стороны полководца обладать неограниченной властью: *И день великий, неизбежный – / Свободы яркий день вставал, – / Тогда в волненье бурь народных / Предвидя чудный свой удел, / В его надеждах благородных / Ты человечество презрел* [5, с. 161].

Таким образом, А. С. Пушкин выразил «романтическую идею избранной личности, рвущейся управлять миром. Он нагнетает ряд мощных гипербола, создавая грандиозный образ души, стремящейся утолить жажду власти “до упоения”» [6, с. 64].

Русский поэт по-прежнему негативно оценивает роль Наполеона в истории по причине «памяти кровавой» [5, с. 160], но стихотворение он заканчивает на позитивной ноте: *Да будет омрачен позором / Тот малодушный, кто в сей день / Безумным возмутит укором / Его развенчанную тень!* [5, с. 163]. Таким образом, «развенчав Наполеона-“тирана”, он воспевае Наполеона-человека, чья необычная судьба помогла человечеству осознать свою неискоренимую потребность свободы» [6, с. 66].

Образ Наполеона в творчестве А. С. Пушкина появляется и в поздний период – в стихотворении «Бонапарт и черногорцы», входившем в цикл «Песни западных славян». Как известно, данный цикл является литературной мистификацией: в его основу легли переводы А. С. Пушкина одиннадцати песен из сборника Проспера Мериме «La Guzla», двух произведений из сборников эпических песен Вука Караджича, а также три оригинальных произведения. Стихотворение «Бонапарт и черногорцы» является переводом песни П. Мериме «Черногорцы». Насколько точно русский поэт передавал особенности оригинального произведения, можно судить, опираясь на замечание С. А. Фомичева: «Бережное отношение к “Гузле”, между прочим, подчеркивает и тот факт, что Пушкин каждый раз (кроме одного случая) <...> сохраняет деление песен на строфы в соответствии с оригиналом <...> если в оригинале имеются обозначенные многоточием пропуски текста, Пушкин сохраняет их (“Бонапарт и черногорцы”, “Феодор и Елена”» [7, с. 242–243]. Однако в данном произведении интересна его стихотворная рифмованная форма, изначально отсутствующая в тексте П. Мериме.

Для стихотворения «Бонапарт и черногорцы» русский поэт выбрал восьмисложный хорей, что в принципе нехарактерно для названного цикла: «Пушкин, как видно, колебался между тем или иным способом передачи народных сюжетов. В “Песнях западных славян” у него получил преобладание народный размер. Только “Похоронная песня”, “Бонапарт и черногорцы”, “Вурдалак” и “Конь” писаны рифмованными стихами, во всех остальных, по наблюдению профессора Ф. Е. Корша, Пушкин своеобразно

подражал сербскому десятисложному стиху, не заботясь о введении правильного стопного строя, а свободно обращаясь с размером и довольствуясь осуществлением ритма в общих чертах» [8, с. 107]. Напрашивается вывод о том, что сербского своеобразия в стихотворении «Бонапарт и черногорцы» мало, однако оно интересно в плане тематической связи с Черногорией. Возможно, А. С. Пушкина заинтересовал факт участия черногорцев (подчеркнем – на стороне России) в войне против Наполеона, тем более что рефлексии о периоде наполеоновских войн не раз встречаются в его творчестве. В поэтическом переложении А. С. Пушкина Наполеон предстает высокомерным тираном, крайне удивленным тому, что неизвестный ему малочисленный народ дерзнул противостоять мощи его великой армии: *Черногорцы? что такое? – / Бонапарте спросил. – / Правда ль: это племя злое, / Не боится наших сил? / Так раскayтcя ж нахалы: / Объявить их стариинам, / Чтобы ружья и кинжалы / Все несли к моим ногам* [9, с. 406–407].

В данной песне изложенные события не соответствуют исторической действительности: военной компанией на Адриатике руководил генерал Мармон, а не сам Наполеон. Упоминание в стихотворении Бонапарта нацелено на возвеличение роли черногорцев, храбрость которых позволила добиться победы над армией, значительно превосходящей их войско.

Примечательно, что в творчестве П. П. Негоша также есть ряд произведений, тематически связанных с наполеоновскими войнами, где представлен образ французского императора: как уже было указано, образ Наполеона встречается в посвящении сборника «Горный венец», кроме того, присутствует в сатирическом стихотворении «Дунул ветер сильный на Россию» (в нем Бонапарт представлен в образе петуха, дерзнувшего напасть на «орла» – Россию), а также в десятой песне эпической поэмы «Свободиада».

«Свободиада» представляет собой масштабное произведение, где «опеты все значимые бои и битвы, в которых черногорские и бердские племена сражались против турок, французов, венецианцев и других неприятелей Черногории во время правления митрополитов из династии Петровичей-Негошей. Данное самое большое по объему эпическое произведение молодого Негоша было написано между 1834 и 1835 гг.»¹ [10, с. 320]. По сути, «Свободиада» во многом походит на сборник эпических песен «Зеркало сербское», в котором также описываются самые важные бои черногорцев, с той только разницей, что рассматриваемая эпическая поэма, состоящая из десяти отдельных песен, каждая из которых описывает один бой и имеет завершенную структуру, отражает взгляд П. П. Негоша на историю, ход событий. В поэме большую роль автор отводит подробному описанию сражений, причем делает это в форме восьмисложного стиха, изобилующего метафорами из античной мифологии, на языке, который больше походит на славяно-сербский. Поскольку поэма «Свободиада» была написана раньше сборника «Зеркало сербское», можно предположить, что П. П. Негош с течением времени выработал критичное отношение к себе как к летописцу, выше оценивая народное видение событий, запечатленных в эпических песнях. По воспоминаниям Л. Ненадовича, незадолго до смерти поэт охарактеризовал свою работу следующим образом: «Это я написал в свои молодые годы, но у меня не вышло так, как я хотел. Сейчас я болен и не могу его (сочинение. – Л. Ц.) исправить» [11, с. 57].

Десятая, завершающая песня поэмы «Свободиада» посвящена одной из самых значительных побед Петра I Петровича Негоша над французами на Адриатике, когда «черногорцы, водимые русскими, ходили по всей Боке и под Дубровник, и под Никшич, и под Клобук» [12, с. 614]. Здесь любовь П. П. Негоша к России раскрывается в полной мере: он гордится своим предшественником, который не словом, а делом доказал верность братскому союзу славянских народов: *Черногорское племя храброе, / как только услышало и осознало, / что Бонапарт силы двинул, / чтобы затмить вечно светлую / внуков Рюрика / славу, никем не запятнанную, / тогда быстро черногорские / соколы налетели / на шесть городов Приморья* [13, с. 220].

Данная песня тематически близка к стихотворению А. С. Пушкина «Бонапарт и черногорцы»: кроме общих исторических событий, в ней, с одной стороны, также воспевается храбрость горцев, с другой – присутствует образ Наполеона.

Между тем, в отличие от А. С. Пушкина, П. П. Негош отношение к Наполеону на протяжении всего творческого пути не изменял: практически во всех произведениях оно константно отрицательное. Однако если в стихотворении «Дунул ветер сильный на Россию» образ императора сатирически окрашен, то в поэме «Свободиада» он предстает как угнетающий свободу тиран, агрессивные амбиции которого сродни «ярости турецкой»: *Бонапарта взмах меча / всей Европы венценосной / троны гордые и престолы / в рыцарской крови утопил; / все их короны жадной / рукой Париж себе взял / и надевает их на гордую / властелина своего голову* [13, с. 185].

Образ Наполеона в поэме «Свободиада» неиндивидуализирован: за именем «Бонапарт» нет чело- века с личным триумфом и поражением, как, например, в стихотворении А. С. Пушкина «Наполеон».

¹Здесь и далее перевод наш. – Л. Ц.

У П. П. Негоша Бонапарт – это собирательный образ военачальников тиранической армии (Мармон, Лористон, Бертран и др.), в действиях которой нет места состраданию. Поэтому образы Бонапарта и Галла в поэме отождествляются: *Не могла бы мышца Галла / противиться кровопролитному / полету меча Славы* [13, с. 189].

Что касается простых французских солдат, то их П. П. Негош не включает в данную цепочку образов, относясь к ним нейтрально, так как понимает, что эти люди являются только орудием тирана и зачастую лишены выбора: *Француз, напуганный и уstraшенный, / силой мышц славян, / с поля боя убежал* [13, с. 196].

Таким образом, П. П. Негош еще раз главной ценностью народа провозглашает свободу от тирании в любых ее проявлениях, связывая эту свободу главным образом с независимостью. Также и А. С. Пушкин был известен именно тем, что «в свой жестокий век прославил <...> свободу» [14, с. 460], при этом делая упор на свободу слова, свободомыслие. Русский поэт страдал от цензуры, узких рамок мировоззрения, в которые его пытались загнать. У П. П. Негоша на первый взгляд такой проблемы не было: в своей собственной типографии в Цетине, где единственным цензором был выдуманный Драго Драгович, он мог публиковать любые свои труды. Однако, несмотря на это, поэма «Свободиада» при жизни поэта не увидела свет. Обстоятельства сложились так, что решать, быть ли книге опубликованной, выпало строгому цензору А. С. Пушкина – императору Николаю I: черногорский поэт планировал посвятить поэму «Свободиада» российскому монарху, однако, опасаясь, что «текст содержит что-либо препятствующее “к посвящению”» [15, с. 152], П. П. Негоша попросили предоставить рукопись сочинения на цензуру, и ответа о возможности удовлетворения просьбы поэта не последовало. Дальнейшую судьбу рукописи проследил П. А. Лавров: «Тот факт, что рукопись ее (поэмы. – Л. Ц.), хранящаяся в Петербургской публичной библиотеке, поступила в нее после разбора бумаг покойного Императора Николая Павловича, дает основание полагать, что она была представлена Государю» [16, с. 235].

С точки зрения дипломатии поэма П. П. Негоша «Свободиада» не вписывалась в рамки политкорректности, поэтому и не было одобрено ее посвящение российскому императору: в данном случае статус политика помешал сербскому поэту выразить признательность человеку, олицетворявшему в его сознании мощного славянского союзника.

Библиографические ссылки

1. Федунова Е. А. Наполеон в раннем творчестве Пушкина // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. 2011. № 3. С. 63–72.
2. Пушкин А. С. Воспоминания в Царском Селе // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. М., 1959–1962. Т. 1 : Стихотворения. 1814–1822. 1959. С. 9–13.
3. Негош П. Горный венец / пер. Ю. Кузнецова. Белград, 1997.
4. Стенник Ю. В. Традиции торжественной оды XVIII века в лирике Пушкина периода Южной ссылки («Наполеон») // Русская литература XVIII века и ее международные связи : сборник. Л., 1975. Вып. 10. С. 107–112.
5. Пушкин А. С. Наполеон // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. М., 1959–1962. Т. 1 : Стихотворения. 1814–1822. 1959. С. 160–163.
6. Ложкова Т. А. Личность и история в оде А. С. Пушкина «Наполеон» // Филол. класс. 2012. № 4 (30). С. 63–66.
7. Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: творческая эволюция. Л., 1986.
8. Лавров П. А. Пушкин и славяне // Пушкинские дни в Одессе (Одесса, 26–27 мая 1899 г.). Одесса, 1900. С. 95–113.
9. Пушкин А. С. Бонапарт и черногорцы // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. М., 1959–1962. Т. 2 : Стихотворения. 1823–1836. 1959. С. 406–408.
10. Јашовић Г. Имена у епском спеву Свободијада Петра II Петровића Његоша // Од косовског завета до Његошевог макрокозма: Петар II Петровић Његош (1813–2013) : међунар. темат. зб. Косовска Митровица, 2014. С. 319–332.
11. Ненадовић Љ. Писма из Италије. Београд, 1907.
12. Ровинский П. А. Черногория в ее прошлом и настоящем : в 6 т. СПб., 1897. Т. 1.
13. Његош П. П. Свободијада // Његош П. П. Собр. соч. : в 7 т. Београд ; Цетиње, 1974. Т. 2. С. 9–224.
14. Пушкин А. С. Памятник // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. М., 1962. Т. 2 : Стихотворения. 1823–1836. 1962. С. 460.
15. Ђуровић Р. Његош и Русија // Енциклопедија Његош. Подгорица, 1999. С. 147–160.
16. Лавров П. А. Петръ II Петровиъ Њѣгошъ владыка черногорский и его литературная дѣятельность. М., 1887.

References

1. Fedunova E. A. Napoleon in the early works of Pushkin. *Vestnik Novosib. gos. pedagog. univ.* 2011. No. 3. P. 63–72 (in Russ.).
2. Pushkin A. S. Vospominaniya v Tsarskom Sele. In: Pushkin A. S. *Sobr. sochinenii* : in 10 vol. Moscow, 1959–1962. Vol. 1 : Stikhotvoreniya. 1814–1822. 1959. P. 9–13 (in Russ.).
3. Negosh P. Gornyi venets. Belgrad, 1997 (in Russ.).
4. Stennik Y. V. Traditsii torzhestvennoi ody XVIII veka v lirike Pushkina perioda Yuzhnoi ssylki («Napoleon») [Traditions of solemn odes of the XVIII century in the lyrics of Pushkin Southern exile period («Napoleon»)]. *Russkaya literatura XVIII veka i ee mezhdunarodnye svyazi* : sbornik. Leningrad, 1975. Issue 10. P. 107–112 (in Russ.).

5. Pushkin A. S. Napoleon. In: Pushkin A. S. *Sobr. sochinenii* : in 10 vol. Moscow, 1959–1962. Vol. 1 : Stikhotvoreniya. 1814–1822. 1959. P. 160–163 (in Russ.).
6. Lozhkova T. A. Personality and history in the ode A. S. Pushkin «Napoleon». *Filol. kl.* 2012. No. 4 (30). P. 63–66 (in Russ.).
7. Fomichev S. A. Poeziya Pushkina: tvorcheskaya evolyutsiya. Leningrad, 1986 (in Russ.).
8. Lavrov P. A. Pushkin i slavyane [Pushkin and Slavs]. *Pushkinskie dni v Odesse* (Odessa, 26–27 May, 1899). Odessa, 1900. P. 95–113 (in Russ.).
9. Pushkin A. S. Bonapart i chernogortsy. In: Pushkin A. S. *Sobr. sochinenii* : in 10 vol. Moscow, 1959–1962. Vol. 2 : Stikhotvoreniya. 1823–1836. 1959. P. 406–408 (in Russ.).
10. Jashovich G. The names in the epic poem Svobodijada by Petar II Petrovich Njegos. *Od kosovskog zaveta do Njegoshevog makrokozma: Petar II Petrovich Njegosh (1813–2013)* : mejunarodni tematski zbornik. Kosovska Mitrovica, 2014. P. 319–332 (in Serbian).
11. Nenadović Lj. Pisma iz Italije. Beograd, 1907 (in Serbian).
12. Rovinskiy P. A. Chernogoriya v ee proshlom i nastoyashchem : in 6 vol. Saint Petersburg, 1897. Vol. 1 (in Russ.).
13. Njegos P. P. Svobodijada. In: Njegos P. P. *Sobr. sochinenii* : in 7 vol. Beograd ; Tsetin’e, 1974. Vol. 2. P. 9–224 (in Serbian).
14. Pushkin A. S. Pamyatnik. In: Pushkin A. S. *Sobr. sochinenii* : in 10 vol. Moscow, 1962. Vol. 2 : Stikhotvoreniya. 1823–1836. 1962. P. 460 (in Russ.).
15. Djurovic R. Njegosh i Rusija [Njegos and Russia]. *Encyclopaedia Njegos*. Podgorica, 1999. P. 147–160 (in Serbian).
16. Lavrov P. A. Petr II Petrovich Negosh vladika chernogorskii i ego literaturnaya deyatel’nost’. Moscow, 1887 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 20.12.2016.
Received by editorial board 20.12.2016.

УДК 821.161.1

МАНИФЕСТАЦИЯ ТОПОРА ДОСТОЕВСКОГО В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XXI СТОЛЕТИЯ

О. О. ПОИМЦЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Исследуется один из аспектов рецепции творчества Ф. М. Достоевского в современной русской поэзии. Рассматривается интерпретация культуремы топора в поэзии И. А. Жукова, Е. А. Кацюбы, К. А. Кедрова, Б. Ш. Кенжеева, Н. Л. Ключаревой, Л. В. Лосева, Б. Панкина, К. А. Сапгир. Проведен анализ 12 произведений названных поэтов, результаты которого свидетельствуют о внимании авторов к кризисным явлениям XXI столетия (например, к диссоциации сознания бессознательным, обострению социальной коммуникации). Показано, что образ топора нередко становится самостоятельным персонажем, реализующим кровавую идеологию радикализма. Утверждается, что попытка борьбы с некрофильскими взглядами наблюдается в пародийном высмеивании символа смерти через достраивание комедийных композиционных ходов.

Ключевые слова: современная русская поэзия; рецепция; культурема топора; Достоевский.

MANIFESTATION OF THE DOSTOEVSKY'S AXE IN RUSSIAN POETRY OF THE XXI CENTURY

V. A. POIMTSAVA^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article researches one of the aspects of the perception of F. M. Dostoevsky in the contemporary Russian poetry. The interpretation of the culturema of an axe is analyzed in details in the texts of I. A. Zhukov, E. A. Katsuba, K. A. Kedrov, B. Sh. Kenzheev, N. L. Kluchareva, L. V. Losev, B. Pankin, K. A. Sapgir. Analysis of twelve works of the mentioned poets shows evidence of the attention to the crisis facts of the XXI century (for example, the dissociation of the consciousness of unconscious, the aggravation of social communication). It is shown that the image of the axe often becomes an independent character, realizing the bloody ideology of radicalism. An attempt to deal with necrophilic views is observed in a parodic derision of the symbol of death through the comedy completion of the composition moves.

Key words: contemporary Russian poetry; perception; culturema of an axe; Dostoevsky.

Метанарратив художественных, публицистических и эпистолярных текстов Ф. М. Достоевского рождает множественность сверхистолкований творчества классика в современной русской поэзии. Оперирование культуремой топора, эйдологическим символом стилистики письма Ф. М. Достоевского, становится одним из распространенных методов построения межвекового литературоведческого дискурса. «Хотя топор можно встретить и у других авторов, очевидно, что после “Преступления и наказания” он, скорее всего, укажет нам в сторону мира Достоевского, — замечает специалист в области

Образец цитирования:

Поимцева О. О. Манифестация топора Достоевского в русской поэзии XXI столетия // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 1. С. 35–44.

For citation:

Poimtsava V. A. Manifestation of the Dostoevsky's axe in Russian poetry of the XXI century. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 1. P. 35–44 (in Russ.).

Автор:

Ольга Олеговна Поимцева – магистрантка кафедры русской литературы филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор И. С. Скоропанова.

Author:

Volha Poimtsava, master's degree student at the department of Russian literature, faculty of philology.
o.poimceva@mail.ru

герменевтики Л. В. Карасев, прибегая к возрастающей градации в выражении мысли: – Топор – эмблема Достоевского, его ключевое слово, суперзнак» [1]. На протяжении первой четверти XXI столетия обращение к данному маркеру с последующим его опредмечиванием/распредмечиванием апробируется в поэтических полотнах И. А. Жукова, Е. А. Кацубы, К. А. Кедрова, Б. Ш. Кенжеева, Н. Л. Ключаревой, Л. В. Лосева, Б. Панкина, К. А. Сапгир.

Панорама из 12 текстов названных поэтов представляет рецептивную трактовку эманации топора, за которым *протянул руку свою и взял его* [2, с. 499] не только ветхозаветный человек, но и постиндустриальный симулякр Раскольникова, расщепляющий идею *мрачного катехизиса* [3, с. 321] на эклектику смыслов.

Открывает портретную галерею хрестоматийного орудия преступления Л. В. Лосев стихотворной картиной «Замывание крови. Утопление топора», опубликованной в журнале «Знамя» (2001). Указывая первой строкой текста на главное действующее лицо – топор Родиона Романовича, – автор децентрирует фигуру Раскольникова.

Согласно Л. В. Лосеву «убийца» максимально пассивен перед фабулой праосновы. Во-первых, он не наследует коннотацию исходного текста (*Наполеоном сделаться* [3, с. 318] через разовое пролитие крови), а фигурирует исключительно как нейтральный «студент». Напомним, Раскольников Ф. М. Достоевского аттестует себя следующим образом: *Я бедный и больной студент, удрученный (он так и сказал: «удрученный») бедностью. Я бывший студент* [3, с. 80]. Во-вторых, герой Л. В. Лосева оказывается безымянным и «растиражированным» до бесконечности копий «пустым знаком» в пространстве современного мира как текста. Аналогичной трансформации подвергается оригинальный образ Сонечки Мармеладовой, диффузно переносимый в текст-интерпретацию *из книжек <...> / про святых и студентов* [4]. Размещая рядом унифицированные дубликаты героев Ф. М. Достоевского, поэт постулирует многослойность деканонизации классики: с одной стороны, иронично масштабирует до уровня евангельской святости жертвенную готовность Сонечки *вместе крест понести* [3, с. 324], с другой – противопоставляет узнаваемую матрицу Ф. М. Достоевского *убийца и блудница* [3, с. 251–252] собственной схеме *святые и студенты* [4], констатируя тем самым обесценивание единичного преступления (шире – человеческой жизни) в череде массовых актов жестокости. Заключительная строфа расширяет угол обзора господствующей эпохи утилитаризма: *Теперь забывают / рядом с трупом пустые бутылки и топоры, / на допросах мычат, да и кровь теперь не замывают* [4]. Автор диагностирует: опустошенная «емкость» одноразова независимо от того, предстает она в виде стеклянного сосуда или телесной бездыханной оболочки. В-третьих, безынициативность и инертность Раскольникова абсолютизируются благодаря каламбурной перекодировке отчества героя. В интервью И. Чайковской в 2008 г. писатель проводил мысль о том, что «без игрового элемента поэзии нет», бурлеск необходим «в любых стихах, даже самых трагических» [5]. В стихотворении «Замывание крови. Утопление топора» воинственная по семантике полная форма имени *Роман* мутирует в фамилию *Ромашкин*, образованную от его уменьшительно-ласкательного варианта. Ромашкиным оказывается некий «маленький человек» – половой трактира.

В результате Л. В. Лосев отрывочными штрихами прорисовывает ведомый характер нового Раскольникова, вмняя разрушительную силу топор, который приобретает автономный по отношению к хозяину вектор развития и наделяется качествами живого существа. Полноценность персонификации орудия манифестируется в постановочном карательном акте: Л. В. Лосев пишет об *утоплении топора* [4], действии, априори невозможном применительно к неодушевленным предметам. Для сравнения: у Ф. М. Достоевского Родион Романович *топор <...> опустил лезвием прямо в воду* [3, с. 65].

Итак, замыкая дилемму Ф. М. Достоевского о Богочеловеке или Человекобоге в кольцевую композицию оппонирующих друг другу строф (*Замывание крови / да и кровь теперь не замывают* [4]), поэт выводит дистиллированный образ агрессии, свободный от делегирующих границ субъект-объектных отношений (преступления и наказания). Убийство топором предстает обыденностью, «затертым» до нельзя средством типизации. «Для большой литературы нужна, конечно, некоторая маниакальность, – поясняет Л. В. Лосев в беседе с Д. Л. Быковым. – Абсолютная вера в плоды своего воображения» [6]. По мнению Л. В. Лосева, «для которого топор <...> не только неперемный атрибут русской литературы XIX столетия» [7], но и символ идеологического насилия в СССР, тотальный хаос жестокости, зародившийся *из книжек допотопной поры* [4] Ф. М. Достоевского, все резче обретает контуры постсоветской действительности XXI столетия, соединяя дискурсы «реального» и «художественного» [7].

Мотив потенциального преступления свойствен стихотворению Б. Панкина «Новый Раскольников», давшему заглавие сборнику произведений поэта (2011). Подобно архитектонике текста Л. В. Лосева «Замывание крови. Утопление топора», образ топора Ф. М. Достоевского сплетает в семантическое кольцо начальные и заключительные строфы стихотворения «Новый Раскольников». Однако топор в интерпретации Б. Панкина характеризуется как *заржавленный, не замечаемый в упор* [8, с. 127],

покоящийся. Да и преступление – стимул вероятного пробуждения – в пространстве художественного полотна не значится. Аналогичное состояние *размеренного и бесполезного* [8, с. 127] существования опутывает и хозяина топора вплоть до его ухода в небытие.

В сущности, Б. Панкин составляет некролог Раскольникову, без щепетильности бытописуя неказистую будничную жизнь: *...ходил исправно на работу / по выходным изрядно пил*¹ [8, с. 127]. В результате автор доходит до не менее незначительной ее развязки, переданной в грубо-просторечной форме: *...и в високосный год под осень / коньки отбросил* [8, с. 127]. Намеренная попытка поэта облечь собственную мысль в тональность романтического пафоса вызывает обратный, пародийный эффект. Кодирова первую строку стихотворения М. Ю. Лермонтова «Он был рожден для счастья, для надежд...» (1832), Б. Панкин все же не находит утешительной коннотации, вынося – на контрасте с первоисточником – окончательный приговор ушедшим в безвестность аморфным дням Раскольникова: *Он был рожден для гроба / не жить а так бездарно тлеть* [8, с. 127]. Более того, упоминание данного существительного в цитатном фоне высказывания не ограничивается функцией оксюморона (*рожден для гроба*), но и имплицитно отсылает к реплике матери Родиона Романовича: *Какая у тебя дурная квартира, Родя, точно гроб* [3, с. 178].

Роднит «нового Раскольникова» с хрестоматийным героем и пренебрежение к порядку. Как и персонаж Ф. М. Достоевского, чьи книги и тетради *были запылены <...> до них давно уже не касалась ничья рука* [3, с. 25], герой Б. Панкина также *годами с книжных полок пыль / не вытирал* [8, с. 127]. Вместе с тем существенно разнится причина такого забвения: если оригинальный Раскольников отрешился от внешнего мира из-за роковой теории *права власть иметь* [3, с. 321], то его однофамилец, скорее, следует примеру «лишнего человека» А. С. Пушкина – Евгения Онегина. *Он застрелиться, слава богу, / Попробовать не захотел; / Но к жизни вовсе охладел* [9, с. 19], – замечал классик. Подобная реакция присуща Раскольникову Б. Панкина, который *к чтенью / еще со школы охладел* [8, с. 127]. Дешифруется пушкинский код и в следующей характеристике современного Родиона Романовича: *...приметам снам и провиденью / не доверял* [8, с. 127]. Эта фраза отсылает к строчкам о Татьяне Лариной, верившей *преданьям / Простонародной старины / И снам, и карточным гаданьям, / И предсказаниям луны* [9, с. 77]. Кроме того, в одной портретной детали нового Раскольникова ощутимы ассоциации с гоголевским «маленьким человеком»: *...всегда глядел / не дальше собственного носа* [8, с. 127]. К слову, помимо аллюзии на повесть Н. В. Гоголя «Нос» (1836), актуален и интертекст Ф. М. Достоевского, расширяющего и углубляющего гоголевскую линию: *Все в руках человека, и все-то он мимо носу проносит* [3, с. 6]. Как видим, герой Б. Панкина, наоборот, придерживается принципа спрятать нос, ограничиваясь в недовольствах лишь *роптанием на скверную погоду* [8, с. 127] и продолжая выстраивать антиномичную хрестоматийному Раскольникову позицию.

Наконец, теснота комнаты и скованность материального положения становятся заключительными маркерами рецепции. В изложении Б. Панкина Раскольников *курил дешевый беломор*, а заржавленный топор хранил не иначе как *меж холодильником и стенкой* [8, с. 127]. Исследователь Е. М. Мелетинский в работе «Заметки о творчестве Достоевского» выделяет тему узости и ужаса, которая «вплощается в образе человека в углу между шкафом и дверью (стеной, окном)» [10, с. 224]. Помещая орудие убийства, источник угрозы, в соответствующий простенок комнаты Раскольникова, современный поэт аллегорически напоминает о скрытой мощи железа, остающейся скованной благодаря апатии Родиона Романовича.

Следовательно, гибридный Раскольников Б. Панкина аккумулирует в себе следы творчества А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского. Сверхцитатность стихотворения обеспечивается наложением образов «маленького человека» и «лишнего человека», в результате чего сублимируется прототип пассивного героя-бунтовщика, до времени отложившего в сторону свой топор.

Осколочное кодирование фигуры Раскольникова, оставляющего после себя кровавый шлейф от взмахов топором, прочитывается в поэтических произведениях И. А. Жукова «Язык Пантагрюэля» (одноименная книга стихов, 2007) и «Министерство морских чудачеств» (журнал «Воздух», 2011). Ставя во главу угла такие приемы работы с текстом, как передача потока сознания, кинематографическое «склеивание» строф, рассеивание смысла до абсурдизации, поэт добивается размытости в изображении образа хрестоматийного студента-«убийцы».

В частности, глава микровербофильмов (терминология И. А. Жукова) «В поисках котов неограниченных возможностей, или Мрак чернильницы глубиной 2 метра 70 сантиметров» из сборника «Язык Пантагрюэля» репрезентирует срез параноидальной псевдореальности, который дискретно воскрешает главного героя романа «Преступление и наказание» через зооморфное преломление (мыслительная активность кота). Прежде всего наличествуют комбинаторные блоки с упоминанием о персонаже

¹Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением пунктуационных особенностей оригинала. – О. П.

Ф. М. Достоевского: это и окружающая фамилию героя симфора *ес/yes (yes Раскольников! / есть в жизни счастье / yes!* [11]), и палиндром (*есть в жизни счастье* [11]). Как видим, неантропоморфный гимн в честь мировоззренческих ориентиров Родиона Романовича диссонирует с классической идеей Ф. М. Достоевского: дискурс об искуплении греха страданием априори отсутствует.

Продолжает рецепцию образа Раскольникова гендерная переконвертация героев. Экспериментируя над развитием сюжета, И. А. Жуков рассуждает, что произошло бы, *если бы Раскольников был женщиной* [11]. Автоматически сокращается и исходное число жертв в оригинальном сюжете. По предположению поэта, современный преступник *бы заколбасил двух старичков* [11]. Тем самым текст-интерпретация отсекает один из основополагающих тезисов Ф. М. Достоевского – концепт «слезинки ребенка». Напомним, сводная сестра Алены Ивановны, Лизавета, является беременной в момент посягательства Раскольникова на ее жизнь. «Дети у Достоевского – последняя и решающая проверка всех и всяких идей, всех и всяких теорий» [12, с. 110], – пишет Ю. Ф. Карякин в труде «Достоевский и канун XXI века». Развивая научные изыскания, ученый выстраивает парадигму аттестаций Раскольникова, которые уточняют широкое понятие «убийца» узкими ремарками «матереубийца» [12, с. 34] и, соответственно, «детоубийца» [12, с. 111]. В стихотворении И. А. Жуков осознанно упрощает наполнение образа Родиона Романовича, изначально претендуя не на скрупулезность его освоения, а, скорее, на условное маневрирование и эпатаж растиражированным современной культурой героем-ярлыком. Мотивы И. А. Жукова «топорщится, пестрит <...> вульгаризмами, коверкается, заголяется, показывает исподнее, гримасничает» [13, с. 33], в том числе в ретрансляции кода Ф. М. Достоевского.

Мимолетная аллюзия на Раскольникова прочитывается в шестом композиционном отрывке текста И. А. Жукова «Министерство морских чудачеств». Базируясь на фундаментальном перепрочтении повести «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя, современный писатель, однако, пунктирно описывает петербургский пейзаж строками: *...здесь Пушкин с Достоевским вслух / кончают там и сям старух – / процентщица или княгиня / в одном гробу лежат донныне* [14]. Таковым соотносением фамилий русских классиков XIX столетия И. А. Жуков подчеркивает идейную общность романа «Преступление и наказание» и повести «Пиковая дама», аспекты преемственности которой неоднократно рассматривались русскими и западными литературоведами. Например, в работе Е. М. Мелетинского «Заметки о творчестве Достоевского» отмечается, что и Раскольников, и Германн «фактически убивают “старушонку” – источник возможного обогащения: Раскольников сознательно, в порядке реализации своей “теории”, а Германн – невольно и с целью гораздо более практической, но не чуждой и психологии героев Достоевского, – тайна карт доставит ему деньги» [10, с. 24]. Противоположный уровень восприятия – сходство от умерщвления к оживлению – наблюдается в работе К. Кроо «“Творческое слово” Ф. М. Достоевского – герой, текст, интертекст», в которой указано, что обе старухи «должны умереть, а потом “воскреснуть из мертвых”, причем воскресают они в рамках снов» [15, с. 100]. Таким образом, И. А. Жуков переносит в свое произведение «Министерство морских чудачеств» сгущенный отсвет рефлексии теневого, закоулочного Петербурга Ф. М. Достоевского и усиливает раскаты гоголевского хохота эхом вторящих роману «Преступление и наказание» отсылки.

Зарисовка города на Неве, проникнутого интонированием строк поэтического текста И. А. Бродского «Стансы» (1962) и романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», нанесена на лирический холст Н. Л. Ключаревой под названием «Стихотворение о том, как я пришла умирать» (антология новейшей русской поэзии «Девять измерений», 2004). Пронся сквозь заголовок и композицию строф неточную цитату из стихотворения И. А. Бродского (*...на Васильевский остров / я приду умирать* [16, с. 209]), Н. Л. Ключарева погружает героиню словесного полотна в экзистенциальные волны обремененности свободой и – параллельно – отвергнутости смертью. *Среди белой ночи хожу среди белого дня / Оглушенно хожу обреченно / А гибель не видит меня* [17, с. 372], – сетует персонаж стихотворения. Думается, атмосфера пагубности и краха дополнительно акцентируется автором через притяжение соседствующих строк *На Васильевский, / К василискам / Я за смертью, за вечной пропиской* [17, с. 372]), подспудно отсылающих к библейскому коду. В 13-м псалме четвертой книги Псалтири сказано: *...на аспиде и василиска наступишь* [2, с. 814]. В образе василиска зашифрована змея, укусы которой опасны для жизни. Однако попытка наткнуться на смерть в изложении Н. Л. Ключаревой безрезультатна даже под покровами призрачного Петербурга Ф. М. Достоевского. Маска старухи-процентщицы из романа «Преступление и наказание», наложенная на контуры лица главной героини «Стихотворения о том, как я пришла умирать», диагностирует («в пику» сюжету Ф. М. Достоевского) неприкаянность человека, абсурдность какого бы то ни было поиска. Да, лирическая героиня текста-интерпретации, подобно *злой старушонке* [3, с. 54], *считает проценты* [17, с. 372], но не от прибыльных вкладов, а, наоборот, от просроченных ожиданием конца зимних дней. *Часто мальчики мимо проходят, студенты, / Под мышкой топор* [17, с. 372], – огорченно свидетельствует она, не будучи в силах пробудить в трафаретных фантомах

Раскольников тяги к преступлению. Впрочем, в орудии убийства, как оказывается, нет надобности: безынициативное проживание жизни – топор – вяло настигает темя.

Желание скорейшего раскрепощения от уз телесности подталкивает героиню «Стихотворения о том, как я пришла умирать» и к тщетным перевоплощениям в *девочек Достоевского* [17, с. 373], когда она, не теряя надежды на встречу с небытием, в унижении *поднималась по черным лестницам* [17, с. 373]. Как известно, именно у лестничной ниши Рогожин заносит нож над князем Мышкиным, вызывая у последнего предэпилептический вопль: *Парфен, не верю!..* [18, с. 195]. Самоедство и умаление героинями собственной гордости – типичный сюжетный ход, применявшийся романистом на протяжении всего его творчества (например, контрастные образы смиренной Варечки Доброселовой из раннего произведения «Бедные люди» и надрывной Катерины Ивановны Верховцевой из позднего романа «Братья Карамазовы»).

Интересно качественное отличие символической нагрузки образа лестницы в произведениях Ф. М. Достоевского, широкий контекст которой охарактеризован М. М. Бахтиным в труде «Проблемы поэтики Достоевского» как скреп пространства, «где совершается кризис и перелом» [19, с. 168], применительно к рассматриваемому стихотворению Н. Л. Ключаревой. Говоря о различии с базовой трактовкой лестницы для всего массива произведений классика, в романе «Преступление и наказание» Е. М. Мелетинский предполагает семантическую инверсию: «Подъем <...> ведет не к возрождению духа <...> а к возвращению на круги своя, к себе самому и своим проблемам, в тот “свой” центр, где все злое и угнетающее сгущено до предела и откуда <...> явного, видимого выхода нет» [10, с. 248]. Не находит его и Н. Л. Ключарева для героини «Стихотворения о том, как я пришла умирать», закрывая кольцевую структуру полотна словами: *Я пришла умирать в Петербург, на Васильевский остров. / Но отвергнута смертью. Как Бродский* [17, с. 373]. Давая интервью С. Дмитренко, представляющему журнал «Литература», Н. Л. Ключарева признавалась: «Я люблю книги сомнений, где обнажена мысль, идущая от сомнения к сомнению на предельном напряжении всех сил. Люблю книги, задающие вопросы. В этом смысле, конечно, Федору Михалычу нет равных» [20]. На примере «Стихотворения о том, как я пришла умирать» поэт следует принципу антидогматизма, оставляя феноменологический дискурс (не)бытия открытым и выказывая неуверенность в возможности его однозначной трактовки.

Нестандартный дублет сюжетных эскизов по мотивам романа «Преступление и наказание» предлагает К. А. Сапгир. Опубликованные в издании «Журнал ПОэтов» мини-тексты автора (2012) выстраиваются в целостную структуру. Название первого фрагмента – «Преступление и наказание», – обозначенного К. А. Сапгир как роман-карлик, практически аутентично исходнику; второй фрагмент, жанрово не регламентированный поэтом, игриво именуется «Микро-реклама дверного глазка»¹. Выделенные произведения можно отнести к «пограничной» форме организации текста, известного в русском литературоведении как версе. В статье «На грани стиха и прозы» Ю. Б. Орлицкий дифференцирует характерные признаки данного переходного типа словесности следующим образом: «Версе – строфическая проза, состоящая из сверхкратких абзацев, напоминающих сверхдлинные стихотворные строки» [21].

К слову, каждая из рецептивных вариаций К. А. Сапгир – «Преступление и наказание» и «Микро-реклама дверного глазка» – содержит всего по две строфы, состоящие из одного или двух стихов, причем начальная строка *Раскольников звонит в дверь* [22] калькируется в оба текста без изменения. Фаталистическая стилистика предзаданного и неминуемого прихода Родиона Романовича раскадровывается автором в двух противоположных мизансценах: подхватывающей и опровергающей классическую линию пратекста. Так, фрагмент «Преступление и наказание» пародийно выпячивает хрестоматийную идеологему Ф. М. Достоевского о материальном и трансцендентном перешагивании через порог бытия; фрагмент «Микро-реклама дверного глазка», наоборот, развенчивает экзистенциальный подтекст «порогового состояния», нивелируя его как таковой. *А не пуцу!* [22] – через входную дверь произносит старуха-процентщица стоящему на лестнице Раскольникову, оставляя его за порогом «пограничной» ситуации лицом к лицу с насмеявшейся над ним смертью. Поэтому и топор в руках Родиона Романовича значится лишь в первом версе. Намереваясь залихватски «проучить» прижимистость старухи-процентщицы, Раскольников выпячивает перед ней героем народной сказки, перевирая обычай русского гостеприимства и аллегорически приглашая свою жертву к подаче щей из топора. Деньги, названные жаргонным словом «капуста», обозначающим также необходимый ингредиент для приготовления блюда, становятся единственным мотивом убийства. Однако, не нарушая сказочной традиции счастливого конца, развязку автор выносит за скобки.

Стихотворение «ропоТ» Е. А. Кацюбы, опубликованное в упомянутом тематическом номере издания «Журнал ПОэтов», зеркально отражает символ насилия Раскольникова: *ропоТ – Топор. Рос-рос и под-рос-таки, / придумал преступление / и наказанный на всю жизнь, / смотрит* [23], – пишет Е. А. Кацюба

¹Название приводится с сохранением авторской орфографии. – О. П.

о творческом пути Ф. М. Достоевского, вплетая в строки стихотворения считывающийся намек не только на дерзновенное убийство Раскольникова, но и на мировоззренческую максиму автора «великого пятикнижия» – *приими и пострадай <...> сам* [24, с. 291], раскрывающую тайнство искупления первородного греха, повлекшего изгнание людей из райских кущ. В изложении Е. А. Кацюбы трактовка расплаты за алчущую человеческую амбицию осуществляется не безвозвратным, *на всю жизнь* [23], выдворением сонма «осмелившихся преступить» из идиллического небесного лона, а погружением в их текстовое тело рецептивного топора Ф. М. Достоевского. Персонажи романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы» помещаются на земную твердь пламенеющего *кострами из денег* [23] Петербурга, причем всеобщий имманентный дисбаланс – ропот героев Ф. М. Достоевского – насквозь пронизывает улицы, рефреном стенаний отдаваясь в арках и подворотнях бормочущего города-кошмара, созданного лезвием Раскольникова. Сам же Родион Романович, не нарушая богословских представлений об иерархичности небесного и земного миропорядков, на правах вершащего суд дистанцируется от остальных персонажей вакуумом непроницаемости: *Нет доступа / в каморку Раскольникова / она опечатана времени сургуком* [23].

Видится значимым композиционный прием умолчания: интертекст убийства в романе «Преступление и наказание» рассредоточивается Е. А. Кацюбой вплоть до полного исчезновения конфликта убийцы и жертвы. Герои стихотворения «ропоТ» теряют твердую форму портретных характеристик и поведенческих свойств, заданных Ф. М. Достоевским, микшируются друг с другом, приобретают едва уловимые очертания. *Какого черта / какого беса / родила с того света / сестра Лизавета / какого Смердякова?* [23] – спрашивает автор строк, наслаивая образы убитой Раскольниковым беременной юродивой Лизаветы из романа «Преступление и наказание» и умершей после родов Лизаветы Смердящей из произведения «Братья Карамазовы», которая и *говорить-то ни слова не умела и изредка только шевелила что-то языком и мычала* [24, с. 91]. Таким образом Е. А. Кацюба формирует гетерогенный симулякр Лизаветы, аккумулирующий черты обеих героинь из двух романов русского классика.

Цитатный фон произведений Ф. М. Достоевского прослеживается в рецепции детских образов поэтического произведения «ропоТ». Согласно его фабуле прогуливающаяся по Петербургу с Лизаветиным *ребеночком* (имеется в виду Павел Смердяков. – О. П.) *на руках* [23] Соня одновременно просит милостыню *на бедных деточек* [23] Настасьи Филипповны, бездетной по пратексту романа «Идиот». В числе детей упоминаются *Алешенька, Ванечка, / Грушенька, Митенька* [23], за которыми узнаваемы фигуры из романа «Братья Карамазовы». Однако и в интерпретации Е. А. Кацюбы Настасья Филипповна не воссоединяется с Мышкиным: оставив своих детей Соне и отправившись на поиски *среды каменных львов* [23] Петербурга своего живого Льва Николаевича, она вновь оказывается в руках Парфена Рогожина. Самовозрождающаяся стихотворная действительность Е. А. Кацюбы исторгает кристально чистый образ положительно прекрасного человека, созданный христианским классиком XIX столетия, за пределы герменевтического осмысления. Мышкина *пока еще пишет / во Флоренции Достоевский* [23], – объясняет поэтесса, по мнению которой «каждый великий писатель рано или поздно становится персонажем в произведениях других писателей. И те с ним поступают не менее вольно, чем он сам со своими героями» [25]. Пластично трансформируя границы текстов русского классика, Е. А. Кацюба замыкает ропшущую бездну стихотворного микрокосмоса вне дефиниции идеи нового Христа и воскрешения человеческой личности «по Достоевскому».

Более других следует технике метаметафоры как «выворачивания» смысла К. А. Кедров в стихотворении «И икс в е отсюда Достоевский» (Журнал ПОэтов, 2012), кодирующий в первой части названия искаженную фамилию классика (прочитывается справа налево), а в содержании – палиндром *топор – ропот*. Разбитый на три тематических блока и послесловие, посвященных романам «Идиот», «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание» и «Бесы» соответственно, новаторский холст К. А. Кедрова пестрит беспорядочно проступающими на полиобразной ткани ремейка пятнами словоформ Ф. М. Достоевского. В частности, ассоциативное поле первого из пяти романов «великого пятикнижия» слагается вариативным (двунаправленным) прочтением строк с базовым ядром слов *Соня, Лазарь, раб Родион, Разумихин* [26]. Отдельного внимания заслуживает культурема топора, которая в репрочтении К. А. Кедрова выводит из двух слагаемых топор – ропот третий, итоговый компонент силлогизма: *а топорам яма ропота* [26]. Тем самым автор строк намекает: внутреннее падение – яма – есть исход любого преступления.

Версификация «Достоевский – до ста Ев» (Журнал ПОэтов, 2012) К. А. Кедрова продолжает эксперимент над графическим и смысловоразличительным обыгрыванием фамилии и творчества русского писателя XIX в. Затрагивая тематику «желтого билета» в произведениях Л. Н. Толстого «Воскресение» (*Граф Толстой веселится в халате / с проституткой по имени Катя* [27]), Н. А. Некрасова «Маша» (*Вот Некрасов лежит на диване / С проституткой по имени Маня* [27]), М. Горького

«На дне» (*Проститутка по имени Настя / содрогается от сладострастия* [27]), К. А. Кедров с особенной тщательностью останавливается на тыльной стороне чувственного мира героинь Ф. М. Достоевского, репрезентируя «свальный грех» [28, с. 151] трилогией образов из романов «Униженные и оскорбленные» (*Достоевский стоит на панели / с проституткой по имени Нелли* [27]), «Преступление и наказание» (*Динамистка по имени Соня / обслужила читателей сонмы* [27]), «Братья Карамазовы» (*Спит, все заповеди наруша, / проститутка по имени Груша* [27]).

Как видим, поэт художественно продлевает сюжетную линию *отвратительной истории* [29, с. 276] Елены (Нелли), направляя ее заниматься *непозволительными делами* [29, с. 266]. По этой же стезе утраты и антипуризма следует и обращение К. А. Кедрова с Аграфеной Светловой, которой, по выражению автора, бесцеремонно *вставили, вмазали / сладострастники Карамазовы* [27]. Единственным, кто оказывается вне взрывных эротических усад, становится *Родя-бандит* [27], предпочитающий *топор <...> динамиту* [27] Сонечки Мармеладовой. Лишая (на общем фоне рецептивных соитий) убийцу и грешницу телесной связи, К. А. Кедров реактуализирует дискурс «деятельной любви», трактуя его буквально. Забываясь в огне любовных ласк, герои поэта с *особенным вкусом* [27] принимают страдание и несут наказание: *Катя с графом в середине халата. / – Виновата, – кричит, – виновата!* [27]. Перемаркировка фразы Масловой (*Не виновата я, не виновата!* [30, с. 89]), произнесенная в сцене вынесения обвинительного приговора, может интерпретироваться и в перспективе антропологической идеи Ф. М. Достоевского *всякий пред всеми за всех и за все виноват* [24, с. 262].

Оппонируя идеям мировой гармонии Ф. М. Достоевского и диалектики души Л. Н. Толстого, К. А. Кедров предлагает следующий вариант антиэдипизации русской литературы: в эпиграфе, представленном цитатой из романа Л. Н. Толстого «Воскресение» (*Нехлюдов давал ей Достоевского...* [30, с. 47]), обозначаются фигуры обоих классиков. Поэт проводит их героев через горн плотской продажной любви: не только любви-муки Масловой, любви-искупления Сонечки, но и любви-наслаждения. Опыт отказа от купли-продажи физического удовольствия – вопрос нравственного диспута XXI в., который, согласно К. А. Кедрову, еще предстоит решить (*Почему же, скажите, злодейки, / Вы нас любите только за деньги?* [27]).

Заключительный аккорд рецепции топора, предлагаемый поэтом, дешифруется в тексте «7 кругов рая» (Дирижер тишины, 2009). Говоря о стилистике письма К. А. Кедрова, уместно остановиться на ключевом термине «метаметафора», среди 16 определений которой особого внимания заслуживают следующие: «...проекция трехмерного зрения в четырехмерный континуум пространства-времени» и «модель мира, возникающая при выворачивании (инсайдауте)», под коим, в свою очередь, подразумевается «воплощение мира в тело и развоплощение тела в мир с обретением иного внутренне-внешнего и одновременно внешне-внутреннего пространства <...> с полным слиянием прошлого, будущего и настоящего в новую временную реальность *настоящебудущепрошлого*» [31, с. 262–263]. Организованный в виде хаотично сменяющейся череды реплик, каждая из которых может претендовать на прототип кантовской «вещи в себе», текст К. А. Кедрова децентрирует первоначальные высказывания до афористического перефразирования или каламбурного распада словесной цепочки на самоценные слоговые атомы – метакод.

Одним из таких концептов является следующая поэтическая максима: *Достоевский. / Русский спор – / все на свете и топор* [32]. Ироничное сжатие онтологических воззрений русского писателя XIX в. до аксиомы «все – топор» дополнительно осмысливается в строках, рецептивно закрепленных за Сталиным: *...Для чего палачу топор? / Чтобы вовремя дать отпор* [32]. Метатезой «то – от» в связке «топор – отпор» К. А. Кедров расширяет алгоритм применения многоголосого символа Ф. М. Достоевского: пассивный *ропот*, льющийся из стихотворения «И икс в е отсюда Достоевский», тонет в манифестации энергичных нот отпора поэмы «7 кругов рая», исходное положение которой (*Топор – шея – топор / Шея – топор – шея* [32]) смонтировано поэтом по образцу, взятому из фундаментального труда «Капитал» К. Маркса: *Товар – деньги – товар / Деньги – товар – деньги* [32].

Можно утверждать, что К. А. Кедров активно наследует образ хрестоматийного орудия убийства Ф. М. Достоевского, проводя рецепцию как в стихотворных текстах, непосредственно отсылающих к творчеству русского классика («И икс в е отсюда Достоевский», «Достоевский – до ста Ев»), так и в произведениях, в которых о писателе и его китчевом образе насилия упоминается опосредованно (7 кругов рая).

Наконец, лирическое полотно Б. Ш. Кенжеева «...не скажу, сколько талой воды утекло с тех пор...» (Знамя, 2001) оперирует идеологемой топора Ф. М. Достоевского в трех нарративных плоскостях. Прежде всего это текстовая перспектива романа «Братья Карамазовы». *Закрываю глаза – а по реке плывет топор, / уж не тот ли самый, что снился Ивану К.?* [33] – задается вопросом герой стихотворения Б. Ш. Кенжеева. Очевидно, что за зыбкими инициалами персонажа завуалирована фигура

бредящего в агонии двойничества Ивана Карамазова, чье воплощение «моровой язвы» – топор – хоть и не пускается Ф. М. Достоевским вплавь, но принимается *летать вокруг Земли <...> в виде спутника* [34, с. 75]. Далее, прослеживается отсылка к роману «Преступление и наказание», центральный образ которого считывается в следующем предположении Б. Ш. Кенжеева: *Уж не тот ли [топор], что из петли Родиона Р. / взмыл в высокий космос в краю родном...* [33]. Менее прозрачным кажется интертекст произведения «Записки из Мертвого дома», обнажающийся в воспоминании об орудии убийства, *чей восход среди скрежетающих небесных сфер / изучал ночами каторжник-астроном* [33]. Напомним, у Ф. М. Достоевского один из арестантов, Ж-кий, *все <...> силился растолковать на своем полурусском языке какую-то особенную, им самим выдуманную астрономическую систему. Мне (автору строк. – О. П.) говорили, что он это когда-то напечатал, но над ним в ученом мире только посмеялись* [35, с. 210–211].

Завершает антураж эволюции топора Ф. М. Достоевского апелляция Б. Ш. Кенжеева к устной народной традиции: это и стилизованные словосочетания, повествующие о реках из *киселя, и крови, и меда, и молока*, по которым плывет орудие смерти, и *ладные корабли из доброго пуда листового железа и чугуна* [33], бороздящие космические пространства мироздания (не выросшие ли из карамазовской галлюцинации?).

В итоге Русь Б. Ш. Кенжеева, в ужасе застывшая от занесенного над ней возмездного удара топора, подспудно тонет в искрах костра инквизиции, у которого согревается *простуженный человек* [33] Иван Карамазов, продолжающий кодировать в своем обличье колкий образ простудившегося *в эфире-то, в воде-то этой* [34, с. 75] черта.

«Я вот Достоевского люблю, хоть он <...> и не поэт, – признавался Б. Ш. Кенжеев. – У него ни один роман не обходится без усмешки над бытием, над проклятыми вопросами, да и над самим собой...» [36]. Восстанавливая константу Ф. М. Достоевского *тварь ли я дрожащая или право имею* [3, с. 322], поэт тонко обыгрывает ее через аллюзию на притчу о Всемирном потопе. Спасаящий земных тварей от огня инквизиции и несущийся в *ночь перегруженный <...> ковчег* [33] Б. Ш. Кенжеева дополняет символику ветхозаветного кода гоголевским кодом (*бойкой необгонимой тройки* [37, с. 203]) и намеком на эсхатологическую образность истолкования данного мотива Ф. М. Достоевским. *Дом – Ноев ковчег* [3, с. 83], – гласят строки романа «Преступление и наказание», нагнетая восприятие кишашего действием жилища убитой старухи-процентщицы и выступая вариацией стилистической трактовки узости, тесноты, разложения здорового жизненного уклада.

Угроза многослойного образа топора, мерно скользящего по глади коллективного бессознательного, видится Б. Ш. Кенжеевым в посюсторонней перспективе сменяющихся дней. Небезынтересна и следующая деталь: уподобляясь молчащему в беседе с инквизитором Христу из легенды «Великий инквизитор», и кенжеевский *творец, просяив, умолк* [33]. Однако Христова *поцелуя любви* [38, с. 502], *поцелуя примирения* [38, с. 503], дарующего прощение врагам, а в сущности – призывающего к воссоединению, в тексте поэта нет. Русский ковчег тает в проблесках инквизиционного костра без благословения оставшегося за спиной агнца [33] – новозаветного олицетворения Христа, но с утверждением апокалипсической мощи топора Ф. М. Достоевского.

В заключение отметим: впервые опредмеченный романом Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», топор выходит за границы однородного прочтения, расширяясь до одной из культурем творчества христианского классика XIX столетия и полиморфного семиотического знака современной литературы в целом. В поэтических текстах И. А. Жукова, Е. А. Кацюбы, К. А. Кедрова, Б. Ш. Кенжеева, Н. Л. Ключаревой, Л. В. Лосева, Б. Панкина, К. А. Сапгир хрестоматийное орудие Ф. М. Достоевского обретает собственный голос, персонифицируясь в автономного героя или кодируя феномен двойничества (Раскольников/топор). Вместе с тем, исполняя главную или второстепенную роль в интерпретациях русских авторов первой четверти XXI в., топор Ф. М. Достоевского, в чем бы рецептивным изложением ни осмыслялся, сохраняет вектор разрушительности – имплицитный или эксплицитный.

Библиографические ссылки

1. Карасев Л. В. О символах Достоевского // Вопр. философии. 1994. № 10 [Электронный ресурс]. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/dos/toj/evs/kii/dostojevskii_f/sbor_stat/9.htm (дата обращения: 19.12.2016).
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 2013.
3. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 6. 1973.
4. Лосев Л. Несколько новых стихотворений // Знамя. 2001. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znania/2001/1/losev.html> (дата обращения: 19.12.2016).
5. Чайковская И. Под знаком одиночества и свободы: интервью со Львом Лосевым // Чайка. 2008. № 6 (113) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chayka.org/node/1798> (дата обращения: 19.12.2016).

6. Быков Д. Я чувствую Бродского обворованным // Огонек. 2008. № 44 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2301648> (дата обращения: 19.12.2016).
7. Погорелая Е. Диалоги с говорящим попугаем (о поэзии Льва Лосева) // Арион. 2010. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2010/4/po19.html> (дата обращения: 19.12.2016).
8. Панкин Б. Новый Раскольников : стихотворения. Киев, 2011.
9. Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 3 т. М., 1954. Т. 3.
10. Мелетинский Е. М. Заметки о творчестве Достоевского. М., 2001.
11. Жуков И. Язык Пантагрюэля : четвертая книга стихов. М., 2007.
12. Карякин Ю. Ф. Достоевский и канун XXI века. М., 1989.
13. Скидан А. Монтаж аттракционов Игоря Жукова // Сумма поэтики. М., 2013. С. 30–36.
14. Жуков И. Министерство морских чудачеств // Воздух. 2011. № 2/3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2011-2-3/zhukov/> (дата обращения: 19.12.2016).
15. Кроо К. «Творческое слово» Ф. М. Достоевского – герой, текст, интертекст. СПб., 2005.
16. Сочинения Иосифа Бродского : в 7 т. СПб., 2001. Т. 1.
17. Ключарева Н. Стихотворение о том, как я пришла умирать // Девять измерений : антол. новейшей рус. поэзии. М., 2004.
18. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 8. 1973.
19. Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. М., 2002. Т. 6.
20. Дмитренко С. Наталья Ключарева: Мое писательство – из невозможности утешить, накормить... // Литература. 2009. № 2 (722) [Электронный ресурс]. URL: <http://lit.lseptember.ru/article.php?ID=200900212> (дата обращения: 19.12.2016).
21. Орлицкий Ю. На грани стиха и прозы (русское версе) // Арион. 1999. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/1999/1/orlic.html> (дата обращения: 19.12.2016).
22. Сангир К. Преступление и наказание. Микро-реклама дверного глазка // Журн. ПОэтов. 2012. № 7 (39). С. 11.
23. Кацуба Е. ропот // Журн. ПОэтов. 2012. № 7 (39). С. 7.
24. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 14. 1976.
25. Кацуба Е. КТО доСТОевский? // Журн. ПОэтов. 2012. № 7 (39). С. 7.
26. Кедров К. И кс в е отсюда Достоевский // Журн. ПОэтов. 2012. № 7 (39). С. 4.
27. Кедров К. Достоевский – до ста Ев // Журн. ПОэтов. 2012. № 7 (39). С. 4.
28. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 26. 1984.
29. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 3. 1972.
30. Толстой Л. Н. Воскресение. М., 1984.
31. Кедров К. А. Инсайдаут. Новый Альмагест. М., 2001.
32. Кедров К. Дирижер тишины : стихи и поэмы. М., 2009.
33. Кенжеев Б. В чешуйках кремния // Знамя. 2001. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/8/kenj-pr.html> (дата обращения: 19.12.2016).
34. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 15. 1976.
35. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 4. 1972.
36. Белых А. Чтение поэзии – занятие целомудренное // Октябрь. 2009. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2009/5/be7.html> (дата обращения: 19.12.2016).
37. Гоголь Н. В. Мертвые души. М., 1972.
38. Касаткина Т. Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М., 2015.

References

1. Karasev L. V. About symbols of Dostoevsky. *Vopr. filos.* 1994. No. 10 [Electronic resource]. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/dos/toj/evs/kii/dostojevskii_f/sbor_stat/9.htm (date of access: 19.12.2016) (in Russ.).
2. Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta [Bible. Books of the Holy Writ of the Old and the New Covenant]. Moscow, 2013 (in Russ.).
3. Dostoevsky F. M. Sbranie sochinenii [The complete works] : in 30 vol. Leningrad, 1972–1990. Vol. 6. 1973 (in Russ.).
4. Losev L. Neskol'ko novykh stikhotvoreniy [A few new poems]. *Znamya*. 2001. No. 1 [Electronic resource]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/1/losev.html> (date of access: 19.12.2016).
5. Chajkovskaya I. Pod znakom odinochestva i svobody : interv'y u so L'vom Losevym [Under the sign of loneliness and freedom. Interview with Lev Losev]. *Chaika*. 2008. No. 6 (113) [Electronic resource]. URL: <http://www.chayka.org/node/1798> (date of access: 19.12.2016) (in Russ.).
6. Bykov D. Ya chuvstvuyu Brodskogo obvorovannym [I feel Brodsky robbed]. *Ogonek*. 2008. No. 44 [Electronic resource]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2301648> (date of access: 19.12.2016) (in Russ.).
7. Pogorelaya E. Dialogi s govoryashchim popugaem (o poezii L'va Loseva) [Dialogues with a talking parrot (about the poetry of Lev Losev)]. *Arion*. 2010. No. 4 [Electronic resource]. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2010/4/po19.html> (date of access: 19.12.2016) (in Russ.).
8. Pankin B. Novyi Raskol'nikov [New Raskolnikov] : poems. Kiev, 2011 (in Russ.).
9. Pushkin A. S. Sbranie sochinenii [The complete works] : in 3 vol. Moscow, 1954. Vol. 3 (in Russ.).
10. Meletinsky E. M. Zametki o tvorchestve Dostoevskogo [Notes on the work of Dostoevsky]. Moscow, 2001 (in Russ.).
11. Zhukov I. Yazyk Pantagryuela [Language of Pantagruel] : the fourth book of poems. Moscow, 2007 (in Russ.).
12. Karyakin Y. F. Dostoevskii i kanun XXI veka [Dostoevsky and the eve of the XXI century]. Moscow, 1989 (in Russ.).
13. Skidan A. Montazh attraktsionov Igorya Zhukova [The montage of attractions of Igor Zhukov]. *Summa poetiki*. Moscow, 2013. P. 30–36 (in Russ.).
14. Zhukov I. Ministerstvo morskikh chudachestv [Department of the Marine craziness]. *Vozdukh*. 2011. No. 2/3 [Electronic resource]. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2011-2-3/zhukov/> (date of access: 19.12.2016) (in Russ.).

15. Kroo K. «Tvorcheskoe slovo» F. M. Dostoevskogo – geroi, tekst, intertekst [«The creative word» of F. M. Dostoevsky – a hero, text, intertext]. Saint Petersburg, 2005 (in Russ.).
16. Sochineniya Iosifa Brodskogo [Works of Joseph Brodsky] : in 7 vol. Saint Petersburg, 2001. Vol. 1 (in Russ.).
17. Klyuchareva N. Stikhotvorenie o tom, kak ya prishla umirat' [The poem about how I came to die. Nine measurements] : an anthol. of the contemp. Russ. poetry. Moscow, 2004 (in Russ.).
18. Dostoevsky F. M. Sobranie sochinenii [The complete works] : in 30 vol. Leningrad, 1972–1990. Vol. 8. 1973 (in Russ.).
19. Bachtin M. M. Sobranie sochinenii [The complete works] : in 7 vol. Moscow, 2002. Vol. 6 (in Russ.).
20. Dmitrenko S. Natal'ya Klyuchareva: Moe pisatel'stvo – iz nevozmozhnosti uteshit', nakormit'... [Natalia Klyuchareva: My writing – from the inability to console, feed...]. *Literatura*. 2009. No. 2 (722) [Electronic resource]. URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200900212> (date of access: 19.12.2016) (in Russ.).
21. Orlitsky Y. Na grani stikha i prozy (russkoe verse) [On the verge of poem and prose (Russian verse)]. *Arion*. 1999. No. 1 [Electronic resource]. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/1999/1/orlic.html> (date of access: 19.12.2016) (in Russ.).
22. Sapgir K. Prestuplenie i nakazanie. Mikro-reklama dvernogo glazka [Prestuplenie (Crime) and nakazaenie. Micro-advertising the peephole]. *Zh. POetov*. 2012. No. 7 (39). P. 11 (in Russ.).
23. Katsyuba E. ropoT. *Zh. POetov*. 2012. No. 7 (39). P. 7 (in Russ.).
24. Dostoevsky F. M. Sobranie sochinenii [The complete works] : in 30 vol. Leningrad, 1972–1990. Vol. 14. 1976 (in Russ.).
25. Katsyuba E. KTO doSTOevskii? [Who is DoSTOevsky?]. *Zh. POetov*. 2012. No. 7 (39). P. 7 (in Russ.).
26. Kedrov K. I iks v e otsyuda Dostoevskii. *Zh. POetov*. 2012. No. 7 (39). P. 4 (in Russ.).
27. Kedrov K. Dostoevskii – do sta Ev. *Zh. POetov*. 2012. No. 7 (39). P. 4 (in Russ.).
28. Dostoevsky F. M. Sobranie sochinenii [The complete works] : in 30 vol. Leningrad, 1972–1990. Vol. 26. 1984 (in Russ.).
29. Dostoevsky F. M. Sobranie sochinenii [The complete works] : in 30 vol. Leningrad, 1972–1990. Vol. 3. 1972 (in Russ.).
30. Tolstoy L. N. Voskresenie [Resurrection]. Moscow, 1984 (in Russ.).
31. Kedrov K. A. Insaidaut. Novyi Al'magest [Inside-out. New Almagest]. Moscow, 2001 (in Russ.).
32. Kedrov K. Dirizher tishiny [The conductor of silence] : poems. Moscow, 2009 (in Russ.).
33. Kenzheev B. V cheshuikakh kremniya [In the scales of silicon]. *Znamya*. 2001. No. 8 [Electronic resource]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/8/kenj-pr.html> (date of access: 19.12.2016) (in Russ.).
34. Dostoevsky F. M. Sobranie sochinenii [The complete works] : in 30 vol. Leningrad, 1972–1990. Vol. 15. 1976 (in Russ.).
35. Dostoevsky F. M. Sobranie sochinenii [The complete works] : in 30 vol. Leningrad, 1972–1990. Vol. 4. 1972 (in Russ.).
36. Belych A. Chtenie poezii – zanyatie tselomudrennoe [Reading poetry is a chaste occupation]. *Oktyabr'*. 2009. No. 5 [Electronic resource]. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2009/5/be7.html> (date of access: 19.12.2016) (in Russ.).
37. Gogol N. V. Mertvye dushi [Dead souls]. Moscow, 1972 (in Russ.).
38. Kasatkina T. Svyashchennoe v povsednevnom: dvusostavnyi obraz v proizvedeniyakh F. M. Dostoevskogo [The sacred in the everyday]: A two-part figure in the works of F. M. Dostoevsky]. Moscow, 2015 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 20.12.2016.
Received by editorial board 20.12.2016.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДЕТСТВА В ПОЭЗИИ АНГЛИЙСКИХ РОМАНТИКОВ

А. В. БАБУК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Исследуется сущность феноменологии детства в поэзии английских романтиков. Обосновывается мысль о том, что детство является не только возрастным периодом от младенчества до зрелости, но и особым психокультурным феноменом, который, пройдя историческую эволюцию, сформировался как культурный миф в литературе романтизма. Утверждается, что впервые миф детства проявил себя в поэзии английских романтиков, где он предстал как воплощенная идиллия, которая соотносит свои структурно-семантические компоненты с мифом о золотом веке, определяя прошлое в качестве идеального состояния и выявляя мотивы гармонии, счастья, беззаботности, свободы, родственной связи ребенка с природой. Подчеркивается, что миф детства находит свое воплощение в пасторально-буколических образах, переосмысленных в контексте христианской символики, и образах Христа и Богородицы как покровителей безмятежного мира детства. Показано, что мотив гармонии, счастья и беззаботности встречается в стихотворениях У. Блейка «Из колыбельной песни», «Весна», «Дитя-радость»; мотив свободы – в стихотворении Д. Г. Байрона «Хочу я быть ребенком вольным...»; мотив родственной связи ребенка с природой – в стихотворениях У. Вордсворта «Строки, написанные на расстоянии нескольких миль от Тинтернского аббатства при повторном путешествии на берега реки Уай», «Нас семеро», «Мотыльку», «Мальчик» и др. Отмечено, что древнейшие пасторально-буколические образы встречаются в стихотворении У. Блейка «Агнец».

Ключевые слова: миф; детство; феномен; мотив; образ; идиллия; золотой век.

PHENOMENOLOGY OF THE CHILDHOOD IN ENGLISH ROMANTIC POETRY

A. V. BABUK^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Childhood is not only an age-related period from infancy to grown-up age. Modern humanities consider a childhood as a special psychological and cultural phenomenon that has evaluated and formed as a cultural myth in a romantic literature. This myth has appeared in English romantic poetry for the first time where it has been revealed as a personified idyll that correlates its structural and semantical components with a myth of a golden age and determines the past as an ideal condition and shows such motives as motive of harmony, happiness, insouciance, freedom, the motive of a native connection of a child with a nature. The myth of a child also finds its personification in pastoral and bucolic images that are rethought in a context of such Christian symbols as Jesus Chris and the Mother of God who are considered to be patronesses of serene childhood. The motives of harmony, happiness, insouciance can be met in such poems as «A Cradle Song», «Spring», «Infant Joy» written by W. Blake; the motive of freedom can be met in a poem «I would I were a careless child...» written by G. G. Byron; the motive of a native connection of a child with a nature can be revealed in

Образец цитирования:

Бабук А. В. Феноменология детства в поэзии английских романтиков // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 1. С. 45–50.

For citation:

Babuk A. V. Phenomenology of the childhood in English romantic poetry. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 1. P. 45–50 (in Russ.).

Автор:

Александр Вадимович Бабук – кандидат филологических наук; старший преподаватель кафедры английского языка экономических специальностей факультета международных отношений.

Author:

Alexander Babuk, PhD (philology); senior lecturer at the department of English for economics, faculty of international relations.
alexander-babuk@yandex.ru

such poems as «Lines Composed a Few Miles above Tintern Abbey, on Revisiting the banks of the Wye during a Tour. July 13, 1798», «We are Seven», «To a Butterfly», «There Was a Boy» written by W. Wordsworth and others. And the most ancient pastoral and bucolic images can be discovered in a poem «Lamb» written by W. Blake.

Key words: myth; childhood; phenomenon; image; idyll; golden age.

В возрастной психологии детством называется период индивидуального созревания человека от рождения до отрочества, включающий развитие от беспомощного существа до вполне сознательной личности, способной принять ответственность за себя и своих близких [1, с. 96]. Как период филогенеза, детство характеризуется не только возрастными физиологическими и психологическими чертами, но и особенностями мировосприятия, поэтому современная гуманитарная наука рассматривает его и как определенный период развития человека, и как особый психокультурный феномен.

Именно данное определение детства понуждает нас к использованию метода феноменологического анализа художественного текста. Феноменология, как философское направление, восходит к учению Э. Гуссерля о структуре феноменов [2, с. 399], которые (в применении к литературному тексту) непредвзято проявляют сами себя (А. Брентано). Феноменологический анализ художественного текста открывает множественность интерпретаций, и главным для него становится то, что читатель может извлечь во время акта чтения [3, р. 403]. Этот анализ предполагает три этапа. Прежде всего определяется структура феномена, для чего в нем выявляются составные части, или уровни (в этом отношении феноменологический анализ можно считать предшественником структурализма). Следующая ступень связана с онтологическим исследованием феномена. На третьем этапе выясняется причинная обусловленность феноменов произведения, которая кроется в реальности.

Представление о детстве как особом этапе жизни человека, отмеченном антропологической спецификой, формировалось в мировой культуре постепенно. Вплоть до XVIII в. человечество представляло собой «цивилизацию взрослых»: детство рассматривалось как этап, который необходимо преодолеть, чтобы стать полноценным членом общества; ребенок не осознавался как носитель определенных характерных физиологических и психологических признаков.

В литературе романтизма миф детства складывался главным образом из освоения и осмысления этого периода жизни человека как феномена. В психологии ребенка романтики нашли черты, недостающие взрослым людям или со временем утрачиваемые ими. Отсутствие свойств ребенка во взрослом человеке побуждало романтиков рассматривать детство как идеальное состояние, противостоящее грязно-эгоистической материальной практике жизни. Неудивительно поэтому, что положительные герои их произведений часто напоминают больших детей или наделяются чертами романтического юноши, в котором обнаруживается глубина и чуткость человеческой души. Так ребенок и его внутренний мир в романтическом произведении получили особый психологический статус.

Открытию детства как особого внутреннего переживания предшествовало появление литературы сентиментализма, в которой ребенок впервые был представлен как тип личности, обладающей рядом психофизиологических особенностей. К этому направлению литературы относятся такие произведения, как «История Томаса Джонса, найденыша» Г. Филдинга, «История Тристрама Шенди, джентльмена» Л. Стерна, «Исповедь» Ж. Ж. Руссо. Причем значение последних двух книг заключается в том, что в них впервые используется антропологический потенциал художественного приема «мир глазами ребенка», когда автор с помощью героя, выступающего в качестве нарратора, погружается в воспоминания о своем детстве.

Миф детства в литературе и культуре романтизма представляет собой вариант культурного мифа, которому, как и другим его историческим разновидностям, свойственны следующие функции: утопическое моделирование идеальной действительности, противостоящей современности; познание и в то же время проблематизация существующей действительности через идеализацию прошлого; психологическая компенсация состояния неудовлетворенности, характерной для современников переходных эпох, отмеченных резкими изменениями в мировоззрении общества и социальной сфере в целом. Способность культурного мифа гармонизировать мироощущение человека переходной эпохи, ликвидировать зазоры между эмпирической действительностью и идеальными представлениями о социуме, а также интересами каждой личности, которые могут не совпадать с общественными интересами [4, с. 456], обуславливает постоянное присутствие этого мифа в человеческой истории. В нем утверждаются общезначимые ценности эпохи, которые, как правило, основаны на универсальных архетипических представлениях.

Парадигма мифа детства в литературе романтизма формировалась в соответствии с основными структурно-семантическими составляющими мифа о золотом веке, включающего в себя такие компоненты, как идиллическое единство Бога и человека, чистота (естественность) и невинность

человека, бесконфликтность и блаженство ввиду отсутствия смерти, рай как образ гармонии природы и человека.

Английский романтизм, возникший в эпоху культурно-исторического перелома, стал художественным выражением нового взгляда человека на мир, обусловленного многообразием сложных противоречий и конфликтов в жизни Европы конца XVIII – начала XIX в. Вместе с тем важным представляется тот факт, что Англия была первой страной, в которой произошла буржуазная революция (1640–50-е гг.) и начали формироваться капиталистические отношения. Именно поэтому для ранних английских романтиков, принадлежавших к «Озерной школе», было характерно острое неприятие современного промышленного города; в свою очередь, консерватизм, особая приверженность традициям, как определяющая черта английской ментальности, обусловили идеализацию добуржуазных патриархальных отношений с присущим им культом дома, семьи, природы.

В рамках этой общей парадигмы начала оформляться феноменология детства, которая в литературе романтизма мифологизировалась.

Детство в произведениях английских романтиков осмыслялось как воплощенная идиллия, поэтому с ним связаны мотивы гармонии, счастья и беззаботности. Так, в стихотворении У. Блейка «Из колыбельной песни» (*A Cradle Song*) образ безмятежного детства реконструируется благодаря таким характеристикам, как *звонкий ключ, тихий, тонкий лунный луч*, которые воплощают красоту мира; *счастливый сон, спокойный сон, материнский нежный смех, улыбок легкий рой*, которые акцентируют чувство покоя и защищенности ребенка. В стихотворении «Весна» (*Spring*) образ счастливого детства дополняется мотивами всеобщего веселья, радости, песни, в которых отражаются открытость ребенка доброму миру и их гармоничное единение:

Birds delight
Day and night;
Nightingale in the dale,
Lark in sky,
Merrily,
Merrily, merrily, to welcome in the year.

Little boy,
Full of joy;
Little girl,
Sweet and small;
Cock does crow,
So do you.

Всюду птичий щебет.
Весело, весело
Встречаем мы весну!

Рады все на свете.
Радуются дети.
Петух – на насесте.
С ним поем мы вместе [5, с. 74].
(Пер. С. Я. Маршака.)

Образ ребенка и детства в поэзии У. Блейка является воплощением счастья, которое должно быть естественным состоянием каждого человека. Развивая идеи Ж. Ж. Руссо, поэт утверждает, что человек рождается для радости и привносит ее в мир самым фактом своего рождения. Эту мысль У. Блейк высказывает в стихотворении «Дитя-радость» (*Infant Joy*):

“I have no name:
I am but two days old”.
What shall I call thee?
“I happy am,
Joy is my name”.
Sweet joy befall thee!

Pretty Joy!
Sweet Joy, but two days old.
Sweet Joy i call thee
Thou dost smile,
I sing the while,
Sweet joy befall thee!

– Мне только два дня.
Нет у меня
Пока еще имени.
– Как же тебя назову?
– Радуюсь я, что живу.
Радостью – так и зови меня!
Радость моя –
Двух только дней, –
Радость дана мне судьбою.
Глядя на радость мою,
Я пою:
– Радость да будет с тобою! [5, с. 78].
(Пер. С. Я. Маршака.)

В идиллической картине детства закономерно актуализируются древнейшие пасторально-буколические образы, прежде всего образ ягненка. В стихотворении «Агнец» (*Lamb*) У. Блейк разрабатывает сложную систему ассоциаций, связанных с этим образом: на предметном уровне он выступает как ягненок, у которого «волнистый пух», «голосок, что нежит слух»; в переносном смысле слово «агнец» обозначает кроткого, послушного человека, и потому в стихотворении он соотносится с ребенком,

ягненок и дитя отождествляются (*Ты – ягненок, я – дитя* [5, с. 59]). На символическом уровне слово «агнец», которое в Новом Завете выступает как именование Иисуса Христа и в то же время отсылает к мотиву искупительной жертвы, обозначает одновременно Творца и Христа (*Кто пастись тебя привел / В наш зеленый веший дол? <...> Был, как ты, он слаб и мал, / Он себя ягненком звал. <...> Он такой, как ты и я* [5, с. 59]). Игра значениями заглавного образа дает возможность не только раскрыть многоплановую семантику детства, подчеркнуть кротость, нежность ребенка, но и указать на его изначальную связь с Царством Небесным.

Онтологическим первоисточником и прообразом идиллии для английских романтиков выступает природа как символ гармонии, счастья и зачаток жизни. Поэт У. Вордсворт в стихотворении «Строки, написанные на расстоянии нескольких миль от Тинтернского аббатства при повторном путешествии на берега реки Уай» (*Lines Composed a Few Miles above Tintern Abbey, on Revisiting the banks of the Wye during a Tour. July 13, 1798*) писал: *...я рад признать / В природе, в языке врожденных чувств, / Чистейших мыслей якорь, пристань сердца, / Возжатою, наставника...* [6, с. 219]. Поэтому счастье, как характеристика детства, основано, по мнению У. Вордсворта, на том, что именно ребенок, пришедший в мир из недр бессмертия, находится ближе всего к природе. Бессмертным предстает ребенок в знаменитом стихотворении «Нас семеро» (*We are Seven*):

“But they are dead; those two are dead!
Their spirits are in heaven!”
Twas throwing words away; for still
The little Maid would have her will,
And said, “Nay, we are seven!”

«Да нет уж двух: они в земле,
А души в небесах!»
Но был ли прок в моих словах?
Все девочка твердила мне:
«О нет, нас семь, нас семь!» [7, с. 68].
(Пер. И. И. Козлова.)

В стихотворении У. Вордсворта «Мотыльку» (*To a Butterfly*) звучит мотив сродненности ребенка и природы: бабочка вызывает в сознании лирического героя воспоминание о «чудной поре» детства, детских играх, семье – отце и любимой сестре, которые оживают в памяти. Бабочка выступает как мнемонический знак детства и в то же время как символ его мимолетности и хрупкости воспоминания о нем (*Мой бег, отчаянный прыжок: / Оберегал ревниво Бог / Пыльцу прелестных крыл* [6, с. 558]). В стихотворении «Мальчик» (*There Was a Boy*) У. Вордсворт феноменологически точно описывает способность ребенка воспринимать обыденные явления окружающего мира как чудо:

And long halloos, and screams, and echoes loud
Redoubled and redoubled; concourse wild
Of jocund din! And, when there came a pause
Of silence such as baffled his best skill:
Then, sometimes, in that silence, while he hung
Listening, a gentle shock of mild surprise
Has carried far into his heart the voice
Of mountain-torrents; or the visible scene
Would enter unawares into his mind
With all its solemn imagery, its rocks,
Its woods, and that uncertain heaven received
Into the bosom of the steady lake.

И звонкий свист, и хохот, и в горах
Гул перекатный эха – чудных звуков
Волшебный хор! Когда же, вслед за тем,
Вдруг наступала тишина, он часто
В безмолвии природы, на скалах,
Сам ощущал невольный в сердце трепет,
Заслышав где-то далеко журчанье
Ключей нагорных. Дивная картина
Тогда в восторг в нем душу приводила
Своей торжественной красотой, своими
Утесами, лесами, теплым небом,
В пучине вод неясно отраженным [6, с. 227].
(Пер. Д. Е. Мина.)

Это детское восприятие в зрелом возрасте порождает умение видеть метафизическую глубину в самых простых вещах, особенно если они связаны с воспоминанием о детстве. Так, Т. Мур в стихотворении «Вечерний звон» (*Those Evening Bells*), ставшем знаменитым и любимым в России благодаря переводу И. И. Козлова, создает своего рода метафизическую мистерию о скоротечности жизни, непостижимой власти времени, уносящего в прошлое любимые тени, неизбежной травме взросления и ухода в мир взрослой жизни:

Those evening bells! those evening bells!
How many a tale their music tells
Of youth, and home, and that sweet time
When last I heard their soothing chime!

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз! [8, с. 184].
(Пер. И. И. Козлова.)

В то же время элегическая грусть вносит в стихотворение мотив детства как утраченного рая.

У поздних романтиков, в частности у Дж. Г. Байрона, идиллическая картина детства как гармоничного единения с природой переосмысливается и на первый план выходит мотив свободы, вольного скитальчества, мужественного единоборства с природными стихиями. Так, Дж. Г. Байрон воспекает детство именно как царство вольной жизни в противопоставлении с рабским духом мира взрослых, в котором поэту приходится жить:

I would I were a careless child,
Still dwelling in my Highland cave,
Or roaming through the dusky wild,
Or bounding o'er the dark blue wave;
The cumbrous pomp of Saxon pride
Accords not with the freeborn soul,
Which loves the mountain's craggy side,
And seeks the rocks where billows roll.

Хочу я быть ребенком вольным
И снова жить в родных горах,
Скитаться по лесам раздольным,
Качаться на морских волнах.
Не сжиться мне душой свободной
С саксонской пышной суетой!
Милее мне над зыбью водной
Утес, в который бьет прибой! [9, с. 31].
(Пер. В. Я. Брюсова.)

Однако идиллический образ детства в сознании и поэтической картине мира романтиков постоянно соотносится с миром реальной действительности. Даже в произведениях, в которых такое противопоставление не выражено в сюжетном и образно-мотивном строе, оно представляет собой значимое отсутствие, поэтому идиллия детства воспринимается читателем как своего рода утопия, воплощающая авторское представление об идеальном мире. Чаще в творчестве поэтов присутствует композиционный параллелизм, благодаря которому идиллическая картина детства, данная в одном произведении, отрицается картиной жестокого мира в другом.

Особенно это характерно для У. Блейка, который после цикла «Песни невинности» (*Songs of Innocence*) написал цикл «Песни опыта» (*Songs of Experience*), где картина радостного детства сменилась образом жестокого реального мира, неласково встречающего ребенка в момент его появления на свет, как, например, в стихотворении «Дитя-горе» (*Infant Sorrow*):

My mother groan'd, my father wept,
Into the dangerous world I leapt;
Helpless, naked, piping loud,
Like a fiend hid in a cloud.

Мать вопит! Отец молчит...
В страшный мир мне путь открыт.
Тварь дрожащая нагая –
С омерзеньем родился я.

Struggling in my father's hands,
Striving against my swaddling-bands,
Bound and weary, I thought best
To sulk upon my mother's breast.

Как из тучи – дьяволенок,
Плача, рвусь я из пеленок
И отца луплю, пока
Жду – невкусного – соска [8, с. 35].
(Пер. В. Л. Топорова.)

Детство как представление об идеальном устройстве мира становится у английских романтиков критерием оценки современного буржуазного общества. Так, в поэме У. Вордсворта «Безумная мать» (*The Mad Mother*) разрабатывается образ поруганного материнства, когда в стране появилось множество бездомных женщин, которые бродят по большим дорогам, прижимая к груди голодного малыша, или в отчаянии останавливаются, склоняясь над холмиками детских могил. В отличие от мирного, уютного, защищенного детства, описанного У. Блейком в колыбельной песне, у У. Вордсворта колыбельная, которую поет мать своему ребенку, описывает жизнь как цепь испытаний, тревог в открытом и незащищенном мире, грозящем малышу гибелью:

Then do not fear, my boy! for thee
Bold as a lion will I be;
And I will always be thy guide,
Through hollow snows and rivers wide.
I'll build an Indian bower; I know
The leaves that make the softest bed:
And, if from me thou wilt not go,
But still be true till I am dead,
My pretty thing! then thou shall sing
As merry as the birds in spring.

Не бойся, маленький! Поверь
Тебя, отважная, как зверь,
Переведу сквозь реки я
И сквозь дремучие края.
Сооружу тебе жилье:
Из листьев – мягкую кровать.
И если ты, дитя мое,
До срока не покинешь мать, –
Любимый мой, в глуши лесной
Ты будешь петь, как дрозд весной [6, с. 151].
(Пер. И. С. Меламеда.)

Подводя итог, можно отметить, что феноменология детства в поэзии английских романтиков, во-первых, определяется основными структурно-семантическими составляющими мифа о золотом веке, что выявляет парадигматическую функцию архетипических представлений о прошлом; во-вторых, реализуется в текстах с помощью мотивов гармонии, счастья, беззаботности, свободы, родственной связи ребенка с природой, мотива восприятия мира как чуда, а также в пасторально-буколических образах, переосмысленных в контексте христианской символики, и образах Христа и Богородицы как покровителей безмятежного мира детства.

Библиографические ссылки

1. Мухина В. С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. 4-е изд., стер. М., 1999.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии : пер. с нем. М., 2009. Кн. 1 : Общее введение в чистую феноменологию.
3. Prince G. Reader // Handbook of narratology. Berlin ; New York, 2009. P. 398–410.
4. Кнабе Г. С. Ливий и исторический миф // Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994. С. 456–466.
5. Блейк У. Избранное / пер. С. Маршака. М., 1965.
6. Вордсворт У. Избранная лирика / сост. Е. Зыкова ; на англ. яз. с парал. рус. текстом. М., 2001.
7. Поэты «Озерной школы» : сборник : пер. с англ. / сост., авт. предисл. и коммент. Л. И. Володарская. СПб., 2008.
8. Поэзия английского романтизма : сборник : пер. с англ. / коммент. Е. Витковского, О. Афониной. М., 2010.
9. Байрон Д. Г. Собрание сочинений : в 4 т. / сост., вступ. ст., общ. ред. Р. Ф. Усмановой. М., 1981. Т. 2.

References

1. Mukhina V. S. Vozrastnaya psikhologiya: fenomenologiya razvitiya, detstvo, otrochestvo [Age psychology: the phenomenology of development, childhood, adolescence]. 4th ed. Moscow, 1999 (in Russ.).
2. Husserl E. Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii [Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy]. Moscow, 2009. Book 1 : Obshchee vvedenie v chistuyu fenomenologiyu (in Russ.).
3. Prince G. Reader. *Handbook of narratology*. Berlin ; New York, 2009. P. 398–410.
4. Knabe G. S. Livii i istoricheskii mif [Livy and the historical myth]. In: Knabe G. S. *Materialy k lektsiyam po obshchei teorii kul'tury i kul'ture antichnogo Rima*. Moscow, 1994. P. 456–466 (in Russ.).
5. Blake W. Izbrannoe [Favorites]. Moscow, 1965 (in Russ.).
6. Wordsworth W. Izbrannaya lirika [Favorites Lyrics]. Moscow, 2001 (in Russ.).
7. Poety «Ozernoi shkoly» [Poets of the «Lake School»] : collection. Saint Petersburg, 2008 (in Russ.).
8. Poeziya angliiskogo romantizma [Poetry of English Romanticism] : a collection. Moscow, 2010 (in Russ.).
9. Byron D. G. Sbranie sochinenii [A collection of works] : in 4 vol. Moscow, 1981. Vol. 2 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 17.01.2017.
Received by editorial board 17.01.2017.

УДК 81'42

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СИСТЕМА ТЕОРИИ АРГУМЕНТАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Т. Н. САВЧУК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

На основе критического анализа представленных в научной литературе подходов выявляются проблемные моменты формирования понятийного аппарата теории аргументации. Указано, что одна из главных проблем в данном процессе заключается в том, что имеющая место в теории аргументации концептуально-терминологическая вариантность относится не только к периферийным, но и к ядерным категориям этой области знания. В качестве возможных причин такой ситуации называются факторы интра- и экстралингвистического характера. Отмечено, что для русскоязычного научного дискурса к таким причинам, в частности, относятся некритическое восприятие информации, подражание более авторитетным коллегам, трудности перевода оригинальной (английской) терминологии на русский язык, различия в понимании природы концептуализируемых понятий, индивидуально-авторское словотворчество. Приводятся примеры противоречивой интерпретации ключевых понятий теории аргументации в научных работах. Сделан вывод о двойственной природе терминологической вариантности: с одной стороны, она отражает проблемы номинации, с другой – проблемы концептуализации. Обосновывается положение о том, что всякая исследовательская терминосистема, будучи в значительной мере условным образованием, должна строиться с учетом сложившихся научных и языковых традиций. Выражается уверенность в необходимости консолидации усилий ученых по формированию единой концептуально-терминологической системы теории аргументации, что будет способствовать качественной репрезентации и адекватной оценке получаемых научных результатов.

Ключевые слова: теория аргументации; концептуальная система; терминологический аппарат; концептуально-терминологическая вариантность.

Образец цитирования:

Савчук Т. Н. Концептуальная система теории аргументации: проблемы формирования // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 1. С. 51–57.

For citation:

Savtchouk T. N. Conceptual system of argumentation theory: problems of formation. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 1. P. 51–57 (in Russ.).

Автор:

Татьяна Николаевна Савчук – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры прикладной лингвистики филологического факультета.

Author:

Tatiana Savtchouk, PhD (philology), docent; associate professor at the department of applied linguistics, faculty of philology. tatyana.s77@list.ru

CONCEPTUAL SYSTEM OF ARGUMENTATION THEORY: PROBLEMS OF FORMATION

T. N. SAVTCHOUK^a

^a*Belarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus*

On the basis of the critical analysis of presented in the scientific literature approaches the problem points of formation of the conceptual apparatus of argumentation theory are identified. One of the main problems is that conceptual and terminological variance which takes place in argumentation theory applies not only to the peripheral, but also to the core categories of this field of knowledge. Among the possible reasons of such situation the factors of intra-linguistic as well as extra-linguistic nature are called. For Russian scientific discourse, in particular, they are non-critical perception of information, imitation of more authoritative colleagues' research attitudes, difficulties of translation of the original (English) terminology in Russian, differences in understanding the nature of the concepts, individual author creation of words. Examples of conflicting interpretations of key argumentation notions in scientific papers are given. It is concluded that terminology variance has a dual nature: on the one hand, it reflects the problems of nomination, on the other – the problems of conceptualization. The proposition is substantiated that a research terminological system being largely a conventional form, should take into account existing scientific and linguistic traditions. The confidence in necessity of consolidated scientists' efforts to form a unified conceptual and terminological system of argumentation theory that will contribute to quality representation and adequate evaluation of received scientific results is expressed.

Key words: argumentation theory; conceptual system; terminological system; conceptual and terminological variance.

Оформление научной теории предполагает наличие непротиворечивой концептуальной системы, позволяющей задавать точные координаты исследовательской деятельности. Теория аргументации, начавшая формироваться в 1960-х гг. как междисциплинарная область знаний, разрабатывающая проблемы аргументативного дискурса, до настоящего времени не сложилась. Ситуация может показаться парадоксальной: количество научных работ по данной теме непрерывно растет (их объем уже практически необозрим), область направлений и аспектов аргументативных исследований расширяется, однако, несмотря на это, ученые регулярно отмечают, что создание теории аргументации далеко от завершения [1, с. 4; 2, с. 22; 3, с. 30–31; 4, с. 10; 5, с. 4; 6, с. 165].

Одно из подтверждений правомерности такого вывода – отсутствие упорядоченного терминологического аппарата. Очевидно, что обновление понятийной системы и связанное с этим одновременное функционирование конкурирующих терминологических вариантов – естественный процесс, необходимое условие становления научной концепции. Вместе с тем неупорядоченность терминологии препятствует «решению специальных новых задач», к которым, «безусловно, должна быть отнесена разработка общей теории аргументации» [6, с. 165]. Как следствие, актуализируется необходимость установления сущности концептуально-терминологических разногласий в области аргументативной теории. Такая постановка вопроса предопределяет цель и задачи настоящего исследования – на основе анализа представленных в научной литературе подходов выявить проблемные моменты формирования понятийного аппарата теории аргументации, установить причины имеющейся его рассогласованности, предложить авторскую интерпретацию ключевых понятий аргументативной терминосистемы.

Одна из главных проблем, как показывает проведенный анализ, заключается в том, что имеющая место в теории аргументации концептуально-терминологическая вариантность относится не только к периферийным, но и к ядерным категориям этой области знания. Возможными причинами такой ситуации являются факторы интра- и экстралингвистического характера, причем вторые заметно преобладают.

Интралингвистические причины связаны с объективными свойствами языковых единиц, прежде всего семантическими. Смысловые значения базовых аргументативных терминов не являются четкими, что приводит к размытости предметных значений и референциальной неопределенности. Большая часть имеющейся в настоящее время специальной литературы по теории аргументации является англоязычной, что адекватно отражает географию исследовательского интереса к аргументативной проблематике (доминируют североамериканские и западноевропейские научные школы). В англоязычном научном дискурсе, как правило, не разграничиваются ключевые для теории аргументации термины *argument* 'аргумент' и *argumentation* 'аргументация': «...укоренилась тенденция отождествления "аргументации" с "аргументом" (а последний нередко отождествляется с умозаключением, выводом)» [7, с. 20]. Такой подход закрепляется в типичных для англоязычной научной

литературы дефинициях, подобных следующей: «Аргумент – это совокупность высказываний – посылок и заключения» [7, с. 19–20]¹.

Что касается русскоязычной науки, где активные разработки по теории аргументации осуществлялись лишь на протяжении трех десятилетий, то здесь рассматриваемая проблема обозначена еще более остро. Русскоязычные авторы при изложении своих концепций опираются на первоисточники, из которых заимствуется недифференцированное употребление терминологии. Это обнаруживается, например, в следующих утверждениях: «В аргументе (тезисе, подкрепленном посылками) может быть несколько посылок» [9, с. 16]; «В зависимости от количества аргументаций (аргументативных цепочек) можно различать элементарную и комплексную аргументацию» [4, с. 32].

Отождествление указанных терминологических единиц в русскоязычном сегменте аргументативных исследований объясняется причинами разного рода. Это может быть некритическое восприятие информации либо подражание более авторитетным коллегам, не исключается также сознательное следование англоязычным традициям. Кроме того, необходимо учитывать и трудности, с которыми неизбежно сталкиваются исследователи при переводе оригинальных работ на русский язык. Большинство этих трудностей обусловлены многозначностью английских слов. Например, термин *argument* при переводе на русский язык имеет четыре значения: 1) часть умозаключения – посылка вывода, довод; 2) полное умозаключение, включающее посылку и вывод; 3) аргументативный дискурс, в котором участвует комплекс умозаключений; 4) полемика, спор. Подбор адекватного русского коррелята, очевидно, – дело непростое и ответственное. На это указывают переводчики одной из фундаментальных работ по теории аргументации *Crucial Concepts in Argumentation Theory* [2, с. 9]. Осознавая свою роль в формировании русскоязычного терминологического аппарата, они очень аккуратно подходят к выбору русских соответствий для термина *argument*, употребляя для первого значения русские эквиваленты *довод*, *аргумент*, *суждение*, для второго и третьего значений – термины *умозаключение*, *рассуждение*, *аргументация* [2, с. 10].

Использование переводных лексических вариантов в русскоязычных работах по теории аргументации нередко сопровождается смешением значений номинативных единиц. Вероятно, спецификой переводного знания отчасти объясняется тот факт, что некоторые специалисты сужают значение аргументации до диалогической коммуникации преимущественно полемического характера и, соответственно, употребляют термины *аргументация* и *полемика* как синонимы (см., например, [4, с. 6]), хотя большинство исследователей квалифицируют спор (в разных его проявлениях) как один из видов аргументативного дискурса (см., в частности, [5, с. 4]).

Следует отметить, что в классических русскоязычных учебниках по логике и риторике, традиционно рассматривающих аргументативную проблематику, а также в пионерских работах по аргументации (см., например, работы Г. А. Брутяна) ключевые термины четко дифференцируются. Не видя никаких объективных оснований для нарушения традиции, считаем целесообразным различать понятия *аргументация* и *аргумент*, обозначая термином «аргументация» в самом общем виде «логико-коммуникативный процесс» [10, с. 8], интеллектуально-речевую процедуру убеждающего воздействия, которая, помимо умозаключения, включает также прагматические компоненты; термином «аргумент» в зависимости от концептуальных исследовательских предпочтений можно называть «утверждение за или против рассматриваемого положения» [7, с. 23], равно как «одно или несколько связанных между собой утверждений», предназначенных «для поддержки тезиса аргументации» [5, с. 7].

Смешение терминов, вызванное причинами интралингвистического свойства, имеет формальный, поверхностный характер. Другая группа причин терминологической путаницы, как уже было отмечено, относится к явлениям экстралингвистического порядка и связана с многочисленными дискурсивными факторами. Они приводят к серьезным противоречиям, касающимся различий в понимании природы концептуализируемых понятий. Это, в свою очередь, обусловлено приверженностью ученых разным исследовательским парадигмам, наиболее авторитетными из которых традиционно считаются логико-философская, лингвориторическая и диалектическая.

Междисциплинарностью теории аргументации объясняется заимствование ею многих понятий из других областей знания. Значительная часть таких терминологических заимствований вошли «в понятийный состав аргументации из категориального аппарата логики и методологии науки» [7, с. 269]: *тезис*, *аргумент*, *форма*, *посылка*, *заключение*, *вывод*, *доказательство*, *обоснование*, *истинность*,

¹Следует заметить, что в последние годы в западных исследованиях наблюдается тенденция к разграничению понятий «аргументация» и «аргумент», что позволяет говорить о конвенционализации значений соответствующих терминов. Их общий смысл представлен Э. Блэром: *аргументация* – «деятельность по нахождению и приведению аргументов <...> для какой-либо цели, а также совокупность таких аргументов»; *аргумент* – «набор из одного или нескольких оснований для каких-либо действий» (перевод наш. – Т. С.) [8, p. 72].

правильность, доказанность, обоснованность и др. Соответственно, если ученый разделяет логический подход к аргументации, он переносит указанные номинации в аргументативную область без каких-либо семантических модификаций.

Однако на современном этапе явно прослеживается тенденция к дистанцированию теории аргументации от логики, что закономерно ведет к обновлению терминологической системы. Здесь возможны два пути: либо существующие номинации приобретают новый смысл (например, понятия *тезис*, *аргумент* и *форма* наделяются аргументативным значением, закрепляемым соответствующей синтагматикой: *тезис/форма аргументации*), либо изобретаются новые именованья – в этом случае возникают различные варианты. Так, терминологические структурные части аргументации образуют многочисленные парадигмы: аргументируемое положение – *тезис, точка зрения, мнение, пропонируемое положение, вывод, заключение, следствие*; аргументирующее положение – *аргумент, довод, посылка, основание, поддерживающее суждение/положение*; связь между конституентами аргументации – *форма/способ/схема аргументации, демонстрация, доказывание*. Ситуация осложняется тем, что даже, казалось бы, устоявшиеся термины наполняются различным смыслом. Так, номинации *аргумент, посылка* могут обозначать как одно, так и несколько аргументирующих положений; термин *основание* предлагается использовать лишь применительно к доказательству, а структурный компонент аргументации называть только аргументом [11, с. 161] (хотя неизбежность тавтологии **аргумент аргументации* позволяет усомниться в целесообразности такого предложения). В некоторых контекстах понятия *основание* и *довод* неоправданно лишаются статуса эквивалентных: «Являясь неотъемлемым элементом коммуникации, аргументация предстает <...> как интеллектуальная деятельность, направленная на анализ и отбор оснований и доводов» [12, с. 85].

Негативными проявлениями вольной интерпретации терминов является смысловая деформация обозначаемых ими понятий. Так, конвенциональный «способ конструирования аргументации» [7, с. 81], традиционно именуемый аргументативной схемой, у некоторых исследователей приобретает иную трактовку: «Суждения, с помощью которых устанавливается связь между точкой зрения и аргументами аргументации, мы будем называть схемой аргументации» [11, с. 15]. Очевидной при этом является подмена понятия: термин «схема» обозначает связь, способ соединения суждений, а не сами суждения, участвующие в реализации некой общей когнитивной модели.

Стремление избавиться от логических коннотаций терминов побуждает исследователей проявлять изобретательность. Так, Л. Г. Васильев предлагает «для ясности употреблять» заглавные буквы при написании ключевых терминов [13, с. 15]. В результате изложение выглядит так: «...под аргументом мы здесь понимаем комплекс “Тезис + Доводы + Доказывание”» [13, с. 18]. К сожалению, вопрос о дифференциации терминов в устной речи автором не рассматривается.

Не отличается единообразием и обозначение участников аргументативного дискурса. Для субъекта аргументации используются имена *аргументатор, пропонент, аргументирующий/продуцирующий субъект*. Способы именования воспринимающей стороны не менее разнообразны: *реципиент, адресат, объект, воспринимающий субъект, оппонент, аудитория*. Исследователи подчеркивают активный характер двух сторон аргументативной деятельности, что позволяет считать приемлемыми все конкурирующие варианты, выбор которых – дело вкуса и традиции. Излишне категоричными в этом контексте представляются заявления, подобные следующим: «Понятия объекта и реципиента аргументации неоправданно <...> преувеличивают и абсолютизируют пассивный характер адресата аргументации. <...> Учесть *многосторонность* адресата аргументации ни одно понятие, кроме понятия “аудитория аргументации”, не в состоянии», поскольку остальные «явно беднее» [11, с. 157]. Попытки придать внешним (терминологическим) различиям статус содержательных (концептуальных) здесь вряд ли оправданны.

До сих пор в научном сообществе нет единства мнений о соотношении близких по значению концептов *аргументация, доказательство* и *обоснование*, что закономерно приводит к бессистемному их использованию. В логической парадигме *аргументация* и *доказательство* отождествляются, в неориторической – противопоставляются, в философских исследованиях между ними устанавливаются родо-видовые отношения, причем с нефиксированной структурой. Приведем краткий обзор мнений.

Поскольку термин «обоснование» восходит к математической логике (был предложен в одной из работ для обозначения нестроого (недедуктивного) вывода), то естественной для приверженцев большинства логико-философских концепций представляется точка зрения, выраженная В. И. Свинцовым: «...обоснованием целесообразно считать такую процедуру, посредством которой некоторому высказыванию <...> сообщается определенная степень вероятности. Отличие обоснования от доказательства состоит в использовании (в функции аргументов) вероятных высказываний и (или) вероятных (нестрогих) выводных операций» [6, с. 167]. Если доказательство и обоснование дифференцируются на основе логических и методологических характеристик и «ограничиваются рамками истинностной

квалификации», то аргументация выводится «в значительно более широкую и сложную сферу интеллектуально-речевой коммуникации» [6, с. 168] и, соответственно, подвержена влиянию разнообразных прагматических факторов.

Сходного мнения придерживаются И. А. Герасимова и М. М. Новосёлов. Квалифицируя обоснование и доказательство как «главные составляющие аргументации» (обоснование – обязательная, а доказательство – желательная составляющие), они связывают при этом доказательство с «техникой мышления», а обоснование – с «техникой убеждения» [3, с. 27–29]. Прояснению точки зрения ученых препятствуют весьма туманные толкования определяемых понятий: «Аргументация – это искусство подведения оснований под какую-либо мысль или действие (обоснование их)» [3, с. 27]; «С философской позиции обоснование – это некий критический ход размышлений над сущностью чего-либо» [3, с. 29]; «...обоснование – это приведение (разыскивание) достаточных оснований для чего-либо. <...> В этом смысле обоснованием равно является и указание причины, и индукция из факта, и логический вывод» [3, с. 30]. Опираясь на контекст, инферируем: термин «обоснование» фактически употребляется в значении «форма аргументации», хотя очевидно стремление авторов свести его к риторико-психологическому аспекту аргументации и противопоставить рациональному акту доказательства.

Субординация названных понятий выстраивается у исследователей по-разному. Одни утверждают, что в структуре подчинительных отношений обоснование является родовым именем, т. е. имеет наибольший объем; доказательство при этом рассматривается как «средство обоснования» и «способ аргументации» [7, с. 216]. Существует противоположное мнение: обоснование сужается до позитивной аргументации, противопоставленной критике как негативному доказательству [4, с. 24].

Непоследовательной выглядит позиция С. Г. Оганесяна, который в одном случае отводит аргументации роль подчиненного понятия (аргументация – это «сложный вид обоснования», а доказательство – простой [14, с. 12]); в другом – подчиняющего («...аргументацией считается рациональный тип духовной деятельности, осуществляемый в виде обоснования» [14, с. 16]); в третьем случае констатирует наличие между ними эквивалентных отношений («...процесс аргументации представляет из себя логически-дискурсивный процесс обоснования» [14, с. 36]).

При такой полярности и противоречивости мнений опытных теоретиков аргументации относительно квалификации базовых концептов совершенно не удивляет непоследовательность, даже небрежность в использовании терминологии, имеющие место в современных работах начинающих авторов, исследования которых так или иначе затрагивают аргументативную проблематику. Вот показательный пример, не требующий комментариев: «Типичными операциями принято считать обоснование вывода <...> введение и объяснение понятия, приведение фактов и доказательств, аргументирование, подведение итогов» [12, с. 63].

Нам же наиболее целесообразной представляется точка зрения, согласно которой обоснование – это логическая форма аргументации, ее «логический каркас» [10, с. 8–10] (считаем в связи с этим вполне допустимой взаимозаменяемость терминов «аргументация» и «обоснование» в определенных контекстах). Что касается доказательства, то здесь мы разделяем позицию большинства исследователей и рассматриваем эту процедуру как разновидность аргументации (см., например, [1, с. 9; 3, с. 28; 6, с. 170; 10, с. 10–12]).

Еще одной значимой экстралингвистической причиной концептуально-терминологической неупорядоченности аргументативной теории является индивидуально-авторское словотворчество. Оно вызвано естественным желанием исследователей творить, изобретать, обогащать традиционные понятийные системы новыми смыслами и, соответственно, именами. Стремление к новаторству, очевидно, заслуживает одобрения. Результаты научного поиска ученых можно оценивать как удачные в той или иной степени. Так, введение В. И. Чуешовым в русскоязычный научный обиход термина «аргументология»¹ представляется вполне уместным вариантом общепринятого в западных исследованиях терминологического выражения «теория аргументации» прежде всего потому, что это позволяет избежать лексического однообразия, повторов. Однако попытка усложнить семантику этого имени философской составляющей (аргументология – «философия теории и практики аргументации» [11, с. 145]) не выглядит однозначной², равно как и мнение о предпочтительности именно этой номинации. Вызывает сомнение адекватность использования родственного термина – «аргументолог» – для именования сознательного

¹Этот терминологический неологизм заимствован из английского языка: термин *argumentology* был впервые употреблен голландским логиком Э. Краббе в одной из его работ 1980-х гг., однако не прижился в англоязычном научном узусе.

²Первоначально термин «аргументология» использовался В. И. Чуешовым в исходном значении: «...совокупность знаний об аргументации как сложном социально-историческом явлении» [15, с. 153]. Позднее в докторской диссертации, называя аргументологией «современную практическую философию», «современную философию практики и теории аргументации», ученый фактически обозначал этим именем философскую аргументацию либо употреблял его в значении «теория аргументации» [16].

пользователя аргументации, т. е. одновременно теоретика и практика аргументации [11, с. 183]. Основание для таких сомнений – закономерно возникающий ассоциативный ряд (филолог, психолог, социолог и т. п.), члены которого содержат сему ‘специалист в определенной области научных знаний’.

К сожалению, некоторые из удачных терминологических новаций, как, скажем, термин «аргументационная конструкция», введенный А. П. Алексеевым для обозначения «логико-лингвистической структуры», реализующей аргументационный текст [1, с. 7], оказываясь в чужих контекстах и слегка видоизменяясь, приобретают содержание, далекое от прототипического. Для сравнения: «Аргументативная конструкция – это интегральная логико-языковая структура, комплексная репрезентация опорных компонентов конкретной реализации аргументативного дискурса: базы, стратегии и тактики аргументации, включающих конкретизированное элокутивное наполнение инвентивно-диспозитивного каркаса, репрезентирующее его особенности во внешней речи, синтезирующей все аспекты модели» [17, с. 55]. Если учитывать, что назначение дефиниции – раскрывать содержание понятия (а не затемнять его), то подобное «терминотворчество» едва ли заслуживает одобрения.

Не могут приветствоваться также попытки (мотивированные, вероятно, стремлением к оригинальности) искусственного разграничения тождественных понятий, в частности аргументации и аргументирования. Так, в одной из научных работ читаем: «Практическим воплощением аргументации является *аргументирование*, которое выражается в конкретных действиях и их организации. <...> Слово *аргументирование* понимается в работе как процесс и результат использования доводов любого характера, не обязательно того, что называется *аргументом* в логике и риторике. Процесс аргументирования далеко не всегда имеет такую структуру, как процесс аргументации (тезис, аргумент, следствие). <...> Аргументирование относится к интерактивным способам разъяснения...» [18, с. 29]. Несостоятельность такой интерпретации традиционных концептов легко подтверждается обращением к толковому словарю. Что же касается имеющих место в приведенном фрагменте подмены понятий и произвольного употребления терминов, то это лишь еще одна иллюстрация постулированного ранее вывода о неизбежных трудностях, сопровождающих любое некритическое приближение к исследованию аргументативной проблематики.

Подытоживая, отметим, что многовариантность именования базовых понятий теории аргументации имеет двойственную природу, являясь, с одной стороны, отражением проблем номинации, с другой – проблем концептуализации. Неупорядоченность терминологического аппарата – это серьезное препятствие для качественной репрезентации и адекватной оценки получаемых научных результатов. Но здесь возникает закономерный вопрос: возможна ли в принципе унификация концептуальной аргументологической системы? С учетом современного ее состояния ответ будет отрицательным. Речь сегодня может идти не о единообразии используемых понятий в плане их характеристик, тем более строгих дефиниций, но лишь «о некоторых концептуально-терминологических конвенциях» [6, с. 165]. Вместе с тем важно осознать, что всякая исследовательская терминосистема, будучи в значительной мере условным образованием, должна строиться с учетом сложившихся научных и языковых традиций. Хочется верить, что наблюдаемая сегодня научная «разноголосица» в обозримом будущем преобразуется в гармоничное многоголосие и консолидированные усилия ученых приведут к желаемой цели – формированию непротиворечивой концептуальной системы теории аргументации.

Библиографические ссылки

1. Алексеев А. П. Аргументация. Познание. Общение. М., 1991.
2. Важнейшие концепции теории аргументации : пер. с англ. / науч. ред. А. И. Мигунов. СПб., 2006.
3. Герасимова И. А., Новосёлов М. М. Искусство убеждения в традициях логической науки // Мысль и искусство аргументации. М., 2003. С. 9–42.
4. Зайцев Д. В. Теория и практика аргументации. М., 2013.
5. Ивин А. А. Основы теории аргументации. М., 1997.
6. Свинцов В. И. К вопросу о соотношении понятий «аргументация», «доказательство», «обоснование» // Философские проблемы аргументации. Ереван, 1986. С. 165–172.
7. Брутян Г. А. Очерк теории аргументации. Ереван, 1992.
8. Blair J. A. Argumentation as Rational Persuasion // Argumentation. 2012. Vol. 26, № 1. P. 71–78.
9. Васильев Л. Г. Аргументативно-лингвистические принципы понимания теоретического текста // Теория коммуникации и прикладная коммуникация. Вестник Российской коммуникативной ассоциации : сб. науч. тр. / под общ. ред. И. Н. Розиной. Ростов н/Д., 2002. Вып. 1. С. 16–23.
10. Яскевич Я. С. Аргументация в науке. Минск, 1992.
11. Чуешов В. И. Основы современной логики. Минск, 2003.
12. Сорокина С. Г. Использование рекуррентности как средства аргументации при построении текстов научного содержания : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. М., 2016.
13. Васильев Л. Г. Аспекты аргументации. Тверь, 1992.

14. Оганесян С. Г. Аргументация, ее предметная область и возможности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 09.00.01. Ереван, 1997.
15. Чуешов В. И. О современных горизонтах понимания аргументации, или к вопросу о природе философской аргументации // Логика и развитие научного знания. СПб., 1992. С. 152–165.
16. Чуешов В. И. Теоретико-исторические основания аргументологии : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.01. СПб., 1993.
17. Протуренко В. И., Ворожбитова А. А. Советская аргументативная модель в передовых статьях газеты «Правда» периода Великой Отечественной войны. Сочи, 2012.
18. Гладко М. А. Языковые средства аргументирования в юридической коммуникации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Минск, 2009.

References

1. Alekseev A. P. Argumentatsiya. Poznanie. Obshchenie [Argumentation. Cognition. Communication]. Moscow, 1991 (in Russ.).
2. Vazhneishie kontseptsii teorii argumentatsii [Crucial concepts in argumentation theory]. Saint Petersburg, 2006 (in Russ.).
3. Gerasimova I. A., Novoselov M. M. Iskustvo ubezhdeniya v traditsiyakh logicheskoi nauki [The art of persuasion in the tradition of logical science]. In: *Mysl' i iskustvo argumentatsii*. Moscow, 2003. P. 9–42 (in Russ.).
4. Zaitsev D. V. Teoriya i praktika argumentatsii [Theory and practice of argumentation]. Moscow, 2013 (in Russ.).
5. Ivin A. A. Osnovy teorii argumentatsii [Fundamentals of the Argumentation theory]. Moscow, 1997 (in Russ.).
6. Svintsov V. I. K voprosu o sootnoshenii ponyatii «argumentatsiya», «dokazatel'stvo», «obosnovanie» [To the question of the relationship between the concepts of «reasoning», «argument», «justification»]. In: *Filosofskie problemy argumentatsii*. Yerevan, 1986. P. 165–172 (in Russ.).
7. Brutyan G. A. Oчерк teorii argumentatsii [Outline of the argumentation theory]. Yerevan, 1992 (in Russ.).
8. Blair J. A. Argumentation as Rational Persuasion. *Argumentation*. 2012. Vol. 26, No 1. P. 71–78.
9. Vasiliev L. G. Argumentativno-lingvisticheskie printsipy ponimaniya teoreticheskogo teksta [Argumentative and linguistic principles of the theoretical text understanding]. *Teoriya kommunikatsii i prikladnaya kommunikatsiya. Vestnik Rossiiskoi kommunikativnoi assotsiatsii* : sb. nauchn. tr. Rostov-on-Don, 2002. Issue 1. P. 16–23 (in Russ.).
10. Yaskevitch Y. S. Argumentatsiya v nauke [Argumentation in science]. Minsk, 1992 (in Russ.).
11. Chueshov V. I. Osnovy sovremennoi logiki [Fundamentals of modern logic]. Minsk, 2003 (in Russ.).
12. Sorokina S. G. Ispol'zovanie rekurrentnosti kak sredstva argumentatsii pri postroenii tekстов nauchnogo soderzhaniya [Using recurrence as a mean of argumentation in the construction of the texts of scientific content] : dissertatsiya... kandidata filos. nauk : 10.02.19. Moscow, 2016 (in Russ.).
13. Vasiliev L. G. Aspekty argumentatsii [Aspects of argumentation]. Tver, 1992 (in Russ.).
14. Oganessian S. G. Argumentatsiya, ee predmetnaya oblast' i vozmozhnosti [Argumentation, its subject area and possibilities] : avtoreferat dissertatsii... doktora filol. nauk : 09.00.01. Yerevan, 1997 (in Russ.).
15. Chueshov V. I. O sovremennykh gorizontakh ponimaniya argumentatsii, ili k voprosu o prirode filosofskoi argumentatsii [About modern horizons of understanding the argumentation, or to the question of the nature of the philosophical argumentation]. In: *Logika i razvitie nauchnogo znaniya*. Saint Petersburg, 1992. P. 152–165 (in Russ.).
16. Chueshov V. I. Teoretiko-istoricheskie osnovaniya argumentologii : avtoreferat dissertatsii... doktora filos. nauk : 09.00.01. Saint Petersburg, 1993 (in Russ.).
17. Proturenko V. I., Vorozhbitova A. A. Sovetskaya argumentativnaya model' v peredovykh stat'yakh gazety «Pravda» perioda Velikoi Otechestvennoi voyny [Soviet argumentative model in the lead articles of the newspaper «Pravda» during World War II]. Sochi, 2012 (in Russ.).
18. Gladko M. A. Yazykovye sredstva argumentirovaniya v yuridicheskoi kommunikatsii [Language means of argumentation in legal communication] : dissertatsiya... kandidata filos. nauk : 10.02.19. Minsk, 2009 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 02.11.2016.
Received by editorial board 02.11.2016.

СУФИКСАЛЬНАЕ ЎТВАРЭННЕ БЕЛАРУСКІХ ФІЛАСОФСКІХ І САЦЫЯЛАГІЧНЫХ ТЭРМІНАЎ

М. У. ГУЛЬ^{1*}

^{1*}Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна,
вул. Міцкевіча, 28, 224016, г. Брэст, Рэспубліка Беларусь

Аналізуецца беларуская філасофская і сацыялагічная тэрміналогія: гісторыя яе фарміравання, ступень кадыфікаванасці, спосабы ўтварэння. Вызначаюцца найбольш прадуктыўныя словаўтваральныя тыпы ў межах суфіксацыі на матэрыяле лексікаграфічных прац, выдадзеных з 1920-х гг. да 2011 г. Выяўлены самыя прадуктыўныя для беларускіх філасофскіх і сацыялагічных тэрмінаў словаўтваральныя фарманты. Адзначана, што на сучасным этапе расце прадуктыўнасць запазычаных суфіксаў, што звязана з агульнай тэндэнцыяй да інтэрнацыяналізацыі. Паказана, што некаторыя тэрмінаўтварэнні 1920-х гг. выйшлі з актыўнага ўжытку.

Ключавыя словы: прадуктыўны; прадуктыўнасць; сацыялагічныя тэрміны; словаўтваральны тып; суфікс; словаўтваральны фармант; філасофскія тэрміны.

СУФФИКСАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ БЕЛОРУССКИХ ФИЛОСОФСКИХ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

М. В. ГУЛЬ¹⁾

¹⁾Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина,
ул. Мицкевича, 28, 224016, г. Брест, Республика Беларусь

Анализируется белорусская философская и социологическая терминология: история ее формирования, степень кодифицированности, способы образования. Выявлены наиболее продуктивные словообразовательные типы в рамках суффиксации на материале лексикографических работ, издававшихся с 1920-х гг. по 2011 г. Выявлены самые продуктивные для белорусских философских и социологических терминов словообразовательные форманты. Отмечено, что на современном этапе растет продуктивность заимствованных суффиксов, что связано с общей тенденцией к интернационализации. Показано, что некоторые терминообразования 1920-х гг. вышли из активного употребления.

Ключевые слова: продуктивный; продуктивность; социологические термины; словообразовательный тип; суффикс; словообразовательный формант; философские термины.

Образец цитирования:

Гуль М. У. Суфіксальнае ўтварэнне беларускіх філасофскіх і сацыялагічных тэрмінаў // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 1. С. 58–65.

For citation:

Hul M. U. Suffix word formation of Belarusian philosophical and sociological terms. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 1. P. 58–65 (in Belarus.).

Автор:

Марія Владимировна Гуль – аспірантка кафедры беларускага языкознання і дыялектологіі філалагічнага факультэта. Научный руководитель – доктор філалагічных навук, прафесар Н. Г. Прыгодзіч.

Author:

Maryia Hul, postgraduate student at the department of Belarusian linguistics and dialectology, faculty of philology.
boxformail35@mail.ru

SUFFIX WORD FORMATION OF BELARUSIAN PHILOSOPHICAL AND SOCIOLOGICAL TERMS

M. U. HUL^a

^a*Brest State University named after A. S. Pushkin, Mitskevicha street, 28, 224016, Brest, Republic of Belarus*

The article dwells on Belarusian philosophical and sociological terminology, the history of its formation, the level of its codification and the ways of derivation. The aim is to reveal the most productive suffix derivation types for Belarusian sociological and philosophical terms. The research materials were derived from lexicographical works from the 1920s up to 2011. The most productive word-formation formants were singled out after the analysis. The productivity of the word-formation suffixes has recently increased due to the general tendency to internationalization. Some terms coined in the 1920s left the active vocabulary of the Belarusian language.

Key words: derivation type; philosophical terms; productive; productivity; sociological terms; suffix; word-formation formant.

Мова навукі не мае спецыяльных спосабаў утварэння новых тэрмінаў: «У тэрміналагічным словаўтварэнні актыўна выкарыстоўваюцца ўсе спосабы словаўтваральнай сістэмы беларускай мовы: семантычны, сінтаксічны, марфалагічны» [1, с. 166]. Аднак пры гэтым у ёй выпрацавана ўласная словаўтваральная падсістэма, якая падпарадкоўваецца агульным патрабаванням да тэрміналагічнай лексікі. Як адзначала В. П. Даніленка, тэрміналагічнае словаўтварэнне – заўсёды працэс свядомы, а не стыхійны і яго можна рэгуляваць і кантраляваць. Даследчыца падкрэслівала, што «для тэрміналагічных намінацый вельмі важна, наколькі празрыстай з’яўляецца іх унутраная форма»¹ [2, с. 94]. Да таго ж працэс тэрміналагічнага словаўтварэння непасрэдна залежыць ад тыпу паняццяў, для абазначэння якіх распрацоўваюцца тэрміны.

Трэба звярнуць увагу на той факт, што шырокі пласт лексікі, тэматычна звязанай з грамадствам, чалавекам, адносіцца да ліку агульнаўжывальных слоў, якія разам з тым з’яўляюцца тэрмінамі ў пэўных тэрміналагічных сістэмах (напрыклад, жыццё, каштоўнасць, супольнасць і інш.) [1, с. 51]. У розных сферах яны адрозніваюцца аб’ёмам семантыкі, аб’ёмам інфармацыі, тыпам значэння [2, с. 23]. Так, агульнаўжывальнае слова «моладзь» мае значэнне ‘маладое пакаленне, маладыя людзі’ [3, с. 349], а тэрмін «моладзь» – ‘сацыяльна-дэмаграфічная група, якая вылучаецца на падставе сукупнасці ўзроставых характарыстык (14–35 гадоў), асаблівасцей сацыяльнага становішча і пэўных сацыяльна-псіхалагічных уласцівасцей’ [4, с. 43–44].

Тэрмінасістэмы філасофіі і сацыялогіі складваліся на працягу розных гістарычных эпох. Традыцыйна вылучаюцца наступныя этапы развіцця беларускай філасофскай думкі: эпоха Сярэднявечча (да XIV ст.), перыяд гуманістычнага і рэфармацыйнага руху (XVI – першая палова XVII ст.), перыяд феадальна-каталіцкай рэакцыі (канец XVII – сярэдзіна XVIII ст.), эпоха Асветы (апошняя трэць XVIII – пачатак XIX ст.), рэвалюцыйна-дэмакратычны перыяд (сярэдзіна XIX – пачатак XX ст.), савецкая эпоха [5, с. 22]. У пачатку 1930-х гг. быў створаны Інстытут філасофіі Акадэміі навук БССР. З 1950-х гг. вядуцца даследаванні па гісторыі філасофскай і грамадска-палітычнай думкі на Беларусі, а з 1990-х гг. вывучаюцца праблемы логікі і метадалогіі навуковага пазнання (Уладзімір Лукашэвіч, Ядвіга Яскевіч і інш.), сацыяльнай філасофіі (Яўген Бабосаў, Альберт Елсукоў і інш.), гісторыі (Уладзімір Конан, Сямён Падокшын і інш.).

Першыя паняцці сацыялагічнай думкі на Беларусі сталі асэнсоўвацца ў XIX ст. у працах Ф. Багушэвіча, К. Каліноўскага, А. Пашкевіч (Цёткі) і інш. [6, с. 215]. Аднак актыўныя сацыялагічныя даследаванні пачаліся пасля стварэння Акадэміі навук Беларусі (1929). З канца 1930-х да сярэдзіны 1950-х гг. сацыялогія фактычна не развівалася. З сярэдзіны 1960-х гг. зноў узнік навуковы інтарэс да гэтай навукі. Менавіта ў той час былі заснаваны грамадскі Інстытут сацыялагічных даследаванняў і сектар сацыялогіі ў Інстытуце філасофіі і права Акадэміі навук БССР.

Сучасныя тэрмінасістэмы філасофіі і сацыялогіі фактычна пачалі складацца з пачатку XX ст. Адпаведныя тэрмінаадзінкі фіксуюцца ў наступных лексікаграфічных крыніцах: «Беларуская навуковая тэрміналогія. Выпуск 11. Грамадазнаўства» (1927) (далей – БНТ-11), «Русско-белорусский словарь общественно-политической терминологии» (далей – РБС-70), які выйшаў у 1970 г. пад рэдакцыяй М. В. Бірылы і М. Р. Судніка, «Беларуская савецкая энцыклапедыя» ў 12 тамах (1969–1975), «Беларуская энцыклапедыя» ў 18 тамах, якая выдавалася з 1996 па 2004 г. (далей – БЭ-96), «Кароткі тлумачальны слоўнік філасофскіх, сацыяльных і культуралагічных тэрмінаў» (1992), энцыклапедычны даведнік для школьнікаў «Чалавек і грамадства» (1998), «Хрысціянскі філасофскі зборнік» (2001), «Беларускі

¹Тут і далей пераклад наш. – М. Г.

палітычны слоўнік» (2011) (далей – БПС-2011). Філасофская тэрміналогія стала асновай дысэртацыйнага даследавання Ю. Лук’янюк і была кадыфікавана ў значна большай ступені, чым сацыялагічная, пра што сведчыць выданне ў 1996 г. «Тэрміналагічна-тлумачальнага слоўніка па філасофіі» (далей – ТСФ-96), які змяшчае больш за 900 паняццяў і імёнаў.

Мэтай гэтага артыкула з’яўляецца вызначэнне найбольш прадуктыўных словаўтваральных тыпаў у межах суфіксацыі для беларускіх сацыялагічных і філасофскіх тэрмінаў на матэрыяле наступных крыніц: БНТ-11, РБС-70, ТСФ-96, БЭ-96, БПС-2011.

Тэрмін «словаўтваральны тып» намі разглядаецца як група вытворных слоў, якія валодаюць трыма прыкметамі: 1) адзінствам часціны мовы ўтваральнай асновы; 2) агульнасцю семантычных адносін паміж вытворнымі і ўтваральнымі словамі; 3) агульнасцю спосабу словаўтварэння (пры афіксальным словаўтварэнні – тоеснасцю афікса) [7, с. 102]. Гэтыя тры крытэрыі (граматычны, семантычны, фармальны) выкарыстоўваюцца і іншымі сучаснымі даследчыкамі пры вызначэнні словаўтваральнага тыпу [8, с. 17].

Паняцце прадуктыўнасці/непрадуктыўнасці з’яўляецца, па сутнасці, дыяхранічным, паколькі «прадуктыўнасць ці непрадуктыўнасць афікса ўстанаўліваецца параўнаннем таго, што ёсць зараз, з тым, што было ў мове ў папярэднія часы яе развіцця» [7, с. 45]. Паняцце ж рэгулярнасці/нерэгулярнасці мае сінхранічны характар; рэгулярныя афіксы складаюць вялікія словаўтваральныя парадзігмы. Пры аналізе прадуктыўнасці словаўтваральных тыпаў (падтыпаў) выкарыстоўваецца наступная шкала: высокапрадуктыўным мы лічым тып, да якога належаць не менш за 10 % тэрмінаў, утвораных суфіксальным спосабам, малапрадуктыўным – тып, які аб’ядноўвае менш за 4 % адпаведных адзінак. Прадуктыўнасць асобных суфіксаў вызначаецца з улікам агульнай колькасці суфіксальных утварэнняў.

Утварэнне абстрактных і зборных назоўнікаў

Фармант -асць (-асць). Назвы адцягненай прыкметы ўяўляюць сабой адну з 19 словаўтваральных катэгорый суфіксальнага словаўтварэння назоўнікаў у сучаснай беларускай літаратурнай мове [8, с. 45–46]. Суфікс *-асць* актыўна выкарыстоўваецца для ўтварэння назоўнікаў з адцягненым значэннем прыкметы, якасці. Таксама словы з суфіксам *-асць* могуць абазначаць наяўнасць таго, што названа ва ўтваральнай аснове прыметніка: *стыхійнасць* ← *стыхійны*, *эпізадычнасць* ← *эпізадычны*. Назоўнікі, матываваныя аддзяслоўнымі прыметнікамі, абазначаюць схільнасць ці здольнасць да дзеяння, якое названа ва ўтваральнай аснове прыметніка: *раздражняльнасць* ← *раздражняльны*. Як адзначае І. У. Кандрацэня, тэрміналагічныя ўтварэнні складаюць значную групу дадзенага тыпу [9, с. 170–171]. Гэтыя словаўтваральны тып з’яўляецца высокапрадуктыўным у тэрміналогіі сацыялогіі і філасофіі: *безадказнасць*¹, *безьдзяржаўнасць*, *верагасцьліваасць*, *вольнасць*, *дзяржаўнасць*, *мірлівасць*, *роўнасць* (БНТ-11); *адчужанасць*, *лаяльнасць*, *маністычнасць*, *метафізічнасць*, *мнагастайнасць*, *партыйнасць* (РБС-70); *амбівалентнасць*, *каштоўнасць*, *казуальнасць*, *маргінальнасць*, *мэтазгоднасць*, *неабарачальнасць*, *патрэбнасць*, *прычыннасць*, *раздражняльнасць* (ТСФ-96); *верагоднасць*, *верацярпімасць*, *выпадковасць*, *грамадзянскасць*, *інварыянтнасць*, *індывідуальнасць*, *ментальнасць*, *спадчыннасць*, *тоеснасць*, *цэласнасць*, *чалавечнасць* (БЭ-96); *агульнасць*, *аселасць*, *галоснасць*, *гетэрагеннасць*, *спекулятыўнасць*, *стабільнасць* (БПС-2011). Такія найменні ўтвараюцца як ад уласнабеларускіх асноў (*няпісьменнасць*, *сучаснасць* (БНТ-11); *вечнасць*, *грамадскасць*, *няроўнасць* (РБС-70)), так і ад запазычаных (*аполітычнасць*, *сувэрэннасць*, *экстэрыторыяльнасць* (БНТ-11); *абсалютнасць*, *абстрактнасць*, *акцыдэнтальнасць*, *антаганістычнасць*, *апастрэёрнасць*, *апрыёрнасць* (РБС-70)).

Некаторыя ўтварэнні з суфіксам *-асць* перыяду 1920-х гг., які можна ахарактарызаваць як пурыстычны (*супрацьважальнасць*, *няшлюбнасць* (БНТ-11)), зніклі з актыўнага ўжытку, яны не фіксуюцца ў «Слоўніку беларускай мовы» (пад рэдакцыяй А. А. Лукашанца) [10], «Слоўніку сучаснай беларускай мовы» У. М. Завальнюка, М. Р. Прыгодзіча, В. К. Раманцэвіча [11], «Вялікім слоўніку беларускай мовы» Ф. М. Піскунова [12]. Колькасны склад утварэнняў з суфіксам *-асць (-асць)* і іх прадуктыўнасць адлюстраваны ў табл. 1.

Табліца 1

Прадуктыўнасць суфікса *-асць (-асць)* у тэрміналогіі сацыялогіі і філасофіі

Table 1

The productivity of the *-асць (-асць)* suffix in sociological and philosophical terminology

Крыніца	Агульная колькасць суфіксальных утварэнняў-назоўнікаў	Агульная колькасць утварэнняў з суфіксам <i>-асць (-асць)</i>	Прадуктыўнасць, %
БНТ-11	180	36	20,0
РБС-70	177	93	52,5

¹Прыклады з лексікаграфічных крыніц прыводзяцца з захаваннем арфаграфічных асаблівасцей арыгінала. – М. Г.

Заканчэнне табл. 1
Ending table 1

Крыніца	Агульная колькасць суфіксальных утварэнняў-назоўнікаў	Агульная колькасць утварэнняў з суфіксам <i>-асць (-асьць)</i>	Прадуктыўнасць, %
ТСФ-96	98	43	43,9
БЭ-96	80	36	45,0
БПС-2011	84	30	35,7
Усяго	619	238	38,4

Заўвага. Складзена аўтарам.

Фармант *-ств(а) (-зтв(а)) / -цтв(а)*. Гэты словаўтваральны тып з’яўляецца высокапрадуктыўным у тэрміналогіі філасофіі і сацыялогіі.

Аддзяслёўныя найменні з суфіксам *-ств(а) (-зтв(а))* маюць значэнне працэсуальнай прыкметы: *верхаходства* ← *верхаходзіць* (БНТ-11). Тэрмін *верхаходства* (з паметай, якая абазначае лексіку абмежаванага выкарыстання) зафіксаваны ў «Вялікім слоўніку беларускай мовы» Ф. А. Піскунова [12], аднак адсутнічае ў іншых сучасных лексікаграфічных працах [10; 11].

Адназоўнікавыя найменні з суфіксамі *-ств/-цтв-* абазначаюць групы людзей: *грамадства, насельніцтва, чалавецтва* (БПС-2011).

Адпрыметнікавыя найменні з аналагічнымі суфіксамі могуць мець наступнае абагульненае значэнне:

- непрацэсуальная прыкмета: *падабенства* ← *падобны* (ТСФ-96);
- назва сукупнасці асоб: *асадніцтва* ← *асадніцкі*, *магнацтва* ← *магнацкі*, *мяшчанства* ← *мяшчанскі* (БНТ-11), *бядняк* ← *бядняцкі* (РБС-70);
- рэлігійная прыналежнасць: *каталіцтва, лютаранства, магомэтанства, мусульманства, паганства* (БНТ-11); *пратэстанцтва, пурытанства* (РБС-70), *прэсвітэрыянства* (БЭ-96);
- грамадскія з’явы: *адступніцтва, дэзэртэрства, згодніцтва, здрадніцтва, пустэльніцтва* (БНТ-11), *дактрынёрства, дыктатарства, каланізатарства* (РБС-70), *асветніцтва* (БЭ-96), *месіянства, сектанцтва* (БПС-2011);
- напрамкі грамадскай думкі: *еўразійства* (БПС-2011), *заходніцтва, народніцтва* (БЭ-96).

Тып, прадстаўлены назоўнікамі, утворанымі ад прыметнікаў з суфіксамі *-ск- (-цк-), -ыянск-* (*кантыянства* ← *кантыянскі*, *канфуцыянства* ← *канфуцыянскі*, *картэзіянства* ← *картэзіянскі* (БЭ-96)), з’яўляецца прадуктыўным у сучаснай беларускай літаратурнай мове [13, с. 258].

Некаторыя вытворныя назоўнікі могуць разглядацца як суадносныя адначасова з прыметнікамі і назоўнікамі: *дактрынёрства* ← *дактрынёрскі* і *дактрынёр*, *пустэльніцтва* ← *пустэльніцкі* і *пустэльнік* і інш. «Аднак той факт, што ў саставе вытворных паўтараюцца структурныя кампаненты адпаведных адносных прыметнікаў, сведчыць аб тым, што назоўнікі з суфіксам *-ств-* утвараюцца толькі ад прыметнікаў: *Кант* → *кантыянскі* → *кантыянства*» [13, с. 258].

Колькасны склад тэрмінаўтварэнняў з фармантам *-ств(а) (-зтв(а)) / -цтв(а)* і іх прадуктыўнасць паказаны ў табл. 2.

Табліца 2

Прадуктыўнасць фарманта *-ств(а) (-зтв(а)) / -цтв(а)* у тэрміналогіі сацыялогіі і філасофіі

Table 2

The productivity of the *-ств(а) (-зтв(а)) / -цтв(а)* word-formation formant in sociological and philosophical terminology

Крыніца	Агульная колькасць суфіксальных утварэнняў-назоўнікаў	Агульная колькасць утварэнняў з фармантам <i>-ств(а) (-зтв(а)) / -цтв(а)</i>	Прадуктыўнасць, %
БНТ-11	180	32	17,8
РБС-70	177	22	12,4
ТСФ-96	98	9	9,2
БЭ-96	80	14	17,5
БПС-2011	84	9	10,7
Усяго	619	86	13,9

Заўвага. Складзена аўтарам.

Фармант *-нн(е) (-ннь(е))*. Як адзначаецца ў «Беларускай граматыцы», «назоўнікі з фармантамі *-нн(е), -енн(е)/-энн(е)* маюць значэнне апрадмечанага дзеяння. Утваральнымі з’яўляюцца пераважна

большасць дзеясловаў вытворных і невытворных: *абагульняць* → *абагульненне*, *назіраць* → *назіранне*» [13, с. 259–260]. Фармант *-нн(е)* ужываецца пры ўтварэнні назоўнікаў ад пераходных дзеясловаў, пры гэтым дзеяслоўная аснова цалкам уключаецца ў вытворнае слова: *паўстаць* → *паўстанне*. Утварэнне назоўнікаў пры дапамозе фарманта *-нн(е)* з’яўляецца высокапрадуктыўным у тэрміналогіі філасофіі і сацыялогіі.

У 1920-я гг. тэрміны з суфіксам *-нн(е)* утвараліся пераважна ад беларускіх асноў: *аб’яднаньне*, *апекаваньне*, *вераваньне*, *выгнаньне*, *змаганьне*, *панаваньне*, *учалавечваньне* (БНТ-11).

У пазнейшы перыяд тэрміналагічныя адзінкі з суфіксам *-нн(е)* пачалі ўтварацца як ад запазычаных, так і ад беларускіх асноў. Напрыклад, у РБС-70 зафіксаваны наступныя лексемы, утвораныя ад асноў іншамовнага паходжання: *абстрагаванне* ← *абстрагаваць*, *дэкласаванне* ← *дэкласаваць*, *прагназаванне* ← *прагназаваць*, *рэфлектаванне* ← *рэфлектаваць*, *стымуляванне* ← *стымуляваць*, *суб’ектывіраванне* ← *суб’ектывіраваць*; тэрміны, утвораныя ад уласнабеларускіх асноў: *панаванне* ← *панаваць*, *галасаванне* ← *галасаваць*, *выхаванне* ← *выхаваць*, *разважанне* ← *разважаць*, *спажыванне* ← *спажываць*, *сузіранне* ← *сузіраць*.

Застаецца высокапрадуктыўным гэты словаўтваральны тып і на сучасным этапе: *мадэляванне*, *абгрунтаванне*, *анасродкаванне*, *апрадмечванне*, *распрадмечванне* (ТСФ-96); *гіпастазаванне* (БПС-2011). Колькасныя паказчыкі вытворных тэрмінаў з фармантам *-нн(е)* (*-нньн(е)*) прыведзены ў табл. 3.

Табліца 3

Прадуктыўнасць фарманта *-нн(е)* (*-нньн(е)*) у тэрміналогіі сацыялогіі і філасофіі

Table 3

The productivity of the *нн(е)* (*-нньн(е)*) word-formation formant in sociological and philosophical terminology

Крыніца	Агульная колькасць суфіксальных утварэнняў – абстрактных назоўнікаў	Агульная колькасць утварэнняў з фармантам <i>-нн(е)</i> (<i>-нньн(е)</i>)	Прадуктыўнасць, %
БНТ-11	180	17	9,4
РБС-70	177	18	10,2
ТСФ-96	98	16	16,3
БЭ-96	80	12	15,0
БПС-2011	84	5	6,0
Усяго	619	68	11,0

Заўвага. Складзена аўтарам.

Фармант *-енн(е)/-энн(е)* (*-еньн(е)/-эньн(е)*). Фармант *-енн(е)/-энн(е)* (*-еньн(е)/-эньн(е)*) далучаецца да інфінітыўнай асновы пасля зычнага, пры гэтым інфінітыўны галосны адсякаецца. У якасці матывавальных слоў выступаюць дзеясловы з інфінітыўнай асновай на *-і*, *-а* [14, с. 158]: *мысленне* ← *мысліць* (РБС-70), *выцясненне* ← *выцясняць* (БНТ-11). Утварэнні маюць значэнне адцягненай працэсуальнай прыкметы. Дадзены словаўтваральны тып дастаткова прадуктыўны пры ўтварэнні сацыялагічных і філасофскіх тэрмінаў: *перанасяленне* ← *перанасяліць*, *рассяяленне* ← *рассяяліць* (БНТ-11); *адмаўленне* ← *адмовіць*, *адрозненне* ← *адрозніць*, *суджэнне* ← *судзіць*, *тлумачэнне* ← *тлумачыць* (РБС-70); *абвяржэнне* ← *абвяргаць*, *адрозненне* ← *адрозніць*, *арэчаўленне* ← *арэчавіць* (ТСФ-96); *акружэнне* ← *акружыць*, *змяненне* ← *змяніць* (БПС-2011). Колькасныя паказчыкі вытворных тэрмінаў з фармантам *-енн(е)/-энн(е)* (*-еньн(е)/-эньн(е)*) паказаны ў табл. 4.

Некаторыя тэрмінаадзінкі пурыстычнага перыяду з гэтым фармантам (*удухаўленне* (дублет да *анімізм*, БНТ-11), *высваенне* (дублет да *экспропрыяцыя*, БНТ-11)) не фіксуюцца ў сучасных лексікаграфічных працах [10–12].

Табліца 4

Прадуктыўнасць фарманта *-енн(е)/-энн(е)* (*-еньн(е)/-эньн(е)*) у тэрміналогіі сацыялогіі і філасофіі

Table 4

The productivity of the *-енн(е)/-энн(е)* (*-еньн(е)/-эньн(е)*) word-formation formant in sociological and philosophical terminology

Крыніца	Агульная колькасць суфіксальных утварэнняў – абстрактных назоўнікаў	Агульная колькасць утварэнняў з фармантам <i>-енн(е)/-энн(е)</i> (<i>-еньн(е)/-эньн(е)</i>)	Прадуктыўнасць, %
БНТ-11	180	22	12,2
РБС-70	177	10	5,6

Заканчэнне табл. 4
Ending table 4

Крыніца	Агульная колькасць суфіксальных утварэнняў – абстрактных назоўнікаў	Агульная колькасць утварэнняў з фармантам -енн(е)/-энн(е) (-еньн(е)/-эньн(е))	Прадуктыўнасць, %
ТСФ-96	98	16	16,3
БЭ-96	80	6	7,5
БПС-2011	84	2	2,4
Усяго	619	56	9,0

Заўвага. Складзена аўтарам.

Фармант -(л)ізм/-ызм. Адцягненыя назоўнікі са значэннем назваў грамадска-палітычных і навуковых напрамкаў, вучэнняў часта ўтвараюцца ад назоўнікавых асноў пры дапамозе запазычанага суфікса -ізм/-ызм: *дэмакратызм, ідэалізм* [7, с 112]. Гэты словаўтваральны тып дастаткова прадуктыўны ў тэрміналогіі філасофіі і сацыялогіі: *браманізм, патрыятызм, тотэмізм, шаманізм* (БНТ-11); *іерагліфізм, субстанцыялізм* (РБС-70); *гільдэізм, мюрыдызм, татэмізм* (БЭ-96); *аскетызм, гегеманізм, рытуалізм, фаварытызм, экалагізм* (БПС-2011). Адпрыметнікавыя ўтварэнні з гэтым фармантам называюць грамадска-палітычныя, навуковыя і эстэтычныя катэгорыі, сістэмы, якасці [11, с 219]: *еўрапейскі* (БПС-2011), *інстынктывізм* ← *інстынктыўны* (БЭ-96), *казуалізм* ← *казуальны* (РБС-70). Сустракаюцца адзінкавыя ўтварэнні, матываваныя прыслоўямі: *апастэрыярызм* ← *апастэрыёры, апрыярызм* ← *апрыёры* (РБС-70). У сучасны перыяд прадуктыўнасць утварэнняў з суфіксам -(л)ізм/-ызм узрастае ў сувязі з агульнай тэндэнцыяй да інтэрнацыяналізацыі.

Колькасны склад утварэнняў з суфіксам -(л)ізм/-ызм і іх прадуктыўнасць адлюстраваны ў табл. 5.

Табліца 5

Прадуктыўнасць суфікса -(л)ізм/-ызм у тэрміналогіі сацыялогіі і філасофіі

Table 5

The productivity of the -(л)ізм/-ызм suffix in sociological and philosophical terminology

Крыніца	Агульная колькасць суфіксальных утварэнняў-назоўнікаў	Агульная колькасць утварэнняў з суфіксам -(л)ізм/-ызм	Прадуктыўнасць, %
БНТ-11	180	4	2,2
РБС-70	177	8	4,5
ТСФ-96	98	4	4,1
БЭ-96	80	9	11,3
БПС-2011	84	14	16,7
Усяго	619	39	6,3

Заўвага. Складзена аўтарам.

Фармант -ацыі(а). На сучасным этапе расце прадуктыўнасць запазычанага суфікса -ацыі-, пры дапамозе якога ўтвараюцца адцягненыя назоўнікі ад дзеяслоўных асноў. Як правіла, такія тэрміны суадносяцца з дзеясловамі на -аваць або -іраваць. РБС-70 (усяго каля 17 000 слоў) утрымлівае 5 тэрмінаў з гэтым фармантам: *абсалютызацыя* ← *абсалютызаваць*, *бюракратызацыя* ← *бюракратызаваць*, *дэмакратызацыя* ← *дэмакратызаваць*, *субстанцыялізацыя* ← *субстанцыялізаваць*, *фашызацыя* ← *фашызаваць*, а БПС-2011 (каля 3300 тэрмінаў і ўласных імёнаў) фіксуе 11 аналагічных утварэнняў: *вестэрнізацыя* ← *вестэрнізаваць*, *глабалізацыя* ← *глабалізаваць*, *ідэнтыфікацыя* ← *ідэнтыфікаваць*, *інстытуцыяналізацыя* ← *інстытуцыяналізаваць*, *лібералізацыя* ← *лібералізаваць*, *маргіналізацыя* ← *маргіналізаваць*, *матывацыя* ← *матываваць*, *палітызацыя* ← *палітызаваць*, *папулярызацыя* ← *папулярызаваць*, *пралетарызацыя* ← *пралетарызаваць*, *фемінізацыя* ← *фемінізаваць*.

Нульсуфіксальнае ўтварэнне. Такі тып утварэння тэрмінаў-назоўнікаў з'яўляецца малапрадуктыўным. Нульсуфіксальным спосабам тэрміны ўтвараюцца ад асноў наступных часцін мовы:

- дзеясловаў (назоўнікі мужчынскага роду: *вызыск* ← *вызыкаць*, *заняпад* ← *занепадаць* (БНТ-11), *прыгнёт* ← *прыгнятаць* (РБС-70); назоўнікі жаночага роду: *забясъепа* ← *забясъепаць*, *заняволя* ← *заняволяць* (БНТ-11), *развага* ← *разважыць* (РБС-70));

- прыметнікаў: *моладзь* ← *малады* (ТСФ-96), *нефармал* ← *нефармальны* (БПС-2011);

- назоўнікаў: *олігарх* ← *олігархія* (БНТ-11).

Сярод непрадуктыўных суфіксальных словаўтваральных мадэлей у тэрміналогіі сацыялогіі і філасофіі можна назваць утварэнні з наступнымі фармантамі: **-ак** (звышак (БНТ-11)), **-анн(е)** (прадбачанне (БЭ-96)), **-ом(ы)** (даброты (РБС-70)), **-ык(а)** (глабалістыка (БПС-2011)).

Утварэнне *Nomina Agentis*

Суфікс -нік. З дапамогай суфікса **-нік** агентыўныя назоўнікі ўтвараюцца ад наступных часцін мовы і іх форм:

- субстантатываў: *абшарнік* ← *абшар*, *асаdnік* ← *асада*, *асьветнік* ← *асьвета*, *ахоўнік* ← *ахова*, *згоднік* ← *згода*, *зdraднік* ← *здрада*, *змоўнік* ← *змова*, *касьцёльнік* ← *касьцёл*, *мяцежнік* ← *мяцеж*, *рабoтнік* ← *работа*, *сусьветнік* ← *сусьвет* (БНТ-11); гэты тып з’яўляецца прадуктыўным у сучаснай беларускай мове [13, с. 223];

- дзеясловаў: *бунтаўнік* ← *бунтаваць*, *насьельнік* ← *насяляць*, *прадстаўнік* ← *прадстаўляць* (БНТ-11); аддзяяслоўнае ўтварэнне лічыцца прадуктыўным у тэрміналогіі [13, с. 222];

- дзеепрыметнікаў: *выбраньнік* ← *выбраны* (БНТ-11); гэты тып адносіцца да малапрадуктыўных [13, с. 223].

Суфікс -ік. Адпрыметнікавыя назоўнікі абазначаюць асоб як носьбітаў прыкметы, названай утваральным словам: *саматужнік* ← *саматужны*, *сучасьнік* ← *сучасны*, *царкоўнік* ← *царкоўны* (БНТ-11); *заходнікі* ← *заходні* (ТСФ-96). Гэты словаўтваральны тып з’яўляецца высокапрадуктыўным у сучаснай беларускай мове [13, с. 222]. Трэба заўважыць, што тэрмін «заходнік» мае дзве ўтваральныя асновы: *заходнік* (чалавек, які жыве на захадзе) ← *захад*; *заходнік* (чалавек, які прытрымліваецца заходніх каштоўнасцей) ← *заходні* [15, с. 130].

Суфікс -льнік. Назоўнікі з гэтым суфіксам утвараюцца ад дзеясловаў, абазначаюць асоб паводле дзеяння, названага ўтваральным словам: *аб’яднальнік* ← *аб’яднаць*, *выбіральнік* ← *выбіраць*, *заstraшальнік* ← *заstraшаць* (усяго тры тэрміны ў БНТ-11).

Суфіксы -енец/-ец. Утварэнні з суфіксам **-ец** больш шырока прадстаўлены ў БНТ-11, чым у пазнейшых крыніцах (ТСФ-96, БЭ-96, БПС-2011). Назоўнікі з гэтымі суфіксамі матывуюцца наступнымі асновамі:

- дзеяслоўнымі: *заяvoleц* ← *заявольваць*, *пaсяленец* ← *пaсяліцца*, *пepaсяленец* ← *пepaсяляцца*, *усяленец* ← *усяляць* (БНТ-11), *адшчапенец* ← *адшчапіць* (БПС-11); тып малапрадуктыўны [13, с. 235];

- прыметнікавымі: *бepнштэйніянец* ← *бepнштэйніянскі*, *вальтэр’янец* ← *вальтэр’янскі*, *гегельянец* ← *гегельянскі*, *кантыянец* ← *кантыянскі* (РБС-70); *мірлівец* ← *мірлівы*, *пaступовец* ← *пaступовы*, *пpамысловец* ← *пpамысловы* (БНТ-11); тып прадуктыўны [13, с. 235].

Фармант -іст (-іст(ы)). застаецца высокапрадуктыўным на працягу ўсяго разглядаемага перыяду: суфікс **-іст** актыўна ўдзельнічаў у словаўтваральным працэсе з пачатку XX ст. У «Беларускай граматыцы» адрозніваюцца адназоўнікавыя і адпрыметнікавыя ўтварэнні з гэтым фармантам, прычым першы тып валодае ўніверсальнай прадуктыўнасцю, а другі прызнаецца прадуктыўным толькі ў межах спецыяльнай тэрміналогіі [13, с. 233–234].

У БНТ-11 прадуктыўным з’яўляўся фармант **-іст(ы)**: *анархісты*, *атэісты*, *гуманісты*, *імперыялісты*, *калёністы*, *комуністы*, *опартуністы*, *пацыфісты*, *соцыялісты*.

У крыніцах больш позняга перыяду выдзяляюцца дзве групы ўтварэнняў з суфіксам **-іст/-ыст** у залежнасці ад віду ўтваральнай асновы:

- утварэнні, матываваныя агульнымі назоўнікамі: *расіст* ← *раса* (БПС-2011). У некаторых выпадках пры гэтым адбываецца ўсячэнне фіналей утваральных асноў: **-ізм** (*абсэнтэіст* ← *абсэнтэізм*, *валюнтарыст* ← *валюнтарызм*, *сацыяліст* ← *сацыялізм*, *спірытуаліст* ← *спірытуалізм* (РБС-70), *экстрэміст* ← *экстрэмізм* (БПС-2011), *трансцэндэнталіст* ← *трансцэндэнталізм* (ТСФ-96)), **-іж-** (*утапіст* ← *утопія* (БПС-2011));

- маскулінатывы, якія ўтварыліся ад уласных назоўнікаў: *бабувіст* – ад франц. *Babeuf G.*, *бакуніст* – ад рус. Бакунін М. А. (РБС-70).

Малапрадуктыўнымі фармантамі для ўтварэння агентыўных назоўнікаў з’яўляюцца **-ц(а)** (*абаронца* (БНТ-11)), **-цель** (*вызваліцель*, *пакарыцель* (БНТ-11)), **-шчык** (*выбаршчык* (РБС-70)), **-ар** (*уладар* (БНТ-11)), **-ін** (*гараджанін* (БНТ-11)), **-ун** (*апякун* (БНТ-11)), **-як** (*бядняк* (РБС-70)).

Такім чынам, у стварэнні тэрмінаў сацыялогіі і філасофіі выкарыстоўваюцца тыя ж спосабы словаўтварэння, якія пашыраны ў агульналітаратурнай мове. У межах гэтых тэрмінасістэм найбольш прадуктыўнымі фармантамі з’яўляюцца **-асць** (**-асць**), **-ств(а)** (**-зтв(а)**)/**цтв(а)**. У 1920-я гг. высокапрадуктыўнымі былі словаўтваральныя тыпы з фармантамі **-асць**, **-ств(а)** (**-зтв(а)**)/**цтв(а)**, **-еньн(е)**/**-эньн(е)**; дастаткова прадуктыўным з’яўляўся словаўтваральны тып з фармантам **-ньн(е)**; малапрадуктыўным – з суфіксам **-л(і)зм/-ызм**. У пазнейшы перыяд фарманты **-асць**, **-ств(а)** / **цтв(а)** захавалі

сваю высокую прадуктыўнасць, да іх далучыўся фармант *-нн(е)*; фармант *-енн(е)/-энн(е)* можна таксама ахарактарызаваць як прадуктыўны. Суфікс *-ізм/-ызм* быў малапрадуктыўным у 1920–80-я гг., але на сучасным этапе прадуктыўнасць такіх утварэнняў (а таксама ўтварэнняў з запазычаным суфіксам *-ацыі/-ацыя*) павышаецца, што звязана з агульнай тэндэнцыяй да інтэрнацыяналізацыі. Некаторыя ўтварэнні пурыстычнага перыяду з прадуктыўнымі фармантамі (*супрацьваяўлівасць, няшлюбнасць, удахаўленне, высваенне* і інш.) выйшлі з актыўнага ўжытку. Для ўтварэння *Nomina Agentis* прадуктыўнымі з’яўляюцца фарманты *-ік/-нік/-льнік, -енец/-ец, -іст (-іст(ы))*.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Антанюк Л. А. Беларуская навуковая тэрміналогія: фарміраванне, структура, упарадкаванне, канструяванне, функцыянаванне. Мінск, 1987.
2. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / пад рэд. М. Р. Суднікі [і інш.]. Мінск, 1996.
4. Скікевіч А. А., Шчур У. С. Тэрміналагічна-тлумачальны слоўнік па філасофіі. Мінск, 1996.
5. Майхровіч А. С. Філасофская думка Беларусі ў кантэксце еўрапейскай філасофіі // Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т. Мінск, 2008. Т. 2 : Протарэнесанс і Адраджэнне / С. У. Санько [і інш.]. 2010. С. 14–35.
6. Сакалова Г. М. Сацыялогія // Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. Мінск, 1996–2004. Т. 14 : Рэле – Слаявіна. 2002. С. 214–215.
7. Шахун Л. М. Словаўтварэнне. Мінск, 1978.
8. Лукашанец А. А. Праблемы сучаснага беларускага словаўтварэння. Мінск, 2013.
9. Кондратеня И. В. Наименование отвлеченного признака // Сопоставительное описание русского и белорусского языков. Словообразование / А. В. Андреева [и др.] ; науч. ред.: А. А. Лукашанец [и др.]. Минск, 2014. С. 170–176.
10. Слоўнік беларускай мовы / уклад.: Н. П. Еўсіевіч [і інш.] ; навук. рэд.: А. А. Лукашанец [і інш.]. Мінск, 2012.
11. Завальнюк У. М., Прыгодзіч М. Р., Раманцэвіч В. К. Слоўнік сучаснай беларускай мовы / пад агул. рэд. М. Р. Прыгодзіча [і інш.]. 2-е выд. Мінск, 2010.
12. Піскуноў Ф. А. Вялікі слоўнік беларускай мовы : арфаграфія, акцэнтацыя, парадыматыка : каля 223 000 слоў. Мінск, 2012.
13. Беларуская граматыка : у 2 ч. / пад рэд. М. В. Бірылы [і інш.]. Мінск, 1985–1986. Ч. 1 : Фаналогія. Арфаграфія. Марфаналогія. Словаўтварэнне. Націск. 1985.
14. Кондратеня И. В. Наименование действия и состояния // Сопоставительное описание русского и белорусского языков. Словообразование / А. В. Андреева [и др.] ; науч. ред.: А. А. Лукашанец [и др.]. Минск, 2014. С. 157–170.
15. Бардовіч А. М., Круталевіч М. М., Лукашанец А. А. Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 2000.

References

1. Antoniuk L. A. Belaruskaja navukovaja tjerminologija: farmiravanne, struktura, uparadkavanne, kanstrujavanne, funkcyjaniravanne [Belarusian scientific terminology: formation, structure, systematization, construction, functioning]. Minsk, 1987 (in Belarus.).
2. Danilenko V. P. Russkaya terminologiya. Opyt lingvisticheskogo opisaniya [Russian terminology: an experience of linguistic description]. Moscow, 1977 (in Russ.).
3. Tlumachal’ny slownik belaruskaj litaraturnaj movy [The dictionary of the Belarusian literary language] : more than 65 000 words. Minsk, 1996 (in Belarus.).
4. Skikevich A. A., Shchur U. S. Tjerminologichna-tlumachal’ny slownik pa filasofii [Terminological philosophical dictionary]. Minsk, 1996.
5. Maikhrovich A. S. Filasofskaja dumka Belarusi w kantjeksce ewrapejskaj filasofii [Belarusian philosophical thought in the context of European philosophy]. In: *Gistoryja filasofskaj i gramadska-palitychnaj dumki Belarusi* : in 6 vol. Minsk, 2008. Vol. 2 : Protarjenesans i Adradzhjenne. 2010. P. 14–35 (in Belarus.).
6. Sakalova G. M. Sacyjalogija [Sociology]. In: *Belaruskaja jencyklapedyja* : in 18 vol. Minsk, 1996–2004. Vol. 14 : Rjele – Slajavina. 2002. P. 214–215 (in Belarus.).
7. Shakun L. M. Slovavtvarjenne [Word Formation]. Minsk, 1978 (in Belarus.).
8. Lukashanets A. A. Pablemy suchasnaga belaruskaga slovavtvarjennja [The problems of contemporary Belarusian word formation]. Minsk, 2013 (in Belarus.).
9. Kondratenia I. V. Naimenovanie otvlechennogo priznaka [The name of abstract attribute]. In: *Sopostavitel’noe opisanie russkogo i belorusskogo yazykov. Slovoobrazovanie*. Minsk, 2014. P. 170–176 (in Russ.).
10. Slownik belaruskaj movy [The Belarusian language dictionary]. Minsk, 2012 (in Belarus.).
11. Zaval’niuk U. M., Prygodzich M. R., Ramancjevich V. K. The contemporary Belarusian language dictionary. 2nd ed. Minsk, 2010 (in Belarus.).
12. Piskunou F. A. Vjaliki slownik belaruskaj movy : arfagrafija, akcjentuacyja, paradygmatyka [The Great dictionary of the Belarusian language : spelling, accentuation, paradigmatic] : about 223 000 words. Minsk, 2012 (in Belarus.).
13. Belaruskaja gramatyka [Belarusian grammar] : in 2 parts. Minsk, 1985–1986. Part 1 : Fanalogija. Arfagrafija. Marfanalogija. Slovavtvarjenne. Nacisk. 1985 (in Belarus.).
14. Kondratenia I. V. Naimenovanie deistviya i sostojaniya [The name of action and state]. In: *Sopostavitel’noe opisanie russkogo i belorusskogo jazykov. Slovoobrazovanie*. Minsk, 2014. P. 157–170 (in Russ.).
15. Bardovich A. M., Krutalevich M. M., Lukashanets A. A. Slovavtvaral’ny slownik belaruskaj movy [The Word formation dictionary of the Belarusian language]. Minsk, 2000 (in Belarus.).

АБ ЛЕКСІЧНЫХ ВАРЫЯНТАХ ЯК МОЎНЫХ ІНАВАЦЫЯХ У ВЫДАННЯХ Ф. СКАРЫНЫ

К. П. ВАРОНЬКА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

Разглядаюцца лексічныя варыянты, характэрныя для мовы выданняў Ф. Скарыны. Аналізуюцца алгарытмы працы беларускага першадрукара з арыгінальнымі тэкстамі і схема адаптацыі частак (долей) значэння ў адпаведнасці з перакладчыцкай задачай. Праведзена лінгвістычнае даследаванне семантычных трансфармацый (адаптацый) як спосабу дасягнення лексічных адпаведнасцей, акрэслены асаблівасці іх функцыянавання ў перакладзе. Вызначаны аб'ём паняццяў «варыянт», «варыянтнасць», «варыяцыя», «дублет», прапанавана класіфікацыя моўных варыянтаў.

Ключавыя словы: варыянт; варыянтнасць; дублет; сінонім; перакладчыцкая стратэгія; лексіка.

О ЛЕКСИЧЕСКИХ ВАРИАНТАХ КАК ЯЗЫКОВЫХ ИННОВАЦИЯХ В ИЗДАНИЯХ Ф. СКОРИНЫ

К. П. ВАРОНЬКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Рассматриваются лексические варианты, характерные для языка изданий Ф. Скорины. Анализируются алгоритмы работы белорусского первопечатника с оригинальными текстами и схема адаптации частей (долей) значения в соответствии с переводческой задачей. Проведено лингвистическое исследование семантических трансформаций (адаптаций) как способа достижения лексических соответствий, очерчены особенности их функционирования в переводе. Определен объем понятий «вариант», «вариантность», «вариация», «дублет», предложена классификация языковых вариантов.

Ключевые слова: вариант; вариантность; дублет; синоним; переводческая стратегия; лексика.

LEXICAL VARIANTS AS LINGUISTIC INNOVATIONS IN EDITIONS OF F. SKORYNA

K. P. VARONKA^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

This article deals with the lexical variants, which define linguistic basis of F. Skoryna's editions. The author analyzes algorithms of translation from original text and scheme of adaptation parts of word meaning according to the translation

Образец цитирования:

Варонька К. П. Аб лексічных варыянтах як моўных інавацыяў у выданнях Ф. Скарыны // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 1. С. 66–72.

For citation:

Varonka K. P. Lexical variants as linguistic innovations in editions of F. Skoryna. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 1. P. 66–72 (in Belarus.).

Автор:

Крыстына Павловна Варонько – аспірантка кафедры історыі беларускага языка філалагічнага факультэта. Научный руководитель – доктор філалагічных наук, прафесар Н. Г. Пригодич.

Author:

Krystyna Varonka, postgraduate student at the department of history of Belarusian language, faculty of philology.
3434varonko@gmail.com

task. The aim of the article is a linguistic study of semantic transformations (adaptations) as a way to achievement lexical adequacy, functioning in translation. In article was defined meaning of the concepts variant, variation, double, scientific novelty of the article is to identify the linguistic variants in their classification.

Key words: variant; variation; synonym; translation strategy; lexis.

Перакладчыцкая дзейнасць Ф. Скарыны заўжды выклікала абвостраны інтарэс даследчыкаў, і найперш гэта датычыцца тэксталагічнай базы Бібліі, інавацыйнасці прыёмаў і тэхнік, якімі карыстаўся першадрукар. Як вядома, пераклад ажыццяўляўся ім на аснове не адной крыніцы, а быў вынікам працы з лацінскімі, царкоўнаславянскімі, яўрэйскімі, чэшскімі тэкстамі, і гэты факт вымушае ўважліва ставіцца да моўнай формы ў выданнях Ф. Скарыны.

Спалучэнне некалькіх пісьмовых традыцый у межах аднаго тэксту немагчымае без перакладчыцкай інавацыі як з’явы. Прыёмы, якімі карысталіся перакладчыкі старажытных рэлігійных твораў, павінны былі карэляваць з мэтавымі ўстаноўкамі па адэкватнай перадачы зместу арыгіналаў. У тэрмінах функцыянальнай тэорыі перакладу макрастратэгія арыгінальнага тэксту дыктуе выкарыстанне мікрастратэгіі: перакладчыцкаму заданню заўсёды адпавядае набор спосабаў і прыёмаў для яго выканання. Гаворачы пра сінкрэтычную мову выданняў Ф. Скарыны, некаторыя даследчыкі тлумачылі сутнасць яго перакладчыцкай тэхнікі як «перанос (або захаванне) элементаў з іншай славянскай мовы, паколькі такая мова да пэўнай ступені была (ці здавалася) зразумелай» перакладчыку [1, с. 66]. Гэты працэс датычыцца перакладаў з блізкароднасных моў, калі «пры пераносе заходнеславянскіх элементаў у руські тэкст узнікаў паланізаваны тып, ці варыянт, руськай мовы¹, а руськіх (разам з заходнеславянскімі, якія сталі арганічнай часткай руськай нормы) у царкоўнаславянскі тэкст – так узнікла славенаруская мова. Першы працэс можа быць акрэслены як транслітарацыя, тады другі – як інфільтрацыя» [1, с. 66]. Тут варта звярнуць увагу на тое, што крыніцамі для перакладу выступалі не толькі тэксты Бібліі на славянскіх мовах, але і яўрэйскія, лацінскія арыгіналы. У якой ступені з’ява інфільтрацыі была прадуктыўнай у такіх умовах, вызначыць даволі цяжка. Перанос элементаў з адной мовы ў іншую не мог абысціся без выкарыстання прыёму рутэнізацыі (адаптацыі, усходнеславянізацыі) [1].

Лексічны ўзровень мовы з’яўляецца найбольш адкрытым і гнуткім у параўнанні з іншымі складнікамі сістэмы: «У мове дзейнічаюць сілы, якія парушаюць яе “экалогію” і прымушаюць прыстасоўвацца да зменлівай камбінаторыкі, таму спрадвечнымі ўласцівасцямі мовы, як арганічнага свету, з’яўляюцца спадчыннасць і зменлівасць, першае – пачатак кансерватыўны, другое – рэвалюцыйны. Зменлівасць пастаўляе матэрыял для эвалюцыі, спадчыннасць замацоўвае яе вынікі» [2, с. 3]. Такім чынам, нягледзячы на суму розных лінгвістычных і пазалінгвістычных фактараў, у мове як сістэме заўсёды захоўваецца ўмеркаваная стабільнасць.

Лексічная варыянтнасць можа быць абумоўлена не толькі сінанімічнымі адносінамі, паходжаннем слоў, але і моўнай арыентацыяй, перакладчыцкім самазаданнем. Адзначым, што варыянтнасць як лінгвістычная з’ява ў тэкстах Ф. Скарыны стала вынікам сумяшчэння розных культурных традыцый і, адпаведна, актуалізацыі розных сэнсавых акцэнтаў. Лексічныя розначытанні ў тэкстах кніг Старога Завету, выдадзеных Ф. Скарынам, па ступені рэгулярнасці і тоеснасці можна падзяліць на некалькі тыпаў:

- лексічныя варыянты (лексіка-фанетычныя, лексіка-марфалагічныя, словаўтваральныя і лексіка-семантычныя);
- функцыянальныя варыянты;
- кантэкстуальныя сінонімы;
- зместавыя лексічныя розначытанні [3, с. 128].

З улікам крытэрыяў, ад якіх залежыць тып розначытанняў (рэгулярнасць і спарадычнасць, а таксама ступень разыходжання ў значэннях слоў), у лінгвістыцы пытанне варыянтнасці (варыятыўнасці) трактуецца па-рознаму. Зыходнымі з’яўляюцца два падыходы. Паводле першага з іх, пад варыянтнасцю разумеецца «ўяўленне пра розныя спосабы выражэння пэўнай моўнай сутнасці як пра аб’ём яе мадыфікацыі, разнавіднасці ці як адхіленне ад пэўнай нормы»² [4]. Згодна з другім падыходам варыянтнасць – «тэрмін, які вызначае спосаб існавання і функцыянавання адзінак мовы і моўнай сістэмы ў цэлым» [4]. Для ўніфікацыі аб’ёму паняцця «варыянтнасць» напачатку неабходна акрэсліць межы тэрміна «варыянт», для якога існуе шэраг дэфініцый. Варыянты разглядаюцца як адзінкі, тоесныя паводле значэння (пры гэтым супадзенне ці адрознасць гукавой абалонкі – прыкмета неістотная), або як разнавіднасці аднаго і таго ж слова ці яго граматычнай формы з аднолькавым значэннем і часткова адрозным

¹Пад тэрмінам «руская мова» аўтар разумее пісьмова-літаратурную і афіцыйную мову Вялікага Княства Літоўскага. – К. В.

²Тут і далей пераклад наш. – К. В.

гукавым складам [5]. Акрамя таго, пытанне варыянтаў даследуецца сёння ў межах вывучэння фанетычных і марфалагічных мадыфікацый, а таксама слоў-сінонімаў [6, с. 89].

Даволі пашыраным з’яўляецца тэрмін «дублет», які часцей фактычна не адрозніваецца ад паняццяў «варыянт», «сінонім». Варыянты – гэта тыпы дублетаў, сутнасная розніца паміж гэтымі паняццямі заключаецца толькі ў тым, што дублеты не маюць агульнага караня, але, як і варыянты, утрымліваюць у сабе хаця б адно агульнае значэнне. У параўнанні з сінонімамі, якія найчасцей належаць да адной лексічнай сістэмы, дублеты і варыянты генетычна розныя, і ў выніку іх сумяшчэння ў тэксце адзін элемент пары можа знікнуць або набыць новыя стылістычныя і спалучальныя магчымасці [6, с. 52]. Радзей выкарыстоўваецца тэрмін «варыяцыі», якім абазначаюць формы слоў, што, адрозніваючыся «пэўнымі графічнымі элементамі, па сутнасці з’яўляюцца ідэнтычнымі: напрыклад, *амень – амень, боурьмистръ – боурмистръ*» [6, с. 83].

У перакладах Ф. Скарыны функцыянавалі тэкставыя і моўныя лексічныя розначытанні, узнікненне якіх было абумоўлена рознымі фактарамі, у тым ліку ўплывам зыходнага кантэксту. Непасрэдна ў выданнях гэта выяўлялася, «па-першае, у семантычным і лексічным выраўніванні тэксту; па-другое, у імкненні пазбегнуць семантычнага і лексічнага паўтору ў фразе ці суседніх фразях; па-трэцяе, у эмацыянальнай перабудове (пераразмеркаванні) выказвання ў бок яго большай экспрэсіі» [7, с. 166]. Акрамя таго, наяўнасць значнай колькасці лексічных розначытанняў сведчыла пра імкненне перакладчыка як мага больш дакладна канкрэтызаваць патрэбную і адэкватную долю значэння выбранага слова. Напрыклад, у кнігах Старога Запавету і прадмоўна-пасляслоўных комплексах Ф. Скарыны няма сэнсавага размежавання паміж словамі *пастухъ – пастыръ*, гэта **словаўтваральныя варыянты**. Сярод **лексіка-фанетычных варыянтаў** у кнігах Бібліі Ф. Скарыны вылучым наступныя пары: *сипение – щипение* (змеи съ *щипениемъ* – гадове съ *сипениемъ*¹ (ПС, с. 34)), *воскресение – воскрешение* (о *воскрешении* из мертвыхъ и вечного живота (П, с. 6) – о *воскресении* из мертвыхъ (І, с. 3)), *цмарагдъ – смарагдъ* (опона уделана от шолку из злата тягненаго и *смарагдовъ* (Ю, с. 34) – *стены от камня цмарагда* и мрамора з различными взоры украшены (Э, с. 6)), *корона – коруна* (возложивши на главу ея *коруну – корона* на главе ея (Э, с. 7)), *фарбы – барвы* (опоны и ковры небесное *фарбы* – индийские краски *шафиръ барвы* (І, с. 66) – на лице различность *барвы* (Л, с. 47)), *хитроки – хытроки* (ошметники и *хытроки* попускають гневъ Божию – *хитроки* (І, с. 85)) і інш. Ужываліся ў тэкстах Ф. Скарыны і **лексіка-марфалагічныя варыянты**, напрыклад дзеясловы, якія выразна адрозніваюцца трываннем: *знайти – знайдовати* (Э, с. 12), *помыслити – помышляти* (Э, с. 15) і інш.

Да **словаўтваральных варыянтаў** належаць і такія адзінкі, як *примракъ – помрачъ – сумракъ* (*примракъ* подъ ногами (Ц2, с. 221) – *бысть помрачъ* (Б, с. 56) – *лице мое прикрылъ есть сумракъ* (І, с. 58)), *заоутра – позаоутрею* (*заоутра* будетъ святокъ (Ц1, с. 87) – *познали умысль отца моего позаоутрею* (Ц1, с. 86)), *хиба – похиба* (все аще речет кому безъ *похибы* сбывается (Ц1, с. 36) – *не будетъ хйбы* в тымъ (Ц1, с. 38)), *кликунъ – кличкунъ* (ходили *кликунове* (ІН, с. 16) – *ходилъ кличкунъ* (Ц3, с. 361)) і інш.

У адзначанай вышэй класіфікацыі лексічных розначытанняў пары сінонімаў ці сінанімічныя ланцужкі займаюць выключна важнае месца. Існуе меркаванне, згодна з якім рознакарэнныя словы з тоеснай (ці адносна тоеснай) семантыкай варта называць сінонімамі, а не лексічнымі варыянтамі. У межах гэтага даследавання мы адносілі такія пары слоў да ўласна лексічных варыянтаў. Разгледзім некаторыя з іх больш дэтальна.

1. *Чресла препоясаны златомъ чистымъ* (ПД, 13) – *ударилъ копиемъ у лядви и прободе и* (Ц2, с. 130) – *лытки свое ко стегномъ пригибали* (КС, с. 66): лексема *чресла* сярод прыведзеных варыянтаў вылучаецца мнагазначнасцю, а таксама выразным кніжным характарам. У слоўніку зафіксаваны наступныя яе значэнні: 1) *поясница, станъ, бёдра (?)*; 2) *утроба женская*; 3) *родъ, поколение* (СДРЯ, т. 3, ч. 2, с. 1541). Поўнагалосная форма *чересла* ў множным ліку таксама выкарыстоўвалася ў сваім самым прадуктыўным значэнні. Адзначым, што ў розных славянскіх мовах атрымалі сваю рэалізацыю розныя долі значэння гэтага слова: славен. *čréslo* ‘перагародка ў грэцкім арэху; сцягно’; чэш. *tříslo, stříslo* ў множным ліку, апроч пашыранага значэння ‘сцягно, пахвіна’, змяшчае ў сабе сему ‘грудабрушная перашкода’; пол. *trzosło* ‘сцягно’ (ЭССЯ, вып. 4, с. 74).

Лексема *лытки* мае дастаткова невыразную этымалогію, але меркаванні навукоўцаў адносна яе паходжання грунтуюцца на існаванні ў многіх славянскіх мовах падобных словаформ: укр. *литка*, ст.-чэш. *lŭtka*, славен. *litka*, ст.-балг. *лытка, літка* (ЭСБМ, т. 6, с. 83). Іх агульнае значэнне – ‘акругленыя мышцы на задняй частцы нагі чалавека ад калена да ступні’ (ЭСБМ, т. 6, с. 83). Яно з’яўляецца першасным, а само слова мнагазначнае: акрамя часткі цела чалавека, яно можа абазначаць вузкую палоску зямлі, а таксама свіную лапатку (ГСБМ, вып. 17, с. 150). Цікава, што ў многіх славянскіх мовах усе

¹Прыклады прыводзяцца па выданні: Біблія. Факсімільнае ўзнаўленне Бібліі, выдадзенай Францыскам Скарынаю ў 1517–1519 гадах : у 3 т. Мінск, 1991. Т. 1–3.

тры значэнні суіснуюць адначасова, а часам лексема ўзаемазамыняецца словам «сцягно». Адносна праславянскай гісторыі слова «лытка» вычарпальнага пункту погляду не існуе: этымалагі знаходзяць яго вытокі яшчэ ў індаеўрапейскай мове, у выніку рэканструкцыі аднавілі праформу **gleud-/gleu-t* з агульным значэннем 'выпуклы, круглы'. Праславянскі варыянт **lьdka* роднасны з формулай **glyda* (у польскай мове рэалізуецца ў шэрагу слоў з агульнай семантыкай 'выпуклае, ком, гуз').

Формы **lědva*, **lědvo*, **lědvъ*, **lědvъje*, **lědvъja* таксама актуалізавалі розныя значэнні. У царкоўнаславянскай мове лексемы *лѣдвь*, *лѣдвѣя* (множны лік) са значэннем 'ныркі, вантробы' былі дастаткова прадуктыўныя. У той жа час форма *lědvie* (ст.-чэш.) у множным ці парным ліку ўтрымлівала яшчэ і сему 'сцёгны'. Верагодна, што доля значэння 'частка ад цэлага' рэалізавалася таксама ў сербскай і харвацкай мовах у формах *lědva*, *лѣђа* 'задняя частка будынка, аркуша; горная вяршыня; верхняя частка тулава рыбы; частка вуды' (ЭССЯ, вып. 7, с. 51).

2. *Гвиздали и скрипели зубы своими – скрегталь зубы на мя* (І, 43): адзначаныя дзеяслоўныя формы вылучаюцца абсалютным семантычным і частковым этымалагічным супадзеннем. Форма **gvizdati* ў многіх славянскіх мовах паслядоўна адлюстравана і, на думку гісторыкаў мовы, мае гукапераймальнае паходжанне (макед. *svizdi* 'пакутлівае чаканне' (*перан.*), серб.-харв. *звиздати* 'свістаць', славен. *zvízdati* 'свістаць, шыпець', чэш. *hvízdat* 'свістаць', пол. *gwizdać* 'свістаць' (ЭССЯ, вып. 5, с. 65)). Дзеяслоў *скрипети* (*скрипати*, *шкрипати*, *скричигать*, *скричикать*, *скрычихать*, *скрыгытатъ*; чэш. *skřípati*) мае таксама гукапераймальнае паходжанне са значэннем 'скрыгатаць зубамі' (ЭССЯ, вып. 5, с. 65).

3. *Обтяжилъ пuto мое – ярмо мое* (ПЕ, с. 16): вылучаныя лексічныя дублеты з'яўляюцца побач у тоесным кантэксте і не адрозніваюцца ніводным адценнем свайго значэння. Лексема *пuto* мае аналагічныя эквіваленты ў многіх славянскіх мовах: чэш. *pouto*, укр. *пyто* 'кайданы' (ЭССЯ, вып. 13, с. 97). Такое ж значэнне з'яўляецца актуальным і для слова *ярмо*. Праславянская форма **arъto* ў выніку дзеяння розных фанетычных працэсаў у стараславянскай мове ўвасобілася ў словы *яръмъ*, у чэшскай – *jařto*, польскай – *jarzmo*.

4. *Знамя пыхи и хвалы* (Э, с. 41) – *запомнилъ бы нечистоты своей* (Л, с. 23) – *гнуос которымъ пригождаетъ осквернити* (Л, с. 23) – *указлася гнюсность бела или чермна* (Л, с. 52); *ослепила ихъ лихота* (ПС, с. 12) – *выразилось посквернение на ней* (Л, с. 52) – дадзеныя лексічныя варыянты не з'яўляюцца тоеснымі, ступень праяўлення якасці, якую яны абазначаюць, залежыць ад кантэксту і неабходнасці выканаць перакладчыцкае заданне згодна з абранай традыцыяй. Лексема *лихота* паслядоўна адлюстроўваецца ў царкоўнаславянскай мове са значэннем 'ліслівасць, няшчырасць, падман, махлярства, ганебны ўчынак, подласць; чараўніца, варажбітка', хаця для старажытнарускай мовы актуальным з'яўляецца толькі значэнне 'празмернасць' (ЭССЯ, вып. 15, с. 95). У большасці іншых славянскіх моў сема 'зло, ганьба' ў гэтым слове прысутнічае: славац. *lichota* 'паслужлівасць, паддобрыванне, кампліменты', ст.-пол. *lichota* (дублет – *lichosć*) 'злосць, злы ўчынак, грэх, пакута, нішчымніна, невялікая колькасць, басота', укр. *лихота* 'запал, ліхадушнасць', бел. *ліхота* 'злосць, раздражненне', *перан.* 'злы дух' (ЭССЯ, вып. 15, с. 95). Варыянт *гнуосъ* (*гнуоса*, *гнуосъ*) выкарыстоўваецца прыкладна ў такіх жа кантэкстах, як і *лихота*: 'паскудства, гніллё' (ГСБМ, вып. 7, с. 12). Праславянская форма **gnusъ* у стараславянскай мове не мела значнай прадуктыўнасці (*гньсъ*); старачэшскі варыянт *hnis* (*hnus*) рэалізаваў значэнне 'бруд, мязгота, брыдота, гной'; польская форма *gnus* актуалізавала зусім іншае значэнне – 'гультай, абібок' (ЭССЯ, вып. 6, с. 183). Назоўнік *пыха* з'яўляецца, верагодна, запазычаннем альбо з чэшскай, альбо з польскай мовы: пол. *puscha*, чэш. *půcha* 'гонар, пагардлівасць, фанабэрылівасць'. Лексічныя варыянты *нечистота*, *посквернение* маюць у сабе агульнаславянскія каранёвыя марфемы і дапаўняюць сінанімічны шэраг з гіперсемай 'заганы'.

5. *Страхъ нападе – трепетъ нападе* (Ю, с. 11); *ужаснулисья красе ея – здивилися красе ея* (Ю, с. 32): адзначаныя варыянты на першы погляд падаюцца абсалютнымі сінонімамі, асабліва з улікам тоеснага кантэксту, але іх утваральныя асновы маюць адрозныя семы. *Страхъ* са значэннем 'здранцвенне' ў славянскіх мовах выступае як прадуктыўны варыянт: чэш. *starch*, пол. *starch*, ст.-балг. *српах* (параўн.: літ. *stregti/stregiu* 'здранцвець, ператварыцца ў лёд') (ЭСРЯ, вып. 3, с. 71). Лексема *трепетъ* (*трепетъ*) рэалізуе значэнне 'трымцець ад глыбокай пашаны, дрыжаць', пол. *trzeptotać*, чэш. *třepetati* – 'пырхаць, трымцець' (ЭСРЯ, вып. 3, с. 135). Дзеяслоўная пара *ужаснулисья* – *здивилися* таксама неадназначная ў плане абсалютнай тоеснасці: чэш. *užas* рэалізуе сему 'здзіўленне, уражанне', *užasnouti* – 'здзівіцца, уразіцца'; славац. *úžas* – 'здзіўленне', *úžasnút* – 'спалохацца, жахнуцца, здзівіцца', пол. *przerasznać się* – 'здзівіцца, жахнуцца' (ЭСРЯ, с. 118). Розніца ў адценнях значэння ў прыведзеных сінонімах праяўляецца ў кантэксте: адпаведныя тэкставыя фрагменты прызначаны для актывізацыі ўвагі чытача і эмацыйнага ўплыву на яго.

6. *Прозиратаи* (ІН, с. 26) – *нагледатаи* (ІН, с. 26) – *согледатаи* (Л, с. 62) – *хороняка* (Б, с. 27) – *испытатели* (ЦІ, с. 111): варыянты *прозиратаи*, *нагледатаи*, *согледатаи* з'яўляюцца адначасова

і словаўтваральнымі, і ўласна лексічнымі варыянтамі. Агульнае кантэкстнае значэнне для дадзеных слоў – ‘чалавек, які адсочвае дынаміку дыслакацыі войск праціўніка’. Дадзеная словаўтваральная мадэль не з’яўляецца прадуктыўнай для царкоўнаславянскай мовы. Словаўтваральны фармант варыянта *испытатели* таксама не суадносіцца з царкоўнаславянскай мовай, бо ў ёй функцыянавала іншае слова – *испытникъ* (*испытание, испытательно, испытати, испытатися, испытати, испытать*) (СДРЯ, т. 1, ч. 2, с. 1141). У выданнях Ф. Скарыны ўжываецца ўнікальнае слова *хороняка*, якое нельга адназначна аднесці ні да чэшскай мовы (там функцыянуюць назоўнікі *tulak, begun*), ні да царкоўнаславянскай (замест назоўніка са значэннем асобы выкарыстоўваюцца дзеясловыя сінонімы *трястися, стелая*). Праславянская форма **horniti się* актуальная для розных славянскіх кантэкстаў: ст.-сл. *хранити* ‘захоўваць, абараняць’, балг. *храня* ‘карміць, даглядаць’, серб.-харв. *хранити се* ‘берагчыся, сілкавацца’, *хранити* ‘карміць, захоўваць’, чэш. *chrániti* ‘абараняць, ахоўваць’, чэш. дыял. *hranít* ‘захоўваць, хаваць, хавацца’ (ЭССЯ, вып. 8, с. 76). Вытворная аснова **hornьba* характэрная толькі для славенскай мовы: *hrāmba* ‘захоўванне, сховішча’, *chraňba* ‘пахаванне’ (ЭССЯ, вып. 8, с. 78–79). Сувязь значэнняў ‘карміць, сілкаваць’ і ‘ахоўваць, захоўваць’ тлумачыцца іх этымалагічнай блізкасцю. Форма **hornpa* ўяўляецца першаснай і прадуктыўнай для выражэння гэтых значэнняў: царк.-сл. *храна* ‘харчаванне, корм, ежа’, чэш. *chrana* ‘ахова’, ст.-пол. *chrona* ‘сховішча, склад’, пол. дыял. *charna* ‘корм для жывёлы’ (ЭССЯ, вып. 8, с. 77). Назоўнік з асабовым значэннем *хороняка*, такім чынам, мае больш шырокае значэнне, у якім перакрываюцца розныя семантычныя акцэнтны.

7. *Яко и тужилецъ тымъ жа обычаемъ будутъ приносити требы* (ЛЧ, с. 69) – *да испереть ризы своя буди то тубылецъ или приходъ* (Л, с. 65) – *вы же пришецы и обыватели на моей земли есте* (Л, с. 95) – *приселникъ азъ у тебе и пришецы* (ИН, 5): у царкоўнаславянскай мове значэнне ‘некарэнны жыхар’ мелі лексічныя адзінкі *приходъ, приходникъ, приходень, приселникъ, пришецы, чужды* (СДРЯ, т. 2, ч. 2, с. 1454). Слова *обыватель* было шматзначным: ‘насельнік, жыхар пэўнай мясцовасці; грамадзянін’ (ГСБМ, вып. 21, с. 319). Лексічныя эквіваленты *тужилецъ, тубылецъ* маюць унікальную структуру і з’яўляюцца тоеснымі паводле значэння. Фармальна гэтыя словы ўяўляюцца складанымі, утворанымі ад прыслоўнай і дзеясловай асноў (*ту + быть; ту + жить*), але ў тэксце яны функцыянуюць як простыя назоўнікі са значэннем асобы.

8. *Ходили кликунове* (ИН, с. 16) – *проповедникъ вопияше гласне* (ПД, с. 18) – *кликунъ* (ЦЗ, с. 361): у выданнях Ф. Скарыны формы *кликунъ* і *проповедникъ* не адрозніваюцца сэнсавы і кантэкстуальна, але прымаюць на сябе пэўнае семантычнае пашырэнне: першае слова мае значэнне ‘вартаўнік, які падаваў гукавыя сігналы; асоба, якая абвешчала заклікі, загады і навіны’ (ГСБМ, вып. 15, с. 120); другое – ‘глашатай, правозвестнік, учитель, провідець’ (СДРЯ, т. 2, ч. 2, с. 1557). Пры гэтым у слоўніку І. І. Сразнеўскага форма *кликунъ* не мае дэфініцыі пры наяўнасці дастаткова выразнага кантэксту: *на Тимошку и иныхъ кликуновъ* (СДРЯ, т. 1, ч. 1, с. 1219).

9. *Доброволенство* (Э, с. 46) – *добродержство* (Э, с. 49) – *добродейание* (Э, с. 47): толькі ўмоўна можна казаць пра сэнсавую блізкасць варыянтаў *доброволенство* ‘вольнасць, свабода, прывілея; прыхільнасць, добразычлівасць’ і *добродейание* ‘добрая справа’ (ГСБМ, вып. 8, с. 140), улічваючы факт невыразнай крыніцы запазычання ці аказіянальнай словатворчасці.

10. *Ковчегъ – корабль* (Б, с. 32): гістарычны слоўнік беларускай мовы проціпастаўляе гэтыя варыянты ў суадносінах з характарам іх выкарыстання. Так, слова *ковчегъ* (*ковчегъ*) мае значэнні ‘каўчэг, карабель’ і ‘сховішча, умяшчальня’ (ГСБМ, вып. 15, с. 170); лексемы *корабль, корабля, корабиль* – значэнне ‘карабель, вёсельнае ці паруснае судна’ (ГСБМ, вып. 15, с. 340). Праславянскія формы **korabъ/*korabь/*korabь* у розных славянскіх мовах сталі асновай для развіцця цэлага шэрагу значэнняў, непасрэдна ці ўскосна звязаных з семай ‘судна’: балг. *кораб* ‘драўляныя ночвы, у якіх перавозяць і ціснуць вінаград’, чэш. *koráb* ‘карабель’, чэш. дыял. ‘дуплісты ствол, дрэва з дуплом, пустая калода, якая прымяняецца замест калодзежнага зруба’, славац. *koráb* ‘карабель (толькі ў біблейскім значэнні), сухі ствол, гнілы зуб, агароджа, за якой адкормлівалі гусей’, ст.-пол. *korab* (у форме роднага склону – *korabia*) ‘судна, карабель, Ноеў каўчэг, старая калымага’. Даследчыкі мяркуюць, што гэта, бадай, адзінае запазычанне ў праславянскай мове з грэчаскай, у якой адпаведнае слова са значэннем ‘судна’ пачало выкарыстоўвацца дастаткова позна – у візантыйскую эпоху. З’яўляючыся памяншальна-ласкальнай формай ад слова са значэннем ‘марскі рак, лангуста’, лексема **korabъ* змяшчае ў сабе ўсе прыкметы вытворнасці (фармант *-ъ*, канцавы націск), таму варта аднесці яе да праславянскіх неалагізмаў (ЭССЯ, вып. 11, с. 47–48). Лексема *ковчегъ* мае вельмі цямную этымалогію: ст.-сл. *ковъчегъ* атаясамлівалася з кубкам, у балгарскай мове *ковчег* абазначае скрыню, куфэрак (ЭСРЯ, т. 2, с. 272).

11. *Львеният распрацишеся* (І, 16) – *распрацаетъ мышления злыхъ* (І, 18) – *розсеялъ всехъ людей по земли* (Б, 45) – *распрацилъ по земли евреевъ* (Б, 44): дзеясловы *распряци, распрягу* ‘раз’яднаць’, *распряцися* ‘развесціся’, *распряити, распряшу* ‘рассеяць, ператварыць у пыл, развець, разгнаць,

знішчыць' у параўнанні з формамі *разсеять, расеяти, расеяти, росеяти, рассею* (рос + сею) 'рас-сеяць, раздаваць' (СДРЯ, т. 3, ч. 1, с. 82) адрозніваюцца выразнай негатыўнай афарбоўкай і толькі падкрэсліваюць значную ступень праяўлення дзеяння.

12. *Погордели приказаниемъ* (Ю, 8) – *занедбали праведного* (ПС, 19): для вызначанай пары лексічных дублетаў магчыма прасачыць сістэму складвання сумы значэнняў (*погордели* 'выявіць пагарду' (ГСБМ, вып. 25, с. 130) – *занедбали* 'пакінуць без увагі, заняджаць' (ГСБМ, вып. 11, с. 11)). У праславянскай мове форма **dъbati*, як мяркуюць даследчыкі, была запазычана з іранскай мовы, а ў розных групах славянскіх моў вызначылася ў сукупнасці значэнняў: ст.-чэш. *tbáti* 'клапаціцца', чэш. *dbáti* 'клапаціцца, звяртаць увагу, даглядаць', славац. *dbať* 'назіраць, звяртаць увагу', пол. *dbać* 'клапаціцца, надаваць значэнне', рус. *дьял. dbать* 'збіраць, памнажаць, ашчаджаць, набываць, рупіцца', укр. *dbati* 'рупіцца, старацца, клапаціцца, звяртаць увагу, набываць' (ЭССЯ, вып. 5, с. 175). Сувязь з лацінскай формай *dubāre* 'сумнявацца', вытворнай ад іран. **dbaya-* 'варагаваць, крыўдзіць', абвяргаецца неадпаведнасцю формы, якая павінна была б выглядаць як **dvojati*. Сувязь паміж формамі **dъbati* і **dybati* 'хадзіць з мэтай знайсці што-небудзь' таксама мае верагоднасны характар (ЭССЯ, вып. 5, с. 175). Форма **gъrdeti się*, у сваю чаргу, набыла шэраг вельмі спецыфічных значэнняў у розных групах славянскіх моў: макед. *grdee* 'блажэць, станавіцца брыдкім, непрыгожым', серб.-харв. *grđeti* (*устар.*, *рэдкае*), чэш. *hrděti* 'станавіцца пагардлівым, ганарыстым', ст.-рус. *гърдети, гордети* 'ганарыцца' (ЭССЯ, вып. 7, с. 128). Варыянт **gъrditi się* (ст.-сл. *гърдити, гърждоу* 'рабіцца ганарыстым, фанабэрыстым'; макед. *grdi* 'рабіць брыдкім, непрыгожым'; славен. *grđiti* 'рабіцца брыдкім, непрыгожым, блазнаваць, маніць'; пол. *gardzić* 'грэбаваць, недаацэньваць' (ЭССЯ, вып. 7, с. 202)) утрымлівае тую ж сему. У межах вызначаных кантэкстаў лексічныя варыянты *погордети* і *занедбати* вылучаюцца тоеснасцю значэнняў.

13. *Ошеметники – хытроки* (І, с. 85): лексема *ошеметник* са значэннем 'вераломны, каварны чалавек' (ГСБМ, вып. 23, с. 368) некалькі разоў фігуруе ў Старым Запавеце і ў пэўнай ступені суадносіцца са словам *хытрок* (*хитрок*). Форма **хутрина* і вытворныя ад яе словы спалучылі ў сабе некалькі вельмі адрозных значэнняў: царк.-сл. *хытрина* 'спрытнасць, хітрасць', макед. *итрина* 'кемлівасць', серб.-харв. *хитрина* 'хуткасць'; форма **хутрити (się)* рэалізавалася ў наступных адзінках: царк.-сл. *хытрити* 'хітрыць, вымантачваць, падманваць', серб.-харв. *hitriti* 'спяшацца, рабіць хутка', чэш. *chztriti* 'меркаваць, разважаць', пол. *рэдкае chytrzyć* 'рабіць хітрым, хітрыць, выгадваць, квапіцца' (ЭССЯ, вып. 7, с. 55). У адносінах да назоўніка са значэннем асобы – *хытрок* (*хитроки*) – фармант не прэзентуе чэшскую словаўтваральную мадэль і толькі фармальна адпавядае царкоўнаславянскай форме *хытрокъ* 'майстар' (СДРЯ, т. 3, ч. 2, с. 1492). Форма **хубрьсь* у стараславянскай мове вызначылася ў назоўніку *хубрьсь* 'рамеснік, знаўца, майстар, мастак', захаваліся старачэшкія і старапольскія формы: адпаведна *chyřec* 'разумны, хітры чалавек', *рэдкае* 'мастак' і *chytrzec* 'хітрон' (ЭССЯ, вып. 8, с. 164). Сема каварнасці, аднак, у гэтых формах не прасочваецца, дадзеная пара лексічных дублетаў уяўляецца кантэкстуальнымі сінонімамі.

Такім чынам, у выданнях кніг Бібліі Ф. Скарыны атрымала рэалізацыю формульнасць старажытнага тэксту, калі ў слове раскрываўся асацыятыўны семантычны патэнцыял у выглядзе існавання розных долей (слаёў) у структуры значэння. Варыянтнасць як з'ява дазваляе прасачыць характар генералізацыі і адаптацыі частак значэння ў розных моўных абалонках.

Скарачэнні

Б – Быццё; **І** – Іоў; **ІН** – Ісус Навін; **КС** – Кнігі Суддзяў; **Л** – Левіт; **ЛЧ** – Лічбы; **П** – Псалтыр; **ПД** – Кніга прарока Данііла; **ПЕ** – Плач Ераміі; **ПС** – Прытчы Саламонавы; **Ц1** – 1-я кніга Царстваў; **Ц2** – 2-я кніга Царстваў; **Ц3** – 3-я кніга Царстваў; **Э** – Эсфір; **Ю** – Юдзіф; **ГСБМ** – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1982–2016. Вып. 1–36; **СДРЯ** – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. М., 1988. Т. 1–10; **ЭСБМ** – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы : у 12 т. / рэдкал.: В. У. Мартынаў [і інш.]. Мінск, 1978–2008. Т. 1–12; **ЭСРЯ** – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1986. Т. 1–4; **ЭССЯ** – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1975–1990. Вып. 2–17.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Клімаў І. П.* Функцыянаванне і ўзаемадзеянне розных славянскіх моў у ВКЛ // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка : XV Міжнар. з'езд славістаў (Мінск, 20–27 жн. 2013 г.) : дакл. беларус. дэлегацыі. Мінск, 2013. С. 59–72.
2. *Струкава С. М.* Лексіка беларускай мовы: гісторыя і сучаснасць. Мінск, 2008.
3. *Панин Л. Г.* История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск, 1995.
4. *Солнцев В. М.* Вариантность // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 120.
5. *Лавриненко А. Т.* К вопросу о лексических вариантах в лингво-исторических исследованиях // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П. П. Шубы) : материалы III Междунар. науч. конф. (Минск, 6–7 апр. 2006 г.) : в 2 ч. Минск, 2006. Ч. 1. С. 82–85.

6. Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.
7. Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977.

References

1. Klimau I. P. Functioning and interaction of the different Slavic languages in Grand Duchy of Lithuania. *Movaznavstva. Litaraturaznavstva. Fal'klarystyka* : XV Mizhnarodny z'ezd slavistaw (Minsk, 20–27 August, 2013) : daklady belarus. djelegacyi. Minsk, 2013. P. 59–72 (in Belarus.).
2. Strukava S. M. Leksika belaruskaj movy: gistoryja i suchasnasc' [Lexic of Belarusian language: the history and modernity]. Minsk, 2008 (in Belarus.).
3. Panin L. G. Istoriya tserkovnoslavyanskogo yazyka i lingvisticheskaya tekstologiya [The history of the Old Church Slavonic and linguistic textology]. Novosibirsk, 1995 (in Russ.).
4. Solntsev V. M. Variantnost' [Variation]. In: *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, 1990. P. 120 (in Russ.).
5. Lavrinenko A. T. To the question of lexical variants in linguistic and historical studies. *Russkii yazyk: sistema i funktsionirovanie (k 80-letiyu professora P. P. Shuby)* : materialy III Mezhdunar. nauchn. konf. (Minsk, 6–7 April, 2006) : in 2 parts. Minsk, 2006. Part 1. P. 82–85 (in Russ.).
6. Zhukovskaya L. P. Tekstologiya i yazyk drevneishikh slavyanskikh pamyatnikov [Textology and language ancient slavic literary monuments]. Moscow, 1976 (in Russ.).
7. Cejtin R. M. Leksika staroslavjanskogo yazyka. Opyt analiza motivirovannykh slov po dannym drevnebolgarskikh rukopisei X–XI vv. [Lexic of Old Slavonic. The experience of analyzing motivated words according to ancient Bulgarian manuscripts X–XI centuries]. Moscow, 1977 (in Russ.).

Артыкул паступіў у рэдакцыю 11.01.2017.
Received by editorial board 11.01.2017.

УДК 821.111(73)09«18/20»-32+821.161.1.09«18/20»-32+81'42

**ДИАХРОНИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ПРЕДСТАВЛЕНИИ КОММУНИКАЦИИ
(на материале русских и американских рассказов
рубежа XIX–XX и XX–XXI вв.)**

А. П. МЕРЧИ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

На материале 24 русских и американских рассказов рубежа XIX–XX и XX–XXI вв. с примерно равным объемом повествования от первого и третьего лица исследовано количественное соотношение в текстовой ткани произведений таких компонентов, как наррация (авторское повествование) и коммуникация персонажей, представленная в виде прямой речи либо пересказа нарратора (более или менее свернутая речь). Установлено, что средний удельный вес коммуникативного компонента в рассмотренных рассказах на протяжении XX в. представлял собой некую константу, заполняя приблизительно четверть объема произведения. Средний удельный вес прямой речи в коммуникативном компоненте уменьшился на 1,5 %, что указывает на снижение изобразительности в представлении общения. Отмечено, что дисперсия различий в удельном весе коммуникативного компонента рассказов за столетие существенно повысилась: в рассказах рубежа XIX–XX вв. он составляет 11,1–70,5 %, в текстах рубежа XX–XXI вв. равен 9,2–44,9 %, что свидетельствует о возрастании разнообразия рассказов в аспекте представления коммуникации. Выявлено, что в произведениях рубежа XX–XXI вв., повествование в которых ведется от первого лица, несколько вырос по сравнению с рассказами рубежа XIX–XX вв. средний удельный вес прямой речи в составе коммуникативного компонента (с 75,7 до 77,8 %), в чем можно видеть компенсацию неполноты представления коммуникации в свернутом пересказе с помощью более сосредоточенного изображения некоторых важных сцен общения персонажей в прямой речи. Утверждается, что в рассказах, написанных от третьего лица, за столетие увеличился средний удельный вес свернутой речи (с 13,6 до 19,3 %) и наррации (с 65,7 до 77,0 %): авторы рубежа XX–XXI вв. более сжато излагают речь героев, но полнее интерпретируют рассказанное, пренебрегая в представлении общения героев «документальностью» прямой речи.

Ключевые слова: межличностная коммуникация; наррация; прямая речь; свернутая речь; рассказ; диахрония; повествование от первого лица; повествование от третьего лица.

**DIACHRONIC DIFFERENCES IN LITERARY
REPRESENTATION OF COMMUNICATION
(based on the Russian and American short stories
at the turn of the XIX–XX and the XX–XXI centuries)**

A. P. MERCHY^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Based on the material of the 24 Russian and American short stories separated by the XX century (approximately with the equal proportion of first-person and third-person narrative for two synchronous turns) it is analyzed the quantitative ratio of the following components of a text: the author's narration, characters' communication, represented in two forms:

Образец цитирования:

Мерчи А. П. Диахронические различия в художественном представлении коммуникации (на материале русских и американских рассказов рубежа XIX–XX и XX–XXI вв.) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 1. С. 73–83.

For citation:

Merchy A. P. Diachronic differences in literary representation of communication (based on the Russian and American short stories at the turn of the XIX–XX and the XX–XXI centuries). *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 1. P. 73–83 (in Russ.).

Автор:

Александра Павловна Мерчи – аспирантка кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. Б. Мечковская.

Author:

Aleksandra Merchy, postgraduate student at the department of theoretical and Slavic linguistics, faculty of philology.
alexandra.merchi@yandex.ru

as direct speech and as narrator's retelling (more or less compressed speech). It is determined that the average unit weight of a communicative component in the analyzed short stories represents some constant during the XX century and takes about a quarter of the volume of the text while the average unit weight of the direct speech in all the volume of communication is reduced by 1,5 % that shows the reduction of the depiction in representation of communication. In two chronological groups of the short stories the dispersion of the distinctions in unit weights of the communicative component increased significantly during the century: 11,1–70,5 % in the stories of the turn of the XIX–XX centuries and 9,2–44,9 % in the texts of the turn of the XX–XXI centuries; it shows the increase of the variety of the short stories in the aspect of the representation of communication. In the analyzed stories with the first-person narrative the average unit weight of the direct speech as a part of a communicative component increased a little during the century (from 75,7 to 77,8 %): it is possible to observe the compensation of incompleteness of representation of communication in the compressed retelling by means of more concentrated depiction of some important scenes of characters' communication in direct speech. In the stories with the third-person narrative the average unit weight of the compressed speech and the narration increased during the century: the authors represent the speech of the heroes more concisely, but interpret it more fully, neglecting the authenticity of the direct speech in representation of the heroes' communication.

Key words: interpersonal communication; narration; direct speech; compressed speech; short story; diachrony; first-person narrative; third-person narrative.

1. Вопрос об исторических переменах в способах представления коммуникации в художественной прозе. Языковая ткань прозаических произведений состоит из текста рассказчика (наррации) и текста персонажей, причем организующая и связующая роль принадлежит речи нарратора. Повествовательная и драматургическая поэтика разграничивались еще в Античности Платоном и Аристотелем в понятиях «диегесис» (от греч. διήγησις 'повествование') и «мимесис» (от греч. μίμησις 'подобие, подражание'). Для повествователя текст персонажей является своего рода вкраплениями «чужой» речи в нарратив, или, как писал М. М. Бахтин, это «речь в речи, высказывание в высказывании, но в то же время это и речь о речи, высказывание о высказывании» [1, с. 113]. Коммуникативная природа литературы и осуществление внутритекстовой коммуникации давно интересовали крупных специалистов [2–7].

Первоначально эпическое повествование в зачине (вступлении) велось вполне эксплицитным рассказчиком (рапсодом, сказителем былин, эддических преданий, саг), передававшим истории о событиях прошлого, в которых он сам не участвовал. С развитием искусства слова формы повествования изменялись и усложнялись, например когда в наррации стал ощущаться «голос» героя в случае «свободного косвенного дискурса» [8, с. 206]. Во многом именно изменения в формах повествования повлияли на способы представления общения героев.

2. Материал исследования. В качестве источников данного исследования проанализированы 24 русских и американских рассказа рубежа XIX–XX и XX–XXI вв. Произведения представляют собой образцы реалистической литературы и являются немаркированными, т. е. не принадлежат к таким жанровым разновидностям, как детектив, научно-фантастический или мистический, приключенческий, юмористический или сатирический, исторический или авантюрный рассказы и т. д. Подкорпус текстов рубежа XIX–XX вв. (далее – ранние рассказы) представлен произведениями А. И. Куприна, В. В. Вересаева, Дж. Лондона и Э. Уортона, а подкорпус текстов рубежа XX–XXI вв. (далее – поздние рассказы) включает произведения В. А. Пьецуха, В. С. Токаревой, Дж. Лахири и С. Липсайта (табл. 1). Отбор исследуемого материала происходил практически случайным образом: единственным требованием, предъявляемым к текстам, был примерно равный объем рассказов, повествование в которых ведется от первого или третьего лица.

Таблица 1

Материал исследования

Table 1

Research material

№ п/п	Условное обозначение рассказа	Библиографическое описание цитируемого издания	Объем, печатные листы
1	Вер. I-1л	<i>Вересаев В. В.</i> К спеху [1897] // <i>Вересаев В. В. Сочинения</i> : в 4 т. М., 1948. Т. 1. С. 247–251	0,17
2	Вер. II-3л	<i>Вересаев В. В.</i> Встреча [1902] // <i>Вересаев В. В. Сочинения</i> : в 4 т. М., 1948. Т. 1. С. 423–436	0,64
3	Купр. I-1л	<i>Куприн А. И.</i> К славе [1894] // <i>Куприн А. И. Полн. собр. соч.</i> : в 10 т. М., 2006. Т. 2 : Повести. Рассказы. Очерки. Пьеса. С. 423–452	1,55

Окончание табл. 1
Ending table 1

№ п/п	Условное обозначение рассказа	Библиографическое описание цитируемого издания	Объем, печатные листы
4	Купр. II-3л	<i>Куприн А. И.</i> Тапер [1900] // Куприн А. И. Полн. собр. соч. : в 10 т. М., 2006. Т. 2 : Повести. Рассказы. Очерки. Пьеса. С. 460–472	0,61
5	Купр. III-3л	<i>Куприн А. И.</i> Болото [1902] // Куприн А. И. Полн. собр. соч. : в 10 т. М., 2006. Т. 2 : Повести. Рассказы. Очерки. Пьеса. С. 188–204	0,9
6	Lond. I-3л	<i>London J.</i> To the man on trail ‘За человека в пути’ [1898] // London J. The unabridged Jack London. Philadelphia, 1981. P. 65–72	0,43
7	Lond. II-3л	<i>London J.</i> The priestly prerogative ‘Привилегия священника’ [1899] // London J. The unabridged Jack London. Philadelphia, 1981. P. 73–84	0,63
8	Lond. III-1л	<i>London J.</i> The king of the Greeks ‘Король греков’ [1902] // London J. The unabridged Jack London. Philadelphia, 1981. P. 1090–1098	0,51
9	Lond. IV-1л	<i>London J.</i> A raid on the oyster pirates ‘Набег на устричных пиратов’ [1902] // London J. The unabridged Jack London. Philadelphia, 1981. P. 1099–1107	0,52
10	Lond. V-1л	<i>London J.</i> The siege of the «Lancashire Queen» (‘Осада «Ланкаширской королевы»’) [1903] // London J. The unabridged Jack London. Philadelphia, 1981. P. 1108–1116	0,54
11	Whart I-1л	<i>Wharton E.</i> The pelican ‘Пеликан’ // Wharton E. Collected stories 1891–1910. New York, 2001. P. 76–94	1,02
12	Whart II -1л	<i>Wharton E.</i> A journey ‘Поездка’ // Wharton E. Collected stories 1891–1910. New York, 2001. P. 65–75	0,59
13	Пьец. I-1л	<i>Пьецух В. А.</i> Анамнез и Эпикриз [1989] // Пьецух В. А. Я и прочее : циклы, рассказы, повести, роман. М., 1990. С. 125–150	1,31
14	Пьец. II-3л	<i>Пьецух В. А.</i> Он никогда не сидел в тюрьме... [1989] // Пьецух В. А. Искусство существования : эссе, рассказы. М., 2009. С. 169–178	0,4
15	Пьец. III-3л	<i>Пьецух В. А.</i> Авель и сыновья [2001] // Пьецух В. А. Искусство существования: эссе, рассказы. М., 2009. С. 189–197	0,41
16	Пьец. IV-3л	<i>Пьецух В. А.</i> Дачники [2001] // Пьецух В. А. Искусство существования: эссе, рассказы. М., 2009. С. 178–189	0,45
17	Ток. I-1л	<i>Токарева В. С.</i> «Система собак» [1996] // Токарева В. С. Сентиментальное путешествие : рассказы, повести. М., 1998. С. 7–33	1,2
18	Ток. II-1л	<i>Токарева В. С.</i> Искусственный пруд [2012] // Токарева В. С. Короткие гудки: рассказы и повесть. СПб., 2015. С. 76–107	0,82
19	Ток. III-3л	<i>Токарева В. С.</i> Короткие гудки [2012] // Токарева В. С. Короткие гудки : рассказы и повесть. СПб., 2015. С. 49–75	0,72
20	Lah. I-3л	<i>Lahiri J.</i> Interpreter of maladies ‘Толкователь болезней’ [1999] // Lahiri J. Interpreter of maladies. London, 1999. P. 43–69	1,14
21	Lah. II-3л	<i>Lahiri J.</i> Mrs. Sen’s ‘Миссис Сен’ [1999] // Lahiri J. Interpreter of maladies. London, 1999. P. 111–135	1,07
22	Lah. III-1л	<i>Lahiri J.</i> The third and final continent ‘Третий и последний континент’ [1999] // Lahiri J. Interpreter of maladies. London, 1999. P. 173–198	1,08
23	Lip. I-1л	<i>Lipsyte S.</i> This appointment occurs in the past ‘Эта встреча происходит в прошлом’ [2012] // Lipsyte S. New American stories. New York, 2015. P. 256–275	0,74
24	Lip. II-3л	<i>Lipsyte S.</i> The naturals ‘Обычные люди’ [2014] // Lipsyte S. The New Yorker [Electronic resource]. 2015. URL: http://www.newyorker.com/magazine/2014/05/05/the-naturals (date of access: 06.06.2016)	0,77

3. Оппозиции текстовых компонентов рассказа, соотношение которых значимо для характеристики способов представления коммуникации в произведении. По отношению к представленной в рассказе межличностной коммуникации героев наррация выступает как тот событийно-информационный фон, контекст, в котором с разной полнотой отражено общение персонажей. По своему

содержанию наррация неоднородна: в нее включено не только собственно повествование (рассказ о событиях, описываемых в произведении) в его разных формах (например, свободный косвенный дискурс), но и иные композиционные элементы: характеристики; описания пейзажей, интерьеров, портретов; комментарии и размышления рассказчика, его лирические отступления и др. В совокупности коммуникация и наррация образуют ткань всего текста. Так, в приведенном ниже фрагменте коммуникативным компонентом является прямая речь двух героев, а наррацией – авторское сопровождение прямой речи, выделенное в цитате:

– Никто меня не понимает, – услышал я сквозь рыдания, а чей-то голос с другого конца
стола запел что есть мочи:
И никому меня не жаль (Купр. I-1л, с. 444)¹.

Коммуникативный компонент представлен в художественном тексте в двух формах: как прямая речь и как авторский пересказ речи или разговоров героев, который может быть в разной степени свернутым. В аспекте противопоставления «изображение vs интерпретация» прямая речь изображает живое общение героев, а свернутая речь модифицирует его по авторскому усмотрению и поэтому выступает интерпретирующим представлением коммуникации.

В одних случаях речь героев может быть максимально свернута: *Charley walked aft and spoke to him [Taft]* (Lond. IV-1л, р. 1115) ‘Чарли пошел на корму и заговорил с ним [Тафтом]’². В данном контексте важно только указание на контакт, имеющий значение для героев. В других случаях свернутая речь становится близкой к передаваемой «предположительной» реплике: *Он сознался, что увлекся, что ему не следовало бы всего этого говорить и что в конце концов он согласен давать уроки* (Купр. I-1л, р. 434). Во фрагментах свернутой речи передаются и сложные речевые действия, состоящие из ряда речевых актов: споры, ссоры, обсуждения, уговоры и др. (о сложных речевых действиях см. [9, с. 159; 10]). Предельно компрессированная передача коммуникации наблюдается в данном фрагменте: *Мы с Ханной пили кофе и беседовали* (Ток. II-1л, с. 81). Основными моделями свернутого представления речи героев являются следующие: 1) удержание темы реплики или диалогического единства (*В следующую пятницу, когда они снова сошлись в «Кристалле», Коромыслов рассказал Арнольду о человеке с необыкновенно высоким лбом и отдал пакет* (Пьец. II-3л, с. 172)); 2) представление ремы речевого действия (*Ты говоришь, говоришь и слушаешь меня* (Ток. I-1л, с. 22)); 3) удержание темы и ремы реплики или диалогического единства (*Валька любил говорить о тебе гадости* (Ток. I-1л, с. 25)); 4) «реконструирование» автором иллокутивных сил высказывания (*Я торопливо попрощалась и покинула дом Ханны* (Ток. II-1л, с. 87)); 5) представление нескольких содержательных компонентов реплики (*Я позвонила домой Вальке и сообщила с ленцой: вряд ли у меня получится по времени, меня пригласили на другой фильм* (Ток. I-1л, с. 11)); 6) пересказ содержания реплики с «цитатным» словом или словосочетанием (*Не далее как на прошлое Рождество ее [Тину] в это время запирали с младшей сестрой Катей и с ее сверстницами в детскую, уверяя, что в зале нет никакой елки, а что «просто только пришли полотеры»* (Купр. II-3л, с. 331)).

Передача автором речи или разговора героев практически не соответствует той, которая в нормативных грамматиках называется «косвенная речь», представляемая в форме изъяснительного предложения [11, с. 485]. В косвенной речи содержится лексика прямой речи и регулярно меняются показатели лица, иногда в ней также редуцируется, отчасти нейтрализуется эмоционально-модальное содержание. Сравним, например, прямую речь и ее косвенную передачу: *«Ты что несешься как угорелый, я не поспеваю», – сердился Степка / Степка сердился, что я несусь (иду, бегу слишком быстро) как угорелый и он не поспевает за мной.*

Инструментами интерпретации свернутой речи являются более или менее сжатый пересказ диктального содержания речи и (или) экспликация модуса путем раскрытия иллокуции реплики. Так, во фрагменте *В четверг Арнольд позвонил Коромыслову на работу и сообщил, будто бы бандиты велели им немедленно явиться на «малину» для объяснений* (Пьец. II-3л, с. 173) свернутая речь включает иллокутивный глагол речи (*сообщил*) и изложенное повествователем содержание, присоединенное с помощью союза *будто бы*, который указывает на неуверенность говорящего в достоверности передаваемой информации. В объем свернутой речи не входят обозначения коммуникантов.

¹Сокращенные ссылки на цитируемые рассказы раскрыты в табл. 1 «Материал исследования». При цитировании фамилия автора передается сокращенно; порядковый номер рассказа, обозначенный римской цифрой, в корпусе произведений конкретного автора соответствует хронологии написания; обозначения «Iл» и «3л» указывают на форму повествования от первого или третьего лица соответственно.

²Семантизация английских фрагментов текстов (в том числе названий рассказов) представляет собой дословный перевод и отличается от изданных художественных переводов.

4. Методика выделения и количественной оценки объема нарративного и коммуникативного фрагментов текста, а также фрагментов, передающих свернутую речь героев. Для характеристики способов представления коммуникации важно дать количественную оценку удельного веса четырех текстовых компонентов в ткани рассказа. В рамках данного исследования объемы рассматриваемых рассказов и всех перечисленных компонентов текста в знаках были переведены в печатные листы из расчета 40 тыс. знаков с пробелами на 1 печатный лист (см. табл. 1). Для определения объема прямой речи из текстов рассказов были вычленены собственно реплики героев без авторских сопровождений. Основанием для выделения фрагментов свернутой речи являлось наличие глагола речи или его контекстуального синонима (например, *случился диспут*) и синтаксически зависимой группы, передающей содержание разговора. Для каждого рассказа было вычислено процентное соотношение коммуникации к общему объему произведения и удельный вес прямой и свернутой речи в общем объеме коммуникативного компонента.

5. Изменение соотношения текстовых компонентов в оппозициях, релевантных для представления общения героев. Сравним средний удельный вес коммуникативного компонента и прямой речи внутри коммуникации в ранних и поздних рассказах (табл. 2).

Таблица 2

**Оппозиция «наррация vs коммуникация» и «прямая vs свернутая речь»
в диахроническом аспекте на материале исследованных рассказов**

Table 2

**The opposition «narration vs communication» and «direct vs compressed speech»
in diachronic aspect based on the material of the analyzed short stories**

Название компонента	Среднеарифметический показатель удельного веса компонентов в структуре текста рассказа, %	
	Ранние рассказы	Поздние рассказы
Коммуникация персонажей во всем текстовом объеме произведений	29,4	24,7
Прямая речь во всем объеме коммуникации	81,0	79,5
Прямая речь во всем текстовом объеме произведений	24,9	20,4

Примечание. Составлено автором.

Средний удельный вес коммуникативного компонента (в двух его разновидностях – прямой и свернутой речи) в рассмотренных русских и американских рассказах на протяжении XX в. представлял собой некоторую константу, заполняя примерно четверть объема произведения.

Средний удельный вес прямой речи в составе коммуникативного компонента в поздних рассказах уменьшился на 1,5 % (по сравнению с ранними рассказами), что говорит о снижении изобразительности в представлении общения. В целом за столетие средний удельный вес прямой речи в общем объеме проанализированных произведений также уменьшился, о чем свидетельствуют данные табл. 2. В рассмотренных произведениях современной художественной прозы почти не представлены длинные диалоги героев, с помощью которых писатели раньше создавали образы персонажей. Авторы проанализированных поздних рассказов предпочитают передавать речь героев своими словами, тем самым ускоряя развитие сюжета. В целом передача речи становится фрагментарной. Снижение удельного веса прямой речи в современной прозе, в частности в русских, белорусских и немецких повестях, исследователи связывают с семиотической тенденцией к более лаконичной передаче информации, в том числе художественной: «Синтаксически развернутая, интеллектуально и идеологически насыщенная речь героев стала восприниматься как искусственная, неправдоподобная» [12, s. 458]. Современные писатели стремятся к реалистичному отражению речи героев; в прозе преобладают короткие реплики, полупустые в информационном плане, однако изображающие живую и естественную речь.

5.1. Изменения в пропорциях наррации и коммуникации. В табл. 3 показан удельный вес коммуникативного компонента в корпусе ранних рассказов с формой повествования от первого лица. Цифры позволяют судить о соотношении коммуникации и наррации в каждом отдельном тексте, поскольку названные компоненты в совокупности образуют ткань всего рассказа (100 %). При уменьшении удельного веса коммуникации увеличивался удельный вес наррации.

Таблица 3

Рейтинг ранних рассказов с повествованием от первого лица,
составленный по убыванию коммуникативного компонента текста

Table 3

The rating of the analyzed early short stories with the first-person narrative arranged
according to the decrease of the communicative component of the text

Автор, название рассказа	Удельный вес коммуникативного компонента текста, %
Уортон Э. <i>The pelican</i> 'Пеликан'	38,2
Вересаев В. В. К спеху	29,5
Куприн А. И. К славе	27,7
Лондон Дж. <i>A raid on the oyster pirates</i> 'Набег на устричных пиратов'	25,0
Лондон Дж. <i>The king of the Greeks</i> 'Король греков'	15,7
Лондон Дж. <i>The siege of the «Lancashire Queen»</i> 'Осада «Ланкаширской королевы»'	11,1
Средний удельный вес	19,9

Из табл. 3 видно, что коммуникативный компонент занимает небольшой объем в ранних рассказах с повествованием от первого лица. В произведении Э. Уортон коммуникация представлена в большем объеме. Диегетический нарратор¹ в рассказе *The pelican* 'Пеликан' ограничен в своих знаниях и восприятии происходящего своим «полем зрения» как очевидец событий, поэтому наиболее полно – в виде реплик прямой речи – он передает разговоры, в которых принимал участие сам.

В табл. 4 показан удельный вес коммуникативного компонента в подвыборке поздних рассказов с формой повествования от первого лица.

Таблица 4

Рейтинг рассмотренных поздних рассказов с повествованием от первого лица,
составленный по убыванию коммуникативного компонента текста

Table 4

The rating of the analyzed late short stories with the first-person narrative arranged
according to the decrease of the communicative component of the text

Автор, название рассказа	Удельный вес коммуникативного компонента текста, %
Пьецух В. А. Анамнез и Эпикриз	44,3
Липсайт С. <i>This appointment occurs in the past</i> 'Эта встреча происходит в прошлом'	36,5
Токарева В. С. Искусственный пруд	31,7
Лахири Дж. <i>The third and final continent</i> 'Третий и последний континент'	13,0
Токарева В. С. «Система собак»	9,2
Средний удельный вес	26,9

Самый высокий удельный вес коммуникативного компонента отмечен в практически бессюжетном рассказе В. А. Пьецуха «Анамнез и Эпикриз», действие которого происходит в больничной палате, в которой собралась довольно пестрая мужская компания: милиционер, грузчик, мелкий профсоюзный работник, слесарь-наладчик, профессиональный вор и рассказчик – «гнилой интеллигент» (по заключению персонажей):

Тут в перепалку вмешался я:

– Послушайте, Эдуард, вы все-таки тоже держите себя в руках.

– А гнилой интеллигенции мы вообще не давали слова, – отбрил меня Чегодаев

(Пьец. I-1л, с. 143).

¹В нарратологии – теории повествования, в которой тесно переплетены идеи структуралистов и коммуникативные представления о природе словесного искусства, – предлагают различать диегетического и недиегетического нарратора с учетом присутствия рассказчика в повествуемом мире [7, с. 82].

В этом же рассказе выявлен самый высокий удельный вес прямой речи в общем объеме коммуникативного компонента среди поздних рассказов с формой повествования от первого лица. Герои произведения общаются «от нечего делать», рассказывая друг другу свои истории, и изредка спорят.

Средний удельный вес коммуникации в рассмотренных поздних рассказах более высокий, чем в ранних рассказах, что может свидетельствовать об усилении писательских представлений о важности общения персонажей и передаваемой ими информации в описываемых историях.

Дисперсность различий удельного веса коммуникативного компонента в корпусе ранних рассказов с повествованием от первого лица составляет 11,1–38,2 %, в то время как в поздних рассказах с аналогичной формой изложения этот процент выходит за границы и минимального, и максимального показателей удельного веса коммуникации в ранних рассказах (9,2–44,3 %). Это говорит о том, что в современной прозе повысилось разнообразие форм в аспекте представления коммуникации.

Для определения изменений в соотношении обозначенных текстовых компонентов сравним результаты анализа на материале ранних рассказов с повествованием от третьего лица (табл. 5, 6).

Таблица 5

Рейтинг исследованных ранних рассказов с повествованием от третьего лица, составленный по убыванию коммуникативного компонента текста

Table 5

The rating of the analyzed early short stories with the third-person narrative arranged according to the decrease of the communicative component of the text

Автор, название рассказа	Удельный вес коммуникативного компонента текста, %
Вересаев В. В. Встреча	70,5
Лондон Дж. <i>To the man on trail</i> 'За человека в пути'	39,5
Лондон Дж. <i>The priestly prerogative</i> 'Привилегия священника'	33,3
Куприн А. И. Болото	27,8
Куприн А. И. Тапер	21,3
Уортон Э. <i>A journey</i> 'Поездка'	13,6
Средний удельный вес	34,3

Высокий удельный вес коммуникативного компонента в рассказе В. В. Вересаева «Встреча» связан с композицией произведения: основу текста составляет длинный диалог, направление которого задается «запутанным» жизнью учителем математики из Москвы.

В табл. 6 показан удельный вес коммуникативного компонента в подвыборке поздних рассказов с формой повествования от третьего лица.

Таблица 6

Рейтинг исследованных поздних рассказов с повествованием от третьего лица, составленный по убыванию коммуникативного компонента текста

Table 6

The rating of the analyzed late short stories with the third-person narrative arranged according to the decrease of the communicative component of the text

Автор, название рассказа	Удельный вес коммуникативного компонента текста, %
Пьецух В. А. Дачники	44,9
Липсайт С. <i>The naturals</i> 'Обычные люди'	32,5
Лахири Дж. <i>Interpreter of maladies</i> 'Толкователь болезней'	26,3
Лахири Дж. <i>Mrs. Sen's</i> 'Миссис Сен'	20,6
Пьецух В. А. Авель и сыновья	14,6
Пьецух В. А. Он никогда не сидел в тюрьме...	12,5
Токарева В. С. Короткие гудки	9,7
Средний удельный вес	23,0

Среди рассмотренных поздних рассказов самым высоким показателем удельного веса коммуникативного компонента выделяется произведение В. А. Пьецуха «Дачники». Во многом это обусловлено передачей автором «болтовни» персонажей, мало значимой для развития сюжета. По существу, в рассказе нет событий, создающих сюжет: *...чуть ли не каждый вечер собиралась компания деревенских соседей, которые почти не знали в Москве, а тут любили посидеть вместе, потолковать о том о сем, выпить и закусить* (Пьец. IV-Зл, с. 179). Полилог героев совершенно бессодержателен: герои не спорят друг с другом и не соглашаются, они «просто говорят», не слушая друг друга (нет «обратной связи», когда на реплики говорящего следует вербальная или невербальная реакция адресата).

Сопоставление двух хронологических групп рассказов с формой повествования от третьего лица показывает, что средний удельный вес коммуникации за столетие снизился на 11,3 %. Соответственно, в рассмотренных рассказах на протяжении века усиливалась значимость нарративного компонента, т. е. непосредственного авторского голоса (интерпретативного и пренебрегающего подробностями коммуникативной деятельности героев), в ущерб «самостоятельности» персонажей.

5.2. Изменения в пропорциях прямой и свернутой речи. Уменьшение объема прямой речи в коммуникативном компоненте произведений означает возрастание объема свернутой речи и повышение интерпретативности представления общения. Сравним удельный вес прямой речи в подвыборке ранних рассказов с формой повествования от первого лица (табл. 7).

Таблица 7

Рейтинг рассмотренных ранних рассказов с повествованием от первого лица, составленный по убыванию удельного веса прямой речи в коммуникативном компоненте текста

Table 7

The rating of the analyzed early short stories with the first-person narrative arranged according to the decrease of the unit weight of the direct speech within the communicative component

Автор, название рассказа	Удельный вес прямой речи в составе коммуникативного компонента текста, %
Вересаев В. В. К спеху	99,6
Лондон Дж. <i>A raid on the oyster pirates</i> 'Набег на устричных пиратов'	84,6
Куприн А. И. К славе	76,7
Лондон Дж. <i>The king of the Greeks</i> 'Король греков'	75,0
Лондон Дж. <i>The siege of the «Lancashire Queen»</i> 'Осада «Ланкаширской королевы»'	66,7
Уортон Э. <i>The pelican</i> 'Пеликан'	51,3
Средний удельный вес	75,7

В рассказе В. В. Вересаева практически весь коммуникативный компонент состоит из прямой речи. Из разговоров героев читатель, как и рассказчик-протагонист, узнает о том, что крестьянин, оставшись с тремя детьми на руках после смерти жены, ездит по деревням и ищет «к спеху» жену-работницу в страдную пору.

Презумпция автобиографизма (*я сам это видел*), характерная для повествования с формой изложения от первого лица [13, с. 346], реализуется в цикле рассказов Дж. Лондона «Рассказы рыбацкого патруля», которые представлены в табл. 7. Сюжеты этих произведений строятся отчасти на реальных событиях из жизни автора: пятнадцатилетним подростком Дж. Лондон попал на службу в рыбацкий патруль, который боролся с браконьерами, и прослужил там около двух лет. Так, в рассказе *A raid on the oyster pirates* 'Набег на устричных пиратов' диегетический повествователь как будто воссоздает события и историю в целом такими, какими они были на самом деле. Через реплики прямой речи герои и читатель узнают о щедром вознаграждении, обещанном неким владельцем устричных отмелей тому, кто сможет захватить с поличным браконьеров, о внедрении патрульных в банду «устричных пиратов» и т. д.

Сравним удельный вес прямой речи в выборке поздних рассказов с формой повествования от первого лица (табл. 8).

Таблица 8

Рейтинг рассмотренных поздних рассказов с повествованием от первого лица, составленный по убыванию удельного веса прямой речи в коммуникативном компоненте текста

Table 8

The rating of the analyzed late short stories with the first-person narrative arranged according to the decrease of the unit weight of the direct speech within the communicative component

Автор, название рассказа	Удельный вес прямой речи в составе коммуникативного компонента текста, %
Пьецух В. А. Анамнез и Эпикриз	96,6
Липсайт С. <i>This appointment occurs in the past</i> 'Эта встреча происходит в прошлом'	88,9
Токарева В. С. «Система собак»	81,8
Лахири Дж. <i>The third and final continent</i> 'Третий и последний континент'	64,3
Токарева В. С. Искусственный пруд	57,7
Средний удельный вес	77,8

Из табл. 7 и 8 видно, что в поздних рассказах с формой повествования от первого лица в структуре коммуникативного компонента несколько вырос по сравнению с ранними рассказами средний удельный вес прямой речи – с 75,7 до 77,8 %. Возможно, эти различия говорят об «интуитивном» стремлении авторов компенсировать беглость, «пунктирность» представления коммуникации в свернутом пересказе с помощью более сосредоточенного «цитатного» (в прямой речи) изображения некоторых важных сцен общения.

Сравним удельный вес прямой речи в составе коммуникативного компонента в выборке ранних рассказов с формой повествования от третьего лица (табл. 9).

Таблица 9

Рейтинг исследованных ранних рассказов с повествованием от третьего лица, составленный по убыванию удельного веса прямой речи в коммуникативном компоненте текста

Table 9

The rating of the analyzed early short stories with the third-person narrative arranged according to the decrease of the unit weight of the direct speech within the communicative component

Автор, название рассказа	Удельный вес прямой речи в составе коммуникативного компонента текста, %
Вересаев В. В. Встреча	99,8
Куприн А. И. Болото	96,0
Лондон Дж. <i>The priestly prerogative</i> 'Привилегия священника'	95,2
Лондон Дж. <i>To the man on trail</i> 'За человека в пути'	88,2
Куприн А. И. Тапер	76,9
Уортон Э. <i>A journey</i> 'Поездка'	62,5
Средний удельный вес	86,4

Основной объем прямой речи в рассказе В. В. Вересаева «Встреча» составляет диалог между бывшими соседями-студентами: Вязовым, ныне земским статистиком, и Смирницким, учителем математики московской гимназии. Прерывающий речь своего земского, Смирницкий «полон только собой»: разговорами о работе, личной жизни и многочисленных страхах.

Сравним удельный вес прямой речи в составе коммуникативного компонента в корпусе поздних рассказов с формой изложения от третьего лица (табл. 10).

Таблица 10

Рейтинг исследованных поздних рассказов с повествованием от третьего лица,
составленный по убыванию удельного веса прямой речи
в коммуникативном компоненте текста

Table 10

The rating of the analyzed late short stories with the third-person narrative arranged
according to the decrease of the unit weight of the direct speech
within the communicative component

Автор, название рассказа	Удельный вес прямой речи в составе коммуникативного компонента текста, %
Пьецух В. А. Дачники	99,0
Липсайт С. <i>The naturals</i> 'Обычные люди'	92,0
Пьецух В. А. Авель и сыновья	83,3
Пьецух В. А. Он никогда не сидел в тюрьме...	80,0
Лахири Дж. <i>Mrs. Sen's</i> 'Миссис Сен'	72,7
Токарева В. С. Короткие гудки	71,4
Лахири Дж. <i>Interpreter of maladies</i> 'Толкователь болезней'	66,7
Средний удельный вес	80,7

Высокий удельный вес прямой речи в рассказе В. А. Пьецуха «Дачники», где свернутая речь составляет только 1 % в общем объеме коммуникации, объясняется карикатурностью многословного и пусто-порожного разговора героев.

В трех первых по рейтингам ранних и поздних рассказах с формой повествования от третьего лица объем прямой речи весьма высок: изображение разговоров героев существенно превышает объем авторской интерпретации общения. Однако в поздних рассказах постепенно повышается интерпретативность передачи коммуникации в связи с уменьшением объема прямой речи и увеличением доли свернутой речи: ее средний удельный вес в поздних рассказах составляет 19,3 %, в то время как в ранних рассказах он равен 13,6 %. Средний удельный вес прямой речи в составе коммуникативного компонента в рассказах с формой повествования от третьего лица за столетие уменьшился на 5,7 %. Заметим, что если бы в выборку не попал рассказ «Дачники» с длинными и пустыми разговорами, то показатель среднего удельного веса прямой речи был бы еще ниже.

6. Заключение. В целом за столетие средний показатель удельного веса коммуникативного компонента в рассказах снизился на 4,7 %, в то время как средний удельный вес прямой речи в составе коммуникативного компонента уменьшился незначительно. Вместе с тем произошло усиление различий между рассказами с формами повествования от первого и третьего лица в соотношении текстовых компонентов, значимых для представления общения героев. В рассказах с формой повествования от первого лица рассказчик стал более внимателен к изображению той коммуникации, которую он наблюдает и особенно в которой он (диегетический нарратор) участвует, поэтому доля прямой речи и коммуникации в них ниже, чем в рассказах с формой повествования от третьего лица. В текстах с формой повествования от третьего лица за столетие вырос средний удельный вес свернутой речи (с 13,6 до 19,3 %) и наррации (с 65,7 до 77,0 %). Современные авторы более сжато излагают речь героев, но полнее интерпретируют рассказанное, пренебрегая в представлении общения героев «документальностью» прямой речи.

Библиографические ссылки

1. [Бахтин М. М.], Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1930.
2. Виноградов В. В. Язык литературно-художественного произведения // Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 56–97.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 2-е изд. М., 1963.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. М., 1979.
5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970.
6. Успенский Б. А. Поэтика композиции (структура художественного текста и типология композиционной формы). М., 1970.
7. Шмид В. Нарратология. 2-е изд., испр. и доп. М., 2008.

8. Падучева Е. В. Семантика нарратива // Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке, семантика нарратива. М., 1996. С. 193–404.
9. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / под ред. Е. А. Земской. М., 1993. С. 158–217.
10. Гиндин С. И. Речевые действия и речевые произведения // Логический анализ языка. Язык речевых действий / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1994. С. 59–63.
11. Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. Т. 2 : Синтаксис.
12. Мечковская Н. Б., Казанкова Е. А. Коммуникативные партии персонажей и заботы нарратора в семиотике художественной прозы // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2010. № 1. S. 447–475.
13. Атарова К. Н., Лескис Г. А. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // *Изв. Акад. наук СССР. Сер. литературы и языка*. 1976. Т. 35, № 4. С. 343–356.

References

1. [Bakhtin M. M.], Voloshinov V. N. Marksizm i filosofiya yazyka. Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke [Marxism and the Philosophy of Language. Basic problems of the sociological method in the science of language]. Leningrad, 1930 (in Russ.).
2. Vinogradov V. V. Yazyk literaturno-khudozhestvennogo proizvedeniya [The language of work of art]. In: Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. O yazyke khudozhestvennoi prozy*. Moscow, 1980. P. 56–97 (in Russ.).
3. Bakhtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Poetics]. 2nd ed. Moscow, 1963 (in Russ.).
4. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva [The Aesthetics of Verbal Art]. Moscow, 1979 (in Russ.).
5. Lotman Y. M. Struktura khudozhestvennogo teksta [The structure of the artistic text]. Moscow, 1970 (in Russ.).
6. Uspenski B. A. Poetika kompozitsii (struktura khudozhestvennogo teksta i tipologiya kompozitsionnoi formy) [The poetics of composition (The structure of the artistic text and the typology of a compositional form)]. Moscow, 1970 (in Russ.).
7. Schmid V. Narratologiya [Naratology]. 2nd ed. Moscow, 2008 (in Russ.).
8. Paducheva E. V. Semantika narrativa [The semantics of narrative]. In: *Semanticheskie issledovaniya: semantika vremeni i vida v russkom yazyke, semantika narrativa*. Moscow, 1996. P. 193–404 (in Russ.).
9. Glovinskaya M. Y. Semantika glagolov rechi s tochki zreniya teorii rechevykh aktov [The semantics of the verbs of speech from the point of view of the theory of speech acts]. In: *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt*. Moscow, 1993. P. 158–217 (in Russ.).
10. Gindin S. I. Rechevye deistviya i rechevye proizvedeniya [Speech acts and speech events]. In: *Logicheskij analiz yazyka. Yazyk rechevykh deystvij*. Moscow, 1994. P. 59–63 (in Russ.).
11. Russkaya grammatika [Russian grammar] : in 2 vol. Moscow, 1980. Vol. 2 : Sintaksis.
12. Mechkovskaya N. B., Kazankova E. A. The communicative parts of the heroes and the narrator's concern in semiotics of the artistic prose. *Prz. Wschodnioeuropejski*. 2010. No. 1. P. 447–475 (in Russ.).
13. Atarova K. N., Lesskis G. A. Semantika i struktura povestvovaniya ot pervogo litsa v khudozhestvennoi proze [The semantics and the structure of 1-person narrative in the artistic prose]. *Izv. Akad. nauk SSSR. Ser. literatury i yazyka*. 1976. Vol. 35, No. 4. P. 343–356 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 02.11.2016.
Received by editorial board 02.11.2016.

УДК 811.161.1'367.625.1

«ЧЕЛНОЧНЫЙ» ПЕРЕВОД КАК МЕТОД ФОРМИРОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ КЛАССОВ И СИНОНИМИЧЕСКИХ РЯДОВ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

Н. И. КРАСКОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Рассматривается метод «челночного» перевода – метод формирования и дополнения параллельных функционально-семантических классов близкородственных языков, составления синонимических рядов и создания словарей синонимов. Произведена апробация указанной методики на основе конкретного языкового материала – глагольной лексики восприятия русского и белорусского языков. Сформированы функционально-семантические классы русских и белорусских глаголов восприятия, выявлены глаголы восприятия, не фиксируемые словарями синонимов А. П. Евгеньевой и М. К. Клышко, а также доказана необоснованность отсутствия данных глаголов в соответствующих словарных статьях.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа; функционально-семантический класс; «челночный» перевод; функционально-текстовые глаголы; глаголы восприятия; синонимия.

«SHUTTLE» TRANSLATION AS A METHOD OF FORMATION OF FUNCTIONAL SEMANTIC GROUPS AND SYNONYMOUS SERIES IN RUSSIAN AND BELARUSIAN LANGUAGES

M. I. KRASKOUSKI^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article discusses the technique of «shuttle» translation – method of formation and complement of parallel functional semantic group of closely related languages, of compiling and creating a series of synonymous and dictionaries of synonyms in closely related languages. We produced testing of the methodology on the basis of a specific language material – verbal group for perception in Russian and Belarusian languages. We formed two groups of Russian and Belarusian verbs for perception, revealed verbs for perception, are not fixed by dictionaries of synonyms A. P. Evgenieva and M. K. Klyshko, and proved the groundlessness of the absence of these verbs in the relevant entries.

Key words: lexical semantic group; functional semantic group; «shuttle» translation; functional text-verbs; verbal group for perception; synonymy.

Образец цитирования:

Красковский Н. И. «Челночный» перевод как метод формирования функционально-семантических классов и синонимических рядов русского и белорусского языков // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 1. С. 84–90.

For citation:

Kraskouski M. I. «Shuttle» translation as a method of formation of functional semantic groups and synonymous series in Russian and Belarusian languages. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 1. P. 84–90 (in Russ.).

Автор:

Николай Игоревич Красковский – аспирант кафедры русского языка филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор И. С. Ровдо.

Author:

Mikalai Kraskouski, postgraduate student at the department of Russian language, faculty of philology.
burunduchok40@yandex.ru

Проблема представления лексического состава языка в словаре является одной из важнейших и труднейших в лингвистике. Особую актуальность приобретают лексикографические изыскания в области идеографических словарей, так как они вскрывают системные связи в лексике, что имеет несомненное теоретическое значение для познания законов устройства языка и практическое значение для его преподавания, в том числе иностранным учащимся. Объектом рассмотрения в настоящей статье стал **«челночный» перевод** – метод, позволяющий формировать на основе лексико-семантических групп (ЛСГ) и функционально-семантических классов (ФСК) слов одного языка параллельные ЛСГ и ФСК другого близкородственного языка. ФСК, в свою очередь, – это «множество различных по грамматической оформленности слов, совпадающих по денотативной соотнесенности, объединенных категориально-лексической семой, которая может быть онтологически присущей слову (исходной) или наведенной контекстом (производной), и выполняющих единую семантико-синтаксическую функцию в речи» [1, с. 72]. Кроме того, метод «челночного» перевода предоставляет возможность существенного пополнения и уточнения синонимических рядов в исследуемых языках. Цель данной работы заключается в описании указанной методики двустороннего перевода, предполагающей также элемент семантического анализа, на базе конкретного словесного массива – **глагольной лексики восприятия** в русском и белорусском языках.

Выбор языкового материала для исследования обусловлен тем, что глаголы, используемые для описания процесса восприятия и его характера, активного или пассивного, широко представлены в любом языке, являются семантически значимыми и высокочастотными. Естественный язык – семиотическая (знаковая) система. Человек **воспринимает** план выражения через сенсорные каналы: зрение, которое позволяет воспринимать план выражения знаков биологических (врожденных) семиотик (далее – БС), культурных естественных (но не врожденных) семиотик (далее – КЕС), а также культурных искусственных семиотик (КИС); слух, благодаря которому возможно воспринимать план выражения знаков БС, КЕС и части КИС; обоняние, осязание и вкус, позволяющие воспринимать план выражения знаков БС, части КЕС, но с помощью которых нельзя воспринимать план выражения знаков КИС [2]. По указанным сенсорным каналам воспринимаемая человеком информация передается в центральную нервную систему, далее – в мозг. На протяжении всего эволюционного развития человечества органы чувств (в наибольшей мере зрение и слух) содействовали формированию интеллекта. Профессор Н. Б. Мечковская в книге «Семиотика. Язык. Природа. Культура» приводит высказывание крупнейшего специалиста по сенсорной психологии Р. Грегори относительно формирования мозга человека: «Очень вероятно, что мозг – каким мы его знаем – не мог бы развиваться без притока информации об отдаленных объектах, информации, поставляемой другими органами чувств, особенно зрением. <...> Глаза нуждаются в разуме, чтобы опознать объекты и локализовать их в пространстве, но разумный мозг вряд ли мог бы возникнуть без глаз. Можно без преувеличения сказать, что глаза освободили нервную систему от тирании рефлексов, позволив перейти от реактивного к тактическому, планируемому поведению, а в конечном счете и к абстрактному мышлению» [2, с. 99–100].

Отправной точкой предыдущих наших исследований выступал словарь-справочник «Лексико-семантические группы русских глаголов» (далее – ССЛСГ) [3]. В начале 1970-х гг. по инициативе профессора Э. В. Кузнецовой на кафедре современного русского языка Уральского государственного университета имени А. М. Горького была начата работа по комплексному изучению системной организации глагольной лексики и ее лексикографическому описанию. Профессор Э. В. Кузнецова применила методику идентификации словарных значений, позволившую авторскому коллективу под ее руководством осуществить семантическую классификацию русской глагольной лексики и оформить ее в виде названного выше издания. В словаре нового типа получил отражение состав общеупотребительной лексики, взятой в своих **основных значениях** (2500 глаголов). Применив к единицам ЛСГ глаголов восприятия русского языка, отобранным уральским коллективом ученых, метод «челночного» перевода, ранее удалось сформировать соответствующую группу глагольных лексем в белорусском языке, описать ее состав и структуру, обнаружить ЛСГ, глаголы которых во вторичных значениях выступают как глаголы восприятия в обоих языках [4–10].

Метод «челночного» перевода представляет собой многоступенчатый перевод слов с одного близкородственного языка на другой, а также в обратном направлении, дающий возможность составить параллельные парадигмы слов, принадлежащих к одной ЛСГ (шире – к одному ФСК) в данных языках. Впервые этот метод был предложен И. С. Ровдо в работе «Межъязыковая омосемия в собственно лингвистическом и культурологическом аспектах исследования» [11]. Обратимся к следующему примеру. При переводе на белорусский язык русского глагола *услышать* словарная статья предлагает сразу четыре варианта конечной лексемы-эквивалента: бел. *пачуць/учуць/счуць/дачуцца*. При обратном переводе полученных лексем на русский язык белорусско-русский словарь предлагает слово *пачуць*, кроме

как *услышать*, перевести глаголами *услыхать/почуять/учуять*, слово *учуць*, помимо *услышать*, – еще и как *расслышать/заслышать*, глагол *счуць* – как *почуять/учуять/услышать/заслышать*, а *дачуцца* – еще и как *прослышать*. Далее, полученные новые русские глаголы вновь переводятся на белорусский язык. Процесс двустороннего перевода продолжается до тех пор, пока переводные словари не перестанут предлагать неучтенные варианты слов-эквивалентов. В нашем случае сформированные глагольные ряды (7 русских глаголов – *услышать, услыхать, почуять, учуять, расслышать, заслышать, прослышать*; 5 белорусских – *пачуць, учуць, счуць, дачуцца, прачуць*) принадлежат к русской и белорусской ЛСГ восприятия соответственно. Такой вывод сделан на основе проверки информации словарных статей уже академических толковых словарей двух языков (каждое полученное методом «челнока» слово в основном значении должно выражать архисему рассматриваемой ЛСГ).

Неоспоримым достоинством «челночного» перевода является еще и тот факт, что его механизм выводит исследователя на соотносящиеся лексемы двух языков, выражающие основную семантику (в данном случае – семантику восприятия) на уровне **вторичных значений**. При многоступенчатом переводе в параллельные реестры, составленные нами, были включены русские глаголы *останавливать* (3 значения), *переводить* (3 значения), *упирать* (2 значения, *разг.*), белорусские глаголы *спыняць* (5 значений), *пераводзіць* (4 значения), *упіраць* (2 значения, *разг.*) и им подобные. В глагольно-именных метафорических конструкциях с русскими существительными *взгляд/взор/глаза* и белорусскими лексемами *погляд/позірк/вочы* семантика восприятия (в данном случае – зрительного) выражается регулярно, что подтверждают материалы академических толковых словарей обоих языков. Перед нами **функционально-текстовые глаголы** – единицы ФСК русских и белорусских глаголов восприятия, относящиеся по своему основному значению к разным ЛСГ, в том числе к ЛСГ глаголов движения, перемещения [4]. ФСК шире ЛСГ, он включает в себя единицы последней.

На следующем этапе исследования метод «челночного» перевода был применен к группе русских глаголов восприятия, приведенной в более новом издании «Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы» (далее – ТСРГИО) (М., 1993). Редактором словаря выступила Л. Г. Бабенко, фактически возглавившая уральскую семантическую школу, созданную профессором Э. В. Кузнецовой. В предисловии сообщается о том, что в словаре 25 000 глаголов, объединенных в «группы по смыслу». Составители неслучайно выбрали размытое определение: глагольные объединения, предлагаемые в книге, представляют собой ЛСГ с вкраплениями функционально-текстовых глаголов (например, глаголы *бросать, ловить* включены в группу восприятия и т. д.). Иначе говоря, авторы выходят за рамки ЛСГ, но термин «ФСК» не используют, понимая, что функционально-текстовые глаголы вводятся в словарные статьи непоследовательно. Метод «челночного» перевода, в свою очередь, позволил «достроить» исследуемую группу недостающими основными функционально-текстовыми глаголами. Остановимся на ТСРГИО подробнее.

Словарь был создан усилиями авторского коллектива межуниверситетской проблемной группы «Русский глагол», состоящей из лингвистов-преподавателей г. Екатеринбурга. Общая концепция словаря разрабатывалась Л. Г. Бабенко при активном участии И. М. Волчковой, М. Л. Кусовой, Ю. В. Казарина, Е. И. Плотниковой, Т. Н. Сивковой, Т. В. Поповой. На этапе непосредственной лексикографической интерпретации отобранных лексических единиц и построения словарных статей в соответствии с выбранной концепцией принимали участие Е. Г. Соболева, А. М. Плотникова и М. Ю. Мухин. Как отмечал Ю. Д. Апресян, «традиционный словарь опирается на два вида источников – лексикографические (предшествующие словари) и литературные, или картотеку» (ТСРГИО, с. 15). Авторы-составители ТСРГИО также использовали ряд лексикографических источников (ССЛСГ, «Большой академический словарь русского языка» (БАС), «Малый академический словарь русского языка» (МАС)) и речевые материалы.

Концепция ТСРГИО основана на результатах исследования системной организации лексики и структурной организации лексического значения слова (Ю. Д. Апресян, В. Г. Гак, Л. М. Васильев, Ю. Н. Караулов, Э. В. Кузнецова, В. В. Морковкин, Д. Н. Шмелев и др.). В ССЛСГ, созданном под руководством Э. В. Кузнецовой, был представлен вариант классификационной парадигмы русских глаголов, взятых в своих основных значениях. Известно также, что в составе ЛСГ слов, прежде всего на уровне вторичных значений, действуют центробежные и центростремительные силы, обуславливающие динамизм, открытость и **пересекаемость** лексико-семантических парадигм. В целях более полного отражения системных связей глаголов в словник ТСРГИО включались, как было указано выше, глаголы в основных и неосновных значениях.

Построение словаря в соответствии с принципом пересекаемости глагольных классов объясняется необходимостью решения проблемы соответствия лексико-семантических и лексико-грамматических групп глаголов, в частности представления в словаре производных глаголов со значением способов глагольного действия (СГД). В ТСРГИО последовательно включались глаголы с мутационными

словообразовательными значениями, т. е. единицы специально-результативных СГД (например, накопительно-суммарного СГД – *наслушаться, налюбоваться* и др.). Дериваты с модификационными словообразовательными значениями, не меняющими категориально-лексическую семантику мотивирующего глагола в его производных (глаголы со значением кратности, длительности, фазовости действия и т. п.), по утверждению авторов, включались в состав словаря лишь в том случае, если были зафиксированы в МАС (*почитывать* (время от времени), *дослушивать* (до конца) и т. п.).

Итак, метод «челночного» перевода позволил существенно расширить сначала ЛСГ русских глаголов восприятия, приведенную в ССЛСГ (словарная статья из 84 русских лексем была пополнена 108 новыми глаголами), а также с учетом материалов ТСРГИО (словарная статья насчитывает 180 глаголов, часть которых представлена и в ССЛСГ) сформировать ФСК русских глаголов восприятия, насчитывающий 323 лексические единицы. Кроме того, «челночный» перевод послужил средством для составления параллельного ФСК белорусских глаголов восприятия (в белорусском языкознании на данный момент отсутствуют словари глагольных ЛСГ и ФСК). Полученный ФСК белорусских глаголов насчитывает 308 лексем.

На третьем этапе исследования было продемонстрировано, что метод «челночного» перевода, позволяющий дополнять/формировать глагольные ФСК, также открывает возможность расширения и уточнения синонимических рядов русских и белорусских глаголов.

В российском языкознании попытки создать исчерпывающий словарь синонимов предпринимались с XVIII в. Труды Д. И. Фонвизина «Опыт российского сословника» (1783), П. Р. Калайдовича «Опыт словаря русских синонимов» (1818), Н. А. Абрамова «Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» (первое издание – 1900 г.), В. Н. Ключевой «Краткий словарь синонимов русского языка» (1956), З. Е. Александровой «Словарь синонимов русского языка» (1968) стали ступенями, приведшими к составлению академического двухтомного «Словаря синонимов русского языка» (1971), изданного под редакцией А. П. Евгеньевой. Этот словарь является самым полным и научно совершенным российским синонимическим справочником: он включает 4148 синонимических рядов, в посвященных им статьях дается тщательный анализ смысловых, стилистических, экспрессивных и грамматических особенностей составных компонентов этих рядов; использование синонимов в речи проиллюстрировано большим количеством примеров из художественных, публицистических и научных произведений.

В белорусском языкознании до настоящего времени академического словаря синонимов не создано. Наиболее авторитетным справочником остается «Слоўнік сінонімаў і блізказначных слоў» М. К. Клышко (первое издание – 1976 г., второе – 1993 г., третье – 2005 г.). Словарь включает более 11 000 слов, относящихся к различным пластам лексики, употребление синонимов в речи проиллюстрировано примерами из художественной литературы, произведений фольклора, периодических и справочных изданий.

Анализ показал, что многие глаголы восприятия, обнаруженные методом «челночного» перевода, русский и белорусский словари синонимов по разным причинам не фиксируют. В то же время сама причастность слова к какому-либо ФСК свидетельствует о вхождении данной лексемы в тот или иной синонимический ряд. Словарь синонимов А. П. Евгеньевой не фиксирует 106 русских глаголов восприятия из 323 (33 %). В словаре М. К. Клышко отсутствуют 232 белорусских глагола восприятия из 308 (75 %) (таблица).

Глаголы, отсутствующие в словарях синонимов обоих языков, можно разделить на три группы.

1. Лексемы, включение которых в словарь не входило в авторскую задачу. Так, М. К. Клышко последовательно не приводит в словаре формы глаголов совершенного вида. В словаре А. П. Евгеньевой, напротив, присутствуют видовые глагольные пары, однако в некоторых случаях лексикограф отходит от избранного принципа. Скажем, к глаголу совершенного вида *взглянуть* и глаголу несовершенного вида *внимать* видовые пары не даются. Подобные случаи не единичны. Возвратные глаголы включаются обоими авторами избирательно.

2. Лексемы, явившиеся следствием модификационной деривации. К данной группе глаголов относятся производные слова, в морфемной структуре которых выражено какое-либо дополнительное (модифицирующее) значение: рус. *понаблюдать, недоглядеть*, бел. *панаглядаць, паназіраць, паса-чыць* – оттенок значения, привнесенный словообразовательным формантом, признается авторами несущественным. Таким образом, в словари включаются только те аффиксные глаголы, которые образуют свои синонимические ряды, отличающиеся по составу от синонимических рядов безаффиксных (производящих) глаголов, но не даются синонимические ряды тех глаголов с приставками и суффиксами, которые повторяют уже представленный в словаре ряд безаффиксных глаголов и отличаются от него только тем лексико-грамматическим или грамматическим значением, которое вносит аффикс.

3. Лексемы, для включения которых в словарь нет формальных препятствий. Данная группа интересует нас в большей степени. Так, например, русский глагол *засечь*, в пятом словарном значении реализующий семантику восприятия (*кого (что)*). Разг. Заметить, обнаружить. З. вора. З. пропажу.

3. *нехватку товаров* (МАС)), не включен в словарь А. П. Евгеньевой. Показателен и тот факт, что указанный глагол в белорусском языке (*засекчы* (разм.)) присутствует в словаре М. К. Клышко: *Яны асцерагаліся, што тут могуць іх засекчы фашысцкія дазорнікі* (А. Кулакоўскі). Всего в словаре А. П. Евгеньевой нет 60 глаголов (речь идет о непосредственных и функционально-текстовых глаголах восприятия), для занесения которых в словарный реестр есть все предпосылки, – это 57 % всех русских глаголов восприятия, не включенных в издание. Вне словаря А. П. Евгеньевой остались такие частотные глаголы, как *подслушать*, *нюхать*, *обернуться*, *обонять* (книжн.), *обсмотреть* (разг.-сниж.), *ощупать*, *проследить* (2 значения) и др. В словаре М. К. Клышко отсутствуют 140 глаголов, для включения которых в словарь нет препятствий, – это 60 % всех белорусских глаголов восприятия, не включенных в издание. Автором не были учтены глаголы *зірнуць*, *запрымеціць*, *расслухаць*, *сузіраць*, *касіцца* и др. (см. таблицу).

Фиксация в словарях синонимов русского и белорусского языков русских и белорусских глаголов ФСК восприятия (фрагмент)

Fixation in the dictionaries of Russian and Belarusian synonyms of Russian and Belarusian verbs for perception (fragment)

Русские глаголы восприятия	Белорусские глаголы восприятия	Словарь А. П. Евгеньевой	Словарь М. К. Клышко
Бросать (2 значения)	* <i>Кідаць</i> (3 значэнні)	+	+
Бросить (2 значения)	* <i>Кінуць</i> (3 значэнні)	+	1
Бегать (3 значения)	* <i>Бегаць</i> (3 значэнні)	3	3
Забегать (3 значения)	* <i>Забігаць</i> (3 значэнні)	3	3
Вглядываться	Углядацца	+	+
х	Углядвацца	х	+
х	* <i>Паўзірацца</i>	х	2
Вглядеться	Угледзецца	+	1
Взглядывать	Паглядаць	1	+
х	Паглядваць	х	+
Взглянуть	Глянуць	+	1
* <i>Глянуть</i> (разг.)	Зірнуць (разм.)	+	3
х	* <i>Зіркнуць</i> (разм.)	х	3
Видеть (2 значения)	Бачыць (2 значэнні)	+	1
* <i>Увидеть</i>	* <i>Убачыць</i>	+	+
х	* <i>Пабачыць</i> (2 значэнні)	х	3
* <i>Увидать</i> (разг.)	х	+	х
* <i>Узреть</i> (устар.)	х	+	х
* <i>Зреть</i> (книжн.)	х	+	х
* <i>Воззриться</i> (разг.)	х	—	х
Видеться	Бачыцца	+	+
* <i>Виднеться</i>	* <i>Віднецца</i>	+	+
х	* <i>Віднець</i> (2 значэнні)	х	+
* <i>Видать</i> (2 значения) (разг.)	х	+	х
Внимать (высок.)	х	+	х
Внять	х	1	х
* <i>Вонзить</i>	* <i>Уткнуць</i>	+	—
* <i>Вонзять</i>	* <i>Утыкаць</i>	+	—
Воспринимать	Успрымаць	3	3
Воспринять	Успрыняць	3	3
* <i>Вперить</i>	х	+	х

Русские глаголы восприятия	Белорусские глаголы восприятия	Словарь А. П. Евгеньевой	Словарь М. К. Клышко
<i>*Вперять</i>	х	+	х
<i>Вслушиваться</i>	<i>Услухоўвацца</i>	1	3
<i>Вслушаться</i>	<i>Услухацца</i>	1	3
х	<i>Услухвацца</i>	х	3

Примечание. Лексемы, выделенные полужирным курсивом, – исходные глаголы ССЛСГ и ТСРГИО и их прямые соответствия; лексемы с астериском, выделенные курсивом, – глаголы, выявленные методом «челночного» перевода. Знак — обозначает отсутствие лексемы в словаре; знак + указывает на лексемы, представленные в словарях синонимов; 1 – лексемы, включение которых в словарь не входило в авторскую задачу; 2 – лексемы с модификационным значением, не включенные в словарь; 3 – отсутствующие в словаре лексемы, для включения которых в издание нет формальных препятствий; х – отсутствие прямой лексемы-соответствия в данном языке.

Таким образом, метод «челночного» перевода открывает потенциал для формирования и дополнения параллельных ФСК близкородственных языков (в российском языкознании созданы идеографические словари глаголов, прилагательных, содержащие соответствующие ЛСГ, неполные ФСК, на их основе могут быть составлены белорусские словари нового типа); формирования синонимических рядов и создания словарей синонимов в близкородственных языках (для белорусского языкознания, в котором до сих пор не подготовлен академический словарь синонимов, являющийся базовым, обязательным лексикографическим изданием, наработки будут особенно ценны).

Библиографические ссылки

1. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.
2. Мечковская Н. Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура. М., 2008.
3. Лексико-семантические группы русских глаголов : учеб. слов.-справ. / под общ. ред. Т. В. Матвеевой. Свердловск, 1988.
4. Красковский Н. И. Глаголы перемещения в пространстве как «компенсаторы» семантики глаголов восприятия в русском и белорусском языках // Весн. БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2016. № 2. С. 47–53.
5. Красковский Н. И. Лексико-семантическая группа глаголов восприятия в русском и белорусском языках // Сборник работ 68-й научной конференции студентов и аспирантов БГУ (Минск, 16–19 мая 2011 г.) : в 3 ч. Минск, 2011. Ч. 3. С. 211–215.
6. Красковский Н. И. Пересечение лексико-семантической группы русских и белорусских глаголов восприятия с другими глагольными ЛСГ // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П. П. Шубы : сб. материалов V Междунар. науч. конф. (Минск, 11–12 окт. 2011 г.) / редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2011. С. 118–121.
7. Красковский Н. И. Лексико-семантическая группа русских и белорусских глаголов восприятия (связь с другими ЛСГ) // Сборник работ 69-й научной конференции студентов и аспирантов БГУ (Минск, 14–17 мая 2012 г.) : в 3 ч. Минск, 2013. Ч. 3. С. 241–245.
8. Краскоўскі М. І. ЛСГ дзеясловаў успрымання ў мастацкіх тэкстах Я. Коласа // Мова – літаратура – культура : VII Між-нар. навук. канф., прысвеч. 130-годдзю з дня нараджэння Янкі Купалы і Якуба Коласа (Мінск, 27–28 верас. 2012 г.) : зб. навук. арт. / пад агул. рэд. Т. І. Шамякінай. Мінск, 2012. С. 489–492.
9. Красковский Н. И. Лексико-семантическая группа глаголов восприятия в русском и белорусском языках: особенности структуры // Мова і літаратура : матэрыялы 70-й навук. канф. студэнтаў і аспірантаў філал. фак. БДУ (Мінск, 24 крас. 2013 г.) / пад рэд. К. А. Тананушкі. Мінск, 2013. С. 36–40.
10. Красковский Н. И. К вопросу о составе словаря синонимов русского и белорусского языков // Карповские научные чтения : сб. науч. ст. : в 2 ч. / редкол.: А. И. Головня (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2015. Вып. 9, ч. 2. С. 26–29.
11. Роўда І. С. Міжмоўная амасемія ва ўласна лінгвістычным і культуралагічным аспектах даследаванняў // Беларуская-руская-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія : матэрыялы V Міжнар. канф. (Віцебск, 25–27 мая 2000 г.) / пад агул. рэд. А. М. Мезенкі, Л. М. Вардамацкага. Віцебск, 2000. С. 132–137.

References

1. Babenko L. G. Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsii v russkom yazyke [Lexical means of referring to emotions in the Russian language]. Sverdlovsk, 1989 (in Russ.).
2. Mechkovskaya N. B. Semiotika. Yazyk. Priroda. Kul'tura [Semiotics. The Language. Nature. Culture]. Moscow, 2008 (in Russ.).
3. Leksiko-semanticheskie grupy russkikh glagolov [Lexical-semantic groups of Russian verbs]. Sverdlovsk, 1988 (in Russ.).
4. Kraskouski M. I. Verbs of movement in space as «compensators» semantics of verbs of perception in Russian and Belarusian languages. *Vestnik BSU. Ser. 4, Filalogija. Zhurnalistika. Pedagogika*. 2016. No. 2. P. 47–53 (in Russ.).
5. Kraskouski M. I. Lexico-semantic group of verbs of perception in Russian and Belarusian languages. *Sbornik rabot 68-i nauchnoi konferentsii studentov i aspirantov BGU* (Minsk, 16–19 May, 2011) : in 3 parts. Minsk, 2011. Part 3. P. 211–215 (in Russ.).

6. Kraskouski M. I. The intersection of the lexical-semantic groups of Russian and Belarusian verbs of perception with other verbal LSG. *Russkii yazyk: sistema i funkcionirovanie (k 90-letiyu BGU i 85-letiyu professora P. P. Shuby)* : sb. materialov V Mezhdunar. nauchn. konf. (Minsk, 11–12 Oct., 2011). Minsk, 2011. P. 118–121 (in Russ.).
7. Kraskouski M. I. Lexico-semantic group of Russian and Belarusian verbs of perception (relationship with other LSG). *Sbornik rabot 69-i nauchnoi konferentsii studentov i aspirantov BGU* (Minsk, 14–17 May, 2012) : in 3 parts. Minsk, 2013. Part 3. P. 241–245 (in Russ.).
8. Kraskouski M. I. LSG of verbs of perception in the fiction of J. Kolasa. *Mova – litaratura – kul'tura* : VII Mizhnarodnaja navuk. kanferjencyja, prysvech. 130-goddzju z dnja naradzhennja Janki Kupaly i Jakuba Kolasa (Minsk, 27–28 Sept., 2012) : zb. navuk. artykulaw. Minsk, 2012. P. 489–492 (in Belarus.).
9. Kraskouski M. I. Lexico-semantic group of verbs of perception in Russian and Belarusian languages: peculiarities of structure. *Mova i litaratura* : matjeryjaly 70-j navuk. kanferjencyi studjentaŭ i aspirantaŭ filal. fak. BDU (Minsk, 24 April, 2013). Minsk, 2013. P. 36–40 (in Russ.).
10. Kraskouski M. I. The question of the composition of the dictionary of synonyms of Russian and Belarusian languages. *Karpovskie nauchnye chteniya* : sb. nauchn. statei : in 2 parts. Minsk, 2015. Vol. 9, part 2. P. 26–29 (in Russ.).
11. Rouda I. S. Interlanguage amasame in their own linguistic and cultural aspects of the research. *Belaruska-ruska-pol'skae supastawljal'nae movaznawstva, litaraturaznawstva, kul'turalogija* : matjeryjaly V Mizhnarodnaj kanferjencyi (Vitebsk, 25–27 May, 2000). Vitebsk, 2000. P. 132–137 (in Belarus.).

Статья поступила в редколлегию 12.01.2017.
Received by editorial board 12.01.2017.

СТРАТЕГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ПОНИМАНИЯ УСТНОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ

С. И. ЛЕБЕДИНСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Отмечено, что определяющую роль в процессе понимания устной научной речи выполняют стратегии смыслоформулирования, которые являются наиболее трудными для описания, стандартизации и экспериментальной верификации в силу их вариативности, изменчивости и специфичности в каждом конкретном случае. Экспериментально исследована одна из их разновидностей – стратегия конструирования ментальных репрезентаций через преобразование когнитивных схем, с помощью которых слушатели модифицируют и обогащают старые и конструируют новые когнитивные схемы. Установлены семь видов репрезентаций, которыми оперируют слушатели в процессе переработки научной информации, – буквальные (или нулевые), частично модифицированные, частично преобразованные, трансформационные с элементами свободной или логической репрезентации, свободные, свободные с элементами логической репрезентации, логические.

Ключевые слова: понимание научной речи; стратегии понимания научной речи; ментальные репрезентации; когнитивные схемы; стратегии конструирования ментальных репрезентаций через преобразование схем.

THE STRATEGIES OF REPRESENTATION CONSTRUCTING IN THE PROCESS OF UNDERSTANDING ORAL SCIENTIFIC SPEECH

S. I. LEBEDINSKIY^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The decisive role in the process of understanding of oral scientific speech meaning formulation strategies act. These strategies are the most difficult to describe, standardize and do experimental verification because of their variability, changeability and specificity in the each case. In the article it has been experimentally investigated one of the variants of these strategies – the strategies of constructing of mental representations through the transformation of cognitive schemes. With the help of these strategies students modify and enrich the old schemes and design new cognitive ones. It has been revealed seven types of representations operated by students in the process of scientific information processing. They are the literal (or zero), partly modified, partly transformed, transformed with the elements of free or logical representation, free, free with the elements of the logical representation, logical.

Key words: understanding of scientific speech; the strategies of understanding scientific speech; mental representations; cognitive schemes; the strategies of mental representation constructions through schema transformation.

Образец цитирования:

Лебединский С. И. Стратегии конструирования репрезентаций в процессе понимания устной научной речи // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 1. С. 91–97.

For citation:

Lebedinskiy S. I. The strategies of representation constructing in the process of understanding oral scientific speech. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 1. P. 91–97 (in Russ.).

Автор:

Сергей Иванович Лебединский – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой теории и методики преподавания русского языка как иностранного факультета международных отношений.

Author:

Sergey Lebedinskiy, PhD (philology), docent; head of the department of the theory and methodology of teaching Russian as a foreign language, faculty of international relations.
rki@bsu.by

Введение

Переработка научной информации – творческий процесс, поэтому наряду с использованием алгоритмических процедур слушатели вынуждены применять и эвристические принципы действий, которые актуализируются в тех случаях, когда необходим выбор из большого числа возможных вариантов. Определяющую роль в процессе понимания устной научной речи выполняют стратегии смыслоформулирования. Они наиболее трудны для описания, стандартизации и экспериментальной верификации в силу их вариативности, изменчивости и специфичности в каждом конкретном случае. Основу для смыслоформулирования составляют фрагменты знаний, умозаключения, содержащие выводы об идентифицируемых объектах, их свойствах, наличии связей между ними, реализации действий, а также оценочные суждения, позволяющие слушателям проверить, насколько адекватны их действия требованиям исходной когнитивной задачи [1, с. 125]. Соответственно, базовыми являются следующие стратегии смыслоформулирования: стратегии построения ментальных репрезентаций через преобразование (детализацию) схем; стратегии конструирования концептуальных структур; построения репрезентаций по аналогии с известными понятиями или ситуациями; конструирования рассуждений и умозаключений, ориентированных на выдвижение смысловых прогнозов и их проверку. Цель данной статьи – установить процедурные особенности стратегий конструирования репрезентаций через преобразование когнитивных схем в эксперименте.

Основная часть

Под репрезентациями мы будем понимать ментальные конструкции, которые строятся в конкретном индивидуальном контексте для решения конкретных когнитивных задач. Если меняется объект понимания, ситуация или условия ее реализации, то, соответственно, меняются и репрезентации, причем изменение объекта не всегда требует кардинального преобразования репрезентаций. В этом случае возможно (и чаще всего происходит) их частичное изменение либо через детализацию когнитивной схемы, либо через интеграцию некоторых ее элементов и сведение их к более общему значению. Проиллюстрировать такие изменения можно на конкретных примерах, возникающих в ходе переработки научной информации. Так, если слушателю известно, что инфляция порождает рост цен, обесценение денег, падение жизненного уровня населения, безработицу, то на основе этих сведений о социально-экономических последствиях инфляции он при анализе новых специализированных контекстов, связанных с данным явлением, может добавить в уже существующую когнитивную схему новые элементы и заключить, что инфляция, помимо прочего, снижает объем производства, приводит к оттоку капитала из производственной сферы в торговлю или посреднические операции, где оборот капитала более быстрый, прибыль выше, а уклоняться от налогообложения легче, ограничивает кредитные операции, расширяет спекулятивную деятельность. Опытный слушатель может также заключить, что рост темпов инфляции значительно увеличивает действие этих факторов и в конечном итоге может привести к росту социальной напряженности в обществе. Возможны и незначительные изменения когнитивных схем. Например, если слушателю известно, что умеренная инфляция существенно ограничивает экспортные операции, то ему не составит труда сделать вывод о том, что при более высоких темпах, в частности при галопирующей инфляции или гиперинфляции, экспортная деятельность предприятий прекращается полностью. Эта информация найдет отражение в новой, модифицированной репрезентации и соответствующей когнитивной схеме. Осуществляя пошаговое изменение когнитивных схем и построенных на их основе репрезентаций, слушатель может кардинально модифицировать репрезентации, фактически заменяя их новыми. Но чаще всего при работе слушателей в сложных научных контекстах конструирование репрезентаций осуществляется путем незначительного изменения когнитивных схем, например через детализацию фрагментов индивидуальных знаний, селекцию схем и замену их переменных на специфическую информацию, пригодную для исходных контекстов. Так, если слушатель знает, что инфляция ограничивает кредитные отношения, то ему достаточно просто заключить, что развитие мелкого бизнеса в период инфляции затруднено невозможностью предпринимателей взять в банке дешевые кредиты. Отметим также, что когнитивные схемы позволяют не только детализировать перерабатываемую информацию, но и выдвигать прогнозы относительно недостающей информации [1, с. 51, 53]. Например, если слушателю известно, что инфляция ограничивает кредитные операции, то он может догадаться, что это происходит из-за удорожания кредитов, которые становятся непосильными для большей части населения. Данный контекст позволяет сделать и другие выводы, например о том, что повышение процентной ставки кредита осуществляется банками с целью обезопасить свои денежные ресурсы в будущем. Из этого также нетрудно заключить, что повышение процентной ставки является одной из эффективных мер антиинфляционной политики банков. Так пошагово, меняя когнитивные схемы и построенные на их основе репрезентации, слушатель по ходу переработки

научной речи осваивает понятийное пространство отдельных тематических блоков и перемещается от одних тематических рубрик к другим. В приведенных примерах подобное ментальное перемещение выразилось в переходе слушателя от анализа социально-экономических последствий инфляции к анализу мер антиинфляционной политики в банковской сфере.

Использование слушателями при переработке научной информации когнитивных схем в качестве базового конструкционного материала обеспечивает достижение как минимум двух целей: во-первых, позволяет модифицировать существующую схему знаний, обогатив ее в процессе реструктурирования; во-вторых, помогает сконструировать на основе первичной когнитивной схемы новую сеть связей и, следовательно, новую когнитивную схему. По принятой нами терминологии первая процедура порождает модифицируемую репрезентацию, а вторая – субъективную интерпретацию. Отметим также, что модифицируемая или конструируемая когнитивная схема в процессе переработки научной информации способна выполнять три функции – конкретизирующую, компенсаторно-прогностическую и генерализирующую. Суть первых двух функций состоит в том, что на основе сведений, содержащихся в когнитивной схеме, опытные слушатели могут не только соотносить идентифицируемые речевые единицы с конкретными узлами этой схемы (конкретизирующая функция), но и выдвигать прогнозы относительно недостающей информации (компенсаторно-прогностическая функция). Проиллюстрировать их действие можно на примере переработки испытуемыми стимульного высказывания *Сила трения зависит от вязкости среды*. Испытуемым было предложено прокомментировать данное утверждение или составить на его основе небольшой текст. В эксперименте участвовали испытуемые двух групп: первая была представлена студентами-иностранцами, вторая – носителями языка. По уровню профессиональной подготовки обе группы коррелировали между собой. Большинство испытуемых обеих групп достаточно квалифицированно прокомментировали стимульное высказывание. Они попытались расширить его и установить логико-смысловую связь между понятиями *вязкость среды* и *сила трения*. С этой целью один из испытуемых из группы носителей языка построил логическое умозаключение: *Чем больше вязкость среды, тем больше сила трения*. Осмыслив оба физических понятия и увязав их между собой, студент достроил когнитивную схему путем привлечения в нее дополнительных сведений о квалифицирующих признаках понятий *вязкость среды* и *сила трения* и причинах, влияющих на их изменение. Благодаря данной процедуре в итоговой схеме появились дополнительные элементы, которые существенно расширили и детализировали исходную схему. Одним из фрагментов итоговой схемы стало сформулированное испытуемым утверждение: *Наименьший уровень вязкости характерен для вакуумных сред, а поэтому в вакууме сила трения отсутствует*. У другого испытуемого дополнение схемы проходило в сторону усиления признака *вязкость*. Исходное высказывание он дополнил следующим утверждением: *В вязких средах сила трения огромна*. Третий испытуемый дополнил стимульное предложение фразой *Сила вязкого трения всегда направлена в сторону, противоположную движению предмета*. Четвертый испытуемый продолжил исходное высказывание дефиницией понятия *вязкость*: *Вязкость – свойство жидкостей и газов оказывать сопротивление перемещающимся потокам текучих тел*. При необходимости все перечисленные схемы могут быть «развернуты» и преобразованы в текст, в котором представленная информация будет количественно и качественно превосходить воспринятую, например: *Сила трения зависит от вязкости среды. Наименьший уровень вязкости характерен для вакуумных сред, поэтому в вакууме сила трения отсутствует*. В этой модифицированной схеме первая часть иллюстрирует первичную когнитивную схему, а вторая – ее новый, детализирующий компонент. В дальнейшем при переработке информации, относящейся к теме стимульного высказывания, этот модифицированный вариант когнитивной схемы может стать базовой конструкционной единицей слушателя при работе в новых контекстах. Возможен и другой путь преобразования первичной когнитивной схемы, когда слушатель вносит в нее незначительные корректировки, например заменяя или добавляя какой-нибудь один конструктивный элемент: *Сила трения зависит от вязкости жидких и текучих сред*. В первом случае построенную слушателем репрезентацию можно назвать трансформационной, включающей элементы свободной интерпретации, во втором – частично модифицированной. По сути, эти репрезентации иллюстрируют разные подходы слушателей к преобразованию когнитивных схем, но их общей чертой является то, что в обоих случаях конструирование репрезентаций осуществляется через детализацию, уточнение и дополнение когнитивных схем. Однако так происходит не всегда. Иногда слушатели не могут построить детализированные схемы, и тогда они вынуждены двигаться в обратном направлении – от частного к общему, т. е. по пути генерализации когнитивной схемы. Суть генерализирующей функции когнитивной схемы состоит в том, что на основе сведений, содержащихся в ней, опытные слушатели могут интегрировать некоторые элементы информации и свести их к более общему значению. Так, например, если слушателям, исходя из текста, стало известно, что лантан, скандий и иттрий имеют сходные химические свойства, то им нетрудно заключить, что все эти элементы относятся к одной и той же группе химических

элементов. Таким образом, при переработке научной информации в своих рассуждениях слушатели могут использовать оба варианта модификации схем: идти от общего к более частному, формируя детализирующие репрезентации, или, наоборот, следовать от частного к более общему, формируя генерализирующие репрезентации. Если на уровне категоризации понятий частотны оба пути модификации, то на уровне текстового смыслоформулирования более приемлем путь детализации когнитивных схем. Это объясняется тем, что генерализирующий путь модификации схем способен вывести слушателей лишь на понимание общего смысла научного текста без освоения его смысловых деталей, а такое понимание не является глубоким и осмысленным и отражает поверхностный подход слушателей к освоению содержания текста. При переработке информации генерализирующий путь модификации схем возможен, но не как стратегия, а, скорее, как тактический прием, направленный на освоение слушателями наиболее трудных фрагментов текста. После завершения их переработки слушатель вновь должен выйти на уровень детализации схем и конструирования детализирующих репрезентаций, поскольку в противном случае содержание текста окажется неосвоенным.

Эксперимент по исследованию стратегий конструирования репрезентаций через детализацию схем в процессе переработки испытуемыми научной речи строился на основе комплексного использования двух экспериментальных методов – вопросной методики и метода комментирования. В эксперименте приняли участие 20 студентов, обучающихся по экономическим специальностям, обладающих примерно равными профессиональными компетенциями и распределенных по двум группам: первая была представлена иностранцами, вторая – носителями языка. Выводы, касающиеся индивидуальных подходов слушателей к конструированию репрезентаций через преобразование схем, строились не только на результатах описанных экспериментов, но и на материале других экспериментов, которые выполнялись автором на протяжении многих лет в рамках исследования стратегий понимания устной научной речи иностранцами и носителями языка [2–8]. В ходе эксперимента испытуемым предлагалось прослушать небольшие фрагменты текста лекции по экономике и прокомментировать их по схемам, заданным в установочных вопросах экспериментатора, которые не только касались содержания прослушанных фрагментов текста, но и имели отношение к эксплицитно не выраженной в текстах информации, которую можно восстановить на основе дотекстовых знаний или логическим путем. К стимульным фрагментам текста вопросы были подобраны таким образом, что каждый из них имел собственную целевую установку, направленную на построение испытуемыми разных типов репрезентаций – буквальных, или нулевых, почти целиком основанных на старых когнитивных схемах и не требующих структурной или смысловой перекомпоновки; частично модифицированных, базирующихся на замене отдельных частей когнитивных схем или их дополнении детализирующими структурами; трансформационных, заключающихся в глобальном преобразовании когнитивных схем и содержащейся в тексте информации; свободных интерпретаций, основанных только на знаниях испытуемых (без опоры или с частичной опорой на текстовую информацию); логических интерпретаций, базирующихся на знаниях и логике научных фактов. Так, например, первый вопрос к первому стимульному фрагменту текста ориентировал испытуемых на использование в ответе информации, содержащейся в этом фрагменте, и требовал лишь ее перекомпоновки. Большинство иностранных испытуемых так и поступили. Характерной особенностью построения их ответов была максимальная опора на текстовую информацию. Поскольку в тексте для составления правильных ответов на большинство вопросов такой информации не хватало, это отражалось на точности некоторых формулировок. Так, например, вместо нормативного варианта ответа на первый вопрос (*Макроэкономическое равновесие достигается при таком состоянии экономики, когда совокупный спрос равен совокупному предложению*) некоторые иностранные испытуемые сформулировали неточные ответы: *Макроэкономическое равновесие достигается через воздействие на совокупный спрос; Макроэкономическое равновесие достигается, когда используются все факторы производства*. Ответы большинства носителей языка на этот вопрос, напротив, оказались достаточно точными: *Макроэкономическое равновесие достигается при сбалансированности совокупного спроса и предложения, сбалансированности производства и потребления, сбалансированном состоянии экономики и экономической конъюнктуры, равновесии и пропорциональности экономических процессов, равновесии платежного баланса*. В отличие от первого второй вопрос к первому стимульному фрагменту текста ориентировал испытуемых на формулирование собственных выводов без опоры на текст, поскольку в нем отсутствовала информация, на основе которой можно было бы дать правильный ответ. Это требовало построения субъективных прогностических интерпретаций по свободным моделям, основанным не на текстовой информации, а на имеющихся у испытуемых знаниях (когнитивных схем) и логических умозаключениях. Большинству иностранцев не удалось выдвинуть точные прогнозы по второму вопросу, и их ответы оказались неудачными, т. е. испытуемые этой группы посчитали, что достичь макроэкономического равновесия при полном использовании факторов производства в условиях нестабильного уровня цен нельзя. К таким же выводам пришли и некоторые

носители языка, но большинство из них правильно ответили на вопрос, посчитав, что *достичь макроэкономического равновесия при полном использовании факторов производства в условиях нестабильного уровня цен можно, но только в очень короткие временные интервалы, ограниченные периодами резких скачков цен*. Третий вопрос к первому стимульному фрагменту текста для испытуемых обеих групп оказался нетрудным, хотя также требовал опоры на знания и логику, а не на текст. Относительная легкость построения ответа на этот вопрос объясняется прозрачностью логической связи между величинами совокупного спроса и занятости. Для большинства испытуемых обеих групп эта связь оказалась очевидной: *Чем больше спрос на произведенную продукцию в обществе, тем выше занятость: чем меньше спрос, тем ниже занятость*. Таким же легким для испытуемых оказался первый вопрос ко второму стимульному фрагменту текста, однако причина этого была иной: ответ содержался в самом тексте, поэтому от испытуемых требовалось лишь вспомнить нужную информацию из прослушанного фрагмента текста. Точным вариантом ответа в этом случае оказалась следующая формулировка: *Макроэкономический баланс достигается через изменение расходов в рамках проводимой денежной и бюджетной политики*. Определенные трудности для испытуемых (преимущественно иностранцев) представлял второй вопрос ко второму стимульному фрагменту текста. Этот вопрос ориентировал участников эксперимента на формулирование собственных выводов без опоры на текст, поскольку в нем отсутствовала информация, с использованием которой можно было бы дать правильный ответ. Это требовало построения субъективных прогностических интерпретаций по свободным моделям, основанным на имеющихся у испытуемых знаниях и логических умозаклчениях. Иногда это приводило к неточностям в формулировках, хотя в большинстве случаев ответы и их мотивировочные части были верными, поскольку испытуемым требовалось сделать несколько несложных умозаклчений: *Повышение валютного курса ведет к снижению ценовой конкуренции, эффективность экспорта падает, а это приводит к сокращению экспорта и производства в целом и расширению импорта*. Большинство испытуемых так и поступили, предложив свои варианты ответов: *Повышение валютного курса ведет к снижению покупки валюты, необходимой предприятиям для закупки импортных деталей, которые нужны для производства продукции. Это повышает цену продукции и делает невозможным ее реализацию за рубежом; Рост валютного курса осложняет проведение экспортных операций в связи с дополнительными затратами предприятий на закупку валюты для производственных целей*. Ответы некоторых испытуемых оказались неточными и имели противоположную по смыслу аргументацию: *Рост валютного курса приводит к увеличению экспорта, так как в этом случае продукцию выгоднее продавать за рубежом, а не внутри страны*. Самый точный, полный и аргументированный ответ был зафиксирован у одного испытуемого из группы носителей языка: *Резкое повышение валютного курса ведет к снижению ценовой конкуренции, а это приводит к сокращению экспорта, производства и расширению импорта. Рост валютного курса стимулирует приток в страну иностранных инвестиций, увеличивает вывоз прибылей по иностранным инвестициям, а значит, и уменьшает реальную сумму внешнего долга страны*. Нетрудными для испытуемых обеих групп оказались первые два вопроса к третьему стимульному фрагменту текста, так как вся информация, необходимая для построения ответов, содержалась непосредственно в самом тексте и испытуемым требовалось лишь актуализировать ее. Последний вопрос к третьему стимульному фрагменту текста был ориентирован на формулирование испытуемыми собственных умозаклчений при частичной опоре на содержащуюся в тексте информацию. При этом ход мыслей испытуемых, сформулировавших правильные ответы, был таков: *Если девальвация валютного курса приводит к росту производства, экспорта и снижению импорта, а ревальвация – к сокращению производства, экспорта и увеличению импорта, то равновесный валютный курс делает экономическую ситуацию в стране более сбалансированной*. Вопросы к последнему фрагменту текста были ориентированы на построение испытуемыми репрезентаций, основанных на частичном изменении содержащейся в тексте информации, а поэтому при подготовке ответов на них испытуемым требовалось лишь вспомнить нужную информацию, опираясь либо на текст, либо на собственные знания.

Оценка построенных испытуемыми репрезентаций осуществлялась на основе соотношения использования в них импликационной (текстовой) и внетекстовой информации. Если при построении ответов испытуемые использовали только текстовую информацию, то такие репрезентации условно квалифицировались нами как буквальные, или нулевые. Наличие буквальных репрезентаций свидетельствует о том, что при формулировании ответов испытуемые больше доверяли текстовой информации, а не своим знаниям. И наоборот, если при построении ответов испытуемые использовали только внетекстовую информацию, то такие репрезентации мы условно квалифицировали как свободные. Наличие свободных репрезентаций свидетельствует о том, что при формулировании ответов испытуемые полагались только на свои знания, а не на текстовую информацию. При этом возможны две причины построения свободных репрезентаций, которые часто бывают взаимосвязанными. Первая

причина – отсутствие в тексте информации, необходимой для построения ответа. Вторая – уверенность слушателя в том, что его знание проблематики значительно превышает по качеству и объему текстовую информацию. Между буквальными и свободными репрезентациями можно выделить большой массив неоднородных по своему составу промежуточных репрезентаций. Условно мы установили три типа промежуточных репрезентаций – частично модифицированные репрезентации, в которых производились замены отдельных частей когнитивных схем; частично преобразованные репрезентации, в которых исходная когнитивная схема дополнялась новой детализирующей информацией; трансформационные репрезентации, которые основаны на глобальном преобразовании когнитивных схем. Помимо этих видов репрезентаций, мы выделили также группу логических репрезентаций, основанных на знаниях, логике и обусловленности научных фактов. Условно свободные и логические репрезентации мы называли интерпретационными репрезентациями, или свободными и логическими интерпретациями.

Заключение

Разработанная нами классификация репрезентаций достаточно точно отражает суть и функциональную направленность процессов смыслоформулирования при переработке научной информации. По ходу восприятия научной речи слушатели постоянно вносят изменения в свои когнитивные схемы, частично или существенно модифицируют их, подгоняя под текущие ситуации речепонимания. Благодаря этому осуществляется постоянное движение мысли, и слушатели пошагово осваивают поступающую информацию. Всего нами установлены семь видов репрезентаций, которыми оперируют слушатели в процессе переработки научной информации, – буквальные (или нулевые), частично модифицированные, частично преобразованные, трансформационные с элементами свободной или логической репрезентации, свободные, свободные с элементами логической репрезентации, логические. Нерешенным остается только один вопрос, касающийся разграничения понятий «старая» (немодифицированная) и «новая» (модифицированная) части схемы. Если за основу разграничения взять когнитивные схемы слушателя, хранящиеся в его динамической памяти, то их репертуар нам неизвестен, и выделить из его состава старые и новые части когнитивных схем невозможно. И хотя преподаватели-русисты, работающие с иностранцами, достаточно точно прогнозируют, какие понятия и смысловые структуры при освоении научных текстов окажутся для иностранцев знакомыми, а какие – новыми, установить это экспериментально очень трудно. Правда, данная проблема существенно упрощается, если за основу взять не когнитивные схемы памяти, а когнитивные схемы, приложенные к конкретному научному тексту. В этом случае проблема разграничения старых и новых частей когнитивных схем решается просто: если слушатели могут восстановить конкретные фразы, высказывания или смысловые структуры без изменений, то это означает, что данные речевые структуры им известны, и, напротив, если слушатели предпринимают попытку модифицировать или преобразовывать их в иные структуры, то это означает, что исходные текстовые структуры воспринимаются ими как частично или полностью незнакомые. Конечно, такая зависимость имеет весьма условный характер, поскольку причины преобразования исходных текстовых структур могут быть и иными, не связанными с упомянутыми параметрами, но в общих чертах эта зависимость отражает правильный подход к разграничению понятий «старая» (немодифицированная) и «новая» (модифицированная) части схемы.

Библиографические ссылки

1. Ришар Ж. Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. М., 1998.
2. Лебединский С. И. Восприятие устной научной речи: стратегии сегментации звучащей речи и идентификации терминов. Минск, 2008.
3. Лебединский С. И. Восприятие устной научной речи: стратегии понимания смысловой информации на уровне микро- и макротекстов. Минск, 2009.
4. Лебединский С. И. Стратегии смыслового восприятия и интерпретации устной иноязычной научной речи. Минск, 2014.
5. Лебединский С. И. Стратегии смыслоформулирования и конструирования ментальных репрезентаций // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. 2015. № 5. С. 22–29.
6. Лебединский С. И. Стратегии понимания устной научной речи // Вестн. БООПРЯИ. 2015. № 1. С. 4–9.
7. Лебединский С. И. О стратегиях смыслоформулирования // Лингводидактика: новые технологии в обучении русскому языку как иностранному : сб. науч. ст. Минск, 2016. Вып. 1. С. 106–113.
8. Лебединский С. И. Стратегии смыслоформулирования и конструирования ментальных репрезентаций как базовые стратегии переработки научной информации // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития : материалы VII Междунар. науч.-метод. конф. (Минск, 19–20 мая 2016 г.) / редкол.: С. И. Лебединский (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2016. С. 96–99.

References

1. Richard J. F. Mental'naya aktivnost'. Ponimanie, rassuzhdenie, nakhozhenie reshenii [Mental activity. Understanding, reasoning, finding solutions]. Moscow, 1998 (in Russ.).
2. Lebedinskiy S. I. Vospriyatie ustnoi nauchnoi rechi: strategii segmentatsii zvuchashchei rechi i identifikatsii terminov [Perception of oral scientific speech: segmentation strategies of sounding speech and identification of terms]. Minsk, 2008 (in Russ.).
3. Lebedinskiy S. I. Vospriyatie ustnoi nauchnoi rechi: strategii ponimaniya smyslovoi informatsii na urovne mikro- i makrotekstov [Perception of oral scientific speech: strategies of understanding of semantic information at the level of micro- and macrotexts]. Minsk, 2009 (in Russ.).
4. Lebedinskiy S. I. Strategii smyslovogo vospriyatiya i interpretatsii ustnoi inoyazychnoi nauchnoi rechi [Strategies of semantic perception and interpretation of oral foreign scientific speech]. Minsk, 2014 (in Russ.).
5. Lebedinskiy S. I. Strategies of meaning formulation and design of mental representations. *Vestnik MGLU. Ser. 1, Filologiya*. 2015. No. 5. P. 22–29 (in Russ.).
6. Lebedinskiy S. I. Strategies of understanding of oral scientific speech. *Vestnik BOOPRYI*. 2015. No. 1. P. 4–9 (in Russ.).
7. Lebedinskiy S. I. About strategies of meaning formulation. *Lingvodidaktika: novye tekhnologii v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu* : sb. nauchn. statei. Minsk, 2016. Vol. 1. P. 106–113 (in Russ.).
8. Lebedinskiy S. I. Strategies of meaning formulation and design of mental representations as the basic strategies of scientific information processing. *Teoriya i praktika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo: dostizheniya, problemy i perspektivy razvitiya* : materialy VII Mezhdunar. nauchn.-metod. konf. (Minsk, 19–20 May, 2016). Minsk, 2016. P. 96–99 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 09.01.2017.
Received by editorial board 09.01.2017.

ПОЛІСЕМАНТЫЧНЫЯ АНГЛАМОЎНЫЯ ЗАПАЗЫЧАННІ Ў МОВЕ СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ПУБЛІЦЫСТЫКІ

М. Л. САВАСЦЮК^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

Разглядаюцца змены ў семантыцы англамоўных запазычанняў у беларускай мове. Адзначана, што лексіка-семантычная сістэма мовы найбольш аператыўна рэагуе на ўсе змены экстралінгвістычнага і лінгвістычнага характару. Выяўлена больш за 200 полісемантычных англіцызмаў у прааналізаваным матэрыяле. Паказана, што хуткасць развіцця лексічнага складу беларускай мовы на сучасным этапе не дазваляе своєчасова фіксаваць новыя значэнні запазычаных адзінак у слоўніках. Вылучаюцца англіцызмы, у семантыцы якіх адбыліся змены. Параўноўваюцца значэнні слоў, якія прадстаўлены ў слоўніках беларускай мовы і ўжываюцца ў артыкулах беларускамоўных перыядычных выданняў апошніх двух дзесяцігоддзяў, акрэслены новыя значэнні ў семантыцы англіцызмаў. Зроблена выснова пра тое, што полісемантычнасць, як правіла, уласцівая англіцызмам, якія функцыянуюць у мове не менш за 30 гадоў.

Ключавыя словы: англіцызм; запазычанне; запазычанае слова; запазычванне; значэнне слова; семантычная адаптацыя; мнагазначнасць; полісемантычнае слова; звужэнне семантыкі; расшырэнне семантыкі.

ПОЛИСЕМАНТИЧЕСКИЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

М. Л. САВАСТЮК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Рассматриваются изменения в семантике англоязычных заимствований в белорусском языке. Отмечено, что лексико-семантическая система языка наиболее оперативно реагирует на все изменения экстралингвистического и лингвистического характера. Выявлено более 200 полисемантических англицизмов в проанализированном материале. Показано, что скорость развития лексического состава белорусского языка на современном этапе не позволяет своевременно фиксировать новые значения заимствованных единиц в словарях. Выделяются англицизмы, семантика которых претерпела изменения. Сравниваются значения слов, представленных в словарях белорусского языка и используемых в статьях белорусскоязычных периодических изданий последних двух десятилетий, определены новые значения в семантике англицизмов. Сделан вывод о том, что полисемантичностью, как правило, обладают англицизмы, функционирующие в языке не менее 30 лет.

Ключевые слова: англицизм; заимствование; заимствованное слово; значение слова; семантика; семантическая адаптация; многозначность; полисемантическое слово; сужение семантики; расширение семантики.

Образец цитирования:

Савасцюк М. Л. Полісемантычныя англамоўныя запазычанні ў мове сучаснай беларускай публіцыстыкі // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 1. С. 98–105.

For citation:

Savastsiuk M. L. Polysemantic English loanwords in articles of the Belarusian press. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 1. P. 98–105 (in Belarus.).

Автор:

Марина Леонидовна Савастюк – старший преподаватель кафедры английского языкознания филологического факультета.

Author:

Marina Savastsiuk, senior lecturer at the department of English linguistics, faculty of philology.
mlsmis@bk.ru

POLYSEMANTIC ENGLISH LOANWORDS IN ARTICLES
OF THE BELARUSIAN PRESSM. L. SAVASTSIUK^a^a*Belarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus*

Changes in semantics of a loanword in the recipient language are considered as a crucial factor in its adaptation. We have fixed over 200 polysemantic borrowings from the English language, according to dictionaries of the Belarusian language and new English loanwords used in articles of the Belarusian press. We compare meanings of the words in both the languages from the point of view of narrowing, widening or saving semantics of the donor language. We also come to the conclusion, that polysemanticism is characteristic for the loanwords which have been functioning in the language for over 30 years.

Key words: borrowing; loanword; narrowing of semantics; polysemantic; polysemanticism; recipient language; semantics; semantic change; widening of meaning.

Працэс запазычвання – з’ява старажытная. Гэты спосаб узбагачэння лексічнага складу выкарыстоўваўся ўжо на самых ранніх этапах функцыянавання беларускай мовы, шмат слоў іншамоўнага паходжання захаваліся ў ёй да нашых дзён. З другога боку, у апошнія дзесяцігоддзі актыўна з’яўляюцца новыя запазычання, якія ў працэсе адаптацыі на глебе мовы-рэцыпіента здольныя перажываць пэўныя семантычныя змены. Да ліку такіх пераўтварэнняў адносяцца расшырэнне або звужэнне семантыкі, атрыманне запазычаннем новых значэнняў.

У апошні час асабліваю цікавасць даследчыкаў выклікаюць запазычання з англійскай мовы, якія ўтвараюць шырокі пласт агульналітаратурнай лексікі, што з’явілася ў беларускай мове на мяжы 2–3-га тысячагоддзяў. Так, у двухтомным выданні «Слоўнік іншамоўных слоў» А. М. Булыкі змешчана больш за 25 000 запазычанняў, з іх, па нашых падліках, англіцызмы складаюць 8,4 % (каля 2100 адзінак). Падрыхтаваны намі корпус англіцызмаў сучаснай беларускай мовы налічвае больш за 2600 адзінак.

Фактычны матэрыял для гэтага даследавання мы адбіралі з газет «Звязда», «3года», «Культура», «Літаратура і мастацтва» (ЛіМ), «Народная воля», «Наша ніва» і часопісаў «Алеся», «Дзеяслоў», «Маладосць» за перыяд з 1995 па 2016 г. Для аналізу фактычнага матэрыялу выкарыстоўваліся наступныя лексікаграфічныя крыніцы: Булыка А. М. «Слоўнік іншамоўных слоў» у 2 тамах (Мінск, 1999), Булыка А. М. «Слоўнік іншамоўных слоў. Актуальная лексіка» (Мінск, 2005), «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» (ТСБЛМ) (Мінск, 1996), Уласевіч В. І., Даўгулевіч Н. М. «Слоўнік новых слоў беларускай мовы» (Мінск, 2009), *Compact Oxford English Dictionary* (Oxford, 2001). Акрамя таго, мы звярталіся да онлайн-слоўнікаў англійскай мовы (<http://www.dictionary.com>, <http://www.dictionary.cambridge.org>, <http://www.thefreedictionary.com>).

Хуткасьць, з якой англіцызмы (іх яшчэ называюць англаамерыканізмамі) з’яўляюцца ў беларускай мове, не дазваляе кожнаму слову цалкам адаптавацца да норм мовы-рэцыпіента. Адзначым, што адной з галоўных прыкмет засваення запазычаных слоў многія даследчыкі лічаць семантычную адаптацыю, паколькі для ўваходжання запазычаных слоў у сістэму мовы «значна важнейшым з’яўляецца не факт поўнай асіміляцыі формы, а яго семантычная эвалюцыя ў новых моўных умовах»¹ [1, с. 19]. Гэту думку падтрымлівае і В. А. Арыстава, якая мяркуе, што «менавіта лексіка-семантычная сістэма мовы, якая запазычвае, з’яўляецца сістэмай, што стымулюе далейшае развіццё або знікненне таго ці іншага слова з лексічнага фонду мовы, якая запазычвае слова. <...> Лексіка-семантычная сістэма найбольш адчувальна рэагуе на ўсе змены экстралінгвістычнага і лінгвістычнага характару» [2, с. 69]. Падобнай думкі прытрымліваецца і Т. А. Мальцава, паводле якой «фанетыка-марфалагічнае засваенне запазычанняў садзейнічае засваенню семантычнаму, але не вызначае і не накіроўвае яго. Семантычнае засваенне – вырашальны момант адаптацыі запазычаных слоў» [3, с. 52].

Семантычная адаптацыя – складаны і працяглы працэс, паколькі запазычанае слова павінна трывала замацаваць за сабой пэўнае значэнне або сукупнасць значэнняў, зразумелых дастаткова шырокаму колу носьбітаў мовы-рэцыпіента. Запазычанне пры гэтым становіцца ў адзін сінанімічны шэраг са словамі, якія ўжо ў ёй існуюць, прычым яно, як правіла, набывае сваё семантычнае або стылістычнае адценне. Адной з прыкмет семантычнай адаптаванасці запазычання выступае таксама характар замацаваных за ім трывалых семантычных адносін, пэўных ланцужкоў узаемазалежнасцей і ўзаемаабумоўленасцей з іншымі лексічнымі адзінкамі мовы-рэцыпіента. У працэсе запазычання англіцызмаў важную ролю

¹Тут і далей пераклад наш. – М. С.

адыгрываюць беларускамоўныя СМІ. Пранікненне тых ці іншых лексем з адной мовы ў другую заўсёды патрабавала ад носьбітаў мовы-рэцыпіента пэўнага ўзроўню валодання мовай-крыніцай, таму і лагічна выказаць думку пра тое, што заўсёды існуе першы прэцэдэнт ужывання замежнага слова ў кантэксце роднай мовы адным носьбітам мовы-рэцыпіента. Апошнім часам лінгвісты адзначаюць, што менавіта СМІ з'яўляюцца найбольш актыўным рэсурсам для ўзбагачэння мовы замежнымі словамі. Канвенцыяналізацыя лексемы – працэс паступовы, які патрабуе ўдзелу больш шырокага кола носьбітаў мовы-рэцыпіента, што выкарыстоўваюць іншамоўнае слова ў сваім ужытку. Пры гэтым журналісты і тут адыгрываюць пэўную ролю. Так, неаднаразова выкарыстанае ў пісьмовай мове перыядычнага друку запазычанае слова становіцца больш звыклым і зразумелым, хутчэй трапляе ў вусны ўжытак носьбітаў беларускай мовы. Істотнымі чыннікамі ў гэтым сэнсе з'яўляюцца тыражнасць і перыядычнасць выдання [4, с. 81].

У беларускай мове налічваецца больш за 200 полісемантычных англіцызмаў (у «Слоўніку іншамоўных слоў» А. М. Булыкі зафіксавана 201 адзінка). У дадзеным артыкуле разглядаюцца семантычныя змены, што адбыліся ў беларускай мове з полісемантычнымі англіцызмамі.

Звужэнне семантыкі запазычанняў

Як ужо адзначалася вышэй, словы іншамоўнага паходжання полісемантызуюцца найчасцей у выніку расшырэння або звужэння семантыкі.

Звужэнне семантыкі – памяншэнне семантычнага аб'ёму слова ў працэсе запазычвання, гістарычнага развіцця, моўнага ўжывання. Да групы англіцызмаў са звужанай семантыкай мы адносім словы, што трапілі ў беларускую мову не ва ўсім сваім семантычным аб'ёме, а з захаваннем аднаго (асноўнага або неасноўнага) або некалькіх (але не ўсіх) значэнняў, якія дадзенае слова мае ў мове-донары. Паводле матэрыялаў нашага даследавання, прыкладна 62 % слоў, якія маюць некалькі значэнняў у англійскай мове, запазычваюцца беларускай мовай толькі ў адным значэнні. Заўважым, што, як правіла, адсейванне значэнняў і ўсталяванне пэўнай семантыкі слова, якое трапляе ў беларускую мову, адбываецца пераважна ў мовах-пасрэдніках. Да гэтай групы адносяцца словы *бум*, *імідж*, *інсталяцыя*, *істэблішмент*, *кампаўнд*, *лэйбл*, *пікан*, *стопер* і інш.

Бокс ← box: калі ў мове-донары гэты назоўнік ужываецца ў значэннях 'вельмі малы пакой', 'скрынка, каробка', 'любая квадратная або прамавугольная прастора, агароджаная ад асноўнай тэрыторыі лініямі', то згодна са слоўнікам іншамоўных слоў у беларускай мове яно семантычна трансфармавалася да наступных значэнняў: 1) герметычная або ізаляваная камера для работы з мікраарганізмамі, радыеактыўнымі рэчывамі і г. д.; 2) агароджаная частка памяшкання ў лячэбных установах для ізаляванага ўтрымання хворага (гэта значэнне зафіксавана і ў ТСБЛМ): *Фармалін яму ў вены пампавалі. А электроніка з суседнім боксам спарана*¹ (Дзеяслоў, 2005, № 6); 3) металічная каробка, праз якую тэлефонны кабель уваходзіць у кабельную скрынку. Але вынікі аналізу фактычнага матэрыялу сведчаць пра тое, што гэта запазычанне ў апошнія гады пачало ўжывацца яшчэ ў двух значэннях, не зафіксаваных слоўнікамі беларускай мовы: 1) невялікая крама або палатка ў гандлёвым цэнтры ці на рынку: *Марудна вырашаецца пытанне з камплектаваннем працоўных калектываў гандлёвых боксаў* (Звязда, 2 кастр. 2009 г.); 2) невялікае тэхнічнае памяшканне: *Для тэхнікі спецыяльна пабудавалі боксы* (Звязда, 3 сак. 2016 г.). Апошні прыклад сведчыць пра тое, што запазычанне паступова пачынае ўжывацца і ў значэнні 'невялікае памяшканне', якое фіксуецца ў мове-донары.

Бум ← boom: у англійскай мове слова *boom* мае значэнні 'рэзкі ўздым дзелавай актыўнасці, перыяд росквіту і хуткага эканамічнага росту', 'шуміха або гучная рэклама'. Семантыка запазычання ў беларускай мове была ў пэўнай ступені звужана. У слоўніках А. М. Булыкі гэты англіцызм тлумачыцца наступным чынам: 1) кароткачасовы ўздым, рэзкае ажыўленне ў прамысловасці, гандлі і іншых сферах гаспадаркі: *Сапраўдны бум жыллёвага будаўніцтва пачаўся ў вёсцы* (Народная воля, 25 лют. 2005 г.); 2) перан. штучна ўзнятая шуміха, ажыятаж вакол чаго-небудзь: *Тады такія цацкі былі сапраўднай навінкай, выклікалі хвалю першага буму* (ЛіМ, 21 кастр. 2005 г.); *Сезонны бум на дачы і хаткі ў зялёнай зоне* (Звязда, 7 чэрв. 2007 г.). Варта адзначыць, што ў ТСБЛМ падаецца толькі другое з прыведзеных значэнняў.

Дэтэктыў ← detective / detective story: у англійскай мове лексема *detective* мае значэнні 'асоба, найперш афіцэр паліцыі, які займаецца расследаваннем і раскрыццём злачынстваў', 'чын афіцэра паліцыі, які займаецца расследаваннем злачынстваў'. *Detective story* – гісторыя, сюжэт якой разгортваецца вакол расследавання і раскрыцця злачынства. Значэнне слова «дэтэктыў» у слоўніках беларускай мовы перадаецца наступным чынам: 1) сышчык, агент вышукной паліцыі; 2) літаратурны твор або кінафільм,

¹Тут і далей пасля слоўнікавых дэфініцый прыводзяцца прыклады з сабранага намі фактычнага матэрыялу. – М. С.

якія адлюстроўваюць прыгоды сышчыкаў (ТСБЛІМ): «Са мною нешта адбываецца, са мною нешта адбываецца, нешта не тое, не тое», – паўтараў я сам сабе, марна намагаючыся дачытаць нарэшце пачаты тыдзень назад таму **дэтэктыў** (Маладосць, 2005, № 12); *І камерцыйны дэтэктыў набывае адценне экзістэнцыяльнай драмы* (Культура, 3–9 снеж. 2005 г.). У беларускамоўнай прэсе сустракаюцца выпадкі ўжывання гэтага запазычання ў іншых значэннях: 1) (ад *detective*) супрацоўнік прыватнага вышукнога агенцтва; 2) (ад *detective story*) тэатральны жанр, у цэнтры драматычных твораў якога – загадкавае здарэнне, высвятленне яго абставін і раскрыццё загадкі: *16 лютага – А. Адамчык, М. Клімковіч. «Чорны квадрат», кабэрэ-дэтэктыў у дзвюх частках без антракту* (Народная воля, 12 лют. 2005 г.); 3) (ад *detective story*) перан. забытая сітуацыя: *У час судовага разбіральніцтва сведкі з боку міліцыі, якія былі галоўнымі героямі ў гэтым вясковым дэтэктыве <...> былі блытанымі, супярэчлівымі, прыдуманымі* (Народная воля, 4 снеж. 2003 г.). Такім чынам, слова «дэтэктыў», утворанае ад англ. *detective*, паменшыла свой семантычны аб'ём у адрозненне ад аналагічнай лексемы, утворанай ад англ. *detective story*, якая пераняла значэнне з мовы-донара ў поўным аб'ёме.

Кантры ← *country dance, country music, country style*: паняцці «стыль кантры», «музыка ў стылі кантры», «танец кантры», якія ў англійскай мове ўжываюцца як словазлучэнні, у якасці азначэння абавязкова маюць прыметнік *country* 'загарадны, вясковы'. У беларускай мове для намінацыі адпаведных паняццяў, як правіла, выкарыстоўваецца толькі азначальнае слова «кантры», якое тлумачыцца як 'напрамак, стыль (у музыцы, архітэктуры, адзенні і інш.), які спалучае элементы народнай, нацыянальнай і сучаснай культур' («Слоўнік новых слоў беларускай мовы»): *Гурт «Блікі» на чале з Уладзімірам Угольнікам практыкуецца на рок-музыцы, звяртаецца і да кантры* (Культура, 26 жн. – 1 верас. 2006 г.).

Файл ← *file*: у англійскай мове слова выкарыстоўваецца ў якасці назоўніка і дзеяслова, у беларускую мову яно прыйшло як назоўнік. У англійскай мове лексема мае наступныя значэнні: 'папка для захоўвання папер', 'у камп'ютары – збор даных або праграм, якія захоўваюцца пад адзіным іменем', 'ланцуг людзей або рэчаў', *ваен.* 'малая група людзей', 'у шахматах – шэраг квадратаў, якія накіроўваюцца ад гульца да яго апанента'. У беларускай мове згодна з ТСБЛІМ і «Слоўнікам іншамовных слоў» А. М. Булыкі слова «файл» мае толькі адно значэнне, якое адпавядае другой дэфініцыі англійскага слова: *55-гадовы Віктар П'яца <...> быў зволены з прадрпрыемства па вытворчасці пазногіяў пасля таго, як у яго камп'ютары знайшлі **файлы** з дзіцячым порна* (Звязда, 1 кастр. 2005 г.); *Але яе ўжыванне дакладна рэгламентуецца дамовай на выкарыстанне **файла**, якую заключылі мастакі. Дык якім жа чынам **файл** ператвараецца ў прадукт, а каханне – у тавар?* (Культура, 8 жн. 2015 г.). Слова «файл» выкарыстоўваецца носьбітамі беларускай мовы і для абазначэння прарызстага канверта, які мае форму папкі.

Захаванне семантыкі запазычанняў

Згодна з вынікамі нашага даследавання 50 % англіцызмаў, якія ў беларускай мове фіксуюцца як мнагазначныя, трапілі ў яе з поўным захаваннем семантыкі. Галоўным чынам гэта тэрміналагічная лексіка, напрыклад: *бюз, гумарыст, дылер, ізаляцыянізм, менеджар, раўнд, рэтайм, сервер* і інш.

Аўтсайдар ← *outsider*: у ТСБЛІМ зафіксавана толькі адно значэнне гэтага англіцызма – 'каманда або спартсмен, якія займаюць адно з апошніх месцаў у спаборніцтве і не маюць шанцаў на перамогу': *Знакамітая англійская букмекерская кантора William Hill's лічыць **аўтсайдарам** сярод чатырох удзельнікаў паўфіналу «ПСВ»¹* (Чырвоная змена, 15 крас. 2005 г.); *Напачатку радаваліся, што выпала гуляць менавіта з заведомымі **аўтсайдарамі**...* (Беларуская думка, 2002, № 9). У «Слоўніку іншамовных слоў» А. М. Булыкі, акрамя названага, зафіксавана значэнне 'дробнае або сярэдняе прадпрыемства, якое не ўваходзіць у манапалістычнае аб'яднанне'. У слоўніках англійскай мовы слова тлумачыцца наступным чынам: 'кожны, хто не належыць да пэўнай групы'. Гэта значэнне адлюстравана і ў «Слоўніку новых слоў беларускай мовы»: *На сусветным рынку існуе жорсткая канкурэнцыя, тут ёсць свае лідары і **аўтсайдары*** (Звязда, 24 крас. 2003 г.); *Бадай што самыя раскручаныя з сучасных беларускіх аўтараў – Адам Глобус і Валянцін Акудовіч – з'яўляюцца **аўтсайдарамі** рэйтыngu* (Згода, 16 ліп. 2004 г.).

Вестэрн ← *western*: у англійскай мове слова з'яўляецца прыметнікам і назоўнікам, у беларускай мове фіксуецца толькі як назоўнік. Паводле ТСБЛІМ, ён мае наступныя значэнні: 1) фільм або раман пра каўбояў у паўночна-заходняй Амерыцы: *Жанр: **вестэрн**, крымінальная драма* (Наша ніва, 21 ліп. 2006 г.); 2) стыль у адзенні, які характарызуецца элементамі, што былі пераняты дызайнерамі ў жыхароў паўночна-заходняй Амерыкі: *Стыль «**вестэрн**» носіць рамантычны налёт: каўбойскія боты з карункавымі сукенкамі, а індзейскае понча – з калготкамі ў кветачкі* (Наша ніва, 8 ліп. 2005 г.).

¹Тут і далей цытаты прыводзяцца ў адпаведнасці з нормамі сучаснай беларускай мовы.

Вінчэстар ← *Winchester*: слова трапіла ў беларускую мову разам з прадметамі і паняццямі, якія яно абазначае. Пры гэтым першае значэнне з’явілася ў слова прыблізна на 70 гадоў раней, чым другое: 1) тып вінтоўкі, у казённую частку якой заражаецца магазін («Слоўнік іншамоўных слоў» 1999 г.); 2) прылада памяці камп’ютара ў выглядзе цвёрдага магнітнага дыска («Слоўнік іншамоўных слоў. Актуальная лексіка» 2005 г.): *У аднаго з іх пры вобыску канфіскаваны манітор, сістэмны блок, прынтар і пяць вінчэстараў* (Народная воля, 1 чэрв. 2004 г.). Цікава, што ў англійскай мове прылада памяці камп’ютара была названа як тып вінтоўкі праз супадзенне яе калібру з першапачатковым лічбавым найменнем дыска.

Дысонт/дыскаўнт ← *discount*: запазычанне захавала арыгінальную семантыку, у працэсе адаптацыі ад яго ўтварыліся дэрываты. У слоўніках фіксуецца наступныя значэнні: 1) працэнт, які атрымлівае банк пры ўліку вэксяляў; 2) скідка з цаны тавару, курсу валюты ў біржавых і валютных здзелках: *У Мінску на вуліцы Прытыцкага, 144 (Фрунзенскі раён) адкрыўся першы ў краіне харчовы магазін нізкіх цэн (фармат «дыскаўнт»)* (Народная воля, 13 снеж. 2003 г.); *Чалавек, які ў нас купляе машыну ці запчасткі да яе другі раз і болей, карыстаецца дысонтнай сістэмай разлікаў, гэта значыць яму прадастаўляюцца значныя скідкі* (Чырвоная змена, 4 мая 2007 г.).

Ноу-хау ← *know-how*: у англійскай мове слова выкарыстоўваецца ў значэнні ‘веды, вопыт у пэўнай сферы, кампетэнцыя’. З аналагічным значэннем яно ўжываецца і ў беларускай мове. Трэба заўважыць, што ў ТСБЛМ падаецца шырокае тлумачэнне гэтай лексемы: ‘дакументальна аформленая інфармацыя пра сучасныя тэхналогіі, навукова-тэхнічныя дасягненні, камерцыю, сэрвіс’. У слоўніку 2005 г. А. М. Булыкі зафіксаваны два значэнні слова «ноу-хау», якія супадаюць з сэнсавымі межамі яго адпаведніка ў англійскай мове: 1) сукупнасць тэхнічных ведаў, вопыту, неабходных для ажыццяўлення якога-небудзь вытворчага працэсу; кампетэнцыя, набытая працяглым вопытам; 2) камерцыйная, тэхнічная, тэхналагічная інфармацыя ў выглядзе спецыяльнай тэхнічнай дакументацыі, вытворчага вопыту. У двух гэтых значэннях слова і выкарыстоўваецца ў сучасных публіцыстычных тэкстах: *Галоўным «ноу-хау» ўстаноўкі з’яўляецца газагенератар, які дазваляе паліць салому пры тэмпературы больш за 100 градусаў* (Звязда, 1 кастр. 2005 г.); *Затое мы пазнаёміліся з ноу-хау сапоцкіх культработнікаў* (Культура, 12–18 лістап. 2005 г.); *Нашчадкам пралетарыяў гэтае «ноу-хау» прыйшлося даспадобы* (Народная воля, 22 крас. 2004 г.); *Кааперацыя дазволіць <...> забяспечыць атрыманне ноу-хау ў новых галінах* (Звязда, 20 студз. 2016 г.); *Яшчэ адно вельмі моднае дызайнерскае «ноу-хау»: вязаныя шарсцяныя пальчаткі з малюнкам* (Алеся, 2016, № 10).

Радыкал ← *radical*: у беларускай мове слова мае тыя ж значэнні, што і ў англійскай. Адзінае адрозненне заключаецца ў тым, што другое значэнне пераносным лічыцца толькі ў беларускай мове: 1) прыхільнік радыкальных палітычных або сацыяльных рэформ, член радыкальнай партыі: *А паглядзіце <...> як пачалі адпяваць – і з экрана, і ў перадавых артыкулах, і ў персанальных калонках – «нацыянал-радыкалаў»* (Народная воля, 18 ліп. 1995 г.); 2) прыхільнік крайніх, рашучых, інавацыйных, прагрэсіўных поглядаў, рашучых дзеянняў: *«Характэрна, што такіх радыкалаў не прымае не толькі пераважная большасць народа, але нават тая зусім невялікая частка людзей, якая не падзяляе пэўныя стратэгіі ўлады», – каментуе Прэзідэнт* (Звязда, 5 лістап. 2015 г.).

Скотч ← *scotch*: у англійскай мове, як і ў беларускай, гэта слова функцыянуе ў наступных значэннях: 1) моцны алкагольны напітак, шатландскае віскі («Слоўнік новых слоў беларускай мовы»); 2) клейкая празрыстая стужка для канцылярскіх, гаспадарчых патрэб («Слоўнік іншамоўных слоў»): *Газавы і пнеўманічны пісталеты, вярхоўка, вязаныя шапачкі з прарэзамі для вачэй і скотч канфіскаваны супрацоўнікамі Фрунзенскага аддзела аховы сталіцы* (Звязда, 16 лістап. 1999 г.); *Нейкі дзівак адно з хворых дрэўцаў перавязаў чорным скотчам* (Маладосць, 2006, № 9); *Згортваем сегмент у выглядзе конуса і замацоўваем скотчам* (Звязда, 20 лют. 2016 г.).

Хет-трык ← *hat-trick*: у англійскай мове слова валодае значэннямі ‘тры аднолькава забітыя галы, асабліва ў футболе або крыкеце, калі іх забіў адзін і той жа гулец за адзін матч’, ‘тры перамогі запар’. Паводле ТСБЛМ, слова ўжываецца ў выразе *забіць хет-трык* і мае значэнне ‘тройчы паразіць вароты праціўніка ў адной гульні адным і тым жа спартсменам (у хакеі, футболе)’. «Слоўнік іншамоўных слоў» фіксуе наступныя значэнні: 1) тры галы, забітыя адным гульцом у адным матчы (у футболе, хакеі): *Але ў Італіі «прагнуўся» Росі і зрабіў у матчы з бразільцамі хет-трык* (Наша ніва, 7 ліп. 2006 г.); 2) тры перамогі запар у спартыўных спаборніцтвах. Гэта сведчыць пра тое, што паступова запазычанне набыло значэнні, якімі слова валодае ў мове-донары.

Хэпенінг ← *happening*: англіцызм у беларускай мове захаваў значэнні, уласцівыя яму ў мове-донары, з тым толькі адрозненнем, што ў англійскай мове лексема значна часцей ужываецца ў значэнні ‘здарэнне’, а ў беларускай мове выкарыстоўваецца галоўным чынам для абазначэння віду сцэнічнага дзеяння, для якога характэрны парадаксяльнасць і наўмысная бязмэтнасць, разлік на шырокую

імправізацыю («Слоўнік іншамоўных слоў»): Многія чулі пра вынаходніцтва ў 1952 годзе Джонам Кейджам *хэпенінгу* – прадстаўлення, якое не выкарыстоўвае тэкст ці раней падрыхтаваную праграму. У ім ствараецца дзеянне з дапамогай хаатычнага з’яднання розных відаў мастацтваў (ЛіМ, 27 снеж. 1996 г.); Метафара «раскруціць мастака» была літаральна перакладзена на мову мастацкай акцыі, *хэпенінгу* (ЛіМ, 24 крас. 1998 г.).

Расшырэнне семантыкі запазычанняў

Шэраг слоў англамоўнага паходжання на новай моўнай глебе перажылі семантычнае развіццё і пачалі ўжывацца для абазначэння новых аб’ектаў. Пры гэтым трэба ўлічваць і той факт, што вялікі ўплыў на семантыку запазычанняў у беларускай мове аказваюць мовы-пасрэдніцы, асабліва руская мова. Да слоў англамоўнага паходжання, якія пашырылі свой семантычны аб’ём, мы адносім наступныя моўныя адзінкі:

- англіцызмы, якія былі запазычаны ў поўным семантычным аб’ёме і набылі новае значэнне ў мове-пасрэдніцы;
- словы, якія былі запазычаны з частковым захаваннем семантычнага аб’ёму, але пашырылі яго ў мове-пасрэдніцы: да гэтай групы адносяцца словы, якія ў працэсе адаптацыі змянілі сваю семантыку. Поўная змена лексічнага значэння сведчыць пра высокую ступень сэнсавага асваення запазычанага слова. Вынікі нашага даследавання паказалі, што большасць англіцызмаў, якія функцыянуюць у беларускай мове, маюць тую ж значэнні, што і ў рускай мове, якая выступала пасрэдніцай пры іх пранікненні на беларускую глебу;
- словы, якія пашырылі сваю семантыку ў беларускай мове.

Разгледзім некаторыя англіцызмы, што набылі дадатковыя значэнні, якіх не мелі ў мове-донары.

Аўрал ← overall: у беларускай мове гэта запазычанне мае два значэнні: 1) спешная сумесная работа на марскім судне, у якой удзельнічае ўвесь асабовы склад карабля; 2) *перан.* вельмі спешная работа ўсяго калектыву, выкліканая кепскай арганізацыяй справы («Слоўнік іншамоўных слоў»). З другім значэннем слова і вытворным ад яго выкарыстоўваюцца ў размоўнай і публіцыстычнай сферах значна часцей: *Вытворчасць такіх камбайнаў зняла б праблему «аўралаў» на ўборцы* (Народная воля, 4 лют. 2005 г.); *...да вырашэння праблемы падключаюцца ў аўральным рэжыме спецыялісты другой лініі* (Звязда, 5 лістап. 2015 г.).

Дальтанізм, дальтонік ← Dalton: у ТСБМ слова «дальтанізм» тлумачыцца як «недахоп зроку, звязаны з няздольнасцю адрозніваць некаторыя колеры, звычайна чырвоны і зялёны». Адпаведна, дальтонік – чалавек, які хварэе на дальтанізм. У перыядычным друку зафіксавана выкарыстанне гэтых запазычанняў у пераносным значэнні: *дальтанізм* – няздольнасць чалавека заўважаць відавочнае, недальнабачнасць; *дальтонік* – асоба, якая не заўважае відавочных рэчаў, не дасведчаная ў пэўнай сферы: *Крэмль у беларускім пытанні звяртаецца па дапамогу да тых палітэхналогій, якія ўжо паказалі свой палітычны дальтанізм ва Украіне* (Наша ніва, 8 ліп. 2005 г.); *Дык вось, калі паступіў на журфак, адчуў сябе <...> моўным дальтонікам* (ЛіМ, 9 снеж. 2005 г.).

Кактэйль ← cocktail: паводле ТСБЛМ, англіцызм мае значэнне «напітак – сумесь віна, каньяку, соку і падобнага з цукрам і прыправамі». У «Слоўніку іншамоўных слоў» гэтаму запазычанню даецца больш канкрэтызаванае азначэнне, якое ўдакладняе семантыку слова: 1) напітак з сумесі розных спіртных вырабаў (віна, лікёру, каньяку) з цукрам і вострымі прыправамі; 2) безалкагольны напітак з сумесі малака, фруктовага соку, марожанага. Гэтыя значэнні ўласцівыя слову і ў англійскай мове. Варта адзначыць, што ў апошні час яно пачало абазначаць любы напітак, прыгатаваны з сумесі некалькіх інгрэдыентаў: *Ужываць пратэінавыя кактэйлі і розныя дабаўкі, як бы ні распаўнела, не стану* (Чырвоная змена, 9 верас. 2005 г.); *Пры авітамінозах рэкамендуецца такія танізуючы кактэйль* (Звязда, 4 лістап. 2006 г.); *Тэрмометр, вядома, набіўся, але падлетак вырашыў употай зліць атрыманы ртутны «кактэйль» у каналізацыю* (Звязда, 14 кастр. 2015 г.). У апошнім прыкладзе лексема «кактэйль» ужыта ў іранічным сэнсе, пад ёй разумеецца вадкая хімічная сумесь. Таксама фактычны матэрыял з беларускай перыёдыкі сведчыць пра тое, што гэта слова дастаткова шырока выкарыстоўваецца ў пераносным значэнні. Кактэйлем нярэдка называюць любы аб’ект, які складаецца з некалькіх частак: *18 лютага – «Эстрадны кактэйль», тэатральнае шоу ў дзвюх дзях* (Народная воля, 12 крас. 2005 г.); *Інфарм-кактэйль* (назва рубрыкі) (Звязда, 3 студз. 2005 г.); *І новы дырэктар вырашыў іх аб’яднаць, стварыць «кактэйль» з жанраў, краін і стагоддзяў* (Культура, 1 жн. 2015 г.). Можна канстатаваць, што гэта англамоўнае запазычанне пры адаптацыі ў беларускай мове, з аднаго боку, перажыло звужэнне семантыкі, а з другога – набыло новае значэнне, якога не існуе ў мове-донары. Адзначым, што кактэйлем называюць таксама страву, якая складаецца з сумесі маленькіх кавалачкаў ежы, і сумесь разнастайных субстанцый або фактараў, якія часта маюць негатыўнае адценне.

Рэйд ← *raid*: у англійскай мове слова мае наступныя значэнні: ‘хуткі нечаканы набег на ворага або на валоданні з мэтай учыніць злачынства’, ‘нечаканы прыезд паліцыі з мэтай арышту падазронага або канфіскацыі тавараў, якія незаконна ўтрымліваюцца’. Згодна з ТСБЛМ семантыка дадзенага запазычання некалькі трансфармавалася: 1) набег рухомых ваенных сіл у тыл праціўніка з мэтай ажыццяўлення баявых дзеянняў: *Хто са зброяй у руках будзе адбіваць татарскія набегі, крыжацкія рэіды?* (Маладосць, 2006, № 9); 2) перан. нечаканая рэвізія, праверка дзейнасці якіх-небудзь аб’ектаў, што праводзіцца групай актывістаў па заданні грамадскіх арганізацый: *У сярэдзіне 70-х гадоў на Беларускай радыё часта гучалі рэпартажы рэідавых брыгад* (Народная воля, 1 лют. 2005 г.). Аднак дадзеныя значэнні, на нашу думку, не поўнаасцю перадаюць сучасную семантыку англіцызма *рэйд*. Слова часта ўжываецца ў значэнні ‘нечаканая праверка, якая праводзіцца групай спецыялістаў па накіраванні пэўнай арганізацыі’: *Так, па выніках сумесных рэйдаў па дыскатэках і начных клубах арганізатарам такіх вядомых у сталіцы клубаў, як «Юла», «Рэактар», «Ямайка», было прапанавана прыняць захады па ўстраненні ўмоў і прычын распаўсюджвання наркатыкаў* (Звязда, 16 жн. 2006 г.). Лексема *рэйд* выкарыстоўваецца і ў пераносным значэнні ‘імпклівае напаўдзеянне на вароты саперніка’, увогуле не зафіксаваным беларускімі слоўнікамі: *Пра яго «шалёныя» падачы, смелыя «рэіды» да сеткі складалі легенды* (Беларуская думка, 2002, № 1).

Рэкардсмен ← *records man*: у беларускай мове слова ўжываецца ў двух асноўных значэннях. Так, у ТСБЛМ фіксуецца значэнне ‘спартсмен, які ўстанавіў рэкорд’: *Сярод гэтых ганаровых гасцей і нашы славуты зямляк, неаднаразовы рэкардсмен, прызёр Алімпійскіх гульняў, шасціразовы чэмпіён свету ў спрынтарскім мнагаборстве Ігар Жалязоўскі* (Звязда, 2 лют. 2016 г.); у слоўніках А. М. Булыкі прыводзіцца і пераноснае значэнне слова: ‘чалавек, які дасягнуў найбольшых поспехаў у чым-небудзь’. Аднак у перыядычным друку рэкардсменам часта называюць не толькі канкрэтную асобу, але і з’яву, пэўны аб’ект, якім уласцівы найлепшыя вынікі (чаго ў англійскай мове быць не можа, паколькі частка *man* перакладаецца як ‘чалавек’): *«Трыбунал» – рэкардсмен паводле колькасці пастановак у Савецкім Саюзе* (Наша ніва, 21 ліп. 2006 г.); *Рэкардсмен – таматы дробнага гатунку, за іх просяць 60 тысяч* (Звязда, 27 лют. 2016 г.).

Старт ← *start*: англіцызм перайшоў у беларускую мову, страціўшы некаторыя свае спрадвечныя значэнні, у прыватнасці ‘нечаканае здзіўленне’, ‘перавага, якая аддаецца якому-небудзь удзельніку ў пачатку забегу або заезду’. У мове-рэцыпіенце слова мае тры значэнні: 1) момант пачатку спартыўных спаборніцтваў (па бегу, плаванні і г. д.) або ўзлёту лятальнага апарата (ракеты, касмічнага карабля); 2) месца, з якога пачынаюцца спаборніцтвы па хадзьбе, бегу, яздзе, плаванні («Слоўнік іншамовных слоў»); *Сутнасць: выбіраецца раён, на ім расстаўляюцца старт-фініш і кантрольныя пункты, на якіх трэба абавязкова адзначыцца* (Чырвоная змена, 9 верас. 2005 г.); 3) перан. пачатак, зыходны пункт пры адліку якой-небудзь падзеі: *Пасля старту сістэмы будаўнічых зберажэнняў прайшло крыху больш як месяц* (Звязда, 16 жн. 2006 г.); *Учора ў Мінску быў дадзены ўрачысты старт акцыі* (Звязда, 12 мая 2007 г.). Трэба звярнуць увагу на тое, што значэнне, прыведзенае апошнім, у англійскай мове з’яўляецца не пераносным, а адным з асноўных і ў ТСБЛМ яно яшчэ не зафіксавана. Гэты англіцызм у беларускай мове можа ўжывацца ў множным ліку для абазначэння спартыўнага спаборніцтва, што дае падставы казаць пра пашырэнне яго семантыкі: *Юлія Несцярук адмяніла ўдзел у стартах* (Звязда, 14 кастр. 2004 г.); *...яму давялося зрабіць нават нейкія лёгкаатлетычныя бегавыя старты, каб адабраць здольных* (Звязда, 2 лют. 2016 г.).

Сэканд-хэнд ← *second-hand*: у англійскай мове слова ўжываецца як прыметнік, які мае значэнне ‘патрыманы, які ўжо быў ва ўжытку’. У беларускай мове запазычанне функцыянуе як назоўнік са значэннямі ‘былыя ва ўжыванні, патрыманыя, не новыя рэчы (звычайна адзенне)’: *Цікавай падзеяй форуму стала лабараторная работа акцёра і рэжысёра Магілёўскага драматурга Уладзіміра Пятровіча «Час сэканд-хэнд»* (Звязда, 1 крас. 2015 г.); ‘магазін, які гандлюе паношаным адзеннем’ («Слоўнік іншамовных слоў»); *Майка, набытая ў сэканд-хэндзе, але не падобная ні на якую іншую, лепш за майкі з надпісам «Versace», якія носіць кожная другая* (Звязда, 5 кастр. 2005 г.).

Паводле нашых назіранняў, мнагазначнасцю валодаюць найперш тыя англіцызмы, якія ўжываюцца ў беларускай мове працяглы час (не менш за 30 гадоў). Аднак, працэс адаптацыі гэтых запазычанняў знаходзіцца пад моцным уплывам рускай мовы. Варта адзначыць, што для моўнага працэсу апошніх двух дзесяцігоддзяў характэрна запазычванне англіцызмаў з адным значэннем, паколькі найчасцей ва ўжытак трапляюць з’явы і паняцці, звязаныя з тэхнічнай, тэхналагічнай, эканамічнай і культурнай сферамі, а лексемы, якія іх называюць, адносяцца да тэрміналогіі.

У мове-рэцыпіенце прыблізна 50 % складаюць англіцызмы, якія цалкам захавалі значэнні мовы-донара, 40 % звязаны са сваёй семантычнай напавеннасцю, 10 % расшырылі яго, з іх 7 % запазычанняў набылі новыя значэнні.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Дмитровская Е. И.* Фоно-орфографическое, морфологическое и лексико-семантическое освоение англицизмов современным немецким языком : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Львов, 1969.
2. *Аристова В. М.* Англо-русские языковые контакты: англицизмы в русском языке. Л., 1978.
3. *Мальцева Т. А.* Французские заимствования в белорусском языке. Минск, 2004.
4. *Савасцюк М. Л.* Англiцызмы ў мове газеты «Звязда» // Беларускае слова: тэорыя і практыка : зб. арт. па матэрыялах навук. чытанняў, прысвеч. 75-годдзю з дня нараджэння праф. Б. А. Плотнікава (Мінск, 15 снеж. 2015 г.). Мінск, 2016.

References

1. Dmitrovskaya E. I. Fono-orfograficheskoe, morfologicheskoe i leksiko-semanticheskoe osvoenie anglitsizmov sovremennym nemetskim yazykom [Phono-orthographic, morphological and semantic adaptation of english borrowings by the modern German language] : avtoreferat dissertatsii... kandidata filol. nauk : 10.02.04. Lviv, 1969 (in Russ.).
2. Aristova V. M. Anglo-russkie yazykovae kontakty: anglitsizmy v russkom yazyke [English-Russian language contacts: English loanwords in Russian]. Leningrad, 1978 (in Russ.).
3. Maltseva T. A. Frantsuzskie zaimstvovaniya v belorusskom yazyke [French loanwords in the Belarusian language]. Minsk, 2004 (in Russ.).
4. Savastsiuk M. L. English Loanwords in the Language of «Zviazda». *Belaruskae slova: tjeoryja i praktyka* : zb. artykulaw pa materyjalah navuk. chytannjaw, prysvechanyh 75-goddzju z dnja naradzhennja prafesara B. A. Plotnikava (Minsk, 15 Dec., 2015). Minsk, 2016 (in Belarus.).

*Артыкул наступіў у рэдкалегію 09.01.2017.
Received by editorial board 09.01.2017.*

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ БОЛЕЗНЕЙ В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

ФАН СЯН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Отмечена актуальность сопоставительных исследований в области медицинской терминологии английского, русского и китайского языков. Исследуются особенности терминотворчества в данных языках. Рассматриваются критерии классификации болезней, анализируются и сопоставляются их названия в английской, русской и китайской медицинской терминологии. Изучается специфика русских, английских и китайских номинаций болезней. Выявлены частотные мотивирующие семы названий болезней, их соотносительная релевантность в трех исследуемых языках.

Ключевые слова: термин; терминосистема; медицинская терминология; названия болезней; английский язык; русский язык; китайский язык.

FEATURES OF DISEASE NOMINATION IN ENGLISH, RUSSIAN AND CHINESE

FANG XIANG^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

This article shows the relevance of comparative studies in the field of medical terminology in English, Russian and Chinese. It shows features of term creation in the field of medical terminology in the above mentioned languages. It reviews the classification of diseases and attempts to analyze and compare their nomination in English, Russian and Chinese. It also studies the specifics of disease nomination in Russian, English and Chinese. It revealed frequent motivating semes in disease names, and their correlative relevance in each one from the above mentioned three languages.

Key words: term; term system; medical terminology; the nomination of diseases; the English language; the Russian language; the Chinese language.

Ранее языковые единицы со значением 'болезнь' привлекали внимание лингвистов в рамках терминоведения, однако сравнительное исследование данных терминов на материале русского, английского и китайского языков еще не проводилось, что и обуславливает новизну нашего исследования.

Медицина, как древнейшая область деятельности человека, обладает уже сложившейся терминологией. При этом число специальных медицинских терминов постоянно растет, появляются новые научные понятия, прежние наименования изменяются по тем или иным параметрам. Определить размеры

Образец цитирования:

Фан Сян. Особенности номинации болезней в английском, русском и китайском языках // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 1. С. 106–111.

For citation:

Fang Xiang. Features of disease nomination in English, Russian and Chinese. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 1. P. 106–111 (in Russ.).

Автор:

Фан Сян – аспирант кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е. Н. Руденко.

Author:

Fang Xiang, postgraduate student at the department of theoretical and Slavic linguistics, faculty of philology.
antonvonschaan@gmail.com

языкового фонда в области медицины практически невозможно, поскольку достаточно сложно четко установить границы ее ответвлений, разделов и подразделов, даже если не затрагивать пограничные с медициной области знаний.

Каждый год медицинская лексика пополняется множеством новых терминов. Основным источником новых русских и китайских медицинских терминов – английский язык, так как более 75 % публикаций медицинской тематики выходят именно на этом языке. Глобализация поспособствовала процессу превращения англоязычной терминосферы в терминологическую матрицу современной науки.

Что касается дефиниции термина, то в данной статье мы будем отталкиваться от определения В. М. Лейчика, который называет термином лексическую единицу определенного языка, используемую для специальных целей и обозначающую общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности [1, с. 98].

Основные медицинские термины представлены именами существительными, так как субстантивная номинация является базовой. В отраслевом терминологическом словаре регистрируются главным образом субстантивы, к ним относятся и наименования болезней.

Отметим существование в медицине нескольких классификаций болезней, основанных на разных подходах. Так, существуют систематические категории болезней, делящиеся на более частные категории. Также болезни классифицируются по следующим критериям: способ протекания (острые и хронические); место протекания (болезни печени, нервной системы, мозга и т. д.); источники заражения (болезни, передающиеся от человека к человеку и от животного к человеку); механизм передачи болезни (через рот, дыхательные пути, наружные покровы, укусы кровососущих насекомых) [2, с. 9]. Самой же распространенной является классификация, основанная на этиологии и патогенезе болезней [2, с. 9].

Международная статистическая классификация болезней, травм и причин смерти 10-го пересмотра (далее – МКБ-10) является на данный момент одной из ведущих классификаций. МКБ-10 – это нормативный международный документ, определяющий типологию болезней в качестве системы рубрик, в которые включены отдельные патологические состояния, соответствующие определенным установленным критериям. Главная цель данного документа состоит в том, чтобы каждая болезнь имела единственное рекомендованное название.

Согласно МКБ-10 существует 22 класса болезней. Каждый из них объединяет несколько блоков, которые, в свою очередь, подразделяются на виды заболеваний, а заболевания – на формы. Так, 3-й класс «Болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм (D50–D89)» содержит 6 блоков, включающих 39 заболеваний [3].

В данном исследовании мы ограничимся лишь номинациями болезней человека, так как данный фрагмент классификации является наиболее репрезентативным.

Обычно язык науки представляет собой «смесь двух национальных языков» [4, с. 45]. Как правило, он состоит из терминов, созданных на базе языка, который первоначально сформировал основу данной науки, и терминов, образованных с помощью обиходных слов языка конкретного этноса. В основу медицинской терминологии легли латинские лексемы, что обусловлено тем фактом, что с начала Средних веков латынь являлась международным языком медицины [5]. Со временем каждый этнос пытается перенести научное знание на «национальную почву», таким образом образуются эквиваленты интернациональных слов.

Количество научных понятий, обладающих национальным оформлением, зависит от силы научной традиции в этом языковом сообществе. В области терминотворчества ярче проявляется национальная специфика языкового сознания, поскольку создание терминологии всегда является сознательным процессом [4, с. 45].

Сущность терминотворчества на базе национального языка заключается в синтезировании научного мышления и выразительных средств обиходного языка. В данной статье для выявления национальной специфики были выделены медицинские термины – названия болезней, образованные на основе лексем обиходного языка (на материале русского, китайского и английского языков).

Проведенное исследование показало, что многие названия болезней имеют прозрачную мотивацию: в их состав входят лексические единицы, обладающие антропоморфической семой. Подобным образом эксплицитно указываются члены социума, с которыми ассоциируется определенная болезнь. Так, значительная часть антропоморфических сем отражают профессиональную принадлежность человека, указывая на то, что причинами болезни являются занятость в опасной профессии, нахождение в неблагоприятной среде, например: англ. *coal miner's disease* 'силикоантракоз, антракосиликоз' (досл. 'болезнь шахтеров'). В китайском языке название данной болезни звучит как 肺炭末沉着病 [fèitàn mò chén zhū bìng], что дословно переводится как 'угольно-легочная болезнь'. В русском же языке силикоантракоз в обиходной речи называют *шахтерская болезнь*, что эквивалентно

английскому термину *coal miner's disease*. Рассмотрим еще один интересный пример подобных терминов: для обозначения болезни «гипертрофия сердца» в английском языке используют название *athletic heart* (досл. 'атлетическое сердце'), в русском языке – *спортивное сердце*, в китайском – 心室肥大 [xīnshìfèidà]. Часть терминов включают в свой состав компонент, который представляет сему 'социальный статус' и характеризует человека как представителя конкретной прослойки общества, например: англ. *dandy fever* (рус. *лихорадка денге*, кит. 登革热 [dēnggérè]). В русском языке эта болезнь может называться *костоломная лихорадка*, *суставная лихорадка*, *лихорадка жирафов*, *финиковая лихорадка* – дифференцирующие семы в этих наименованиях несут значение описания симптома или ареала болезни, но не социального положения, как в английском языке.

Рассмотрим также названия болезней, которые несут в себе сему 'среда болезни'. Например, в английском языке это названия различных видов тифа: *camp fever* 'тиф' (досл. 'лагерная лихорадка'), *ship fever* 'сыпной тиф' (досл. 'корабельная лихорадка'), *jail fever* 'сыпной тиф' (досл. 'тюремная лихорадка'), *swamp fever* 'безжелтушный лептоспироз' (досл. 'болотная лихорадка'), *jungle fever* 'малярия, желтая лихорадка' (досл. 'джунглевая лихорадка'), *tunnel disease* 'анкилостомоз, кессонная болезнь' (досл. 'туннельная болезнь'). Первая лексема в перечисленных словосочетаниях указывает на место, где можно заболеть соответствующей болезнью. В русском языке аналогичную сему содержат термины *морская болезнь* (кинетоз), *болотная лихорадка* (малярия), *финиковая лихорадка* (денге), *воздушная болезнь* (кинетоз).

Интересны также термины с семой 'больное место, больной орган'. Например, такие лексические единицы, как англ. *brain fever* 'воспаление мозга', кит. 脑膜炎 [nǎomóyán] 'менингит', включают прозрачное указание на орган, подвергающийся болезни; англ. *Hand, foot and mouth disease* (HFMD) 'болезнь руки, ноги и рта', кит. 手足口病 [shǒuzúkǒubìng] 'энтеровирусный везикулярный стоматит' также называют части тела, поражаемые при соответствующих болезнях. Примерами терминов с семой 'больной орган' в русском языке являются также наименования *брюшная водянка* (асцит), *головная водянка* (гидроцефалия), *грудная жаба* (стенокардия), *грудница* (мастит); в английском – *lung fever* 'крупозная пневмония' (досл. 'лихорадка в легких'), *heart stroke* 'инфаркт' (досл. 'сердечный удар'), *athletic heart* 'гипертрофия сердца без болезней клапанов' (досл. 'атлетическое сердце'), *leaky heart* 'эндокардит' (досл. 'дырявое сердце'), *heart shock* 'острая сердечная слабость' (досл. 'сердечный шок'), *black lung* 'антракоз' (досл. 'черные легкие') и др. В китайском языке аналогичными примерами являются следующие названия болезней: 唇裂 [chúnliè] 'заячья губа' (досл. 'трещина в губе'), 腹水 [fùshuǐ] 'асцит' (досл. 'брюшная вода'), 肝炎 [gānyán] 'гепатит' (досл. 'воспаление печени'), 骨刺 [gǔcì] 'костная шпора' (досл. 'колючка в кости'), 关节炎 [guānjiéyán] 'артрит' (досл. 'воспаление сустава'), 寒腿 [hántuǐ] 'ревматизм ног' (досл. 'холод ног'), 喉风 [hóufēng] 'ларингофарингит' (досл. 'ветер в горле'), 肾炎 [shènyán] 'нефрит' (досл. 'воспаление почек').

Еще один тип терминов – единицы с семой 'причина болезни'. В английском языке к нему относятся такие названия болезней, как *metal fume fever* 'литейная лихорадка' (досл. 'металлическая дымовая лихорадка'), *tennis elbow* 'бурсит' (досл. 'теннисный локоть'), *milk sickness* 'лактозная интолерантность' (досл. 'молочная болезнь'), *hay fever* 'поллиноз' (досл. 'сенная лихорадка'). В русском языке – *сахарная болезнь* (диабет), *молочница* (кандидоз), *сенная лихорадка* (поллиноз, талькоз). В китайском языке подобным термином является 枯草热 [kūcǎorè] 'поллиноз' (досл. 'сенная лихорадка').

Обратим внимание на термины с семой 'переносчик болезни'. Так, английское название болезни *fly-borne disease* (досл. 'болезнь, передающаяся через мух') эксплицитно включает сему 'переносчик', а термин *green-monkey disease* 'марбург-вирусная лихорадка' (досл. 'болезнь зеленой обезьяны') указывает на то, что источник распространения болезни – зеленая обезьяна. Переносчиками болезни *rabbit fever* 'туляремия' (досл. 'кроличья лихорадка') являются грызуны, а *cat-scratch disease* 'фелиноз' (досл. 'болезнь кошачьей царапины') передается через кошачьи царапины. В китайском языке подобные семы содержат термины 狂犬病 [kuángquǎnbìng] 'бешенство' (досл. 'болезнь бешеной собаки'), 口蹄疫 [kǒutíyì] 'ящур' (досл. 'эпидемия ртов и копыт').

Рассмотрим также термины с семой '**симптом болезни**'. Так, английские лексемы *black lung* (досл. 'черные легкие'), *brown lung* 'антракоз' (досл. 'коричневые легкие'), будучи метонимическим переносом пораженного органа на название болезни, выделяют ее признак, проявляющийся в потемнении легких. Термин *white-spot disease* 'каплевидная склеродермия' (досл. 'болезнь белого пятна') указывает на важный симптом болезни – появление белых пятен на коже. В китайском языке примерами аналогичных наименований являются следующие термины: 麦粒肿 [màilǐzhǒng] 'ячмень' (досл. 'ячменная опухоль'), 牛皮癣 [niúpíxiǎn] 'псориаз' (досл. 'лишай воловьей кожи'), 银屑病 [yínxièbìng] 'псориаз' (досл. 'болезнь серебряной перхоти'). В русском языке к данному типу терминов относятся названия *бубонная чума* (бубоны – воспаленные, увеличившиеся лимфоузлы – являются ярким симптомом этой

болезни), *пузырчатка* (пемфигус) – болезнь, при которой на коже образуются пузырьки и язвы), *слоновость*, *слоновая болезнь* (при этом заболевании кожа больного разрастается, сильно увеличивая размер части тела), *сухотка* (форма позднего нейросифилиса), *чесотка*.

Достаточно распространенными являются термины, содержащие сему ‘цвет как симптом болезни’. Гамму, характеризующую симптомы болезни, составляют такие цвета, как черный, белый, красный, коричневый, бронзовый, желтый, розовый и зеленый. Потемнение органа либо выделений, наблюдающихся во время болезни, в английском языке выражается прилагательными *black* ‘черный’ и *brown* ‘коричневый’, например *blackwater fever* ‘гемоглобинурийная лихорадка’ (досл. ‘лихорадка черной воды’). Сопровождающиеся кожными высыпаниями болезни передаются при помощи прилагательных *red* ‘красный’, *pink* ‘розовый’. Изменения цвета кожных покровов выражаются при помощи прилагательных *yellow* ‘желтый’, *bronzed* ‘бронзовый’, *blue* ‘синий’, например *yellow plague* ‘желтуха’ (досл. ‘желтая чума’), *bronzed disease* ‘болезнь Аддисона’ (досл. ‘бронзовая болезнь’), *blue disease* ‘цианоз’ (досл. ‘синяя болезнь’). Заметим, что название болезни *green disease* ‘хлороз’ (досл. ‘зеленая болезнь’) содержит прилагательное *green*, употребленное в переносном значении ‘молодой, юный’, и в данном случае характеристика относится не к цвету, а к возрасту людей, подверженных заболеванию.

В русском языке примерами названий болезней с семой ‘цвет’ являются термины *желтуха*, *краснуха*, *синюха* (цианоз), *черная лихорадка* (висцеральный лейшманиоз), *белокровие* (лейкоз).

В китайском языке сема ‘цвет’ также весьма активно задействована в названиях болезней. В частности, указание на черный цвет 黑 присутствует в терминах 黑热病 [hēirèbìng] ‘каала-азар’ (досл. ‘болезнь черной лихорадки’), 黑死病 [hēisǐbìng] ‘чума’ (досл. ‘болезнь черной смерти’); белый цвет 白 – в терминах 白癜风 [báidiànfēng] ‘лейкодерма’ (досл. ‘безумие белого ветра’), 白喉 [báihóu] ‘дифтерия, дифтерит’ (досл. ‘белое горло’), 白化病 [báihuàbìng] ‘альбинизм’ (досл. ‘болезнь превращения в белого’), 白内障 [báinèizhàng] ‘катаракта’ (досл. ‘белая внутренняя преграда’), 白血病 [báixuèbìng] ‘лейкемия’ (досл. ‘болезнь белой крови’), 白痴 [báichī] ‘идиотизм, идиотия’ (досл. ‘белая деменция’); сема ‘красный цвет’ 红 входит в состав терминов 红疹 [hóngzhěn] ‘краснуха’ (досл. ‘красная сыпь’), 红斑狼疮 [hóngbānlángchuāng] ‘волчанка красная’ (досл. ‘красные пятна волчьих нарывов’), 红眼病 [hóngyǎnbìng] ‘конъюнктивит’ (досл. ‘болезнь красных глаз’), 猩红热 [xīnghóngrè] ‘скарлатина’ (досл. ‘красная лихорадка’); сема ‘желтый цвет’ 黄 присутствует в наименованиях 黄疸 [huángdǎn] ‘желтуха’, 黄热病 [huángrèbìng] ‘желтая лихорадка’, 黄癣 [huángxuǎn] ‘парша, фавус’ (досл. ‘желтый лишай’); существуют также термины, включающие сему ‘изумрудный цвет’ 青: 青光眼 [qīngguāngyǎn] ‘глаукома’ (досл. ‘глаз изумрудного цвета’).

Приведем примеры того, как проявляется специфика способа мотивации при назывании одной и той же болезни в рассматриваемых языках. Так, номинантная сема китайского термина 百日咳 [bǎiríké] ‘коклюш’ (досл. ‘кашель ста дней’) указывает на продолжительность болезни, в то время как в английском термине *whooping-cough* ‘коклюш’ (досл. ‘захлебывающийся кашель’) содержится сема ‘симптом болезни’.

Дословный перевод китайского термина 夜盲 [yè máng] ‘никотинофлор’ – ночная слепота – полностью совпадает с английским *night-blindness* и отличается от русского названия болезни *куриная слепота*. В китайском языке бромидроз – неопасная болезнь, вызывающая неприятный запах подмышек, – называется 狐臭 [húchòu], что дословно переводится как ‘лисий вонь’, не имеет эквивалентов в русском и английском языках.

Необходимо также упомянуть особый тип китайских медицинских терминов – названия болезней, заимствованные из английского языка путем фонетического и семантико-фонетического способов. Так, семантико-фонетическим способом были заимствованы следующие названия болезней: кит. 阿尔茨海默病 [ā'ěrcíhǎimòbìng] (ср.: англ. *Alzheimer's disease*, рус. *болезнь Альцгеймера*), 埃博拉出血热 [āibólāchūxièrè] (англ. *Ebola Haemorrhagic Fever*, рус. *геморрагическая лихорадка Эбола*), 艾滋病 [àizībìng] (англ. *AIDS*, рус. *СПИД*), 登革热 [dēnggérè] (англ. *dengue fever*, рус. *лихорадка денге*), 帕金森病 [pàjīnsēnbìng] (англ. *Parkinson's disease*, рус. *болезнь Паркинсона*).

Исследование группы английских, русских и китайских медицинских терминов, созданных на основе межстилевой лексики, показало, что у многих болезней есть несколько названий. Одновременно с официальными номинациями, образованными на базе латинского либо греческого языка, в медицине употребляются также термины, созданные на основе национальных языков. Англоязычные, русскоязычные и китаеязычные термины представляют интерес в аспекте выявления национальной специфики, поскольку они метафоричны, образны, отражают ряд предпочтений и особенностей языковой картины мира соответствующих этносов.

По итогам анализа названий болезней в английском, русском и китайском языках можно сделать ряд выводов.

1. У англоязычных терминов отмечена высокая релевантность мотивирующих сем 'профессиональная принадлежность', 'социальный статус', 'среда болезни'.
 2. Сема 'симптом' является более активным компонентом в номинации болезней в китайском и русском языках, нежели в английском языке.
 3. Сема 'больной орган' имеет высокую релевантность во всех трех языках.
 4. Сема 'причина болезни' активна в терминах английского и русского языков, но имеет низкую релевантность в китайском языке.
 5. Сема 'переносчик болезни' имеет высокую релевантность в английском и китайском языках, но низкую – в русском языке.
 6. Сема 'цвет как симптом болезни' высоко релевантна во всех трех языках, но особенно в китайском языке, где она представлена 16 терминами.
 7. Национальную специфику наиболее ярко передают термины с прозрачной внутренней формой и наименования, образованные путем метафорического переноса.
- Представим сделанные выводы в обобщающей форме (табл. 1, 2).

Таблица 1

Сравнительная релевантность основных мотивирующих сем в трех языках

Table 1

Comparative relevance of the main motivating semes in three languages

Мотивирующая сема	Уровень релевантности в языках		
	Английский	Китайский	Русский
Профессиональная принадлежность	3	1	2
Социальный статус	3	1	1
Среда болезни	3	1	1
Симптом	1	2	2
Больной орган	3	3	3
Причина болезни	2	1	3
Переносчик болезни	2	2	1
Цвет как симптом болезни	2	3	2

Таблица 2

Сравнительная релевантность основных мотивирующих сем в каждом из трех языков

Table 2

Comparative relevance of the main motivating semes in each of the three languages

Язык	Семы с высокой релевантностью	Семы со средней релевантностью	Семы с низкой релевантностью
Английский	Больной орган Профессиональная принадлежность Социальный статус Среда болезни	Переносчик болезни Причина болезни Цвет как симптом болезни	Симптом
Китайский	Больной орган Цвет как симптом болезни	Симптом Переносчик болезни	Причина болезни Профессиональная принадлежность Социальный статус Среда болезни
Русский	Больной орган Причина болезни	Переносчик болезни Симптом	Переносчик болезни Социальный статус Среда болезни

Из приведенных таблиц следует, что для английского языка наиболее распространенными являются мотивирующие семы 'больной орган', 'профессиональная принадлежность', 'социальный статус', 'среда болезни'; для китайского языка – семы 'переносчик болезни', 'причина болезни' и 'цвет как симптом болезни', для русского – семы 'больной орган' и 'причина болезни'.

Библиографические ссылки

1. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М., 2007.
2. Бароян О. В. Очерки по мировому распространению важнейших заразных болезней человека. М., 1967.
3. Международная классификация болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) [Электронный ресурс]. URL: <http://mkb-10.com/> (дата обращения: 03.10.2016).
4. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 1999.
5. Арnaudов Г. Д. Медицинская терминология на пяти языках. 3-е рус. изд., испр. София, 1969.
6. Merriam-Webster: Dictionary and Thesaurus [Электронный ресурс]. URL: <http://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 10.10.2016).
7. 现代汉语大词典 (第五版) = Словарь современного китайского языка. 5-е изд. Пекин, 2005.

References

1. Leichik V. M. Terminovedenie: predmet, metody, struktura [Terminology: the subject, methods, structure]. Moscow, 2007 (in Russ.).
2. Baroyan O. V. Ocherki po mirovomu rasprostraneniyu vazhneishikh zaraznykh boleznei cheloveka [Essays on the Spreading of the most contagious human diseases in the world]. Moscow, 1967 (in Russ.).
3. Mezhdunarodnaja klassyfykacyja boleznej 10-go peresmotra (МКБ-10) [International Classification of Diseases, the 10th Revision (ICD-10)] [Electronic resource]. URL: <http://mkb-10.com/> (date of access: 03.10.2016) (in Russ.).
4. Kornilov O. A. Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitstov [Linguistic pictures of the world as derivatives of national mentalists]. Moscow, 1999 (in Russ.).
5. Arnaudov G. D. Meditsinskaya terminologiya na pyati yazykakh [Medical terminology in five languages]. 3rd Russ. ed., revised. Sofia, 1969 (in Russ.).
6. Merriam-Webster: Dictionary and Thesaurus [Electronic resource]. URL: <http://www.merriam-webster.com/> (date of access: 10.10.2016).
7. Dictionary of contemporary Chinese. 5th ed. Beijing, 2005 (in Chin.).

*Статья поступила в редколлегию 16.01.2017.
Received by editorial board 16.01.2017.*

ПРОСПЕКЦИЯ И РЕТРОСПЕКЦИЯ В МЕТАКОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (на материале русско- и белорусскоязычных интернет-форумов Беларуси)

Т. В. БОБКО¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Республика Беларусь

Рассматриваются условия актуализации и частотность проспективно и ретроспективно ориентированных русско- и белорусскоязычных метакоммуникативных комментариев. Исследование проведено на материале русско- и белорусскоязычных неспециализированных интернет-форумов Беларуси, что позволяет наблюдать непосредственную метакоммуникативную рефлексию говорящих. Установлено, что проспективно-ретроспективная ориентация русско- и белорусскоязычных метасообщений определяется как метакоммуникативными, так и социолингвистическими факторами. Указано, что задачи метакоммуникативного мониторинга обуславливают общие свойства русско- и белорусскоязычной метакоммуникативной проспекции и ретроспекции: корреляцию с направленностью метасообщений (рефлексивные и нерефлексивные; метаязыковые, метатекстовые, собственно метакоммуникативные сообщения) и их функциональными типами (обеспечивающие понимание, организующие, субъективно-оценочные), а также основные частотные закономерности употребления метасообщений. Отмечено, что проспекция, в отличие от ретроспекции, демонстрирует зависимость от отношения к языку коммуникации: основные линии различий отражаются в отношении к языковой норме, интересу к интерактивности и оценке потенциально конфликтной коммуникации.

Ключевые слова: метакоммуникация; метаязык; проспекция и ретроспекция; наивная лингвистика; интернет-коммуникация; языковая ситуация.

PROSPECTION AND RETROSPECTION IN METACOMMUNICATIVE ACTIVITY (based on the Russian and Belarusian online forums of Belarus)

T. V. BOBKO^a

^aMinsk State Linguistic University, Zakharova street, 21, 220034, Minsk, Republic of Belarus

The article examines conditions of actualization and frequency of prospective and retrospective Russian and Belarusian metacommunicative comments. The study is carried out on the material of Russian and Belarusian non-specialized online forums of Belarus, which allows to observe directly the metacommunicative reflection of speakers. It was found that prospective and retrospective orientation of Russian and Belarusian meta-comments depends on metacommunicative and sociolinguistic factors. Purposes of metacommunicative monitoring determine the general properties of Russian and Belarusian metacommunicative prospection and retrospection: correlation with the direction (reflexive and non-reflexive; metalinguistic, metatext, actually metacommunicative) and functional type of metamessage (providing the understanding,

Образец цитирования:

Бобко Т. В. Проспекция и ретроспекция в метакоммуникативной деятельности (на материале русско- и белорусскоязычных интернет-форумов Беларуси) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 1. С. 112–117.

For citation:

Bobko T. V. Prospection and retrospection in metacommunicative activity (based on the Russian and Belarusian online forums of Belarus). *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 1. P. 112–117 (in Russ.).

Автор:

Татьяна Викторовна Бобко – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры общего языкознания.

Author:

Tatyana Bobko, PhD (philology), docent; associate professor at the department of general linguistics.
tatyana1973@tut.by

organizing, estimating). Prospection, in contrast to retrospection, demonstrates the dependence of relation of the communication language. Main lines of differences are reflected in relation to the linguistic norm, interest in interactivity and evaluation of potential conflict communication.

Key words: metacommunication; metalanguage; prospection and retrospection; folk linguistics; Internet communication; language situation.

Введение

Модели речевого поведения в условиях экспликации метакоммуникативной¹ рефлексии могут быть обусловлены как ее специфическими задачами – мониторингом и регуляцией процесса общения, так и дополнительными факторами, одним из которых является отношение к языку коммуникации, что наиболее отчетливо наблюдается в ситуациях несбалансированного двуязычия [1–4]. В языковой ситуации Беларуси актуализируется символическое и этноконсолидирующее употребление белорусского языка [5, с. 88; 6, с. 5], и в связи с этим особый интерес представляет сопоставительное исследование метакоммуникативной деятельности русско- и белорусскоязычных белорусов. В данной статье определяются особенности метакоммуникативных сообщений и степень зависимости их проспективно-ретроспективной ориентации от русского или белорусского языка коммуникации. В качестве материала исследования выбраны русско- и белорусскоязычные интернет-форумы Беларуси (*onliner.by, semeistvo.by, diva.by, dzietki.by, by-svet.com*), их ценность для метакоммуникативных исследований состоит в возможности наблюдать спонтанную метакоммуникативную деятельность говорящих. В выборку вошли 2328 русскоязычных и 950 белорусскоязычных метасообщений.

Условия актуализации проспекции и ретроспекции в метакоммуникативной деятельности

Проспекция и ретроспекция, которые рассматриваются в рамках лингвистики текста и функциональной стилистики как текстовые категории, обеспечивающие структурные [7] и интертекстуальные связи текста [8], могут продуктивно использоваться и для исследования диалогической специфики метакоммуникативной рефлексии: анализ функциональных характеристик и частотности проспективно и ретроспективно ориентированных метакоммуникативных ходов позволяет выявить условия, при которых фокус внимания говорящего перемещается от текущего этапа диалога к прошедшим этапам, а также особенности метакоммуникативных прогнозов диалога.

Определяя условия появления в диалоге проспективного или ретроспективного метасообщения, мы устанавливаем их корреляцию со следующими факторами:

- направленностью метасообщения на собственную (рефлексивные сообщения) или чужую (не-рефлексивные сообщения) речь, отражающей важнейшую оппозицию человеческого существования «свой – чужой»;
- направленностью на разные аспекты коммуникации: язык общения (метаязыковые сообщения), структурно-содержательные параметры текста (метатекстовые сообщения) и вербальное поведение коммуникантов (собственно метакоммуникативные сообщения);
- функциональным типом метасообщения, которое может обеспечивать адекватное понимание смысла сообщения; регулировать линейное развертывание сообщения/диалога; выражать субъективно-оценочное отношение говорящего к фактам коммуникации.

Актуализация проспективного или ретроспективного характера метасообщений зависит от комбинации этих факторов, а для интерпретации прагматической специфики таких метасообщений необходимо учитывать особенности восприятия говорящими языка коммуникации.

Проспективные метасообщения рефлексивного типа

И русско-, и белорусскоязычные проспективные метаязыковые комментарии имеют преимущественно субъективно-оценочный характер, направлены на правильность выбора слова (*Я правильно называю?; Ёсць такое слова?*²).

Различие метаязыковой проспекции заключается в тех ситуациях, когда говорящий прогнозирует и регулирует вербальное поведение собеседника. Русскоязычный пользователь признает, что он недостаточно грамотен, и просит или требует не обращать на это внимания, причем проспективный ход имеет функцию своеобразной коммуникативной защиты и одновременного ограничения возможных

¹Термин «метакоммуникация» мы используем в широком смысле для обозначения любой вербальной «коммуникации о коммуникации».

²Примеры приводятся с сохранением авторской орфографии. – Т. Б.

негативных реплик собеседников (*Не приставайте к безграмотным типа меня, все одно я лучше писать не буду*). В белорусскоязычных диалогах реплики, направленные на регуляцию поведения собеседников, реализуют запрос об исправлении ошибок, при этом если русскоязычный участник диалога пытается предотвратить последующую реплику собеседника, то белорусскоязычный, наоборот, стремится обеспечить ее появление (*Папраўляйце мае памылкі, буду дзякаваць*).

Метатекстовые проспективные комментарии также имеют субъективно-оценочный характер: они выполняют функцию отказа от продолжения диалога со ссылкой на нарушение постулатов количества или релевантности (*Чтобы ответить по существу... это уже будет оффтоп; Сітуацыя складаная, пісаць доўга. Не хачу аднімаць у вас шмат часу*). Кроме того, русскоязычный проспективный ход может быть направлен на эпистемический контакт (*Надеюсь, понятно написала*), а в белорусскоязычной метакоммуникации такие ходы не представлены.

Среди собственно метакоммуникативных комментариев проспективные реализации характерны для двух видов реплик:

- регулирующих развитие диалога в ситуациях смены коммуникативной инициативы в целях запроса информации (типичными для таких реплик являются начальные формулы: *у меня вопрос, хачу спытацца* и т. п.);
- субъективно-оценочных, направленных на иллюкативный план реплики в ситуациях предвосхищения реакции собеседника: говорящий прогнозирует возможный ответ на свое сообщение и пытается с помощью проспективного хода обеспечить или молчание собеседника, или его реакцию в желаемом для себя плане. В большинстве таких высказываний используются конструкции с отрицанием, которые показывают, как говорящий видит реакцию на свое сообщение, и дают возможность судить о типичных коммуникативных опасениях интернет-собеседников: чаще всего прогнозируют обвинения в выражении иронии или сарказма, издевательства, придирках к словам и других неодобряемых или недопустимых коммуникативных действиях (*не считите за сарказм, не воспринимайте как издевку, я без іроніі, я не наязджаю*). Схожую функцию имеют высказывания, направленные на интерпретацию перлокутивного эффекта сообщения, свойственные русскоязычной и практически отсутствующие в белорусскоязычной метакоммуникации (*не хотела бы вас огорчать; надеюсь, вы не сочтете мое сообщение категоричным*).

Проспективные метасообщения нерелексивного типа

Русско- и белорусскоязычные комментарии, направленные на чужую речь, имеют значительно больше отличий, чем комментарии релексивного типа.

Метаязыковая проспекция свойственна комментариям, целью которых является обеспечение адекватного понимания сообщения и прояснение значений слов (*А что для вас значит «отвлекать»?; Што разумееш пад каханнем?*), а также субъективно-оценочным комментариям.

Существенным отличием субъективно-оценочных проспективных метаязыковых комментариев является отношение к речевым ошибкам: русскоязычные пользователи просят или требуют исправления ошибок, что не встречается в белорусскоязычных диалогах (*Ставьте точки и запятые, очень тяжело читать поток эмоций*). При этом для русскоязычных собеседников характерен выход за пределы пространства диалога: говорящий требует повышения уровня грамотности, обращения к словарям и т. п. (*Откройте толковый словарь и посмотрите, что есть «счастье»; Лучшее, когда очень припрет ревность к стенке, брать и читать орфографический словарь, и голова занята, и польза есть*).

Проспективные реализации нехарактерны для метатекстовых сообщений: немногочисленные примеры субъективно-оценочных комментариев направлены на визуальное оформление текста (*Отключите, пожалуйста, капслок; Як ты закрэслены радочак робіш, навучыш?*). Русскоязычным комментариям свойствен выход за пределы коммуникативного пространства (*Вместо написания столь объемных постов могли бы поработать, что ли*).

Собственно метакоммуникативные комментарии имеют проспективную реализацию в ситуациях, когда они предназначены для управления ходом диалога, интерпретации целей адресата и, в редких случаях, достижения эпистемического контакта (это реплики типа *поймите правильно / зразумейце правільна*). Попытки направить диалог в желаемое русло выражаются в таких речевых действиях, как предложение задавать вопросы (*Вопросы?; Чакаю пытанняў*); просьбы либо требования ответов (*Жду вашего ответа; Адкажыце, калі ласка*); предложение закончить диалог или сменить тему в случае возможного конфликта, при этом в белорусскоязычных диалогах такие комментарии не являются частотными и не имеют императивной формы (*Дамы, прекратите уже!; Я спадзяюся, што да спрэчак мы дахадзіць не будзем*); запрос информации или побуждение к обсуждению (*А расскажите про «Флоралис»; Давайце пагаворым аб тым, хто дзе збіраецца адпачываць*).

Перспективные субъективно-оценочные комментарии, направленные на интерпретацию намерений адресата, связаны с попытками определить характер следующей реплики или повлиять на коммуникативное поведение адресата (*Сейчас, кто прочитает эти строки, будет меня осуждать и будет прав, но сейчас мне больше нужна помощь*; *Папярэджваючы магчымых жарты: зусім не абавязкова, каб яна ўвечары свечку трымала*), причем русскоязычные метасообщения допускают некооперативные реализации (*Не пытайтесь оправдать свое хамство*), а в белорусскоязычных репликах проявляется стремление максимально смягчать коммуникативное давление (*Нікога ні да чаго не трэба заклікаць*).

Кроме того, в русскоязычных дискуссиях распространено выражение готовности к отрицательной реакции собеседников, которое реализуется с разной степенью интенсивности и экспрессивности (*Жду критики*; *Готова к бросанию тапками*; *Щас заклюют*). В белорусскоязычной метакоммуникации отдается предпочтение нейтральному выражению таких прогнозов, а экспрессивные выражения типа *кідаць тапкамі* единичны (*Будзеце смяяцца, але выкажу сваё меркаванне*; *Будзеце кідаць тапкамі, але мне лягота пісаць*).

Ретроспективные метасообщения

Нерефлексивные комментарии по определению ретроспективны, так как всегда направлены на предыдущую реплику (реплики) диалога. Для рефлексивных комментариев характерно отсутствие ретроспективных реплик метаязыкового и метатекстового типа, что связано, во-первых, со спецификой интернет-общения, для которого актуально то, что происходит в диалоге здесь и сейчас, а во-вторых, с их функцией устранения коммуникативного сбоя.

Рефлексивная ретроспекция реализуется собственно метакоммуникативными комментариями, направленными на обеспечение понимания сообщения или прояснение его иллокутивной функции в ситуациях коммуникативной неудачи эпистемического плана (*Я и писала для мам с проблемами опорно-двигательного. Я не слова не написала о психофизическом развитии*; *А наогул я мела на ўвазе, што лепш так, як ніяк*) или иллокутивного плана (*Не было намерения вас обвинять*; *Я нікога ні за што агітаваць не збіралася*). Ретроспективные реплики организующего характера реализуют своеобразное присоединение к предыдущей реплике формулами типа *вот и я о том же / і я аб гэтым*, совмещающая метакоммуникативную и фатическую функции.

Частотность перспективных и ретроспективных метасообщений

Соотношение перспективных и ретроспективных метасообщений демонстрирует существенные закономерности русско- и белорусскоязычного метакоммуникативного поведения, так как отражает типичные ситуации, в которых внимание говорящего фокусируется на прошедших или будущих моментах диалога (табл. 1, 2).

Таблица 1

Частотность рефлексивных перспективных и ретроспективных реплик

Table 1

Frequency of reflexive prospective and retrospective comments

Вид комментариев	Русскоязычные комментарии				Белорусскоязычные комментарии			
	мета-языковые перспективные, %	мета-текстовые перспективные, %	собственно метакоммуникативные		мета-языковые перспективные, %	мета-текстовые перспективные, %	собственно метакоммуникативные	
			перспективные, %	ретроспективные, %			перспективные, %	ретроспективные, %
Обеспечивающие понимание	—	—	2	94	—	—	1	93
Организирующие диалог	—	—	10	3	—	—	9	3
Субъективно-оценочные	21	9	32	3	60	8	14	1

Примечание. При подсчетах учитывался удельный вес перспективных или ретроспективных реплик среди общего количества комментариев указанных видов.

Наиболее разнообразное «сцепление» с предыдущими и последующими репликами диалога наблюдается в субъективно-оценочных комментариях. В дискуссиях на обоих языках мы видим тенденцию

к совпадению частотности сообщений, ориентированных на понимание и организующих диалог, при этом большинство реплик первого типа имеют ретроспективный характер: это говорит о том, что их появление обусловлено моментом коммуникативной неудачи, для исправления которой говорящий вынужден возвращаться в прошлое. Субъективно-оценочные комментарии имеют следующую закономерность: более высокая склонность ориентироваться на будущие реплики диалога проявляется в белорусскоязычных метаязыковых и русскоязычных собственно метакоммуникативных ходах.

При анализе нерелексивных сообщений учитывались только проспективные реализации, поскольку нерелексивные метакоммуникативные ходы по своей природе ретроспективны; соответственно, интерес представляет удельный вес среди них сообщений, направленных на будущее развитие диалога.

Таблица 2

Частотность нерелексивных проспективных реплик

Table 2

Frequency of non-reflexive prospective comments

Вид комментариев	Русскоязычные комментарии			Белорусскоязычные комментарии		
	метаязыковые, %	метатекстовые, %	собственно метакоммуникативные, %	метаязыковые, %	метатекстовые, %	собственно метакоммуникативные, %
Обеспечивающие понимание	78	—	—	67	—	—
Организирующие диалог	—	—	74	—	—	81
Субъективно-оценочные	19	4	14	—	4	15

Примечание. При подсчетах учитывался удельный вес проспективных реплик среди общего количества комментариев указанных видов.

Белорусскоязычной метакоммуникации несвойственны проспективные высказывания, связанные с метаязыковыми оценками; в остальном удельный вес проспективных нерелексивных ходов в русско- и белорусскоязычных дискуссиях характеризуется явным сходством: наибольшее количество проспективных нерелексивных реплик наблюдается среди метаязыковых высказываний, ориентированных на понимание значения слова, и собственно метакоммуникативных реплик организующего характера, а наименьшее количество проспективных ходов имеют метатекстовые сообщения.

Выводы

Проспективно-ретроспективная ориентация русско- и белорусскоязычных метасообщений определяется как метакоммуникативными, так и социолингвистическими факторами. Задачи метакоммуникативного мониторинга (регуляция развития диалога, исправление и предотвращение коммуникативных неудач) обуславливают общие свойства русско- и белорусскоязычной метакоммуникативной проспекции и ретроспекции: корреляцию с направленностью комментариев (релексивные и нерелексивные; метаязыковые, метатекстовые, собственно метакоммуникативные сообщения) и их функциональным типом метасообщения (реплики, обеспечивающие понимание, организующие диалог, субъективно-оценочные сообщения), а также основные частотные закономерности употребления метасообщений (кроме метаязыковых реплик). Сходство русско- и белорусскоязычных проспективных метакоммуникативных ходов заключается в ситуациях их появления в диалоге, в том числе в меньшей способности метатекстовых сообщений генерировать проспективные реплики в аспекте коммуникации по сравнению с оценочными метакоммуникативными действиями; общность ретроспекции проявляется в необходимости ликвидировать коммуникативный сбой или выразить солидарность с уже сказанным. Проспекция демонстрирует зависимость от социолингвистических факторов: основные линии различий между проспекцией и ретроспекцией отражаются в отношении к языковой норме, интересе к интерактивности и оценке потенциально конфликтной коммуникации. Для русскоязычного пользователя коммуникативное взаимодействие важнее языковой правильности, что является общей тенденцией неинституционального общения, в том числе в интернете: «Ради простоты и естественности коммуникации можно и нужно нарушать языковую норму» [9]. Для белорусскоязычного пользователя приоритетом становится правильность и чистота языка, что обусловлено как притоком в белорусскоязычное интернет-сообщество большого количества неофитов, предпринимающих попытки

самостоятельно выучить или вспомнить язык после школьного курса, так и этноконсолидирующим характером использования языка, когда объединение по языковому признаку воспринимается как одна из целей коммуникации. Этим объясняется как регулярность вопросов о правильности используемых языковых форм, так и недопустимость рекомендаций, затрагивающих языковую компетенцию собеседника. Большее стремление русскоязычных коммуникантов к интерактивности реализуется в поддержании эпистемического контакта через вопросы о понятности сообщения, внимании к перлокутивным эффектам реплик, возможности выражать требования к адресату, в том числе вне коммуникативного пространства, большей склонности к негативным прогнозам по поводу ответных реплик или предполагаемого конфликта и их большей экспрессивности и интенсивности. Это стремление коррелирует с отсутствием ограничений на развитие конфликтного взаимодействия, связанного с формой выражения метакоммуникативных требований или прогнозов. Для белорусскоязычной перспективы свойственна как меньшая интерактивность, так и постоянная забота о поддержании бесконфликтной коммуникативной среды: потребность в интернет-площадках с комфортными условиями общения, привлекающими новых пользователей (в том числе для совершенствования языка), и акцент на языковой общности определяют склонность к минимизации коммуникативного давления и снижению эмоционального накала перспективных метакоммуникативных действий.

Библиографические ссылки

1. Марусенко М. А. Франкофония: многообразие языковых норм и эпилингвистический дискурс // Романские языки в прошлом и настоящем : сб. ст. СПб., 2007.
2. Разумова Л. В., Кряжева Н. О роли языка в процессе социокультурной идентификации говорящего // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2010. № 34. С. 99–104.
3. Фавро Э. Отношение говорящих к языку: генераторы социолингвистических изменений или их зеркала? (Случай французского) // Антропол. форум. 2014. № 21. С. 129–136.
4. Александров О. А., Андреева О. А. Моделирование социолингвистической ситуации «малого» языка по данным обыденного метаязыкового сознания // Филол. науки. Вopr. теории и практики. 2014. № 4, ч. 3. С. 16–19.
5. Мячкова Н. Б. Мовы і культура Беларусі : нарысы. Мінск, 2008.
6. Лукашанец А. А. Белорусская мова ў пачатку XXI стагоддзя // Весн. БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2009. № 1. С. 4–10.
7. Гальперин И. Р. Ретроспекция и проспекция в тексте // Филол. науки. 1980. № 5. С. 44–52.
8. Чиговская Я. А. Категории ретроспекции и проспекции в русских научных текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Пермь, 2001.
9. Кронгауз М. А. Язык и коммуникация: новые тенденции [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2009/03/19/communication/> (дата обращения: 20.12.2016).

References

1. Marusenko M. A. Francophonie: variety of linguistic norms and epilinguistic discourse. *Romanskie yazyki v proshlom i nastoyashchem* : sb. statei. Saint Petersburg, 2007 (in Russ.).
2. Razumova L. V., Kryazheva N. About the role of language in the process of social and cultural identification of the speaker. *Vestnik Chelyab. gos. univ.* 2010. No. 34. P. 99–104 (in Russ.).
3. Favro E. Speakers' attitude to the language: generators sociolinguistic changes or their mirrors? (The French case). *Antropol. forum.* 2014. No. 21. P. 129–136 (in Russ.).
4. Aleksandrov O. A., Andreeva O. A. Modeling sociolinguistic situation of «small» language according to the ordinary meta-linguistic consciousness. *Filol. nauki. Vopr. teorii i prakt.* 2014. No. 4, part 3. P. 16–19 (in Russ.).
5. Myachkouskaya N. B. Movy i kul'tura Belarusi [Languages and culture of Belarus] : narysy. Minsk, 2008 (in Belarus.).
6. Lukashanets A. A. Belarusian language at the beginning of the XXI century. *Vesnik BDU. Seryja 4, Filalogiya. Zhurnalistyka. Pedagogika.* 2009. No. 1. P. 4–10 (in Belarus.).
7. Galperin I. R. Retrospection and prospection in text. *Filol. nauki.* 1980. No. 5. P. 44–52 (in Russ.).
8. Chigovskaya Y. A. Kategorii retrospektzii i prospektzii v russkikh nauchnykh tekstakh [Category of retrospection and prospection in Russian scientific texts]. Perm, 2001 (in Russ.).
9. Krongauz M. A. Yazyk i kommunikatsiya: novye tendentsii [Language and communication: new trends] [Electronic resource]. URL: <http://polit.ru/article/2009/03/19/communication/> (date of access: 20.12.2016) (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 30.12.2016.
Received by editorial board 30.12.2016.

ХРОНИКА, ИНФОРМАЦИЯ

ХРОНІКА, ІНФАРМАЦЫЯ

CHRONICLE, INFORMATION

СОВРЕМЕННАЯ РУСИСТИКА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

MODERN RUSSIAN STUDIES: TOPICAL ISSUES IN LINGUISTIC RESEARCH

В 2016 г. соединились три важные для русистов Беларуси даты: 95-летие Белорусского государственного университета, 50-летие кафедры русского языка филологического факультета БГУ и 90-летие профессора П. П. Шубы. Этим символично совпавшим юбилеям была посвящена VII Международная научная конференция «Русский язык: система и функционирование», которая состоялась 18–19 октября 2016 г. на филологическом факультете БГУ. По сложившейся доброй традиции она была организована Белорусским общественным объединением преподавателей русского языка и литературы и кафедрой русского языка БГУ при поддержке представительства Россотрудничества в Республике Беларусь.

В нынешней конференции приняли участие представители 10 стран: помимо белорусских языковедов, выступили ученые из Российской Федерации, Украины, Литвы, Эстонии, Польши, Чехии, Вьетнама, Китая, Ирана (всего 132 участника). В Минск приехали лингвисты из СНГ и дальнего зарубежья, движимые интересом к процессам, которые характеризуют развитие и функционирование русского языка в XXI в., его контакты с другими языками, новые подходы к его изучению. Объединяющим началом для участников конференции явился основной принцип исследования, состоящий в том, что язык изучают в целях познания его носителя, а объяснения языковых феноменов соотносят с мышлением и деятельностью человека. И несмотря на то что этот принцип реа-

лизуется в разных научных парадигмах и разных странах неодинаково, воплотившая его суперпарадигма – антропоцентрическая – обеспечивает научному полилогу единую систему ценностей.

На торжественном открытии конференции с приветственным словом к ее участникам обратился проректор БГУ по учебной работе С. Н. Ходин. В приветствии от имени Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации А. А. Сурикова советник посольства М. О. Новодворская дала высокую оценку научной и педагогической работе белорусских языковедов, их вкладу в научное сотрудничество Беларуси и России. Участников конференции поприветствовал также И. С. Ровдо, декан филологического факультета БГУ и заведующий кафедрой русского языка.

Профессор **И. С. Ровдо** открыл пленарное заседание докладом «**Русский язык в событиях и людях**», в котором рассказал об успехах и достижениях кафедры русского языка, ее истории. Первым заведующим кафедрой был приехавший в Минск из Москвы профессор Т. П. Ломтев, в послевоенные годы – доцент М. И. Корнеева-Петрулан, затем – доцент И. В. Шнитко (с 1948 г.), доцент А. Я. Бирало (с 1952 г.). С 1965 по 1975 г. кафедрой руководил заслуженный деятель науки Белорусской ССР профессор М. Г. Булахов. В 1975–1999 гг. заведующим был П. П. Шуба, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Беларусь, лауреат Государственной премии Беларуси, академик

Академии образования Беларуси. Слова благодарности и уважения прозвучали в адрес Павла Павловича, чье 90-летие символично совпало с 50-летним юбилеем кафедры, которую он возглавлял почти четверть столетия. Сегодня кафедра играет значительную роль в развитии белорусской лингвистики, здесь работают ученые, известные не только в Беларуси, но и за рубежом: Е. И. Янович, Л. Г. Мошенская, Т. Н. Волинец и др.

На пленарных заседаниях, которые состоялись 18 октября, прозвучали доклады, отражающие актуальные направления современной русистики и теории языка. Остановимся вкратце на проблематике и содержании выступлений ведущих лингвистов, представивших результаты своих исследований на конференции.

В настоящее время одним из наиболее востребованных в лингвистике (особенно в контексте антропоцентризма) оказывается категория интерпретации – субъективной концептуализации реальности, языковым воплощением чего является интерпретативная семантика. Принцип процедуры интерпретации заключается в выборе существенных признаков предметов и явлений действительности и включении их в предметно-понятийное содержание слов. В докладе профессора А. Л. Шарандина (Тамбов) «**Коннотация в аспекте отражательной и интерпретирующей функций языка**» были представлены наблюдения над соотношением отражения и интерпретации в языковых образованиях с коннотативным значением. Такой коннотативный компонент, как эмоции, в русском языке имеет два основных способа выражения: в ситуации здесь и сейчас это высказывания-реакции (например, междометные); когда эмоции становятся предметом суждений, они аккумулируются в слове, информация об эмоциях включается в лексическое значение слова (*радость, горе, гнев*) или оказывается дополнительной по отношению к лексическому значению (значение эмоциональности квалифицируется как коннотативное: *бабуля, братик, старикан*). Различая два типа интерпретации – рациональный и эмоциональный, А. Л. Шарандин определяет коннотативные формы как образования, которые тождественны в предметно-понятийном смысле, но различны по интерпретативной окраске.

С проблемой выявления механизмов, обеспечивающих носителям языка способность адекватно расшифровывать все богатство глубинных смыслов, содержащихся в поверхностных языковых структурах, был связан доклад профессора Минского государственного лингвистического университета З. А. Харитончик «**Глубинные смыслы языковых единиц**». Внимание исследователей традиционно привлекают единицы

и конструкции, демонстрирующие семантическую сложность, в частности атрибутивные сочетания, значения которых не равны сумме значений конstituентов (некомпозиционные сочетания) типа *автомобильные деньги, лесная поляна, лесная полоса* (примеры Е. А. Земской и Е. С. Кубряковой). Для понимания процесса декодирования таких единиц необходимо выяснить, как именно семантика слова связана с концептуальной структурой, иными словами, нужна новая методологическая платформа. По мнению автора доклада, преимущество рассмотрения языковых единиц как конструктов, формируемых на базе богатых концептуальных структур («окон» в ментальный мир), состоит в том, что оно позволяет видеть в значении «динамическое образование, которое своеобразно предстает в разных контекстах, по-разному актуализируя и репрезентируя лежащую в ее основе концептуальную структуру». В соответствии с таким подходом стремление дифференцировать семантику и прагматику расценивается как попытка уйти от онтологических характеристик значения – внутренне присущей ему диффузности и неопределенности, а значение языковых единиц предстает как энциклопедическое по своей природе образование. В этом суть новой методологической платформы, которая, как отметила З. А. Харитончик, влечет за собой постановку новых вопросов. Как показал автор доклада, латентные признаки (т. е. компоненты концептуальной структуры, «ожидающие своего часа актуализации» в соответствующих контекстах) присущи далеко не всем словесным единицам, что делает насущным выявление таких лексем. Важными задачами описания глубинных, или латентных, признаков в семантике языковых единиц З. А. Харитончик считает и разработку их типологии, и установление условий их актуализации.

Категория «смех», несмотря на 25-вековую историю изучения, остается междисциплинарной загадкой гуманитарного знания. В докладе профессора БГУ Н. Б. Мечковской «**Прагматика смеха, возможная в единицах языка, и ее восприятие говорящими (по данным психолингвистического эксперимента)**» проанализирован «вербальный смех», запечатленный в «контейнерах» трех классов: произведениях словесного искусства (народного или авторского); прецедентных фразах, окказионально воспроизведенных в повседневном общении; словах и фразах с коннотациями смешного. Чтобы представить, в какой мере говорящие чувствуют коннотацию смеха в последних («малых контейнерах»), Н. Б. Мечковская провела эксперимент, в ходе которого испытуемые оценивали силу комического оттенка, а затем соотнесли результаты с данными

словарей. Анализ позволил заключить, что чем «пространнее» единица-контейнер, тем для говорящих более заметна и ощутима смеховая коннотация. Профессор Н. Б. Мечковская назвала языковые и психологические факторы, которые усиливают осознание комических коннотаций: это прежде всего образность, семантическая двуплановость (лингвистическая черта, показывающая, как устроена семантика) и «резкость» образа, его новизна, необычность (психологическое обстоятельство). Ощущение смешного, по данным эксперимента, усиливается при стилистической сниженности слова или фраземы. Сопоставление экспериментальных и лексикографических данных позволило Н. Б. Мечковской заключить, что «в реальности прагматика заметнее семантики по сравнению со словарем: людям важнее не “что сказал?”, а “что хотел сказать?”, “зачем сказал?”».

В докладе профессора Московского государственного областного университета Э. А. Сорокиной **«Язык для специальных целей: состояние и перспективы»** был дан аналитический обзор работ, выполненных в русле формирующейся теории языка для специальных целей (ЯСЦ). В числе актуальных автор выделил вопросы о ЯСЦ как одной из функциональных разновидностей национального языка и как многоуровневой системе, о границах понятия ЯСЦ, конкретных проявлениях ЯСЦ в виде отраслевых профессиональных языков, специфике креолизованного научного текста в рамках ЯСЦ. Насущными являются задачи исследования функционально-стилистических разновидностей ЯСЦ (в частности, устной и письменной), анализа особенностей текстов и жанров, связанных с проблематикой определенной научно-практической отрасли. Автор доклада остановился также на зонах «пересечения интересов» теории ЯСЦ и других теорий и концепций в таких вопросах, как профессиональная языковая картина мира и ее место в общезыковой национальной картине мира, подготовка профессионально ориентированной языковой личности, проблема интернационализации и национализации терминологий. Как заключила Э. А. Сорокина, исследования развиваются по пути формирования системного описания ЯСЦ, принадлежащего конкретной профессиональной отрасли научного знания.

Одной из интересных и актуальных проблем современной лингводидактики был посвящен доклад профессора БГУ Ф. М. Литвинко **«Развитие лингвистического мышления учащихся филологических классов»**. Мышление, оперирующее лингвистическими терминами, формируется при изучении учебного предмета «Русский язык» на повышенном уровне. Критериями

его сформированности автор доклада назвала владение системой лингвистических понятий, осознание отношений между уровнями языковой системы, понимание оснований для классификаций единиц языка, понимание научных взглядов и, наконец, способность высказывать суждения о языке в научно-популярном и научно-учебном стилях. Автор доклада охарактеризовал номенклатуру лингвистических и речеведческих понятий школьного курса русского языка на повышенном уровне и показал преимущества, которых позволяет добиться, например, опора на понятия фонемы и морфемы и анализ их реализации в звуках и звуковых сегментах. При обобщении и систематизации сведений по морфологии на повышенном уровне целесообразно привлечение более сложного языкового материала, который демонстрирует синкретизм признаков разных частей речи – причастий, деепричастий, местоимений, числительных и др. Особое внимание Ф. М. Литвинко уделила понятию предикативности, изучаемому в школе с недавних пор. Осмысление этой категории помогает понять механизм объединения в предложении предмета речи и его признака, соотношенного с реальностью и временным планом. В заключение автор подчеркнул, что формирование лингвистических понятий связано с интеллектуальной сферой обучаемых и, следовательно, требует «качественного совершенствования как процесса обучения, так и привлекаемых для его обеспечения методических средств».

Идеи, понятия, методы когнитивной лингвистики оказывают влияние и на другие области языкознания, в частности на теорию номинации, что выражается в становлении ее когнитивно-фреймовой разновидности. В докладе профессора Южного федерального университета О. П. Рябко (Ростов-на-Дону) **«Когнитивно-фреймовая интерпретация парадигматической теории номинации»** объяснительная сила когнитивно-фреймовой теории парадигматической номинации показана на примере терминополья флоронимов сложной структуры, имеющих различный когнитивно-номинативный статус. Эксплицируя и объясняя процесс номинации, О. П. Рябко использует понятия когнитивного фрейма (единица знаний, сложившаяся вокруг некоторого понятия) и номинативно-мотивационного фрейма, в котором автор доклада различает три составляющие: мотив номинации, тип номинации, форму номинации. Автор показывает, что мотивированность прагматических и локативно-темпоративных флоронимов связана с дискурсивно-логическими основаниями, которые реализуются в форме номинативного вывода, а мотивированность параметрических – с информационно-эстетическими и эмотивными

факторами. Из этого следует, что название может быть производно от отношения человека к действительности, без элементов его практической заинтересованности.

Как известно, в процессе употребления слова могут быть переосмыслены, что сопровождается расширением их грамматических свойств. В докладе «**Степени сравнения и градуируемость признака**» профессор Санкт-Петербургского государственного университета Ю. П. Князев показал, что оценка степени интенсивности, лежащая в основе противопоставления по степеням сравнения, гораздо шире, чем это заложено в грамматическом устройстве языка. Она возможна не только по отношению к изменяющемуся признаку, который не имеет фиксированного абсолютно-го значения и допускает градуирование по самой своей природе (прилагательные с таким значением автор доклада называет ингерентно градуируемыми: *умнее, глупее, добрее, злее*). Качественные прилагательные, которые обозначают абсолютные признаки, не зависящие от оценки говорящего и неспособные изменяться количественно (в частности, прилагательные цвета или «отрицательного» признака типа *глухой* 'лишенный слуха', *пустой* 'не заполненный ничем'), в процессе употребления могут подвергаться релятивизации и становиться градуируемыми: например, отсутствие признака переосмысливается в этом случае как малое количество признака (*прямой* – имеющий незначительные неровности). Национальный корпус русского языка дает обширный материал, демонстрирующий развитие градуируемости и у относительных прилагательных (*более русский, более детский, более мужской*). Такие случаи Ю. П. Князев предложил квалифицировать как вторичную («навязанную») градуируемость.

Основные проблемы теории оптативности, сформировавшейся в конце XX в., были рассмотрены в докладе профессора Российского государственного аграрного университета МСХА имени К. А. Тимирязева **Е. В. Алтабаевой «Современная теория оптативности: системный и динамический аспекты»**. Категория оптативности объединяет средства представления семантики желательности – оптативные предложения, которые были выделены в 1958 г. и до сих пор не получили однозначной квалификации. Автор доклада проанализировал существующие взгляды на статус оптативности (трактуются лингвистами как коммуникативно-синтаксическая, грамматическая, функционально-семантическая, семантико-синтаксическая категория) и пришел к выводу о том, что это многоаспектная категория, объединяющая оптатив в качестве грамматического ядра и все функциональные аналоги

оптатива в системе функционально-семантического поля. В структуре категории оптативности Е. В. Алтабаева выделяет предикативную (*Я бы остался*) и предикатную (*Я хочу (хотел бы) остаться*) желательность. Средства оптативности находятся в динамическом взаимодействии, выдвигая на первый план форму «инфинитив + бы» как ядерную. Решение вопроса о статусе этой формы, дальнейшее ее исследование в контексте когнитивно-дискурсивной и лингвокультурологической парадигм на материале разных типов текстов составит, по мнению автора доклада, основной вектор развития теории оптативности.

Инновации в лингводидактике сегодня связаны с корпусными технологиями. Анализ корпусов русского языка дидактического назначения был посвящен доклад профессора Гродненского государственного университета имени Янки Купалы **Л. В. Рычковой «Лингводидактические грани корпусной русистики»**. В практике преподавания языка как иностранного отмечается смещение акцентов с нормы на узус, который, по словам В. А. Плунгяна, является «единственной подлинной реальностью науки о языке», поскольку «доступен непосредственному наблюдению». Это происходит, в частности, благодаря развитию корпусной лингвистики (лингвистические корпусы ориентированы на узус). Для целей обучения русскому языку используется Хельсинский аннотированный корпус русского языка (ХАНКО), разработанный в Хельсинском университете, а также обучающий подкорпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ), который Л. В. Рычкова оценила как незаменимый с точки зрения репрезентации «чистой» литературной нормы. Успешным может быть использование в дидактической практике русистики параллельных иноязычно-русских корпусов, которые уже нашли широкое применение в учебной практике подготовки переводчиков. В обучении «русскому» речевому поведению может с успехом использоваться мультимедийный подкорпус НКРЯ. Автор доклада констатировал, что собственно дидактическая корпусная русистика еще не является достаточно развитой. Также Л. В. Рычкова обосновала актуальность создания региональных корпусов русскоязычных средств массовой информации для изучения социально-коммуникативных особенностей диалектов русского языка. Автор представил в докладе созданный в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы на материале региональной прессы Гродненщины лингвистический корпус принципиально нового типа, имеющий «смешанный» характер, отражающий социокультурную специфику языкового материала (русскоязычные

вкрапления в текстах на белорусском языке, белорусскоязычные – в текстах на русском языке, а также в меньшей степени – польскоязычные и иные вкрапления).

Во второй день конференции проходили заседания шести тематических секций: «Русский язык в диахроническом аспекте», «Проблемы семантической интерпретации и номинации» (подсекции «Проблемы семантической интерпретации номинативных единиц» и «Проблемы лингвистической интерпретации текста»), «Современное русское словообразование: проблемы и перспективы развития», «Грамматические категории современного русского языка (функциональный и прагматический аспекты)», «Новые технологии в преподавании русского языка», «Новые технологии в преподавании русского языка как иностранного».

Во многих докладах звучала мысль о том, что общая тенденция развития науки – выход в другие научные области – в полной мере относится к лингвистике. Современная наука о языке расширяет круг объектов исследования, включается в решение междисциплинарных задач, взаимодействуя с философией, психологией, логикой, семиотикой и другими науками о человеке, его мышлении и речевой деятельности. Классические, т. е. хронологически более ранние, научные концепции и направления претерпевают изменения и становятся абсолютно современными, оставаясь в то же время традиционными. Идеи и методы, разрабатываемые сегодня, дают богатые возможности для комплексного, интеграционного подхода к изучению языка, познания и культуры. В качестве примечательной черты большинства докладов и сообщений необходимо упомянуть тяготение к постулатам функциональной лингвистики, исходящей из того, что язык представляет собой средство и механизм реализации намерений человека. При этом тематика и содержание докладов демонстрировали ориентацию участников конференции на разные направления функционализма, связанные или с коммуникативной, или с когнитивной, или с эмоционально-экспрессивной и эстетической функциями языка.

В секции «Русский язык в диахроническом аспекте» были представлены доклады, посвященные тенденциям исторического развития русского литературного языка, лексическим и грамматическим особенностям церковнославянских и древнерусских текстов, стилистическому анализу старорусских письменных памятников. На заседании секции обсуждались доклады М. В. Захаровой (Москва) «К вопросу о кризисах русского литературного языка», О. В. Зуевой (Минск) «Текстовые формулы в частных письмах первой трети XVIII в.», Л. П. Ивановой (Киев) «Русский

язык и основные тенденции его развития в видении классиков русской литературы», В. М. Касьяновой (Москва) «Наименования холодной погоды в русском языке», А. Ю. Ковалевской (Минск) «Употребление канонических и народных имен в православных метриках Витебской и Минской губерний 50–60-х гг. XIX в.», А. А. Матюновой (Минск) «Ментальный и структурный уровни номинативно-словообразовательной семантики сложных слов (на материале композитов древнерусского литературного языка)», О. В. Ряховской (Москва) «Употребление аналитических форм императива в Архангельском Евангелии», А. В. Тупчего (Киев) «Языковые средства, отображающие образ Англии (лингвоимагологический аспект), в “Статейных списках” Ф. Писемского и Г. Микулина», Т. Г. Трофимович (Минск) «Историческое языкознание новейшего времени в Беларуси», Т. С. Чепурной (Боярка) «Динамика формирования структуры эпистолярного текста в процессе освоения русских традиций бытового письма (на материале переписки Екатерины II и Г. А. Потёмкина)».

Секция «Проблемы семантической интерпретации и номинации» традиционно привлекала наибольшее количество заявок и подразделялась на две подсекции, посвященные соответственно интерпретации семантических категорий и номинативных единиц языка и лингвистической интерпретации текста. В первой подсекции прозвучали доклады, предметом которых явились проповедь как маркер православной концептосферы (Р. К. Боженкова и Н. А. Боженкова, Москва), энантиосемичность существительных с суффиксами субъективной оценки в русском и белорусском языках (Л. А. Вакулич, Минск), семантическое поле «труд» в паремиях русского и китайского языков как лингвокультурный код (Ван Чжицян, Минск), аксиологические высказывания о языке в текстах И. Левонтиной (Н. М. Гурина, Брест), семантика и функции философских терминов в текстах Иосифа Бродского (С. С. Иванова, Пермь), антропологическая триада *дух – душа – тело* и ее представление в концептосфере преподобнического жития (Ю. В. Коренева, Королёв), словообразовательная активность лексики русского языка конца XX – начала XXI в. (А. Д. Лукоянова, Минск), семантические причины и ортологические следствия таронимии в спонтанной речи (Г. М. Мандрикова, Новосибирск), семантика термина в эпистемическом аспекте (Н. А. Мишанкина, Томск), метафорическое моделирование психики человека на основе представления о весе объекта (А. Р. Ряхимова, Томск), семиотический анализ жестов и мемов (А. В. Рачковская, Минск), национальное своеобразие и экспрессия русских фразем

с обозначениями времени (Салими Абдолмалеки Косар, Баболсар), особенности наименований детских заболеваний в ономаσιологическом аспекте (О. И. Степанова, Минск).

Во второй подсекции преобладали выступления, содержащие анализ дискурса и текста. Признаки и элементы институциональных и неинституциональных дискурсов были рассмотрены в докладах И. В. Тубаловой (Томск) и С. С. Земичевой (Томск); жанровые разновидности компьютерно-опосредованного дискурса – в докладах Е. А. Тихомировой (Минск) и М. О. Кочетковой (Томск). Механизмы создания контекстных смыслов конкретной лексики рассмотрела Н. Ю. Муравьева (Москва), проблему терминологической вариантности в теории аргументации – Т. Н. Савчук (Минск). Анализу различных аспектов художественных, публицистических, эпистолярных текстов были посвящены доклады О. Е. Павловской, Т. В. Федотовой (Краснодар), А. П. Мерчи (Гродно), И. С. Балабанович (Минск), Т. В. Земляник (Минск).

На заседании секции **«Грамматические категории современного русского языка (функциональный и прагматический аспекты)»** были рассмотрены вопросы, связанные как с системно-парадигматическим статусом языковых категорий, так и с их реализацией в речи и тексте. Обсуждались доклады Т. Н. Волинец (Минск) «Местоименные наречия в поэтическом тексте (функциональный аспект)», В. К. Голубевой (Минск) «Метонимические и соматические конструкции как средство реализации адвербиальной персонификации», В. А. Закревской (Тюмень) «Многоприставочные глаголы в архангельских говорах», И. И. Минчук (Гродно) «Типовая ситуация “награждение” в текстах СМИ: прагматика в реализации денотативных ролей», Т. Н. Пермяковой (Новосибирск) «Функции частиц в формальной структуре высказывания (на примере частиц *все-таки*, *все же*, *все равно*)», И. М. Цыпиной (Москва) «Лингвистические средства моделирования категории времени при реализации суггестии в политико-дипломатическом дискурсе», О. Г. Буденис (Гродно) «Семантическая парадигма отыменных пространственных предложных сочетаний со значением ‘край локума’ в русском, белорусском и немецком языках», Ю. А. Василевской (Минск) «О семантике инфинитивных конструкций в поэтических текстах О. Мандельштама и Б. Окуджавы».

Вопросы структурного, семантического, коммуникативного синтаксиса были предметом обсуждения на заседании секции **«Актуальные процессы в синтаксическом строе русского языка»**. Языковой материал докладов был связан не только с русским, но также и с белорусским,

украинским, чешским языками. С большим интересом были заслушаны и обсуждены выступления Н. Н. Скворцовой (Минск) о вставных словах и конструкциях в жанре политического портрета, В. Я. Чолан (Киев) о критериях систематизации обращения в усложненных конструкциях восточнославянских языков, Л. Кланговой (Брно) об особенностях употребления книжных предлогов со значением причины в русских и чешских газетах, Р. В. Козак (Каменец-Подольский) об экспрессивном синтаксисе русского и украинского языков, В. В. Макаровой (Вильнюс) о конструкциях «Ему грустно» vs «Он грустит» в русской языковой картине мира и др.

Комплекс методических и педагогических вопросов был предметом обсуждения на заседаниях секции **«Новые технологии в преподавании русского языка»**. В центре внимания оказались, в частности, проблемы обучения русскому языку в учреждениях общего среднего образования – им были посвящены доклады Е. Е. Долбик (Минск) «Дидактический потенциал заданий игры-конкурса по русскому языку и литературе “Журавлик”», И. Э. Савко (Минск) «Как помочь учащимся и учителям разучиться думать самостоятельно? (Субъективное мнение преподавателя)», Т. В. Игнатович (Минск) «Основы риторической подготовки в школьном курсе русского языка», А. А. Лазуркина (Витебск) «Традиционное и новое в учебной лексикографии для использования на уроках русского языка», Л. Г. Мощенской (Минск) «Система работы по развитию речи учащихся начальных классов в дореволюционной России: из методического наследия И. Гаврилина (середина XIX в.)», А. И. Ольховской (Москва) «Словарный кейс как инструмент формирования лексикографической компетенции».

Различным вопросам методики преподавания русского языка как иностранного посвятили свои исследования И. А. Аглеев (Астрахань), выступивший с докладом «Обучение предлогу в курсе русского языка как иностранного», Л. Ф. Гербик (Минск) – «Пять типичных ошибок начинающего преподавателя РКИ», О. Е. Елисеева и С. С. Мавевский (Минск) – «Инструментарий разработки базы знаний адаптивного ЭОР по русскому языку» и «Проектирование базы знаний адаптивного ЭОР по русскому языку», Е. В. Михайлова и В. А. Сидоренко (Минск) – «Взаимосвязь русского языка и русской литературы в курсе поэтики для студентов, обучающихся по специальности “Композиция” в Белорусской государственной академии музыки», И. М. Саникович (Минск) – «Развитие критического мышления студентов при работе с текстовыми источниками информации».

Работа секции **«Русский язык в современном мире: динамика языковых контактов»** была

посвящена взаимодействию русского языка с белорусским, английским, польским, вьетнамским языками, а также связям социолектов внутри национального языка. Участники конференции обсуждали вопросы сопоставительного анализа различных языковых единиц и категорий: белорусских и вьетнамских эргонимов (Хоанг Тхи Бен, Ханой), единиц русского и английского языков с «размытой» семантикой (Т. П. Желонкина, Калининград), в том числе применительно к практическим лингводидактическим задачам (доклад И. Э. Ратниковой (Минск) «Элементы контрастивной лингвистики в теоретическом курсе русского языка»). Особый интерес вызвали выступления, в которых была дана оценка функционирования и преподавания русского языка в Польше и Эстонии, – доклады Т. Домбровского (Лодзь) «Русский язык специальности в многонациональной аудитории – формы и методы работы», Е. А. Жеймо (Варшава) «К вопросу о возможных ошибках, вызванных межъязыковой интерференцией, при употреблении префиксальных глаголов в речи польскоязычных студентов-филологов на русском языке», Е. И. Костанди (Тарту) «Тексты билингва как речевая практика». Наблюдениями над пространственно-временной вариативностью молодежного сленга поделилась Е. Г. Лукашанец (Минск). В докладе «Украинские практики самопрезентации власти»

И. В. Мацышина (Одесса) соединила социолингвистический и политологический аспекты политического дискурса.

Во время работы конференции, а также в ходе неофициального общения происходили непосредственный обмен наблюдениями, впечатлениями от результатов исследований коллег, обсуждение докладов представителями разных филологических школ и разных стран и регионов. Возникли идеи совместных исследовательских проектов, что станет стимулом к новым исследованиям языка и через него – процессов мышления и познания.

Анализ тематики и содержания прозвучавших на конференции выступлений показал: для объяснения эмпирического языкового материала лингвисты стремятся привлекать данные, связанные с феноменами сознания, общества, культуры, и, наоборот, лингвистические данные служат экспланансами в исследованиях на стыках наук – лингвокультурологии, когнитивистики, социо-, психо- и прагмалингвистики. Подведение итогов конференции позволило отметить в представленных докладах гармоничное сочетание описательной и объяснительной составляющих, «КАК-лингвистики» и «ПОЧЕМУ-лингвистики».

И. Э. Ратникова,
доктор филологических наук, профессор

VIII МІЖНАРОДНА НАВУКОВАЯ КАНФЕРЭНЦЫЯ «МОВА – ЛІТАРАТУРА – КУЛЬТУРА»

VIII INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE «LANGUAGE – LITERATURE – CULTURE»

Пад эгідай кафедры сучаснай беларускай мовы філалагічнага факультэта БДУ 15–16 верасня 2016 г. у Мінску адбылася VIII Міжнародная навуковая канферэнцыя «Мова – літаратура – культура», прымеркаваная да 95-годдзя Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта і 90-годдзя з дня нараджэння доктара філалагічных навук прафесара Льва Міхайлавіча Шакуна. Шырокая праблематыка выклікала вялікую цікавасць у навуковых колах, пра што сведчыць колькасць удзельнікаў

канферэнцыі: каля двухсот даследчыкаў з Беларусі, Германіі, Аўстрыі, Польшчы, Кітая, Расіі, Украіны. Разам з прызнанымі навукоўцамі актыўна працавалі аспіранты, магістранты, а таксама саіскальнікі і студэнты.

Да гасцей і ўдзельнікаў канферэнцыі з прывітальнымі словамі звярнуліся прарэктар БДУ па вучэбнай рабоце прафесар С. М. Ходзін і дэкан філалагічнага факультэта прафесар І. С. Роўда. Яны адзначылі ґрунтоўную эрудыцыю прафе-

сара Л. М. Шакуна, шырокі спектр яго навуковых інтарэсаў, ролю ў падтрымцы прагрэсіўных ініцыятыў і інш. Была засведчана важная роля Льва Міхайлавіча ў станаўленні і развіцці беларускай лінгвістыкі і беларускага слова, падтрымцы выкладання беларускай мовы за межамі Беларусі.

На пленарным пасяджэнні былі заслуханы і абмеркаваны даклады М. Р. Прыгодзіча «Навуковая спадчына прафесара Льва Шакуна ў гісторыі беларускага мовазнаўства», Т. І. Шамякінай «Філасофска-анталагічныя асновы беларускай літаратуры», В. І. Іўчанкава «Медыялінгвістыка: ад стылістыкі публіцыстычных жанраў да дыскурснага аналізу СМІ», В. К. Шчэрбіна «Структурныя і канцэптуальныя адрозненні паміж поўнымі слоўнікамі мовы Я. Купалы і А. Пушкіна», І. А. Гапоненка «Іншамовныя онімы ў беларускай перадачы», У. Г. Кароткага «Беларуская мова ў гісторыі айчыннага пісьменства: ідэнтыфікацыя – пазіцыянаванне – эпітаж».

Актыўная праца навукоўцаў пры абмеркаванні гэтых выступленняў прадвызначыла і дыскусію на сямі секцыях наступнай тэматыкі: «Аспекты моўных даследаванняў (семантыка, словаўтварэнне, граматыка, прагматыка)» (уключала тры падсекцыі), «Беларуская тэрміналогія і тэрмінаграфія: гісторыя і сучаснасць», «Гісторыя беларускай мовы», «Лінгвакультурны феномен: сутнасць, статус, дынаміка», «Беларуская літаратура: гісторыя і сучаснасць», «Нацыянальныя літаратуры ў сусветным кантэксце», «Методыка выкладання філалагічных дысцыплін».

Асаблівую цікавасць выклікалі даклады В. А. Ляшчынскай (Гомель) «Фразеалагізмы прыроднага кода культуры з кампанентам-сімвалам *камень*» і Т. Р. Рамзы (Мінск) «Пазамоўная інфармацыя ў дапаможніках па беларускай мове для замежнікаў: ці ёсць крытэрыі адбору?». Актуальныя праблемы закраналіся ў дакладах прафесара З. І. Бадзевіч (Мінск) «Словаўтваральная катэгорыя прыметнікаў са значэннем адмоўя ў сучаснай беларускай мове», Т. М. Варонінай (Волагда) «Оппозиция “деревня – город” в повести В. И. Белова “Привычное дело”», А. М. Галавіч (Луцк) «Неореализм в современной украинской литературе», З. П. Данільчык (Гродна) «Субстантыўныя прэдыкатыўныя канструкцыі з адценнем параўнання ў сучаснай беларускай мове», Г. М. Друк (Мінск) «Канцэпцыя самаўсведамлення асобы ў “Крутым маршруце” Я. Гінзбург і “Сповідзі” Л. Геніюш», Т. П. Казаковай (Мінск) «Духовна-эстэтычныя парадыгмы ў беларускай літаратуры XIV–XV стст.», Т. П. Кугейка (Мінск) «Семантико-структурныя асаблівосты групы глаголаў с семай “говарыць, хваля, одобраць, благодаря” у беларускай і рускай мовах».

Г. І. Кулеш (Мінск) «Выкарыстанне беларускай мовы ў юрыдычнай сферы ва ўмовах білінгвізму», В. М. Лефцеравай (Кіеў) «Особенности реализации коммуникативных стратегий в IV книге “Энеиды” Вергилия», Ю. В. Назаранка (Мінск) «Асаблівасці перакладу афарызмаў на беларускую мову», С. У. Падапрыгора (Кіеў) «Экспериментальные техники в украинской прозе 1920-х гг.», А. М. Пісарэнка (Мінск) «“Тракі прыляцелі” ці “Тракі не прыляцелі”: метафарычнасць вобразаў Аляксея Саўрасава і Івана Шамякіна», А. Л. Садойскай (Мінск) «Устарэлыя словы ў складзе фразеалагізмаў», Т. М. Саўчук (Мінск) «Фактуальныя схемы аргументацыі ў дыскурсе гуманітарных навук: лінгвапрагматычны аналіз», Т. І. Скікевіч (Горкі) «Некаторыя асаблівасці фарміравання лексіка-семантычных груп у беларускай мове», Т. П. Слесаравай (Віцебск) «Отражение русской ментальности в концептах паремий романов П. И. Мельникова-Печерского “В лесах” и “На горах”», З. І. Трацяк (Полацк) «Беларуская і амерыканская проза пра Першую сусветную вайну: спроба параўнальна-тыпалагічнага вывучэння», Г. В. Фёдаравай (Волагда) «Предметный мир повести В. И. Белова “Привычное дело”», І. М. Хлусевіч (Гродна) «Акцэнтныя дублеты ў сучаснай беларускай літаратурнай мове», Г. К. Чахоўскага (Мінск) «Фаналагічная сінтагматыка сучаснай беларускай мовы», Шоу Цзяжуй (Кітай) «Семантические типы неполных предложений в китайском языке», В. С. Юшкевіч (Мінск) «Суфіксальныя назоўнікі ў беларускіх лексікаграфічных выданнях», І. У. Ялынцавай (Мінск) «Структурна-семантычная характарыстыка субстантыўных лексіка-семантычных груп каларатываў у беларускай мове».

З вялікай цікавасцю былі ўспрыняты даклады І. Р. Зімневай, А. М. Чарнавокай, К. Ю. Дошчакі (Мінск) «“Урокі-крокі для беларусаў” як новы тып падручнікаў для рускамоўных гарадскіх дзяцей», А. В. Казапаліцкай (Масква) «Спецыфіка матывацыі навучэнцаў расійскіх ВНУ пры выбары беларускай у якасці другой замежнай мовы (на прыкладзе гістарычнага факультэта МДУ імя М. В. Ламаносава)», П. А. Котава (Прага) «Выкладанне беларускай мовы ў чэшскай ВНУ: значэнне, праблемы, перспектывы», А. Г. Літвіноўскай (Мінск) «Дапаможнік “20 крокаў да беларускай мовы”: як вучыць родную мову наноў (аўтарскі падыход)», А. У. Лянкевіч (Мінск) «Моўная сітуацыя і моўнае планаванне ў сістэме дашкольнай адукацыі», В. Д. Мхітаран (Нікалаеў) «Развивающее обучение литературе средствами информационно-коммуникационных технологий», І. Э. Саўко і У. П. Саўко (Мінск) «Асноўныя падыходы да канструавання рознаўзроўневых

тэставых заданняў па беларускай і рускай мовах», А. А. Соміна (Масква) «Новы падручнік “Белорусский язык. Самоучитель”: праблемы і рашэнні», Н. П. Старавойтавай (Мінск) «Інтэрактыўныя падыходы ў выкладанні беларускай мовы як замежнай», М. В. Супрунчука (Мінск) «Граматычныя памылкі сербаў пры засваенні беларускай мовы», Л. І. Сямешка (Мінск) «Кампаненты зместу навучання беларускай мове як замежнай у кантэксце сучаснай адукацыйнай парадыгмы», С. М. Якуба (Мінск) «Рэалізацыя кампетэнтнаснага падыходу пры навучанні беларускай мове студэнтаў з краін Усходу». Дакладчыкі звярнулі ўвагу на тое, што павышэнне цікавасці да вывучэння беларускай мовы за межамі Рэспублікі Беларусь адлюстравалася ў дынаміцы лінгвадыдактычнай думкі, распрацоўцы інтэнсіўных метадаў, укараненні ў навучальны працэс сучасных тэлекамунікацыйных тэхналогій.

Арганізатары канферэнцыі прыклалі шмат намаганняў для таго, каб разнастаіць працу навукоўцаў. Удзельнікам канферэнцыі была прапанавана цікавая культурная праграма – навед-

ванне Нацыянальнага мастацкага музея Рэспублікі Беларусь, Мастацкай галерэі Міхаіла Савіцкага, Музея гісторыі БДУ, экскурсія па Мінску (*Minsk City Tour*).

У час канферэнцыі была разгорнута кніжная выстава, на якой можна было азнаёміцца з асноўнымі публікацыямі прафесара Л. М. Шакуна і яго вучняў. На думку ўдзельнікаў, канферэнцыя «Мова – літаратура – культура» стала важным этапам у развіцці навуковых кантактаў, чаму паспрыялі жывы абмен думкамі, назіраннямі, фактамі, іх абмеркаванне прадстаўнікамі розных філалагічных школ. Канферэнцыя прайшла на высокім арганізацыйным і навуковым узроўні і яшчэ раз пацвердзіла факт таго, што праблемы беларускай лінгвістыкі, над якімі працаваў прафесар Л. М. Шакун, застаюцца актуальнымі і атрымліваюць працяг у сучасных сусветных даследаваннях. Па выніках канферэнцыі быў выдадзены зборнік дакладаў у двух тамах.

Г. К. Чахоўскі,
кандыдат філалагічных навук, дацэнт

О ПРОВЕДЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ТЕКСТ В ЯЗЫКЕ, РЕЧИ, КУЛЬТУРЕ» (X Супруновские чтения)

ON INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE «TEXT IN LANGUAGE, SPEECH, CULTURE» (X Suprun reading)

На филологическом факультете Белорусского государственного университета 4–6 ноября 2016 г. прошла Международная научная конференция «Текст в языке, речи, культуре» (X Супруновские чтения). Конференция традиционно проводится кафедрой теоретического и славянского языкознания филологического факультета БГУ в память о ее основателе – выдающемся белорусском лингвисте, профессоре А. Е. Супруне.

Адам Евгеньевич руководил кафедрой с 1966 г. до конца своей жизни – до августа 1999 г. Талантливый ученый, блестящий лектор, мудрый руководитель, доброжелательный и щедрый на идеи учитель, он воспитал целую научную школу. Под его руководством защищено более 50 кандидатских и 12 докторских диссертаций. Почти все нынешние и бывшие преподаватели кафедры – это студен-

ты, аспиранты, докторанты профессора А. Е. Супруна, а некоторые – и его учеников. На протяжении 50 лет кафедра теоретического и славянского языкознания является одним из основных славистических центров на постсоветском пространстве. Сотрудники кафедры читают общелингвистические курсы студентам всех специальностей филологического факультета, а также готовят специалистов по украинскому, польскому, чешскому, болгарскому, сербскому и словацкому языкам, принимают активное участие в работе международных научных форумов, в проведении фундаментальных лингвистических исследований.

В рамках договоров о партнерских отношениях БГУ с зарубежными учреждениями высшего образования кафедра активно развивает международное сотрудничество с ведущими евро-

пейскими университетами. Для участия в работе X Супруновских чтений были приглашены ученые из России, Польши, Словакии, Италии, Венгрии, а также белорусские лингвисты. Участников конференции приветствовали проректор БГУ по учебной работе С. Н. Ходин, заместитель Чрезвычайного и Полномочного Посла Чешской Республики в Республике Беларусь Павел Бучек, декан филологического факультета БГУ профессор И. С. Ровдо.

В рамках пленарного заседания с воспоминаниями о А. Е. Супруне выступил его ученик – доцент кафедры теоретического и славянского языкознания А. М. Калюта. Работам А. Е. Супруна по лингвистике текста был посвящен пленарный доклад профессора кафедры А. А. Кожинвой. Завершилось пленарное заседание докладом «Коммуникативная структура фольклорного текста (заговор, колядка, пословица)» профессора С. М. Толстой, которую с А. Е. Супруном связывали совместные многолетние научные исследования. Участники конференции поздравили С. М. Толстую с присвоенным ей накануне званием академика Российской академии наук.

Отдельное заседание конференции было посвящено научной деятельности коллег А. Е. Супруна – доктора филологических наук, профессора Н. Б. Мечковской и доктора филологических наук, профессора Г. А. Цыхуна, для которых 2016 год стал юбилейным. Главный научный сотрудник Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, заместитель председателя международного комитета славистов Г. А. Цыхун выступил с докладом «Разважанні адносна мовы салунскіх славян». Заведующий отделом славистики и теории языка Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси Н. П. Антропов представил научной аудитории доклад «Генадзь Цыхун: жыццё ў навуцы (да юбілею)». После прочитанного Н. Б. Мечковской доклада «Хронология 12 “Больших Идей” в филологических науках» состоялась импровизированная дискуссия в рамках доклада профессора Е. Н. Руденко «К полемике с профессором Н. Б. Мечковской».

В ходе семи заседаний участниками конференции было прочитано 30 докладов в рамках заявленной тематики, в которых ученые поделились результатами своих научных исследований, обозначив проблемы и перспективы их решения. Текст как центральный объект внимания участников X Супруновских чтений был представлен в самых разных исследовательских аспектах: с учетом стилистики и жанровой принадлежности, структуры, семантики, коммуникативного статуса, в историческом развитии и синхроническом состоянии. Так, изучению документных текстов

XVIII в. были посвящены доклады профессоров Волгоградского государственного университета О. А. Горбань и М. В. Косовой, об астрологических текстах в старобелорусском сборнике XVI в. говорила доцент кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ Н. В. Ивашина, о субстантивной лексике старобелорусских и старорусских текстов XIV–XVII вв. – старший преподаватель этой же кафедры М. А. Фоменкова. Этнолингвистические тексты рассматривались в рамках отдельного заседания конференции в докладах профессора Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины В. И. Ковалю, профессора Института славистики Польской академии наук Э. Масловской, доцентов кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ Е. А. Казанцевой и А. Н. Кузина. Донские диалекты на инославянском фоне стали объектом внимания профессора Волгоградского государственного социально-педагогического университета В. И. Супруна.

Ряд представленных докладов был посвящен текстам на славянских языках, преподаваемых кафедрой теоретического и славянского языкознания БГУ. Некоторые особенности структуры южнославянских текстов рассматривались в докладах доцентов кафедры Н. В. Супрунчука (сербский язык), К. Иванова и Л. Р. Супрун-Белевич (болгарский язык), проблемы русско-словацкого перевода – в докладе профессора кафедры русистики Нитрианского университета Константина Философа (Словакия) Н. Б. Кориной.

В аспекте психо- и социолингвистики текст был представлен в докладах доцентов кафедры общего языкознания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета А. В. Андропова и Е. И. Риехайнен, заведующего кафедрой теоретического и славянского языкознания БГУ Л. А. Козловской, доцентов этой же кафедры А. М. Калюты, Л. И. Соболевой.

На заключительном заседании конференции с докладами выступили профессор кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ Б. Ю. Норман, профессор В. Томеллери (г. Мачерата, Италия), профессор З. Андраш (г. Будапешт, Венгрия), профессор Мариола Якубович (г. Краков, Польша). Участники конференции отметили высокий научный и организационный уровень мероприятия и высказали заинтересованность в продолжении традиции проведения научных чтений в память о профессоре А. Е. Супруне.

В рамках культурной программы для участников X Супруновских чтений была организована экскурсия в Национальный художественный музей Беларуси.

Л. А. Козловская,
кандидат филологических наук, доцент

**ДЫСЕРТАЦЫІ, АБАРОНЕННЫЯ НА ФІЛАЛАГІЧНЫМ
ФАКУЛЬТЭЦЕ І ЗАЦВЕРДЖАНЫЯ ВАК
РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ У 2015–2016 гг.**

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Савет Д 02.01.12. Спецыяльнасці: 10.01.01 «Беларуская літаратура»;
10.01.02 «Руская літаратура»; 10.01.03 «Літаратура народаў краін замежжа»

Кандыдацкія дысертацыі

Барычэўская Таццяна Генадзьеўна (БДУ). Эксперыментальныя тэндэнцыі ў драматургіі Аўстрыі другой паловы XX – пачатку XXI стагоддзяў (у параўнанні з драматургіяй Беларусі).

Навук. кір. – Васючэнка П. В., к. ф. н., дац.

Апаненты: Камароўская Т. Я., д. ф. н., праф.; Лявонава Е. А., к. ф. н., дац.

Климович Елена Александровна (БГУ). Художественная парадигма исчезновения в творчестве Жоржа Перека.

Науч. рук. – Ломовский О. А., к. ф. н., доц.

Оппоненты: Ермоленко Г. Н., д. ф. н., проф.; Кондаков Д. А., к. ф. н., доц.

Смутькевич Алеся Андреевна (ПГУ). «Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера в контексте европейской новеллистической традиции XIV века.

Науч. рук. – Гугнин А. А., к. ф. н., доц.

Оппоненты: Комаровская Т. Е., д. ф. н., проф.; Халипов В. В., к. ф. н., доц.

Сетько Ольга Александровна (БГУ). *Польский текст* в русской литературе первой половины XX в.: мифопоэтические и автобиографические аспекты.

Науч. рук. – Блищ Н. Л., д. ф. н., доц.

Оппоненты: Автухович Т. Е., д. ф. н., проф.; Капцев В. А., к. ф. н., доц.

Церковский Александр Леонидович (БГПУ им. Максима Танка). Духовно-нравственный потенциал и художественные особенности американской прозы XVII века.

Науч. рук. – Комаровская Т. Е., д. ф. н., проф.

Оппоненты: Гугнин А. А., д. ф. н., проф.; Леонова Е. А., к. ф. н., доц.

МОВАЗНАЎСТВА

Савет Д 02.01.11. Спецыяльнасці: 10.02.01 «Беларуская мова»; 10.02.02 «Руская мова».
Савет Д 02.01.24. Спецыяльнасці: 10.02.19 «Тэорыя мовазнаўства»; 10.02.03 «Славянскія мовы»;
10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»;
10.02.20 «Параўнальна-гістарычнае, тыпалагічнае і супастаўляльнае мовазнаўства»

Кандыдацкія дысертацыі

Волчек Оксана Анатольевна (БГУ). Пространственные номинации русского и белорусского языков в синхронии и диахронии: системный и функциональный аспекты.

Науч. рук. – Ровдо И. С., д. ф. н., проф.

Оппоненты: Стариченок В. Д., д. ф. н., проф.; Николаева О. М., к. ф. н., доц.

Дорофеевко Марина Леонидовна (ВГУ им. П. М. Машерова). Виконимия Беларуси: номинативный, лингвогеографический, лингвокультурологический аспекты.

Науч. рук. – Мезенко А. М., д. ф. н., проф.

Оппоненты: Лукашанец А. А., д. ф. н., проф.; Лапицкая Н. И., к. ф. н., доц.

Криворот Виктория Владимировна (БГУ). Закономерности номинации транспортных средств (на материале русского, английского и французского языков).

Науч. рук. – Руденко Е. Н., д. ф. н., проф.

Оппоненты: Лукашанец А. А., ч.-к. НАН Беларуси, д. ф. н., проф.; Савко М. В., к. ф. н.

Кулік Людміла Уладзіміраўна (ГДУ імя Францыска Скарыны). Саматычныя фразеалагізмы беларускай і англійскай моў: структурна-сэмантычны і лінгвакультуралагічны аспекты.

Навук. кір. – Ляшчынская В. А., д. ф. н., праф.

Апаненты: Даніловіч Н. А., д. ф. н., праф.; Шыманская В. Ю., к. ф. н., дац.

Половец Маргарита Владимировна (ГрГУ им. Янки Купалы). Терминология компьютерной лингводидактики в динамическом аспекте (на материале специализированного электронного журнала «Language Learning and Technology»).

Науч. рук. – Рычкова Л. В., к. ф. н., доц.

Оппоненты: Карпилович Т. П., д. ф. н., проф.; Мартысюк Н. П., к. ф. н., доц.

Пристапа Нина Николаевна (БГУ). Закономерности формирования кредитной терминологии с XI до середины XIX в. (на материале русского и немецкого языков).

Науч. рук. – Кожина А. А., д. ф. н., проф.

Оппоненты: Горлатов А. М., д. ф. н., проф.; Никитенко Т. В., к. ф. н., доц.

Руденко Наталья Ивановна (БГУ). Языковые категории интенсивности и экстенсивности (на материале китайского и русского языков).

Науч. рук. – Гордей А. Н., д. ф. н., проф.

Оппоненты: Курдюмов В. А., д. ф. н., проф.; Адамович С. В., к. ф. н., доц.

Солонович Людмила Владимировна (БГПУ им. Максима Танка). Семантико-стилистические трансформации в художественном тексте: сопоставительно-типологический аспект (на материале немецких и русских переводов).

Науч. рук. – Гируцкий А. А., д. ф. н., проф.

Оппоненты: Горлатов А. М., д. ф. н., проф.; Котовская С. С., к. ф. н., доц.

У першым нумары за 2016 г. часопіса «Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка» была дапушчана памылка.

Было апублікавана:

Абдулкарим Али Махди Абдулкарим (БГУ). Вторичные антропоморфические номинации в русском и арабском языках: на материале субстантивной лексики.

Науч. рук. – Конюшкевич М. И., д. ф. н., проф.

Оппоненты: Норман Б. Ю., д. ф. н., проф.; Переход О. Б., к. ф. н., доц.

Трэба чытаць:

Абдулкарим Али Махди Абдулкарим (БГПУ им. Максима Танка). Вторичные антропоморфические номинации в русском и арабском языках: на материале субстантивной лексики.

Науч. рук. – Стариченок В. Д., д. ф. н., проф.

Оппоненты: Коваль В. И., д. ф. н., проф.; Полетаева О. А., к. ф. н., доц.

Падрыхтавала *Н. С. Макарэвіч*

**КНІГІ, ВЫДАДЗЕННЫЯ СУПРАЦОЎНІКАМІ
ФІЛАЛАГІЧНАГА ФАКУЛЬТЭТА
(паводле справаздачы па навукова-даследчай рабоце
за 2016 г. з дадаткамі за 2015 г.)**

Кафедра англійскага мовазнаўства

Мир языков: ракурс и перспектива : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 22 апр. 2016 г.) : в 3 т. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2016. Т. 1. 177 с.

Мир языков: ракурс и перспектива : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 22 апр. 2016 г.) : в 3 т. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2016. Т. 2. 76 с.

Мир языков: ракурс и перспектива : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 22 апр. 2016 г.) : в 3 т. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2016. Т. 3. 87 с.

Кафедра гісторыі беларускай літаратуры

Бельскі А. І., Цітова Л. К. Беларуская літаратура : вучэб. дапам. для 6-га кл. устаноў агул. сярэд. адукацыі з бел. і рус. мовамі навучання. 2-е выд., перапрац. і дап. Мінск : Нац. ін-т адукацыі, 2016. 312 с.

Метадалогія літаратуразнаўчых даследаванняў : вучэб.-метад. матэрыялы для магістрантаў філал. фак. / Л. Д. Сінькова [і інш.] ; пад рэд. Л. Д. Сіньковай. Мінск : БДУ, 2016. 106 с.

Багдановіч І. Э. Залатая Горка : вершы, пер., арт. Мінск : Кнігазбор, 2016. 400 с.

Фама Антонавіч Бельскі: біяграфічныя матэрыялы і артыкулы = Фома Антонович Бельский: биографические материалы и статьи / уклад., прадм. і камент. А. І. Бельскага. Мінск : Зміцер Колас, 2015. 223 с.

Цімковіцкая сярэдняя школа імя Кузьмы Чорнага: гісторыя і сучаснасць / уклад. А. І. Бельскі [і інш.]. Мінск : Зміцер Колас, 2016. 286 с.

Кафедра гісторыі беларускай мовы

Памяць і слава: Леў Міхайлавіч Шакун. Да 90-годдзя з дня нараджэння / рэдкал.: М. Р. Прыгодзіч (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2016. 400 с.

Беларускае слова: тэорыя і практыка : зб. арт. па матэрыялах навук. чытанняў, прысвеч. 75-годдзю з дня нараджэння праф. Б. А. Плотнікава (Мінск, 15 снеж. 2015 г.) / рэдкал.: М. І. Свістунова (адк. рэд.) [і інш.] ; пад агул. рэд. праф. М. Р. Прыгодзіча. Мінск : РІВШ, 2016. 182 с.

Ціванова Г. К., Свістунова М. І. Гістарычная фанетыка беларускай мовы : вучэб. дапам. Мінск : БДУ, 2016. 160 с.

Зразікава В. А., Губкіна А. В. Беларуская мова. Прафесійная лексіка для эканамістаў : вучэб. дапам. Мінск : Выш. школа, 2016. 383 с.

Смольская Т. М., Хрышчановіч Л. У. Беларуская мова. Юрыдычная лексіка. 3-е выд. Мінск : РІВШ, 2016. 240 с.

Кафедра замежнай літаратуры

Синило Г. В. Белорусская и мировая литература : учеб.-метод. комплекс по дисциплине для спец. 1-21 04-01 «Культурология (по направлениям)» ; направления специальности : 1-21 04 01-01 «Культурология (фундаментальная)» ; 1-21 04 01-02 «Культурология (прикладная)». Минск : БГУ, 2015. Ч. 1 : История мировой литературы: Древний Ближний Восток. 291 с.

Кафедра кітайскай філалогіі

Молоткова Ю. В. Обучение китайскому иероглифическому письму студентов языкового вуза. Минск : РІВШ, 2016. 178 с.

Китайский язык : учеб. пособие для учащихся 4-го класса по китайскому языку для учреждений общ. сред. образования с бел. и рус. яз. обучения : в 2 ч. / А. П. Пониматко [и др.]. Минск : Адукацыя і выхаванне, 2016. Ч. 1. 192 с.

Китайский язык : учеб. пособие для учащихся 4-го класса по китайскому языку для учреждений общ. сред. образования с бел. и рус. яз. обучения : в 2 ч. / А. П. Пониматко [и др.]. Минск : Адукацыя і выхаванне, 2016. Ч. 2. 160 с.

Русско-белорусско-китайский, белорусско-русско-китайский, китайско-русско-белорусский словарь-минимум лингвистической терминологии = Руска-беларуска-кітайскі, беларуска-руско-кітайскі, кітайска-руско-беларускі слоўнік-мінімум лінгвістычнай тэрміналогіі / авт.-сост.: М. А. Фоменкова [и др.]. Минск : БГУ, 2016. 115 с.

Белорусско-китайский культурный и образовательный диалог: история, современное состояние, перспективы (III) : сб. науч. тр. / под науч. ред. Н. Н. Хмельницкого. Минск : РІВШ, 2016. 195 с.

Кафедра класічнай філалогіі

Латинский язык : учебник для студентов высш. учеб. заведений по юрид. специальностям / А. В. Гарник [и др.]. Минск : БГУ, 2015. 176 с.

Кириченко А. В., Тананушко К. А. Древнегреческий язык : учеб. пособие для студентов заочной формы получения образования по спец. «Богословие». Минск : Изд-во Минской дух. академии, 2016. 108 с.

Латинский язык : хрестоматия / сост. К. А. Тананушко ; авт. предисл. и ст. Г. И. Шевченко ; науч. ред. А. В. Гарник. Минск : БГУ, 2015. 291 с.

Кафедра нямецкага мовазнаўства

Теоретические предпосылки и специфика формирования языковой личности в условиях инновационного развития высшего образования : сб. материалов науч.-практ. семинара (Минск, 23 сент. 2016 г.) / под общ. ред. С. С. Котовской. Минск : БГУ, 2016. 95 с.

Кафедра прыкладной лінгвістыкі

Барковіч А. А. Лінгваінфармацыйная спецыфіка камп'ютарна-апасродкаванага дыскурсу. Мінск : БДУ, 2015. 304 с.

Баркович А. А. Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация. М. : Флинта : Наука, 2015. 288 с.

Карповские научные чтения : сб. науч. ст. : в 2 ч. Минск : ИВЦ Минфина, 2016. Вып. 10, ч. 1. 331 с.

Карповские научные чтения : сб. науч. ст. : в 2 ч. Минск : ИВЦ Минфина, 2016. Вып. 10, ч. 2. 340 с.

Язык и социум : материалы X Междунар. конф. (Минск, 15–17 окт. 2015 г. / редкол.: И. С. Ровдо (пред.) [и др.] ; под общ. ред. Л. Ф. Гербик. Минск, 2016. 330 с.

Гербик Л. Ф., Карань О. Б. Активная лексика иностранного студента: от слова к тексту : учеб.-метод. пособие по рус. яз. как иностр. : в 3 ч. Минск : Колорград, 2016. Ч. 1 : А–В. 149 с.

Головня А. И., Хальпукова Е. Л., Волощик И. Л. Современный русский язык : рабочая тетрадь для иностр. студентов филол. фак. (1-й курс) : в 3 ч. Минск : БГУ, 2016. Ч. 2 : Лексика. 91 с.

Русский язык как иностранный: теория и практика преподавания : хрестоматия / сост.: А. И. Басова [и др.]. Минск : БГУ, 2016. 391 с.

Кафедра рускай літаратуры

Книга стихов как феномен культуры России и Беларуси : монография / Н. В. Барковская [и др.]. М. ; Екатеринбург : Кабинет. ученый, 2016. 674 с.

Кафедра рускай мовы

Волынец Т. Н. Русское причастие в системно-функциональном аспекте : монография. Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2016. 288 с.

Красней В. П., Леонович В. Л. Беларуская мова. Даведнік. Віды разбору. 5–11 класы. 2-е выд. Мінск : Аверсэв, 2016. 90 с.

Красней В. П., Леонович В. Л. Русский язык. Справочник. Виды разбора. 5–11 классы. 2-е изд. Минск : Аверсэв, 2016. 102 с.

Сборник материалов для выпускного экзамена по учебному предмету «Русский язык» за период обучения и воспитания на II ступени общего среднего образования : тексты диктантов / сост.: Е. Е. Долбик [и др.]. 5-е изд. Минск : НИО : Аверсэв, 2016. 189 с.

Русский язык: ЦТ за 60 уроков / Ж. Э. Бычкова [и др.]. 2-е изд. Минск : Аверсэв, 2016. 442 с.

Игра-конкурс по русскому языку и литературе «Журавлик» : задания и ответы. 2006–2015 гг. 3–8 классы / Е. Г. Балынина [и др.] ; под общ. ред. О. Я. Орловской. Минск : Белорус. ассоц. «Конкурс», 2016. 160 с.

Игра-конкурс по русскому языку и литературе «Журавлик» : задания и ответы. 2006–2015 гг. 7–11 классы / Е. Г. Балынина [и др.] ; под общ. ред. О. Я. Орловской. Минск : Белорус. ассоц. «Конкурс», 2016. 224 с.

Долбик Е. Е., Леонович В. Л., Царева О. И. Литературный калейдоскоп. Минск : Белорус. ассоц. «Конкурс», 2016. 96 с.

Чечет Р. Г. Олимпиады по русскому языку. 2–4 классы. 2-е изд. Минск : Аверсэв, 2016. 141 с.

Леонович В. Л. Русский язык. К десятке шаг за шагом. 5 класс. Минск : Аверсэв, 2016. 160 с.

Русский язык. 5 класс : рабочая тетрадь. 12-е изд. / Е. Е. Долбик [и др.]. Минск : Аверсэв, 2016. 96 с.

Русский язык. 6 класс : рабочая тетрадь. 11-е изд. / Е. Е. Долбик [и др.]. Минск : Аверсэв, 2016. 124 с.

Русский язык. 7 класс : рабочая тетрадь. 11-е изд. / Е. Е. Долбик [и др.]. Минск : Аверсэв, 2016. 125 с.

Русский язык. 8 класс : рабочая тетрадь. 6-е изд. / Е. Е. Долбик [и др.]. Минск : Аверсэв, 2016. 128 с.

Кафедра рыторыкі і методыкі выкладання мовы і літаратуры

Беларуская мова : навучальныя і кантрольныя дыктанты. 5–9 класы : дапам. для настаўнікаў устаноў агул. сярэд. адукацыі з бел. і рус. мовамі навучання / Г. М. Валочка [і інш.]. Мінск : Аверсэв, 2016. 224 с.

Беларуская мова і літаратура. 8–9 класы: прыкладнае каляндарна-тэматычнае планаванне : дапам. для настаўнікаў устаноў агул. сярэд. адукацыі / І. М. Саматія [і інш.]. Мінск : НІА : Аверсэв, 2016. 96 с.

Русский язык и литература. 11 класс: примерное календарно-тематическое планирование : пособие для учителей учреждений общ. сред. образования / Е. Е. Долбик [и др.]. Минск : НИО : Аверсэв, 2016. 91 с.

Рубаник Т. В. Культура речи юриста : учеб. пособие. Минск : РИПО, 2016. 298 с.

Савко И. Э. Русский язык: разноуровневые тематические тесты и комплексные работы на основе текста. 5–11 классы. Минск : Попурри, 2016. 256 с.

Сборник материалов для выпускного экзамена по учебному предмету «Русский язык» за период обучения и воспитания на III ступени общего среднего образования : тексты для изложений / Л. А. Мурина [и др.]. 5-е изд. Минск : НИО : Аверсэв, 2016. 476 с.

Кафедра славянскіх літаратур

Вострыкава А. У. Жанрава-стылёвыя дамінанты чэшскага рамана другой паловы XX стагоддзя : манаграфія. Мінск : БДУ, 2016. 199 с.

Чарота И. А. Белорусија и Србија: трагом узајамног упознавања и деловања. Шабац : Центар академске речи, 2016. 290 с.

Кафедра сучаснай беларускай мовы

Бадзевіч З. І. Беларуская мова. 8 клас. Тэсты і тэставыя заданні. Мазыр : Белы Вецер, 2016. Ч. 1. 124 с.

Рамза Т. Р., Кіёсава С. Спрабуйма! Азнаямляльна-пачатковы курс беларускай мовы для японцаў (I) / рэд. Тасінобу Усуяма. Цукуба : Цукубскі ўніверсітэт, 2016. 72 с.

Лексічны мінімум па беларускай мове як замежнай. Элементарны ўзровень (A1). Агульнае валоданне / склад.: Л. І. Сямешка [і інш.]. Мінск : РІВШ, 2016. 76 с.

Беларуская мова: навучальныя і кантрольныя дыктанты. 5–9 класы : дапам. для настаўнікаў устаноў агул. сярэд. адукацыі з бел. і рус. мовамі навучання / Г. М. Валочка [і інш.]. 3-е выд. Мінск : Аверсэв, 2016. 208 с.

Беларуская мова: навучальныя і кантрольныя пераказы. 5–9 класы : дапам. для настаўнікаў устаноў агул. сярэд. адукацыі з бел. і рус. мовамі навучання / Г. М. Валочка [і інш.]. 2-е выд. Мінск : Аверсэв, 2016. 219 с.

Кафедра тэарэтычнага і славянскага мовазнаўства

Мечковская Н. Б. Философия языка и коммуникации. М. : Флинта : Наука, 2016. 520 с.

Норман Б. Ю. Жизнь словоформы. М. : Флинта : Наука, 2016. 216 с.

Калюта А. М. Практикум по русской лексикологии : учеб.-метод. пособие для иностр. студентов. Минск : БГУ, 2015. 135 с.

Соболева Л. И. Старославянский язык. Фонетика : учеб.-метод. пособие. Минск : БГУ, 2015. 251 с.

Кафедра тэорыі літаратуры

Тэксталогія і яе дапаможныя навукі : вучэб.-метад. дапам. / В. П. Рагойша [і інш.] ; пад рэд. В. П. Рагойшы. Мінск : БДУ, 2015. 232 с.

Падрыхтавала ***А. У. Шаніра***

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

ПАМЯЦІ ВУЧОНАГА

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

**Віктар Пятровіч
КРАСНЕЙ**

**Wiktar Piatrovich
KRASNEI**

Здаецца, зусім нядаўна, 20 ліпеня 2016 г., філалагічная грамадскасць краіны адзначала 80-гадовы юбілей прафесара Віктара Пятровіча Краснея, знамага лінгвіста-гісторыка, аднаго з самых аўтарытэтных і руплівых аўтараў шматлікіх падручнікаў па беларускай мове для сярэдніх школ, вучэбных дапаможнікаў для студэнтаў і выкладчыкаў устаноў вышэйшай адукацыі, метадычных і дыдактычных даведнікаў для настаўніцтва Беларусі. Вечарам 26 снежня 2016 г. сэрца навукоўца назаўсёды спынілася...

Амаль 40 гадоў аддаў Віктар Пятровіч роднаму філалагічнаму факультэту БДУ: пасля яго заканчэння, папрацаваўшы колькі часу на радзіме ў Равяціцкай сярэдняй школе Бярозаўскага раёна, у 1966 г. В. П. Красней стаў аспірантам, а пасля паспяховай абароны кандыдацкай дысертацыі «Беларуская філалагічная тэрміналогія пачатку

XX ст.» (1969) прайшоў усе службовыя прыступкі педагагічнай кар’еры – ад выкладчыка да прафесара кафедры гісторыі беларускай мовы. З першых дзён працы ў Беларускім дзяржаўным універсітэце малады навуковец імкнуўся пашырыць свой круггляд, назапасіць фактычны матэрыял для правядзення лекцый і практычных заняткаў, некалькі разоў распісаў на карткі амаль усе творы сучаснай беларускай літаратуры, публікацыі XIX ст., што пазней стала трывалай базай для стварэння вучэбных дапаможнікаў для студэнтаў-філолагаў: «Практыкум па гісторыі беларускай літаратурнай мовы», выдадзены ў суаўтарстве з Л. М. Шакуном (1978, 1986), «Сучасная беларуская мова» (1984, 1995), «Сучасная беларуская мова. Практычныя заняткі» (1989). Хоць гэтыя працы і ствараліся ў суаўтарстве з больш сталымі і вопытнымі калегамі-выкладчыкамі,

тым не менш рэцэнзенты ў адзін голас адзначалі выразнасць і прадуманасць у падачы матэрыялу, найцікавейшыя прыклады з практыкаванняў менавіта Віктара Пятровіча.

Выкладчыцкі і педагогічны вопыт на філалагічным факультэце БДУ, праца над дапаможнікамі для ўстаноў вышэйшай адукацыі сталі добрым падмуркам і пры стварэнні школьных падручнікаў і вучэбна-метадычных распрацовак для агульнаадукацыйных устаноў. А пачалося ўсё з выдавецтва «Народная асвета», якое ў пачатку 1980-х гг. заснавала серыю кніг «Бібліятэка настаўніка беларускай мовы і літаратуры». Менавіта рэдактар праекта, знаны Іван Курбека, і «падбіў» на гэту справу Віктара Пятровіча. Першая кніга Віктара Красней «Лексіка і фразеалогія беларускай мовы» (1982) была прыхільна прынята настаўнікамі і вучнямі – даступна, папулярна, даходліва пададзены матэрыял стаў настольным у штодзённай працы беларусаведаў краіны. Трэцяе выданне гэтай кнігі пад назвай «Грані слова» ў 1986 г. атрымала бронзавы медаль на ВДНГ СССР. З гэтага часу і пачалося «двайное жыццё» мовазнаўцы, скіраванае адначасова на карысць студэнта-філолага як будучага настаўніка беларускай мовы і школьніка-пачаткоўца, якому так важна было паказаць характэр роднага слова, пераканаць у яго штодзённай неабходнасці. Дарэчы, многія напрацоўкі і метадычныя знаходкі Віктара Пятровіча спачатку паспяхова апрабоўваліся на ўроках беларускай мовы, якія праводзіла ў мінскіх школах яго жонка, аднакурсніца і аднадумца Святлана Аляксандраўна. Тады ж і склаўся славыты аўтарскі тандэм – Віктар Красней і Яўген Лаўрэль (вядучы навуковы супрацоўнік Нацыянальнага інстытута адукацыі), плёнам працы якога жыўца і будзе карыстацца яшчэ не адно пакаленне беларускіх школьнікаў і настаўнікаў. Навукоўцамі-метадыстамі за 25 гадоў сумеснай працы падрыхтавана каля 40 асобных выданняў школьных падручнікаў па беларускай мове для 2–6-х класаў школ з рознымі тэрмінамі навучання. Выйшлі такія метадычныя дапаможнікі, як «Беларуская мова ў 5 класе» (1990, 2002), «Беларуская мова ў табліцах і схемах» (1-е выданне – 1997 г., усяго 10 выданняў), «Беларуская мова ў 6 класе» (1999, 2000), «Здаём экзамен па беларускай мове» (2001, 2003), «Зборнік экзаменацыйных матэрыялаў па беларускай мове для агульнаадукацыйных устаноў (узровень агульнай сярэдняй адукацыі): тэксты для пераказаў» (2009), падрыхтаваны ў супаўтарстве з У. І. Куліковічам, А. А. Радзевічам, З. І. Падліпскай і інш. У апошнія гады да працы па стварэнні школьных падручнікаў прафесар В. П. Красней падключыў доктара філалагічных навук прафесара А. М. Рудэнка, да-

цэнтаў У. І. Куліковіча, В. І. Несцяровіча, Г. І. Кулеш, Г. К. Ціванову і іншых навукоўцаў.

У 1990-я гг. Віктар Пятровіч у супаўтарстве з калегамі М. Р. Прыгодзічам, Л. І. Сямешка, Т. Р. Рамзай, супрацоўнікамі тагачаснага Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі прымаў удзел у стварэнні калектыўнай манаграфіі «Беларуская мова», што выйшла ў 1998 г. у г. Аполе (Польшча) у межах міжнароднага славістычнага праекта. Разам з Б. В. Грынбергам і Н. П. Краеўскай выдаў грунтоўны «Русско-белорусский словарь электротехнических терминов» (1993). Дзейсны ўдзел прыняў прафесар В. П. Красней у распрацоўцы Канцэпцыі моўнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь, стварэнні праграм па беларускай мове для сярэдняадукацыйнай і пачатковай школы з беларускай мовай навучання.

Шматгадовым полем даследчыцкай дзейнасці Віктара Пятровіча была нацыянальная навуковая тэрміналогія, многія яго працы ў гэтым напрамку сталі амаль хрэстаматычнымі і сёння шырока цытуюцца ў даследаваннях рознага ўзроўню. У лексіка-семантычным, структурным і генетычным аспектах ён даследаваў мовазнаўчыя, літаратуразнаўчыя, матэматычныя, астранамічныя, прыродазнаўчыя тэрміны ў беларускіх выданнях пачатку XX ст., вызначыў прыныцы стварэння, шляхі і спосабы папаўнення, развіцця і ўпарадкавання нацыянальнай тэрміналогіі ў 1920–90-я гг. Невыпадкава трое з чатырох падрыхтаваных В. П. Краснеем кандыдатаў навук прысвяцілі свае дысертацыйныя працы асобным тэрмінасістэмам – прыродазнаўчай і прамысловай (Т. В. Капаяко), батанічнай (А. М. Лапоўская), філасофскай (Ю. М. Лук’янюк). Найбольш значныя і аўтарытэтныя працы Віктара Пятровіча ў 2011 г. былі апублікаваны калегамі па кафедры ў асобным зборніку «Беларуская тэрміналогія», прымеркаваным да 75-годдзя навукоўца. Большасці прац лінгвіста былі ўласцівыя рамантычна-ўзнёслы стыль апаведу, публіцыстычнае напаўненне думкі народна-выразным словам, ёмкімі фразеалагізмамі, адпаведнымі прыказкамі і прымаўкамі, цытатамі з разнастайных вершаў, сотні якіх ён ведаў на памяць.

Шчырым словам успамінаюць свайго настаўніка дзясяткі дыпломнікаў, сотні выпускнікоў філалагічнага факультэта, удзячныя Віктару Пятровічу за такт і вытрымку, уменне знайсці спагадлівае слова, падтрымаць і аказаць дапамогу ў навуковым пошуку. Удзячныя яму і шматлікія пераможцы і прызёры рэспубліканскіх алімпіяд па беларускай мове, удзельнікам і шматгадовым старшыняй журы якіх быў В. П. Красней.

Больш за 50 гадоў аддаў Віктар Пятровіч службе роднаму слову. І сёння як завет успры-

маюцца яго словы: «Кожны народ праз сваю родную мову стварае сваю “мадэль” свету. Таму мы, беларусы, каб не страціць генетычнай памяці і ўсвядоміць сваё этнічнае “Я” ў агульнасусветнай супольнасці людзей, павінны шанаваць і гаварыць сваёй мовай, каб яна жыла і спявала ў вуснах цяперашняга і будучых пакаленняў. Яшчэ не ўсё страчана».

Перапыніўся жыццёвы шлях сапраўднага патрыёта-беларуса, шчырага і бескарыслівага да-

радцы-навукоўца, удумлівага і разважлівага метадыста-практыка, моваведа-рамантыка, адмысловага стыліста. Але працы і думкі яго, мары і спадзяванні будуць і надалей натхняць усіх тых, хто яго ведаў і працаваў з ім поруч, хто яшчэ не адзін раз звернецца да павучальнага слова прафесара Віктара Краснея.

М. Р. Прыгодзіч,

доктар філалагічных навук, прафесар,
загадчык кафедры гісторыі беларускай мовы БДУ

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED AT BSU

УДК 81:004.89(075.8)

Шкурская Н. М. Обучающие и экспертные системы [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)» / Н. М. Шкурская ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2016. 51 с. : ил., табл. Библиогр.: с. 50–51. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/161612>. Загл. с экрана. Деп. 23.11.2016, № 007723112016.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)», выпускаемых факультетом социокультурных коммуникаций БГУ. Содержание ЭУМК предполагает получение студентами представлений об устройстве и организации экспертных систем, базирующихся на современной компьютерной технике и компьютерных технологиях, о новых формах и способах представления учебного материала, о роли информационных цифровых технологий в работе лингвистов-переводчиков. В рамках курса уделяется большое внимание прикладному аспекту моделирования электронных средств обучения, рассматриваются вопросы компьютеризации современной сферы образования и профессиональной переводческой деятельности.

УДК 811.1/.8(075.8)+81:008(075.8)

Шкурская Н. М. Практикум по межкультурной коммуникации [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)» / Н. М. Шкурская ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2016. 33 с. : ил., табл. Библиогр.: с. 33. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/161625>. Загл. с экрана. Деп. 23.11.2016, № 007823112016.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)», выпускаемых факультетом социокультурных коммуникаций БГУ. Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: терроризм как явление в эпоху мультикультурализма и глобализации, сущность войн и конфликтов, политические вопросы и общество, преступление и наказание, роль журналистики в обществе и др.

УДК 81'1(075.8)

Кожина А. А. Введение в языкознание [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)» / А. А. Кожина ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2016. 56 с. : табл. Библиогр.: с. 55–56. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/161628>. Загл. с экрана. Деп. 23.11.2016, № 007923112016.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)», выпускаемых факультетом социокультурных коммуникаций БГУ. Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: общие вопросы науки о языке; фонетика и фонология; лексикология; типы семантических отношений между словами в языке; основные вопросы словообразования; основные вопросы синтаксиса; происхождение языков; этапы и формы развития начертательного письма и др.

УДК 81'1(075.8)

Кожина А. А. **Общее языкознание** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)» / А. А. Кожина ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2016. 43 с. : табл. Библиогр.: с. 40–43. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/161629>. Загл. с экрана. Деп. 23.11.2016, № 008023112016.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)», выпускаемых факультетом социокультурных коммуникаций БГУ. Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: современная структура знаний о языке; язык и мышление; современная классификация базы знаний; язык и культура; коммуникативная и прикладная лингвистика; методология научных исследований и др.

УДК 81'42(075.8)

Цвирко Е. И. **Аналитическое чтение** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)» / Е. И. Цвирко, А. Г. Торжок, Н. С. Зелезинская ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2016. 29 с. : табл. Библиогр.: с. 29. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/161897>. Загл. с экрана. Деп. 28.11.2016, № 008228112016.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)», выпускаемых факультетом социокультурных коммуникаций БГУ. Содержание ЭУМК предполагает освоение методики проведения анализа текста, его структуры, основных выразительных средств, стилистических приемов и устойчивых выражений, используемых автором в тексте; выявление психологической мотивации событий, поступков и высказываний в тексте; определение инварианта перевода.

УДК 811.1/.8(075.8)

Цвирко Е. И. **Практика иноязычного общения** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)» / Е. И. Цвирко, В. С. Значенко, Е. М. Калиновская ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2016. 25 с. : табл. Библиогр.: с. 25. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/161900>. Загл. с экрана. Деп. 28.11.2016, № 008328112016.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)», выпускаемых факультетом социокультурных коммуникаций БГУ. Содержание ЭУМК предусматривает формирование, развитие и совершенствование у студентов коммуникативной компетенции (языковой, социолингвистической, социокультурной, прагматической), что предполагает комплекс знаний у студентов практической фонетики, практической грамматики, которые реализуются в практике устной и письменной речи изучаемого языка. Учебная дисциплина предусматривает комплексную теоретико-лингвистическую и практическую информационно-аналитическую подготовку студента для использования специалистом иностранного языка при выполнении функций по основным видам профессиональной деятельности с общей квалификационной характеристикой и требованиями его профессиональной и специальной подготовленности.

УДК 81'38(075.8)

Перова С. В. **Академическое письмо** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)» / С. В. Перова ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2016. 33 с. : табл. Библиогр.: с. 33, библиогр. в тексте. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/162106>. Загл. с экрана. Деп. 02.12.2016, № 008602122016.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)», выпускаемых факультетом социокультурных коммуникаций БГУ. Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов в рамках дисциплины «Академическое письмо»: особенности академического письма и английского научного дискурса; правила написания и пунктуации; речевые клише и устойчивые сочетания в академическом английском языке; структура, формат и жанры научного текста; специфика написания эссе и др.

УДК 811.111'373(075.8)

Сокеркина О. В. **Практика устной и письменной речи** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)» / О. В. Сокеркина, А. М. Фисюк ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2016. 84 с. : табл. Библиогр.: с. 83–84, библиогр. в тексте. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/162250>. Загл. с экрана. Деп. 06.12.2016, № 008806122016.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)», выпускаемых факультетом социокультурных коммуникаций БГУ. Содержание ЭУМК предполагает развитие всех видов речевой деятельности: монологической и диалогической форм устной речи, чтения и понимания текстов разных стилей, восприятия на слух и понимания аутентичной речи, написания изложений и эссе в соответствии с нормами и стандартами письменной речи. Особое внимание уделяется обогащению иноязычного словарного запаса студентов, усвоению клише и паттернов, а также формированию языковой грамотности при письменном изложении мыслей и информации.

УДК 811.111'38(075.8)

Брагарник-Станкевич О. С. **Язык делового общения** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)» / О. С. Брагарник-Станкевич ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2016. 68 с. : табл. Библиогр.: с. 67–68. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/162498>. Загл. с экрана. Деп. 09.12.2016, № 008909122016.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)», выпускаемых факультетом социокультурных коммуникаций БГУ. Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов языка делового общения: структура делового письма; содержание и стиль делового письма; виды деловых писем; составление краткой биографии и сопроводительного письма; виды устных презентаций и выступлений; телефонные разговоры; переговоры; что нужно для успеха в бизнесе и др.

УДК 811.111'36(075.8)

Половцев Д. О. **Функциональная грамматика** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)» / Д. О. Половцев, Т. Л. Кондратенко, Е. М. Калиновская ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2016. 61 с. : табл. Библиогр.: с. 61, библиогр. в тексте. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/162685>. Загл. с экрана. Деп. 09.12.2016, № 009009122016.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)», выпускаемых факультетом социокультурных коммуникаций БГУ. Содержание ЭУМК предполагает развитие языковой компетенции за счет овладения студентами грамматико-синтаксическими моделями построения англоязычной речи и функционально-прагматическими особенностями их использования в коммуникации; формирование в языковом сознании студентов системы функционально-грамматических соответствий языковых моделей английского и русского языков, что выступает основой адекватного трансформационного перевода и принятия специалистом правильных переводческих решений.

УДК 811.111'276.6(075.8)

Фисюк А. М. **Иностранный язык (профессиональная лексика)** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 04 01-02 «Культурология (прикладная)» / А. М. Фисюк ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2016. 40 с. : табл. Библиогр.: с. 40, библиогр. в тексте. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/162718>. Загл. с экрана. Деп. 13.12.2016, № 009113122016.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 04 01-02 «Культурология (прикладная)», выпускаемых факультетом социокультурных коммуникаций БГУ. Содержание ЭУМК предполагает развитие всех видов речевой деятельности: монологической и диалогической форм устной речи, чтения и понимания текстов разных стилей, восприятия на слух и понимания аутентичной речи, написания изложений и эссе в соответствии с нормами и стандартами письменной речи. Особое внимание уделяется обогащению иноязычного словарного запаса студентов, усвоению клише и паттернов, а также формированию языковой грамотности при письменном изложении мыслей и информации.

УДК 811.111'276.6(075.8)

Фисюк А. М. **Иностранный язык (профессиональная лексика)** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 04 01-01 «Культурология (фундаментальная)» / А. М. Фисюк ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2016. 40 с. : табл. Библиогр.: с. 40, библиогр. в тексте. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/162719>. Загл. с экрана. Деп. 13.12.2016, № 009213122016.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 04 01-01 «Культурология (фундаментальная)», выпускаемых факультетом социокультурных коммуникаций БГУ. Содержание ЭУМК предполагает развитие всех видов речевой деятельности:

монологической и диалогической форм устной речи, чтения и понимания текстов разных стилей, восприятия на слух и понимания аутентичной речи, написания изложений и эссе в соответствии с нормами и стандартами письменной речи. Особое внимание уделяется обогащению иноязычного словарного запаса студентов, усвоению клише и паттернов, а также формированию языковой грамотности при письменном изложении мыслей и информации.

УДК 811.112.2(06)+821.112.2.09(06)

Теоретические предпосылки и специфика формирования языковой личности в условиях инновационного развития высшего образования [Электронный ресурс] : сб. материалов 5-го науч.-практ. семинара (Минск, 23 сент. 2016 г.) / под общ. ред. С. С. Котовской ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2016. 90 с. : ил. Библиогр. в конце отд. ст. Загл. с экрана. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/162883>. Деп. 13.12.2016, № 009313122016.

В сборнике освещаются актуальные проблемы современной лингвистики и методики преподавания иностранного языка, рассматриваемые с учетом формирования языковой личности в условиях инновационного развития высшего образования. Представленные в сборнике статьи затрагивают следующие аспекты: методика преподавания языка и литературы, переводоведение, лексикология, грамматика, прагматика. Научные результаты, представленные в статьях сборника, могут найти практическое применение в процессе обучения студентов специальности «Романо-германская филология» различным аспектам немецкого языка, литературоведения, а также методике преподавания иностранного языка в вузе.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. X Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 23 нояб. 2016 г.) : в 6 ч. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2016. Ч. 1. 89 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/164705>. Загл. с экрана. Деп. 10.01.2017, № 000110012017.

В сборнике статей и тезисов X Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания. Часть 1 содержит материалы проблемного поля «Общение на языках – языки общения». Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. X Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 23 нояб. 2016 г.) : в 6 ч. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2016. Ч. 2. 140 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/164709>. Загл. с экрана. Деп. 10.01.2017, № 000210012017.

В сборнике статей и тезисов X Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания. Часть 2 содержит материалы проблемного поля «Языки в статике и динамике». Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. X Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 23 нояб. 2016 г.) : в 6 ч. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2016. Ч. 3. 154 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/164714>. Загл. с экрана. Деп. 10.01.2017, № 000310012017.

В сборнике статей и тезисов X Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания. Часть 3 содержит материалы проблемного поля «Инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам». Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. X Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 23 нояб. 2016 г.) : в 6 ч. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2016. Ч. 4. 111 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/164716>. Загл. с экрана. Деп. 10.01.2017, № 000410012017.

В сборнике статей и тезисов X Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания. Часть 4 содержит материалы проблемного поля «Проблемы художественного и научно-технического перевода». Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. X Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 23 нояб. 2016 г.) : в 6 ч. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2016. Ч. 5. 121 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/164737>. Загл. с экрана. Деп. 10.01.2017, № 000510012017.

В сборнике статей и тезисов X Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания. Часть 5 содержит материалы проблемного поля «Язык и литература». Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. X Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 23 нояб. 2016 г.) : в 6 ч. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2016. Ч. 6. 99 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/164739>. Загл. с экрана. Деп. 10.01.2017, № 000610012017.

В сборнике статей и тезисов X Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания. Часть 6 содержит материалы проблемного поля «Проблемы современной высшей школы». Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Проблемы лингвообразования в неязыковом вузе [Электронный ресурс] : материалы респ. науч.-практ. интернет-конф. (Минск, 9 янв. – 1 февр. 2017 г.) / редкол.: А. Э. Черенда (гл. ред.) [и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск, 2017. 126 с. Библиогр. в конце отд. ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/167883>. Загл. с экрана. Деп. 13.02.2017, № 001113022017.

Сборник материалов республиканской научно-практической интернет-конференции «Проблемы лингвообразования в неязыковом вузе» состоит из двух разделов: «Дискурс в иноязычном текстово-образовательном пространстве неязыкового вуза» и «Актуальные проблемы обучения иностранному языку в неязыковом вузе». В первом разделе рассматриваются наиболее актуальные проблемы обучения профессиональному дискурсу. Во второй раздел вошли статьи, посвященные проблемам профессионально ориентированного обучения иностранным языкам в неязыковом вузе.

УДК 811.111'0(075.8)

История языка [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс по дисциплине «История языка» для спец. 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)» / сост. А. Г. Торжок ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2016. 84 с. : табл. Библиогр.: с. 83–84. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/169095>. Загл. с экрана. Деп. 10.03.2017, № 001310032017.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)», выпускаемых факультетом социокультурных коммуникаций БГУ. Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов истории

языка: основной терминологический и концептуальный аппарат лингвистики и истории языка; основные классификации языков мира и законы развития индоевропейских языков; основные факты и эволюционные процессы в истории фонетики, грамматики и лексики английского языка и их влияние на современный язык; основные периоды исторического развития языка и их характерные особенности; особенности взаимосвязи между историей языка и историей народа – носителя языка; методология предмета и методика проведения анализа текстов разных периодов.

УДК 811.111:908(410+73)(075.8)

Страноведение [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 06 01-01 «Современные иностранные языки (преподавание)» / сост.: И. В. Соколова, Н. В. Ушакова ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2016. 121 с. : табл. Библиогр.: с. 121. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/169377>. Загл. с экрана. Деп. 16.03.2017, № 001516032017.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 06 01-01 «Современные иностранные языки (преподавание)», выпускаемых факультетом социокультурных коммуникаций БГУ. Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов страноведения Великобритании и США: географическое положение изучаемых стран, основные исторические особенности формирования британской и американской наций, характеристика современного населения, государственный и политический строй, система образования, культура и др. ЭУМК также содержит учебную программу дисциплины, планы семинаров, вопросы для подготовки к зачету и экзамену, образцы билетов для приема экзамена, критерии оценки знаний и практических навыков, образцы тестов для проверки знаний студентов, фрагменты текстов лекций, материалы для семинаров, список литературы.

УДК 811.111 '38:070(075.8)+811.111 '373(075.8)

Язык средств массовой информации [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 06 01-01 «Современные иностранные языки (преподавание)» / сост.: В. В. Завацкая [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2016. 266 с. : табл. Библиогр.: с. 266. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/169379>. Загл. с экрана. Деп. 16.03.2017, № 001616032017.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 06 01-01 «Современные иностранные языки (преподавание)», выпускаемых факультетом социокультурных коммуникаций БГУ. Содержание ЭУМК предполагает формирование у студентов структурных, грамматических, лексических и прагматических аспектов языка СМИ, что достигается посредством взаимосвязанного обучения жанрово-стилистическим особенностям дискурса СМИ, рецептивным и продуктивным видам речевой деятельности на материале языка СМИ по следующей тематике: СМИ в современном обществе, социально-нравственные ценности в СМИ, глобальные проблемы современности в СМИ.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ • ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Запрудскі І. М.</i> Адлюстраванне этнічных стэрэатыпаў у творчасці Францішка Багушэвіча і перыпетыі рэцэпцыі яго спадчыны	5
<i>Новік Г. Ю.</i> Дакументальная проза (нон-фікшн) на мяжы XX–XXI стст.: тэарэтычны аспект	17
<i>Часнок І. Ч.</i> Нарацыя ў ранніх апавяданнях Кузьмы Чорнага	24
<i>Циманович Л. С.</i> Образ Наполеона Бонапарта в творчестве А. С. Пушкина и П. П. Негоша	30
<i>Поимцева О. О.</i> Манифестация топора Достоевского в русской поэзии XXI столетия	35
<i>Бабук А. В.</i> Феноменология детства в поэзии английских романтиков	45

ЯЗЫКОВЕДЕНИЕ • МОВАЗНАЎСТВА

<i>Савчук Т. Н.</i> Концептуальная система теории аргументации: проблемы формирования	51
<i>Гуль М. У.</i> Суфіксальнае ўтварэнне беларускіх філасофскіх і сацыялагічных тэрмінаў	58
<i>Варонька К. П.</i> Аб лексічных варыянтах як моўных інавацыях у выданнях Ф. Скарыны	66
<i>Мерчи А. П.</i> Диахронические различия в художественном представлении коммуникации (на материале русских и американских рассказов рубежа XIX–XX и XX–XXI вв.)	73
<i>Красковский Н. И.</i> «Челночный» перевод как метод формирования функционально-семантических классов и синонимических рядов русского и белорусского языков	84
<i>Лебединский С. И.</i> Стратегии конструирования репрезентаций в процессе понимания устной научной речи	91
<i>Савасцюк М. Л.</i> Полісемантычныя англамоўныя запазычанні ў мове сучаснай беларускай публіцыстыкі	98
<i>Фан Сян.</i> Особенности номинации болезней в английском, русском и китайском языках	106
<i>Бобко Т. В.</i> Проспекция и ретроспекция в метакоммуникативной деятельности (на материале русско- и белорусскоязычных интернет-форумов Беларуси)	112

ХРОНИКА, ИНФОРМАЦИЯ • ХРОНІКА, ІНФАРМАЦЫЯ

<i>Ратникова И. Э.</i> Современная русистика: актуальные вопросы лингвистических исследований	118
<i>Чахоўскі Г. К.</i> VIII Міжнародная навуковая канферэнцыя «Мова – літаратура – культура»	124
<i>Козловская Л. А.</i> О проведении Международной научной конференции «Текст в языке, речи, культуре» (X Супруновские чтения)	126
<i>Макарэвіч Н. С.</i> Дысертацыі, абароненыя на філалагічным факультэце і зацверджаныя ВАК Рэспублікі Беларусь у 2015–2016 гг.	128
<i>Шаніра А. У.</i> Кнігі, выдадзеныя супрацоўнікамі філалагічнага факультэта (паводле справаздачы па навукова-даследчай рабоце за 2016 г. з дадаткамі за 2015 г.)	129

ПАМЯТИ УЧЕНОГО • ПАМЯЦІ ВУЧОНАГА

Віктар Пятровіч Красней 	133
Аннотации депонированных в БГУ работ	136

CONTENTS

LITERARY RESEARCH

<i>Zaprudski I. M.</i> Reflection of ethnic stereotypes in Frantisek Bahushevich's works and peripeteias of reception of his heritage.....	5
<i>Novik H. Y.</i> Non-fiction on the boundary of XX–XXI centuries: theoretical aspect.....	17
<i>Chasnok I. Ch.</i> Narration in the early stories by Kuzma Chorny.....	24
<i>Tsimanovich L. S.</i> Figure of Napoleon Bonaparte in the literary works of A. S. Pushkin and P. P. Njegos.....	30
<i>Poimtsava V. A.</i> Manifestation of the Dostoevsky's axe in Russian poetry of the XXI century.....	35
<i>Babuk A. V.</i> Phenomenology of the childhood in English romantic poetry	45

LINGUISTICS

<i>Savtchouk T. N.</i> Conceptual system of argumentation theory: problems of formation.....	51
<i>Hul M. U.</i> Suffix word formation of Belarusian philosophical and sociological terms.....	58
<i>Varonka K. P.</i> Lexical variants as linguistic innovations in editions of F. Skoryna	66
<i>Merchy A. P.</i> Diachronic differences in literary representation of communication (based on the Russian and American short stories at the turn of the XIX–XX and the XX–XXI centuries).....	73
<i>Kraskouski M. I.</i> «Shuttle» translation as a method of formation of functional semantic groups and synonymous series in Russian and Belarusian languages.....	84
<i>Lebedinskiy S. I.</i> The strategies of representation constructing in the process of understanding oral scientific speech.....	91
<i>Savastsiuk M. L.</i> Polysemantic English loanwords in articles of the Belarusian press.....	98
<i>Fang Xiang.</i> Features of disease nomination in English, Russian and Chinese.....	106
<i>Bobko T. V.</i> Prospection and retrospection in metacommunicative activity (based on the Russian and Belarusian online forums of Belarus)	112

CHRONICLE, INFORMATION

<i>Ratnikova I. E.</i> Modern Russian studies: topical issues in linguistic research.....	118
<i>Chahouski G. K.</i> VIII International scientific conference «Language – literature – culture».....	124
<i>Kozlovskaya L. A.</i> On International scientific conference «Text in language, speech, culture» (X Suprun reading)	126
<i>Makarevich N. S.</i> Dissertations defended at the faculty of philology and approved by VAK of the Republic of Belarus in 2015–2016	128
<i>Shapira A. U.</i> Books published by the faculty members of the department of philology (as part of research activities in 2016, with additions 2015).....	129

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

Wiktar Piatrovich Krasnei 	133
Indicative abstracts of the papers deposited at BSU	136

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по филологическим и педагогическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал
Белорусского государственного университета.
Филология.
№ 1. 2017
Часопіс
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.
Філалогія.
№ 1. 2017**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, Минск.

Почтовый адрес: ул. Кальварийская, 9, каб. 636, 637,
220004, Минск.

Тел. 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: vestnikbsu@mail.ru
vestnikbsu@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного университета. Филология» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка»
(ISSN 2308-9180).

Редактор *С. Е. Богуш*
Технический редактор *Ю. А. Тарайковская*
Корректор *Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 02.05.2017.
Тираж 140 экз. Заказ 278.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского
государственного университета».
ЛП № 02330/117 от 14.04.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

© БГУ, 2017

**Journal
of the Belarusian State University.
Philology.
No. 1. 2017**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: Nezavisimosti ave., 4,
220030, Minsk.

Correspondence address: Kal'variiskaya str., 9, office 636, 637,
220004, Minsk.

Tel. 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: vestnikbsu@mail.ru
vestnikbsu@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University. Philology»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika»
(ISSN 2308-9180).

Editor *S. J. Bohush*
Technical editor *Y. A. Taraikouskaya*
Proofreader *L. A. Merkul'*

Signed print 02.05.2017.
Edition 140 copies. Order number 278.

Publishing Center of BSU.
License for publishing No. 02330/117, 14 April, 2014.
Krasnoarmeiskaya str., 6, 220030, Minsk.

© BSU, 2017